Michael Baigent & Richard Leigh

The Dead Sea Scrolls Deception

Майкл Бейджент, Ричард Ли

Свитки Мертвого моря.

Эксмо, 2007.

Несмотря на то что совершившие настоящую революцию в исторической науке кумранские свитки были обнаружены в пещерах Иудейской пустыни более 50 лет назад, большая их часть до сих пор полностью не расшифрована и не опубликована. По мнению многих ученых, эти рукописные документы, содержащие альтернативные и самые древние версии текстов Нового Завета, способны заставить человечество коренным образом пересмотреть свои взгляды на христианство.

Британские исследователи Майкл Бейджент и Ричард Ли, авторы знаменитой книги «Святая кровь и святой Грааль», в своей новой сенсационной работе описывают почти детективную историю самого громкого академического скандала XX века, развернувшегося вокруг свитков Мертвого моря, и называют те загадочные силы, которые многие десятилетия делают все возможное, чтобы бесценные исторические документы не стали достоянием общественности.

 384 с, ил.

ISBN 978-5-699-17216-0

СОДЕРЖАНИЕ

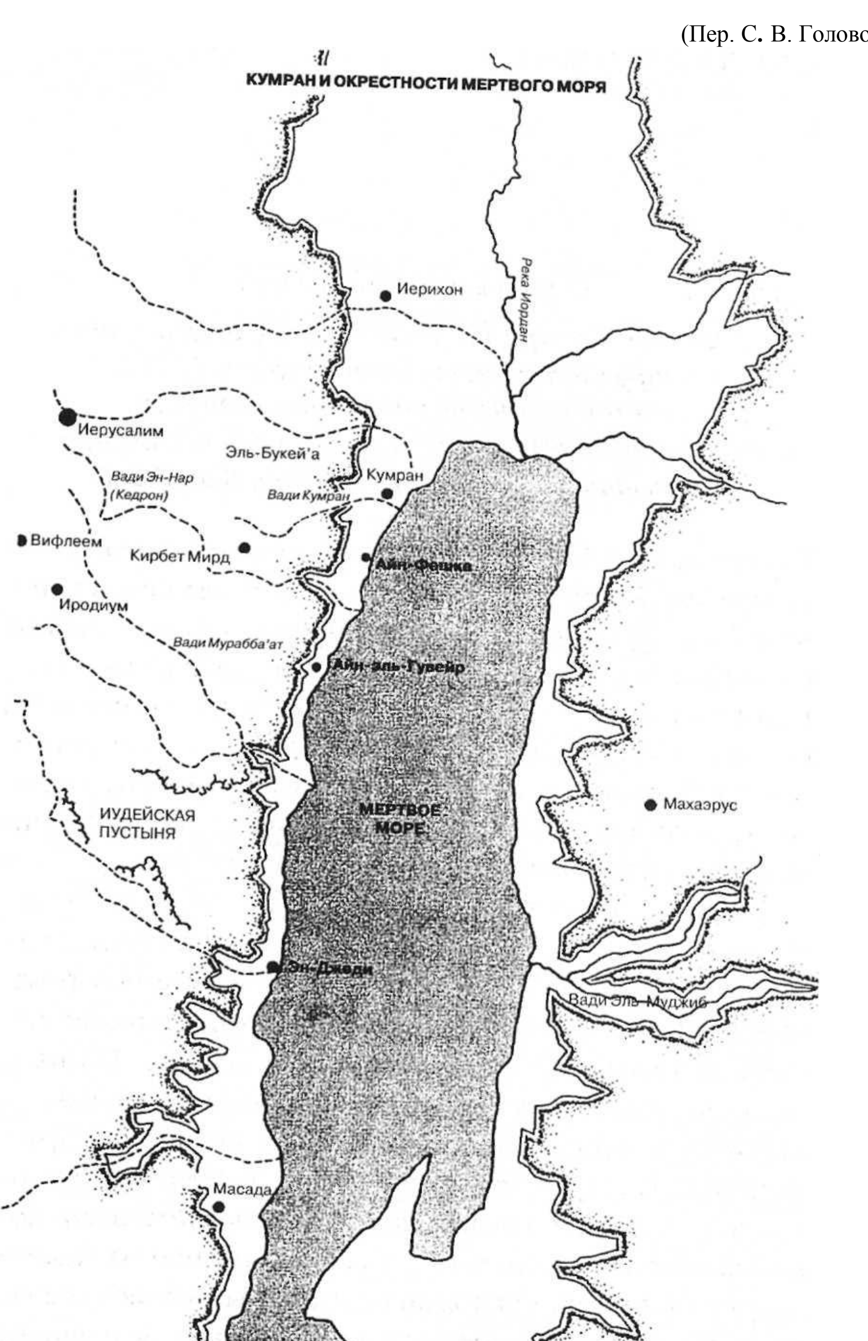
Посвящение

Аббатство помнит древние годы,
Его капелла тешит глаз,
А дамы, что пленяли нас,
Сошли под сводчатые своды
Старинных склепов.

Охапки скошенного сена
Укутал саван соли,
И колокол, глас боли,
Печален, как монах смиренный.
И так же одинок.

Но паче девственницы сонной
И всяческих чудес
Сияют чары
Одной из друидесс,
А кот ее чарует солнце.

Жан лъ'Аскюз
(Пер. С. В. Головой и А. М. Голова)

П Р Е Д И С Л О В И Е

ЧЕТЫРЕ СВИТКА МЕРТВОГО МОРЯ

Продаются четыре манускрипта библейской эпохи, датируемых по меньшей мере 200 г. до Р. Х. Они могут стать идеальным подарком для образовательной или религиозной организации от частного лица или группы лиц. Бокс F 206.

Так выглядело объявление, опубликованное 1 июня 1954 г. на страницах «Wall Street Journals Если бы объявление подобного рода появилось в наши дни, оно, вне всякого сомнения, было бы воспринято как своеобразная шутка, и притом далеко не самого лучшего тона. Кроме того, оно могло бы вызвать подозрения, что это — кодированное сообщение, цель которого — замаскировать, к примеру, секретную информацию об афере или что-нибудь, имеющее отношение к шпионажу.

Конечно, в наши дни свитки Мертвого моря известны достаточно хорошо, но — обычно только по названию. Большинство людей, которые строят самые невероятные фантазии о том, что же они собой представляют, как минимум слышали о существовании свитков. Помимо всего прочего, существует мнение, будто свитки эти — в некотором отношении уникальные и бесценные артефакты, археологические свидетельства огромной ценности и значения. Трудно рассчитывать найти вещи подобного рода, покопавшись у себя в саду или на заднем дворике. Столь же бесполезно, хотя иные думают иначе, пытаться искать их среди ржавого оружия, домашнего мусора, битой посуды, остатков сбруи и прочих бытовых вещей, которые можно найти, скажем, во время раскопок на стоянке римских легионеров в Британии.

Открытие в 1947 г. свитков Мертвого моря вызвало ажиотаж и жадный интерес как в кругах ученых, так и у широкой общественности. Но к 1954 г. первую волну ажиотажа удалось искусно развеять. Возникло мнение, что свитки хранили в себе только то, что могут хранить подобные вещи, и информация, которую они несли, оказалась куда менее животрепещущей, чем это ожидалось. Поэтому объявление о продаже четырех свитков, опубликованное в «Wall Street Journal» (с. 14), не вызвало широкого общественного интереса. Прямо под ним красовались рекламные объявления о продаже промышленных стальных баков, электросварочных аппаратов и прочего оборудования. В соседней колонке были помещены списки помещений и объектов, сдаваемых в аренду, и разного рода вакансий. Короче, это можно сравнить разве что с объявлением о распродаже сокровищ из усыпальницы Тутанхамона, помещенным среди рекламы водопроводных труб или комплектующих и расходных материалов для компьютеров. В этой книге речь как раз и пойдет о том, как могла возникнуть столь вопиющая аномалия.

Проследив судьбу и путь свитков Мертвого моря с момента их открытия в Иудейской пустыне до сейфов различных организаций и учреждений, где они хранятся сегодня, мы обнаружили, что столкнулись лицом к лицу с тем же самым противоречием, с которым нам уже приходилось иметь дело и раньше: противоречием между Иисусом — историческим лицом и Христом веры. Исследования наши начались в Израиле. Затем они получили продолжение в коридорах Ватикана и, что уж совсем странно, в кабинетах инквизиции. Нам пришлось столкнуться с жестким противодействием «консенсуса» интерпретаций относительно вопроса о содержании и датировке свитков и осознать, насколько взрывоопасным может оказаться беспристрастное и независимое их исследование для всей

богословской традиции христианства. Более того, мы на собственном опыте убедились, с какой яростью мир ортодоксальной библейской схоластики готов сражаться во имя сохранения своей монополии на всю сакральную информацию.

В наши дни христиане считают вполне допустимым признавать существование, например, Будды или Мухаммеда как реальных исторических личностей, таких же, как Александр Македонский или Цезарь, и отделять их от всевозможных легенд, преданий и богословских нагромождений, которыми издавна окружены их имена. Что же касается Иисуса, то подобное разделение оказывается делом куда более сложным. Самое существо христианских верований, исторических преданий и богословия оказывается необъяснимо запутанным и противоречивым. Одно затмевает другое. И в то же время каждое по отдельности представляет потенциальную угрозу всем остальным. Таким образом, гораздо легче и безопаснее убрать все демаркационные линии между ними. Таким образом, для верующего человека две существенно различные фигуры сольются в один образ. С одной стороны, это реальная историческая личность, человек, который, по мнению большинства ученых, действительно существовал и две тысячи лет тому назад бродил по пескам Палестины. С другой — это богочеловек христианского вероучения, Божественная личность, для обожествления, прославления и проповеди Которой много сделал апостол Павел. Изучение этого персонажа как реальной исторической личности, то есть попытка вписать его в исторический контекст и поставить на одну доску с Мухаммедом или Буддой, Цезарем или Александром Македонским, для многих христиан по-прежнему остается равнозначной кощунству.

В середине 1980-х гг. нас обвинили именно в таком кощунстве. В рамках исследовательского проекта, над которым мы в то время работали, мы попытались отделить историю от богословских догм, чтобы отделить исторического Иисуса от Христа веры. В процессе разысканий мы с головой окунулись в самую гущу противоречий, с которыми сталкиваются все исследователи библейских материалов. И, как и все исследователи до нас, мы были изумлены, сколько же в них путаницы и неразберихи.

В таких исследованиях, какими мы занимались, письменные источники способны оказать весьма ограниченную помощь. Как известно всякому школьнику, Евангелия в качестве исторического документа являются крайне ненадежными. Они представляют собой свидетельства, обладающие мистической простотой и силой и *как будто* отражающие историческую реальность. Иисус и его ученики занимают центральное место на сцене, где изображена живописная живая картина, из которой убрана большая часть деталей и реального контекста. Римляне и иудеи смущенно теснятся на заднем плане, словно массовка на съемочной площадке. Та общественная, культурная, религиозная и политическая конкретика, в которой разыгралась драма Иисуса, практически не упоминается. Таким образом, получается, что герой противостоит историческому вакууму.

Несколько оживляют картину Деяния апостолов[1]. При чтении Деяний возникает чувство присутствия окружения — бесконечных ссор и вероучительных споров среди ближайших последователей Иисуса, формирования того движения, которое постепенно приобрело очертания «христианства», мира, который простирается за строго очерченными пределами Галилеи и Иудеи, наконец — географических связей Палестины с остальным Средиземноморьем.

---

[1] Имеются в виду Деяния святых апостолов — пятая книга Нового Завета, написанная евангелистом Лукой, учеником и сподвижником апостола Павла *(прим. перев.).*

Но реальное и достоверное описание общественных, культурных, религиозных и политических сил, вовлеченных в эти события, по-прежнему отсутствует. Все внимание сфокусировано на апостоле Павле и ограничивается им. Если Евангелия стилизованы, то Деяния — тоже, хотя и существенно по-иному. Если Евангелия сводятся к абсолютному упрощению мифа, то Деяния представляют собой своего рода *авантюрно-плутовскую новеллу,* более того — памятник, созданный с намеренно пропагандистской целью, роль протагониста в котором принадлежит апостолу Павлу. В Деяниях можно узнать о мыслях, поступках и приключениях Павла, но реального представления о мире, в котором он действовал, получить невозможно. С точки зрения любого историка и даже любого ответственного журналиста никакое свидетельство об исторической эпохе не может считаться полным без упоминания, к примеру, о Нероне и пожаре Рима. Даже на такой окраине римского мира, как Палестина, происходили события и процессы, имевшие огромную важность для ее жителей. Так, например, в 39 г. н. э. Ирод Антипа, тетрарх[2] Галилеи, был отправлен в ссылку в Пиренеи. В 41 г. н. э. Галилея и Иудея, с 6 г. н. э. управлявшиеся римскими прокураторами, были переданы под управление царю Агриппе, и Палестина была объединена под властью монарха неримского происхождения (хотя и бывшего фактически марионеткой римлян) впервые за почти полвека, истекшие со времени правления Ирода Великого. Между тем ни одно из этих событий в Деяниях апостолов не описывается. Впечатление, возникающее при этом, сравнимо разве что с чтением, например, биографии Билли Грэма, который даже не упоминает о своих приятельских отношениях с президентами и прочими замечательными личностями, а заодно не упоминает ни об убийстве Кеннеди, ни о возникновении движения за гражданские права, ни о войне во Вьетнаме, ни о переоценке прежних ценностей, происшедшей в 1960-е гг., ни о Уотергейте[3], и т. д. и т. п.

В отличие от христианских преданий, Палестина две тысячи лет тому назад была столь же реальной, как и любая иная историческая данность, — ну например, Египет царицы Клеопатры или императорский Рим, претендовавшие на Святую землю. Притом реальность ее существования была несводима к мифической простоте. Кем бы и чем бы ни были в действительности Иисус и Павел, их личности должны быть рассмотрены на более широком историческом фоне — в том водовороте персонажей, партийных страстей, государственных интересов и движений, которые имели место в Палестине в I в. н. э., образуя канву той самой ткани, которую мы называем историей.

Чтобы составить реальное представление о той эпохе, нам, как и любым другим исследователям, пришлось обратиться к другим источникам: римским докладным запискам, историческим хроникам, скомпилированным другими авторами, придерживавшимися иной ориентации и иных взглядов, аллюзиям в позднейших документах, разного рода апокрифическим текстам, описаниям учений и ритуалов всевозможных сект и исповеданий, соперничавших друг с другом. Не стоит и говорить, что Сам Иисус упоминался в этих

---

[2] В Евангелии — четвертовластник (термин, представляющий собой кальку греческого «тетрарх») *(прим. перев.).*

[3] Имеется в виду так называемый Уотергейтский скандал, впыхнувший в ходе президентской избирательной кампании 1972 г. В штабе демократа-кандидата на пост президента, находившемся в отеле «Уотергейт», были обнаружены подслушивающие устройства, установленные, как выяснилось в ходе расследования, с ведома тогдашнего президента, республиканца Ричарда Никсона, добивавшегося переизбрания на второй срок. Никсон действительно одержал победу на выборах, но затем, после обнародования скандальных фактов, предпочел уйти в отставку, не дожидаясь возбуждения процедуры импичмента *(прим. перев.).*

источниках крайне редко, однако они дополняют обширную и подробную картину мира, в котором Он жил и учил. Действительно, мир Иисуса куда лучше документирован и освещен в хрониках, чем, к примеру, мир короля Артура или Робин Гуда. И если Иисус остается в нем почти неуловимым и ускользающим от внимания, то ничуть не больше, чем они.

Итак, мы с интересом и удивлением обратились к изучению реального фона «исторического Иисуса». Но как только мы ступили на этот путь, нам пришлось столкнуться с той же проблемой, которая противостоит всем исследователям библейских реалий. Мы обнаружили, что перед нами — на удивление широкий спектр иудейских культов, сект и исповеданий, политических и религиозных объединений, которые нередко враждуют со всеми прочими, а иногда смыкаются друг с другом.

Вскоре нам стало ясно, что привычные ярлыки, которые применяются для обозначения тех или иных групп — фарисеи, саддукеи, ессеи, зилоты, назореи, — являются неточными и мало что дают. Неразбериха и путаница ничуть не проясняются, и создается впечатление, что практически все составляющие учения Иисуса связаны с той или иной из этих групп. Так, например, насколько о подобных вещах вообще можно судить, Он был выходцем из семьи и окружения фарисейского толка и преуспел в *развитии* фарисейских взглядов. Ряд современных комментаторов Нового Завета подчеркивает разительные параллели между учением Иисуса, в особенности Нагорной проповедью, и учением авторитетнейших фарисеев, таких, например, как великий Гиллель. По мнению же одного из комментаторов, Иисус «сам был фарисеем».

Однако даже если изречения Иисуса временами перекликаются или почти дословно совпадают с официальным учением фарисеев, они в еще большей степени пронизаны мистическими, или «ессейскими», представлениями.

Иоанна Крестителя часто называют своего рода ессеем, и его влияние на Иисуса действительно привносит очевидный ессейский элемент в проповедь последнего. Согласно сохранившимся письменным источникам, мать Иоанна, Елизавета, приходившаяся, кстати сказать, теткой матери самого Иисуса, была замужем за первосвященником Иерусалимского Храма, что указывает на связь Иоанна и его отца, Захарии, с кругами саддукеев.

Кроме этого (что немаловажно для всей позднейшей христианской традиции), в числе сподвижников и последователей Иисуса явно были зилоты: например, Симон Зилот и, возможно, даже Иуда Искариот[4], прозвище которого, по нашему мнению, могло происходить от свирепых сикариев[5].

Разумеется, предположение о связи Иисуса с зилотами носит в высшей степени провокационный характер. Действительно ли Иисус был кротким, как агнец, Спасителем, каким он предстает в позднейшей христианской традиции? Так ли уж смирен и безгневен он был? Если да, то чем же объяснить столь гневные его поступки, как знаменитое изгнание менял, когда он опрокинул их столы в Храме? Почему он был подвергнут римлянами именно той казни, на которую осуждали исключительно бунтарей и мятежников? Почему буквально

---

[4] Прозвище «Искариот» означает «из Кариота (Кариафа)», греко-финикийского городка в Палестине *(прим. перев.)*.

[5] Слово «сикарии» (букв. *лат.* «кинжальщики») представляет собой смысловой перевод-аналог понятию «зилоты», что означает «ревнители». Сикарии (зилоты) — радикально-террористическая (говоря терминами наших дней) секта, возводившая в ранг религиозной добродетели физическую ликвидацию лидеров противников *(прим. перев.)*.

перед самым своим арестом в Гефсиманском саду он наставляет своих учеников обзавестись мечами?[6] Почему вскоре после этого Петр действительно выхватывает меч и отсекает ухо одному из слуг первосвященника?[7] А если Иисус в самом деле был куда более решителен, чем это обычно принято считать, разве это не означает, что он принимал более активное участие в политической борьбе? Но в таком случае как объяснить его готовность «отдавать кесарево кесарю»,[8] — разумеется, при условии, если традиционный перевод этих его слов точен?

Подобные противоречия не только постоянно окружали Иисуса при жизни, но и пережили его, продолжая существовать как минимум сорок с лишним лет после его официальной смерти. В 74 г. н. э. крепость Масада, последний оплот восставших, противостоявшая римской осаде, была взята, но лишь после того, как оборонявший ее гарнизон совершил массовое самоубийство. Защитниками Масады, как известно, были зилоты — не столько религиозная секта, как это принято считать, сколько сторонники военно-политического движения. Насколько можно судить по обрывочным сведениям, пережившим века, взгляды защитников крепости по большей части совпадали с учением ессеев — этой ненасильственной, мистически настроенной секты, последователи которой уклонялись от любых форм политической, не говоря уже о военной, деятельности.

Таковы основные противоречия и путаница, с которыми нам пришлось столкнуться. Но если они вызвали растерянность у нас, то тем более они повергают в замешательство профессиональных ученых, «экспертов», разбирающихся в этих вопросах несравненно лучше и глубже, чем мы. Проплутав какое-то время по лабиринту фактов и с облегчением выбравшись из него, всякий сколько-нибудь надежный комментатор кончает тем, что вступает в спор со своими коллегами. По мнению одних, христианство возникло как своего рода квиетистская, мистико-схоластическая форма иудаизма, не имевшая, таким образом, никакой связи с воинствующими революционно настроенными националистами зилотского толка. По мнению других, христианство, поначалу действительно бывшее своеобразной формой иудейского революционного национализма, впоследствии подпало под влияние пацифистски настроенных мистиков — ессеев. Третьи полагают, что христианство выросло на базе основного русла развития иудейской мысли. Есть и такие, кто считает, что христианство начало обособляться от иудаизма еще до того, как на исторической сцене появился апостол Павел, ставший его основным идеологическим рупором.

Чем чаще мы обращались за консультацией к «экспертам» и «специалистам», тем очевиднее становилось, что их *знания* ненамного обширнее познаний непосвященных. И, что

---

[6] «Тогда Он сказал им: но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч» (Лк. 22, 36) *(прим. перев.).*

[7] Лк. 22, 50 *(прим. перев.).*

[8] Мк., 12, 17. Ср. также Мф. 22, 21; Лк. 20, 25. Это место обычно понимается в широком смысле, а между тем Спаситель вполне конкретен. Его спросили, позволительно ли платить подать кесарю. Он же в ответ спросил, чье у них серебро (то есть монета для уплаты подати). Ему отвечали: кесарево. Здесь есть тонкий момент. Дело в том, что на монетах императорского Рима непременно чеканилось изображение правящего императора. Между тем по Моисееву закону любые антропоморфные изображения были запрещены, и потому иудеи платили десятину на храм («отдавали Божие Боїу») монетами местной чеканки, на которых подобных изображений не было, а подать императору — динариями римского чекана *(прим. перев.).*

самое досадное, нам так и не встретилось ни одной теории или трактовки, которая бы охватывала все свидетельства, антиномии, несоответствия и противоречия.

Как раз в это время нам встретилась книга Роберта Эйзенмана, декана факультета исследования сравнительного религиоведения и профессора кафедры религий Ближнего Востока в университете штата Калифорния в Лонг-Бич. Эйзенман закончил Корнелльский университет в одно время с Томасом Пинчоном. Там он изучал сравнительное литературоведение, посещая лекции Владимира Набокова, и получил диплом бакалавра по физике и философии в 1958 г., а диплом магистра гуманитарных наук — в 1966 г. в университете штата Нью-Йорк за свои исследования в области гебраистики и культур Ближнего Востока. В 1971 г. ему была присуждена ученая степень доктора философии на факультете ближневосточных языков и культуры Колумбийского университета, и с тех пор он специализируется на изучении истории Палестины и исламского права. Он был почетным членом Калабрийского университета в Италии и выступал с лекциями по исламскому праву, исламской религии и культуре, а также свиткам Мертвого моря и истокам христианства в Еврейском университете в Иерусалиме. В 1985—1986 гг. он был приглашенным консультантом в Институте археологических исследований Уильяма Ф. Олбрайта в Иерусалиме, а в 1986—1987 гг. занимал пост приглашенного члена ученого совета Ли-накр-колледжа в Оксфорде и старшего преподавателя в магистратуре Оксфордского центра по гебраистике.

Труд Эйзенмана, привлекший наше внимание, имел весьма любопытное заглавие — «Маккавеи, саддукеи, христиане и Кумран» — и был опубликован в 1983 г. Э. Брил-лом в Лейдене, Голландия. Книга эта оказалась трудом именно того рода, какого и можно ожидать от автора, пишущего для академического издательства. Сносок и примечаний в ней было больше, чем собственно текста. Словом, налицо были все атрибуты громадной эрудиции и огромный указатель литературных источников. Но присутствовали в книге и стержневая идея, и здравый смысл, и доступность. И пока мы пробирались сквозь насыщенный реалиями текст, мучившие нас вопросы начали решаться сами собой, ясно и органично, без напыщенных теоретических построений и пропуска ключевых цитат.

Мы активно использовали труд Эйзенмана в работе над своей книгой «Мессианское наследие» (Лондон, 1986). Наши выводы были во многом обусловлены теми перспективами, которые Эйзенман открыл для нас в области научной библеистики и изучения исторического контекста Нового Завета. Однако некоторые наши вопросы так и не получили ответа. Мы, сами того не зная, оставляли без внимания ключевое звено — то самое звено, которое в последние пять лет оказалось для нас в самом фокусе противоречий, став темой и заголовками передовых статей на страницах крупнейших изданий. Таким звеном явилась информация, обнаруженная в свитках Мертвого моря.

В центре загадки, которую нам предстояло разрешить, оказалась доселе неизвестная связь между свитками Мертвого моря и туманной фигурой св. Иакова, брата Господня, спор которого с апостолом Павлом пронизывает множество вероучительных формулировок новой религии, впоследствии известной под названием христианства. Это — та самая связь, которую изо всех сил пытался скрыть и завуалировать узкий круг ученых-библеистов, чьи традиционно-ортодоксальные прочтения свитков Мертвого моря Эйзенман окрестил «консенсусом».

По словам Роберта Эйзенмана, «небольшая группа специалистов, работающих по большей части в контакте друг с другом, выработали консенсус... Вместо четких исторических взглядов... разного рода предположения и реконструкции выдавались за реальные факты, а результаты, поддерживающие мнения друг друга, в свою очередь,

становились *новыми* гипотезами, которые ввели в заблуждение целое поколение студентов, не желавших (или просто неспособных) взять под сомнение труды своих наставников».

Подобный вывод был совершенно неприемлем для официально-ортодоксальной трактовки, то есть той самой системы предположений и умозаключений, которая для непосвященных представляется набором солидных и бесспорных фактов. Таким способом были сфабриковны многие из так называемых *donnies,* то есть исторических «данных». Авторитеты, ответственные за формирование пресловутого «консенсуса» во взгляде на христианство, сумели организовать нечто вроде монополии на трактовку целого ряда критически важных источников, регулирующих поток информации таким образом, который позволяет им достигать свои собственные цели. Подобный феномен рассмотрен в книге Умберто Эко «Имя Розы», где в рассказе о средневековом монастыре и его библиотеке отражена монополия церкви на процесс образования. Процесс этот представлял собой нечто вроде «закрытой фирмы», эксклюзивного «элитного клуба», получение знаний в котором было запрещено для всех, кроме немногих избранных — людей, специально подготовленных для отстаивания «партийной линии».

Тот, кто оказался удостоен чести отстаивать «партийную линию», мог еще более повысить свой авторит, заявляя, что только ему было позволено видеть основные источники, доступ к которым для непосвященных закрыт. Что касается непосвященных, то им остается собирать отдельные разрозненные фрагменты, количество которых может оказаться значительным, чтобы поупражняться в семиотике. И в этой сфере семиотических упражнений можно обвинить в чем угодно пресловутых тамплиеров-храмовников, а самого Умберто Эко — в крахе «Банко Амброзиано». Таким образом, у большинства непосвященных из-за отсутствия доступа к реальным источникам не остается другого выбора, кроме как принять трактовки и прочтения, отражающие «партийную линию». Бросить вызов этим трактовкам — все равно что самому объявить себя в лучшем случае ненормальным, а в худшем — ренегатом, отступником и еретиком. Лишь немногие ученые обладают достаточным мужеством, решительностью и познаниями, чтобы осмелиться бросить подобный вызов и сохранить при этом свою репутацию. Роберт Эйзенман, чей престиж и репутация по праву сделали его одной из самых авторитетных и влиятельных фигур в этой области, отважился на это. Его изыскания и послужили толчком для написания этой книги.

I. ИНТРИГИ

1. Открытие свитков

К востоку от Иерусалима дорога, описывая широкие петли, постепенно спускается все ниже и ниже между бесплодными, лишенными всякой растительности холмами, на которых кое-где виднеются редкие стоянки кочевников-бедуинов. Дорога в этих местах спускается на 3800 футов, достигая отметки 1300 футов ниже уровня моря, а затем внезапно открывает перед глазами путников широкую панораму долины реки Иордан. Вдалеке слева можно различить очертания Иерихона. Прямо впереди раскинулся сам Иордан, а вдали — горы Моав, похожие на фантастический мираж. Справа виднеется берег Мертвого моря. Зыбкая поверхность воды и желтого цвета утесы, вздымающиеся на высоту 1200 футов, протянувшиеся ровной линией на этом, израильском, берегу, навевают благоговейный трепет и вызывают острое чувство дискомфорта. Воздух здесь, в местности, расположенной гораздо ниже уровня моря, не просто горячий, а тягучий, буквально ощутимый на ощупь, обладающий густотой и, кажется, весом.

Красота, великолепие и величественное безмолвие этого места выглядят поистине завораживающе. Кроме того, здешний ландшафт вызывает ощущение невероятной древности, чувство, что мир гораздо древнее, чем это представляет себе подавляющее большинство туристов с Запада. И поэтому невольно вздрагиваешь от испуга, когда XX в. напоминает о себе грохотом настолько резким, что кажется, будто небеса вот-вот обрушатся на землю. Это эскадрилья израильских «F-16» или «Миражей» сомкнутым строем проносится над водой на предельно малой высоте, так что в кабинах можно рассмотреть пилотов. Сопла с форсажными камерами изрыгают пламя, и реактивные птицы почти вертикально взмывают ввысь, исчезая в небе... Невольно замираешь в ожидании. И через несколько секунд эхо, подхваченное скальными утесами, говорит о том, что истребители только что преодолели звуковой барьер. Лишь после этого невольно вспоминаешь, что эти места находятся, говоря сухим техническим языком, в состоянии перманентной войны и по крайней мере за последние сорок с лишним лет этот берег Мертвого моря не прожил ни дня в состоянии мира с тем, арабским. Но справедливости ради надо признать, что земля в этих местах была свидетельницей непрекращающихся военных конфликтов едва ли не с начала обозримой истории человечества. Видимо, здесь всегда обитало слишком много богов, от века к веку требовавших от своих адептов кровавых жертвоприношений.

Когда дорога подходит к утесам, глядящим на Мертвое море, справа от нее появляются руины Кумрана (или, если быть более точным, Хирбет-Кумрана). Далее дорога, обогнув утесы с юга, проходит почти вдоль самой кромки воды, направляясь в сторону крепости Масада, что в тридцати милях отсюда. Кумран находится на белой террасе из мергеля (известковой глины) на высоте ста с лишним футов над дорогой и на расстоянии мили с четвертью от вод Мертвого моря. Сами по себе его руины не производят особого впечатления. Взгляд первым делом натыкается на башню, два этажа которой еще уцелели. Толщина ее стен достигает трех футов, что, несомненно, говорит о ее оборонительном назначении.

Вокруг башни расположено несколько резервуаров, больших и малых, соединенных между собой целой сетью каналов воды. Некоторые из этих резервуаров, возможно, могли использоваться для ритуальных омовений. Однако большинство, если не все, скорее всего, служили для сбора и хранения воды для Кумранской общины, что было жизненно необходимым для выживания здесь, в пустыне. Между развалинами и берегом Мертвого

моря, на нижней оконечности мергелевой террасы, расположено древнее кладбище, насчитывающее более 1200 захоронений. Каждая из могил помечена длинной каменной насыпью, ориентированной — в отличие от иудейской и мусульманской традиции — по оси север—юг.

Кумран даже в наши дни вызывает чувство оторванности от внешнего мира, хотя в ближайшем кибуце проживает несколько сотен израильтян, да и попасть сюда из Иерусалима можно без всяких проблем по современной дороге. Поездка протяженностью в двадцать миль займет не более сорока минут. Днем и ночью по этой наезженной дороге проносятся тяжелые грузовики и контейнеровозы, связывающие Эйлат на крайнем юге Израиля с Тивеиадой на севере. Здесь регулярно останавливаются туристические автобусы, из которых вываливаются толпы вспотевших от духоты европейцев и американцев. Гости наскоро осматривают руины, а затем спешат к книжному магазинчику и ресторану, где постоянно работают кондиционеры, подкрепиться кофе и печеньем с пирожными. Разумеется, поминутно встречаются военные грузовики. Но глаз то и дело замечает легковые машины, принадлежащие как израильтянам, так и арабам. Их легко узнать по номерным знакам, окрашенным в разные цвета. Порой здесь можно встретить даже какого-нибудь случайного искателя приключений на неповоротливом старомодном монстре, сошедшем с конвейера в Детройте, — монстре, скорость которого ограничена только шириной дороги.

Нечего и говорить, что на каждом шагу попадаются израильские военные. Как-никак, это — Западный берег, и иорданские войска находятся всего в нескольких милях отсюда, по ту сторону Мертвого моря. Патрульные машины курсируют днем и ночью со скоростью не более пяти миль в час, проверяя все и вся. Это небольшие грузовички, в кузове которых установлены тяжелые пулеметы, за которыми постоянно дежурят солдаты. Такие патрульные машины останавливаются, чтобы осмотреть легковые машины и проверить документы у всякого, появляющегося в этом районе с целью осмотра древних памятников или чтобы поработать на раскопках в горах и пещерах. Гости этих мест быстро привыкают к тому, что военные не спускают с них глаз, и перестают реагировать на их присутствие. И тем не менее здесь опасно появляться прямо перед ними или совершать действия, которые могу вызвать у военных подозрения и тем более опасения.

Кибуц, о котором мы уже говорили, — это кибуц Калия, находящийся в десяти минутах ходьбы от Кумрана, если идти кратчайшим путем прямо от развалин. Там находятся две маленькие школы для местных детей, большая общественная столовая и номера для приезжих, напоминающие мотели для автотуристов-полуночников. Но не надо забывать, что это — военная зона. Кибуц окружен рядами колючей проволоки, и на ночь его ворота закрываются. Здесь постоянно дежурит вооруженный патруль, а на случай воздушных налетов устроено немало глубоких подземных бомбоубежищ. Впрочем, последние служат и для других целей. Одно из них, например, используется как лекторий, в другом размещается бар, в третьем грохочет дискотека. Но обширные пространства вокруг пока что не охвачены подобными новшествами цивилизации. Здесь по-прежнему пасутся верблюды и козы, *вневременные* силуэты которых выглядят связующим звеном между настоящим и минувшим.

Однако в 1947 г., когда были обнаружены свитки Мертвого моря, Кумран выглядел совсем иначе. В те годы это была британская подмандатная территория Палестина. К востоку отсюда лежали земли, именовавшиеся тогда королевством Трансиордания. Дороги, пролегающей на юг вдоль побережья Метрвого моря, тогда еще не существовало, и транспортный путь здесь достигал только северо-западной оконечности Мертвого моря, что в нескольких милях от Древнего Иерихона. В этих местах кое-где виднелись плохие грунтовые дороги, одна из которых следовала по трассе древней дороги, проложенной еще римлянами. Дорога эта долгое время пребывала в полнейшей заброшенности. Поэтому попасть в Кумран полвека назад было делом куда более трудным, чем сегодня.

Единственными живыми душами, которые можно было встретить в этих местах, были те же бедуины, пасшие здесь редкие стада своих верблюдов и коз зимой и весной, когда в пустыне, как это ни удивительно, еще можно найти воду и скудную растительность. Зимой или, точнее, ранней весной 1947 г. здесь было найдено еще кое-что помимо травы, и находку эту смело можно отнести к числу двух-трех наиболее крупных археологических открытий нашего времени.

Подробности и обстоятельства, связанные с открытием свитков Мертвого моря, уже успели отойти в область преданий. Возможно, что в некоторых деталях эта история не вполне точна, и ученые вплоть до 1960-х гг. продолжали уточнять отдельные ее моменты. Однако она остается единственным свидетельством, которым мы располагаем.

Честь открытия приписывается юноше-пастуху по имени Мухаммад ад-Диб, или Мухаммад-«волк», принадлежащему к бедуинскому племени та-амирех. Впоследствии юноша рассказывал, что он разыскивал пропавшую козу. Как бы там ни было, тропа увела его вверх по утесам Кумрана, где он неожиданно обнаружил расселину в скале. Он попытался было заглянуть внутрь, но с того места, где он стоял, ничего не было видно. Тогда юноша бросил камень в черный проем, и оттуда послышался звук разбитой глиняной посудины. Нечего и говорить, что звук этот побудил пастуха продолжать поиски.

Подтянувшись на руках, юноша протиснулся в проем расселины, а затем спрыгнул вниз, в неизвестность. Оказалось, что он очутился в небольшой пещере, узкой, с высоким сводом. Ширина пещеры составляла не более шести футов, а длина — около двадцати четырех[9]. Внутри ее находилось множество глиняных кувшинов около двух футов высотой и десяти дюймов шириной[10]; многие из кувшинов были разбиты. Целыми и неповрежденными оказались всего восемь кувшинов, хотя так ли это — доподлинно неизвестно.

Мухаммад, по его собственным словам, испугался, поспешно выбрался из пещеры и убежал. На следующий день он вернулся к ней со своим приятелем, чтобы более тщательно осмотреть пещеру и все, что в ней находится.

Оказалось, что некоторые из глиняных кувшинов закрыты пробками, «похожими на бутылочные». Внутри одного из них были найдены три кожаных свитка, завернутые в истлевшую льняную ткань. Это были первые свитки Мертвого моря, извлеченные на свет Божий за последние две тысячи лет[11].

---

[9] 6 футов = 1,8 м; 24 фута = 7,2 м *(прим. перев.).*

[10] 2 фута = 61 см; 10 дюймов = 25 см *(прим. перев.).*

[11] Подлинная история открытия свитков, по-видимому, навсегда останется неизвестной. Все существующие рассказы отличаются друг от друга в мелких деталях. В 1960-е гг. выдвигались различные аргументы в пользу исторически корректной последовательности событий. См., например, такие публикации, как Allegro «Свитки Мертвого моря», pp. 17f; Brownlee «Собственный рассказ Мухаммада эд-Диба об истории открытия им свитков», pp. 236f; а также «Собственный рассказ Мухаммада эд-Диба об истории открытия им свитков», pp. 483f; «Некоторые новые факты, касающиеся истории открытия свитков 1Q», pp. 417f; Harding, «The Times», 9 August 1949, p. 5; Samuel «История приобретения иерусалимских свитков», pp. 26ff; «Сокровища Кумрана», pp. 135ff; «Неизвестная история Кумрана», pp. 25ff; Wilson «Свитки Мертвого моря», pp. 3ff.

В последующие несколько дней бедуин вновь приходил в пещеру, в результате чего были найдены еще как минимум четыре кожаных свитка. По меньшей мере два глиняных сосуда были извлечены из пещеры и использовались для воды. Когда же начались серьезные археологические раскопки, было обнаружено множество крупных осколков и черепков, вполне достаточных, по достоверным оценкам, для добрых сорока сосудов. Увы, было совершенно невозможно узнать, сколько таких кувшинов на момент их открытия были пусты, а в скольких хранились древние свитки. Точно также сегодня невозможно установить, сколько именно свитков было извлечено из пещеры и засекречено или использовано как-либо иначе еще до того, как стали очевидными их огромная ценность и значение. Некоторые свитки, по слухам, были использованы в качестве топлива. В любом случае, можно не сомневаться, что из пещеры первоначально было извлечено гораздо больше свитков, чем об этом упоминается и чем общее число свитков, которые впоследствии получили широкую известность. В общей сложности достоянием широкой публики стали семь полных свитков, а также фрагменты еще двадцати одного экземпляра древних рукописей.

Начиная с этого момента рассказы и свидетельства все более и более противоречат друг другу. Видимо, полагая, что свитки могут иметь значительную ценность, трое бедуинов отнесли все, что им удалось найти — а это, по одним источникам, были три полных пергаментных рукописи, а по другим семь или даже восемь, — местному шейху. Тот отправил бедуинов к христианину, владельцу книжной лавки и торговцу всевозможным антиквариатом и предметами старины. Торговца этого звали Халил Искандер Шахин по прозвищу Кандо. Кан-до, принадлежавший к сирийской яковитской церкви, решил посоветоваться со своим единоверцем по имени Георгий Исайа, принадлежавшим к той же церкви и жившим в Иерусалиме. По свидетельству достоверных источников, Кандо и Исайа сами отправились в Кумран и отыскали еще ряд свитков — как целых, так и фрагментов.

Подобные действия, разумеется, носили незаконный характер. По законам британского мандата, подтвержденным впоследствии правительствами Иордании и Израиля, все археологические находки являются исключительной собственностью государства. Считалось, что такие находки следует направлять в отдел древностей Палестинского археологического музея, известного как Рокфеллеровский музей, который находился в восточном — арабском — секторе Иерусалима. Но в Палестине в те дни царил хаос, а Древний Иерусалим представлял собой город, поделенный на еврейский, арабский и британский секторы. При сложившихся обстоятельствах у властей всех трех секторов были дела куда более неотложные, чем борьба с черным рынком археологических реликвий. Благодаря этому Кандо и Георгий Исайа получили полную свободу безнаказанно совершать свои незаконные сделки.

Георгий Исайа сообщил об открытии главе своей церкви, митрополиту (т. е. архиепископу) Сирийскому, Афанасию Иешуа Самуилу, главе Сирийской яковитской церкви в Иерусалиме.

Строго говоря, Афанасий Иешуа Самуил был человеком наивным и несведущим, не обладавшим обширными научными познаниями, необходимыми для идентификации лежавших перед ним текстов, не говоря уже об их переводе. Впоследствии Эдмунд Вильсон, один из первых и наиболее надежных комментаторов текстов кумранской находки, писал о Самуиле, что он «не был ученым-гебраистом и не смог разобрать, что за рукопись перед ним». Он даже приказал сжечь небольшой кусочек свитка и попытался по запаху определить, действительно ли это кожа, точнее — пергамент. Но, несмотря на отсутствие научного образования, Самуил был человеком умным и проницательным, а в монастыре Св. Марка, игуменом которого он состоял, хранилось знаменитое собрание древних рукописей и документов. Таким образом, пастырь все же догадывался о том, какое сокровище попало в его руки.

Позже Самуил говорил, что впервые о свитках Мертвого моря он услышал в апреле 1947 г. Если до этого момента хронология событий была не вполне точной и определенной, то теперь в ней благодаря стараниям разных комментаторов возникла полная путаница. Тем не менее известно, что в период между началом июня и началом июля Самуил поручил Кандо и Георгию Исайе устроить встречу с теми тремя бедуинами, которым принадлежит честь первоначального открытия, чтобы попытаться выяснить, что же именно они, собственно, нашли.

Когда бедуины прибыли в Иерусалим, они привезли с собой по меньшей мере четыре свитка, а возможно — целых восемь, плюс один или два из числа тех, которые они или Кандо и Исайа впоследствии продали. К сожалению, митрополит не позаботился о том, чтобы предупредить монахов монастыря Св. Марка о том, что к нему должны приехать трое бедуинов. И когда бедуины, давно немытые и напоминавшие по виду разбойников, действительно прибыли со своими грязными, скомканными и рваными свитками, монах-привратник просто прогнал их прочь. К тому времени почтенный Самуил понял свою ошибку, но было уже поздно. Бедуины, оскорбленные таким обращением, не пожелали больше иметь никаких дел с митрополитом Самуилом. Более того, один из бедуинов не захотел даже иметь никаких дел с Кандо и продал свою «долю» свитков — а третья доля составляла ровным счетом три пергамента — мусульманскому шейху Вифлеема. Кандо сумел заполучить остальные свитки и продал их тому же митрополиту за 24 фунта стерлингов. Считается, что предметом этой сделки — первой по продаже свитков — были пять пергаментов, но на самом деле свитков оказалось четыре, один из них просто был разорван на две половины. Один из этих четырех текстов представлял собой хорошо сохранившийся экземпляр ветхозаветной книги пророка Исайи. Длина пергамента, на котором она была записана, составляла 24 фута (ок. 7,2 м). Три других, согласно принятым впоследствии условным названиям, включали в себя так называемые апокрифы Бытия, толкования на книгу Аввакума и Устав общины.

Вскоре после неудачного приезда бедуинов в Иерусалим, состоявшегося, по одним данным, в конце июля, а по другим — в августе, митрополит Самуил направил в Кумранскую пещеру священника вместе с Георгием Исайей. Оба хорошо понимали, что занимаются незаконным делом, и работали исключительно по ночам.

Они тщательно осмотрели место и обнаружили как минимум еще один кувшин и несколько черепков. Кроме того, они, по всей видимости, провели и одни из первых крупномасштабных раскопок. Когда годом позже первая официальная группа исследователей прибыла на место находки, она обнаружила, что вся передняя часть скалы вокруг расселины отсутствовала и под узким входом в пещеру, через который в нее проникли бедуины, был проделан еще один большой и широкий. Чем закончилось это предприятие — неизвестно. В процессе работы над этой книгой мы опросили целый ряд людей, утверждавших, что Георгий Исайа в ходе своих ночных раскопок обнаружил еще несколько свитков, некоторые из которых ученые пока что не видели.

Заполучив в свои руки несколько свитков, митрополит Самуил вознамерился определить их примерный возраст. Прежде всего он проконсультировался у специ-алиста-сиролога, работавшего в отделе древностей. По мнению этого ученого, свитки относились к сравнительно недавнему прошлому. Тогда митрополит обратился за консультацией к голландскому ученому, сотруднику французской Библейской и археологической школы в Иерусалиме, организации, управлявшейся монахами ордена доминиканцев и частично финансировавшейся правительством Франции. Ученый был заинтригован, но отнесся весьма скептически к оценкам возраста свитков; впоследствии он вспоминал, как возвратился в Библейскую школу и обратился за советом к «одному видному специалисту», который прочел ему нечто вроде лекции о множестве ловких подделок, бытующих в среде нечистых

на руку торговцев антиквариатом. По этой причине голландец отказался даже рассматривать свитки, и Библейская школа лишилась возможности стать одним из первых их исследователей. Создается впечатление, что в тот период единственым человеком, осознававшим древность, важность и ценность свитков, был «малообразованный» митрополит.

В сентябре 1947 г. митрополит Самуил передал свитки, обладателем которых он был, своему патрону, патриарху Сирийской яковитской церкви в Хомсе, что к северу от Дамаска. Обстоятельства беседы между двумя иерархами остались неизвестными, но по возвращении в Иерусалим митрополит направил новую партию доверенных лиц на раскопки в Кумран. Можно предполагать, что он действовал по поручению патриарха. В любом случае митрополит рассчитывал на новые находки.

Поездка митрополита Самуила в Сирию в сентябре 1947 г. совпала с приездом туда Майлса Коупленда, который еще в годы Второй мировой войны вступил в ряды ОСС и остался в ней после того, как эта организация стала называться ЦРУ. Вскоре он занял пост начальника отдела дальней оперативной разведки. В одном частном интервью Коупленд рассказал, как осенью 1947 г. он только что прибыл в Дамаск, будучи назначен представителем ЦРУ в Сирии. В сложившейся ситуации не было нужды соблюдать слишком глубокую конспирацию, и его личность и пост, который он занимал, были достаточно известны. Однажды, по словам Коупленда, к нему явился «плутоватый египетский торговец», утверждавший, что он обладает бесценным сокровищем. Порывшись в своей грязной сумке, торговец вытащил из нее свиток, края которого были настолько потрепаны, что некоторые клочки посыпались на землю. На вопрос о том, что же представлял собой этот свиток, Коупленд также не сумел ответить. Впрочем, он пообещал, что, если торговец придет к нему опять, он постарается сфотографировать свиток на предмет исследования.

И вот, чтобы сфотографировать свиток, Коупленд и его коллеги решили развернуть свиток и расстелить его на крыше американской дипломатической миссии в Дамаске. В тот день, как вспоминал позже Коупленд, дул сильный порывистый ветер, и клочки свитка тотчас закружились в воздухе. Ветер подхватил их и погнал по улицам города, и они бесследно погибли. При этом, по утверждению Коупленда, большая часть пергамента оказалась утраченной. Жена Коупленда, по профессии — археолог, не могла удержаться от слез всякий раз, когда слышала эту историю.

При помощи специального фотооборудования, предоставленного американской администрацией, Коупленд и его коллеги сумели сделать около тридцати снимков свитка. Этого, по словам Коупленда, оказалось недостаточным, чтобы охватить всю длину свитка, которая, по-видимому, была весьма значительной. Впоследствии эти снимки попали в американское посольство в Бейруте, где их показали образованному чиновнику, человеку, знавшему древние языки. Чиновник заявил, что это — фрагменты ветхозаветной книги пророка Даниила. Некоторые из фрагментов были, по его словам, написаны на арамейском языке, другие — на древнееврейском (иврите). К сожалению, эта история не имела продолжения. Коупленд вернулся в Дамаск, но «плутоватого египетского торговца» он больше никогда не видел, и снимки оказались в дальнем ящике какого-то шкафа[12]. По сей день так никому и не известно, какова была дальнейшая судьба снимков, да и самого свитка, хотя впоследствии, пять лет спустя после описанных Коуплендом событий, в Кумране действительно были найдены отдельные фрагменты книги пророка Даниила. Широкая

---

[12] Интервью Майлса Коулленда от 10 апреля и 1 мая 1990. Поиски в архивах ЦРУ, проводившиеся в соответствии с актом о свободе информации, оказались безрезультатными: обнаружить фотографии не удалось.

публика так и не узнала о том, действительно ли свиток, который он видел и частично сфотографировал, представлял собой текст книги Даниила.

И хотя как раз в то самое время в Сирии гостил митрополит Самуил, имевший при себе приобретенные им свитки, крайне маловероятно, что Коупленд мог увидеть хотя бы один из них, так как развернуть можно было только три свитка из находившихся в его собрании, и только один из них, а именно свиток с ивритским текстом книги пророка Исайи длиной 24 фута, мог занимать более тридцати кадров фотопленки тогдашнего формата. Если это был тот самый свиток, который видел Коупленд, почему же он назвал его книгой пророка Даниила, а не Исайи, и почему вдруг характер письма был определен как древнееврейское (иврит) и арамейское? Конечно, можно предположить, что официальный представитель ЦРУ допустил ошибку. Но когда мы поведали историю Коупленда авторитетному израильскому исследователю, он был заинтригован. «Это может оказаться крайне интересным, — доверительным тоном заметил он. — Возможно, подобных свитков мы еще никогда не видели». По его словам, если бы мы располагали какой-нибудь дополнительной информацией по этому вопросу, он «взамен предоставил бы нам небезынтересные сведения о недостающих свитках». Не стоит и говорить, что это означает, что такие сведения реально существуют, но никогда не станут достоянием широкой общественности.

Пока снимки, сделанные Коуплендом, изучались в Бейруте, митрополит Самуил не прекращал попыток установить возраст свитков, обладателем которых он стал. Один доктор-израильтянин, посетивший его в монастыре, познакомил митрополита с учеными из Еврейского университета. Те, в свою очередь, познакомили владыку с профессором Елеазаром Сукеником, возглавлявшим отделение археологии Еврейского университета. И вот 24 ноября, накануне дня, когда Сукеник должен был ознакомиться со свитками из собрания митрополита, у него состоялась тайная встреча с неким армянским торговцем антиквариатом. Ни у того ни у другого не было времени на оформление пропусков, выписывавшихся военной комендатурой. Поэтому им пришлось встретиться на КПП, разделявшем еврейский и арабский секторы Иерусалима, и разговаривать через изгородь из колючей проволоки. Через эту изгородь армянин сумел показать Сукенику фрагмент какой-то рукописи, на котором можно было разобрать еврейские буквы. При этом армянин пояснил, что буквально накануне к нему пришел некий араб-торговец антиквариатом из Вифлеема и принес этот и ряд других фрагментов свитков, которые, по его словам, он приобрел у бедуинов. Затем армянин спросил Сукеника, является ли этот фрагмент подлинным и готов ли Еврейский университет приобрести его и прочие обрывки свитков. Сукеник захотел проконсультироваться и предложил провести вторичную встречу, которая и состоялась тремя днями позже. На этот раз он обзавелся пропуском и смог рассмотреть вблизи целый ряд фрагментов свитков. Убедившись, что перед ним — подлинники, он решил отправиться в Вифлеем и познакомиться с другими реликвиями — предприятие по тому времени весьма и весьма рискованное.

И вот 29 ноября 1947 г. Сукеник незаметно покинул Иерусалим и тайно отправился в Вифлеем. Там он узнал

немало подробностей относительно того, как были обнаружены свитки, и собственными глазами увидел два из них, которые предлагались на продажу (это были те самые свитки, которых недоставало в собрании митрополита), и два кувшина, в которых они хранились. Ему было позволено забрать свитки с собой на экспертизу, и он с нетерпением принялся изучать их. Но в полночь по радио было передано сообщение: большинство членов ООН проголосовали за создание государства Израиль. Тогда Сукеник решил сразу же приобрести свитки. Они показались ему своего рода талисманами-предвестниками, символическим подтверждением важности этого исторического события, которое только что произошло.

Это убеждение разделял и его сын, Йигаэль Йадин, бывший тогда одним из лидеров организации Хагана — полувоенной милиции, которая в 1948 г., во время войны за независимость, вошла в состав сил обороны Израиля. Для Йадина открытие свитков также имело почти мистическое значение:

«Я не могу избавиться от чувства, что в самом открытии этих свитков и акте их приобретения в момент создания государства Израиль было что-то символическое. Можно подумать, что рукописи в пещерах целых две тысячи лет, со времени утраты израильтянами независимости, ждали того момента, когда народ Израиля возвратится на свою родину и вновь обретет свободу».

Примерно в конце января 1948 г. Сукеник выразил желание осмотреть свитки, находившиеся во владении митрополита Самуила. Встреча эта тоже носила тайный характер. Она происходила в британском секторе Иерусалима, в представительстве ИМКА[13], библиотекарь которого принадлежал к той же христианской конгрегации, что и митрополит. Меры безопасности были здесь особенно строгими, поскольку представительство ИМКА находилось прямо напротив отеля «Кинг Дэвид», подвергшегося в 1946 г. жестокой бомбардировке, повлекшей за собой многочисленные жертвы. Чтобы попасть в этот сектор, Сукенику пришлось получить пропуск за подписью директора Британского сектора, профессора Бирана.

Решив выдать себя за одного из преподавателей, Сукеник взял стопку библиотечных книг и направился в библиотеку ИМКА. Здесь, в потайной комнате, ему показали свитки из собрания митрополита и позволили взять их с собой для детального исследования.

6 февраля Сукеник возвратил их митрополиту, поскольку ему не удалось найти достаточно средств, чтобы приобрести их. К тому времени политическая и экономическая ситуация оказалась слишком напряженной, и никакой банк не мог позволить себе оказать спонсорскую поддержку в их покупке. Местные еврейские лидеры перед лицом надвигающейся войны не хотели тратить средства на подобные вещи. В приобретении свитков не был заинтересован никто...

Сукеник попытался добиться снижения цены, и сирийский агент, представлявший интересы митрополита, предложил устроить новую встречу, которая должна была состояться неделю спустя. К тому времени Сукеник, что называется, «созрел» и был готов заплатить требуемую сумму. Однако он так и не дождался приглашения ни от митрополита, ни от его агента; через несколько недель сириец прислал письмо с уведомлением, что митрополит решил вообще не продавать свитки. Сукеник так и не узнал, что в то время полным ходом шли переговоры с американскими учеными, которые успели сфотографировать свитки, оценили их по достоинству и утверждали, что в США их можно продать за гораздо более высокую цену. Нечего и говорить, что Сукеник был буквально убит упущенной возможностью.

В феврале митрополит установил контакт с базировавшимся в Иерусалиме институтом Олбрайта (Американская школа исследований в области ориенталистики), и полный комплект снимков был незамедлительно направлен в институт, чтобы с ними мог ознакомиться признанный специалист в этой области, профессор Уильям Ф. Олбрайт, сотрудник университета Джона Хопкинса. 15 марта профессор Олбрайт обратился к Сукенику за советом, чтобы узнать его мнение о важности открытия свитков и подлинности

---

[13] ИМКА *(англ.* YMCA, сокр. от «Young Men Christian Association») — Христианский союз молодых людей *(прим. перев.).*

Кумранских текстов. Тем самым он невольно выступил в поддержку тех, кто высказывался в пользу возможно более ранней датировки свитков:

«Примите мои сердечные поздравления с величайшим открытием нашего времени, — открытием этих рукописей! На мой взгляд, нет никаких сомнений, что тип письма более древний, чем на папирусе Нэша... Я предпочел бы датировать его примерно 100 г. до н. э. Это поистине невероятная находка! И, к счастью, не может быть ни малейшего сомнения в подлинности этих манускриптов».

18 марта был издан соответствующий пресс-релиз. Тем временем свитки были переправлены в Бейрут и легли на полісу банковского сейфа. Позже в том же году митрополиту Самуилу пришлось забрать их оттуда, и в январе 1949 г. он увез их в Соединенные Штаты, где они и пролежали ближайшие несколько лет в подвале одного нью-йоркского банка.

14 апреля того же года появился выпущенный Йельским университетом пресс-релиз, в котором профессор Миллар Барроуз, занимавший пост директора института Олбрайта, был назван руководителем отделения ближневосточных языков. Пресс-релиз этот заслуживал доверия далеко не во всем. Никому не хотелось, чтобы в Кумран на поиски рукописей ринулись толпы дилетантов (или конкурентов), и поэтому было объявлено, что открытие свитков было сделано... в библиотеке монастыря митрополита Самуила. Тем не менее благодаря этому сообщению, появившемуся более года спустя после их открытия, широкая общественность узнала о существовании свитков Мертвого моря. В «The Times» от 12 апреля 1948 г. на с. 4 была опубликована следующая статья под заголовком «В Палестине найдены древние манускрипты».

«Нью-Йорк, 11 апреля. Вчера Йельский университет сообщил об открытии в Палестине наиболее ранней на сегодня рукописи книги пророка Исайи. Рукопись была найдена в сирийском монастыре Св. Марка в Иерусалиме, где она сохранилась в виде пергаментного свитка, датируемого примерно I в. до н. э. Совсем недавно она была идентифицирована учеными Американской школы исследований в области ориенталистики (институт Олбрайта. — Прим. переев) *в Иерусалиме.*

В той же школе были иследованы три других древнееврейских свитка. Один из них представлял собой часть толкований на книгу пророка Аввакума, другой, по всей видимости, был сводом дисциплинарных правил некой сравнительно малоизвестной секты или монашеского ордена, возможно — ессеев. Содержание третьего свитка пока не установлено».

Никто не рассчитывал, что публикация этой заметки вызовет переполох в научном мире. Она не вызвала особого интереса у большинства читателей «Times», и ее вполне могли отодвинуть на второй план другие новости, опубликованные на той же странице. Так, например, сообщалось, что четырнадцать немецких офицеров СС, командовавших карательными отрядами на Восточном фронте, были приговорены к повешению. По словам главного обвинителя, этот приговор «явился важной вехой в кампании против расовой нетерпимости и ненависти». Здесь же сообщалось о кровавой резне, устроенной в прошлую пятницу на Святой земле. Две еврейских террористических организации — Иргун и Штерн Ганг («Звездный путь») — вырезали всех жителей арабской деревни Дейр-Ясин, насилуя девушек, убивая мужчин, женщин и детей. Даже еврейское агентство новостей, сообщая о случившемся, выразило «ужас и отвращение». В общем, судя по другим заметкам, помещенным на той же странице, в Иерусалиме шли бои. Артиллерия арабов обстреливала западный сектор города. Из Сирии поступали целые партии новейших полевых орудий, которые тотчас нацеливались на еврейские кварталы. Подача воды в город была нарушена,

железнодорожное сообщение прервано. Ожидалось возобновление боев на дороге Тель-Авив — Иерусалим. Там же, на Святой земле, арабские террористы убили двух британских солдат, а еврейские боевики — одного. (Сорок два года спустя, когда эти данные проверялись и копировались с микропленки в местной библиотеке, поступило сообщение, что в помещении заложена бомба, и посетителей пришлось спешно эвакуировать. *Словом, здесь ничего не изменилось..?)*

Боевые действия и акты жестокости на Ближнем Востоке продолжились и в следующем году. 14 мая 1948 г., то есть накануне дня, когда истекал срок действия британского мандата на управление Палестиной, в музее Тель-Авива собрался Еврейский народный совет, провозгласивший создание своего собственного независимого государства — Израиля. Ответ со стороны арабских стран последовал незамедлительно. В ту же ночь арабская авиация бомбила Тель-Авив. В последующие шесть с половиной месяцев упорных боев в Израиль вторглись войска Египта, Саудовской Аравии, Трансиордании[14], Сирии, Ирака и Ливана, а король Трансиордании провозгласил себя монархом всей Палестины.

Наконец, 7 января 1949 г. наступило долгожданное прекращение огня. Согласно условиям перемирия, большая часть Центральной Палестины осталась арабской. Эта территория была оккупирована, а впоследствии аннексирована Трансиорданией, которая начиная со 2 июня 1949 г. стала именоваться Иорданией. Таким образом, Кумран, так же как и арабский восточный сектор Иерусалима, перешел под управление властей Иордании.

А граница между Израилем и Иорданией, роль которой выполняла дорога на Наблус, проходила прямо через центр города.

На фоне всех этих драматичных исторических событий свитки Мертвого моря не привлекали особого внимания и интереса широкой общественности. Но за кулисами событий уже началась активная мобилизация политических, религиозных и научных сил. К январю 1949 г. в этот процесс включился отдел древностей Трансиордании и арабской Палестины под руководством своего директора, Джеральда Ланкастера Хардинга. Так же поступил и отец Ролан де Во, занимавший с 1945 г. пост директора другой организации — французской Библейской школы, которая финансировалась доминиканским орденом и размещалась в восточном секторе Иерусалима, контролировавшемся Трансиорданией. Эта школа на протяжении последних шестидесяти лет была и остается крупнейшим центром франкокатолической библеистики в городе.

С момента находки свитков прошло полтора года. Однако до сих пор ни один квалифицированный археолог так и не побывал на месте находки. Правда, институт Олбрайта собирался было направить своих археологов, но руководство сочло, что война делает подобную акцию слишком опасной. В этот момент на сцене событий появился офицер бельгийских ВВС капитан Филип Липпенс. Липпенс прибыл в Иерусалим в качестве члена комиссии ООН по наблюдению за перемирием. Он прошел обучение у отцов-иезуитов и был выпускником Института ориенталистики Лувэйнского университета. Он уже читал о свитках и сразу же установил контакт с де Во, который до сих пор был настроен весьма скептически в вопросе о ценности свитков. Липпенс поинтересовался: если ему удастся установить местонахождение пещеры, где были обнаружены свитки, согласится ли де Во придать этой акции легитимность, выступив в роли технического директора предполагаемых раскопок? Де Во заверил его в своем содействии.

---

[14] Сегодня — Иордания или, точнее, Хашимитское королевство Иордании *(прим. перев.)*.

24 января Липпенс заручился поддержкой британского офицера, командира бригады иорданского арабского легиона, и через этого офицера — поддержкой Ланкастера Хардинга в Аммане. С благословения Хардинга в Кумран был откомандирован штатный археолог британской армии, в задачу которого входило обследование пещеры, где были найдены свитки. Его сопровождали двое бедуинов из арабского легиона, которые 28 января обнаружили местонахождение пещеры. Проникнув внутрь пещеры, они нашли обрывки истлевших льняных тканей, в которые были завернуты свитки, и множество глиняных черепков. А через полторы-две недели, в начале февраля, на осмотр пещер приехали Хардинг и де Во. Они нашли черепки от более чем сорока кувшинов и клочки пергамента с узнаваемыми фрагментами текста, а также массу обрывков, не поддающихся идентификации. А еще через две недели к пещере была направлена первая официальная археологическая экспедиция.

В последующие годы свитки сделались одной из статей бизнеса, и нелегальный вывоз их превратился в исключительно прибыльное дело. Фрагменты свитков вывозились в грязных дорожных сумках, в коробках с сигаретами и прочих импровизированных контейнерах. Начали появляться и подделки, и плутоватые местные торговцы не испытывали недостатка в покупателях. Бульварная пресса провозглашала все, хотя бы отдаленно напоминающее древние пергаменты, огромной ценностью. В результате подобной шумихи арабские коммерсанты отказывались продавать любые клочки свитков менее чем за сотни, а в одном случае даже за тысячи фунтов. Напомним, что все это происходило во времена, когда *средний* дом стоил примерно 1500 фунтов стерлингов.

Когда митрополит Самуил увез свои свитки в США, иорданское радио заявило, что он будто бы запросил за них миллион долларов. Возникли опасения, что свитки могут быть приобретены не только частными коллекционерами и в качестве экзотических сувениров, но и как выгодное капиталовложение. В то же время сами свитки, естественно, были крайне хрупкими, и для их хранения и защиты от дальнейшей порчи требовались особые условия температуры и влажности. И действительно, процесс порчи многих из них уже успел принять необратимый характер. Как только в дело вмешался черный рынок, большая часть наиболее ценных материалов оказалась необратимо утраченной для науки.

Ответственность за сложившуюся ситуацию в значительной мере была возложена на того же Джеральда Ланкастера Хардинга из отдела древностей. Хардинг придерживался мнения, что настаивать на соблюдении буквы закона не так важно, как спасти возможно больше свитков и фрагментов. Поэтому он придерживался практики покупки свитков и фрагментов у всех, кто ими реально владеет. Это обеспечивало таким материалам законный статус, как бы негласно признавая, что всякий, кто владеет ими, имеет на это законное право. При совершении сделок и приобретении материалов агенты Хардинга имели право игнорировать любые вопросы законности и (до определенного предела) цены. Сам Хардинг, свободно владевший арабским, сумел установить контакты не только с торговцами, но и с бедуинами, стремясь показать всем, что он готов щедро платить за все, что они сумеют раздобыть для него.

Тем не менее митрополит Самуил был обвинен в «похищении» и вывозе свитков из страны, и правительство Иордании потребовало их возвращения. Но к тому времени было уже поздно. Бедуинам из племени та-амирех была предоставлена своего рода «монополия на право поисков в пещерах». Окрестности Кумрана мигом превратились в некое подобие военной зоны, и поддержание порядка в ней было возложено на тех же та-амирех, которым предстояло «не позволять представителям других племен участвовать в поисках свитков». Все свои находки люди племени та-амирех обязаны были передавать Кандо, который был должен выплачивать им вознаграждение. Кандо должен был передавать находки Хардингу и, в свою очередь, получать от него вознаграждение за труды.

В октябре 1951 г. представители племени та-амирех прибыли в Иерусалим и привезли с собой свитки, найденные в новой пещере. Отца де Во из Библейской школы и Хардинга в городе не оказалось, и бедуины решили обратиться к Джозефу Сааду, директору Рокфеллеровского музея. Саад потребовал показать ему место, где были найдены свитки. Бедуины ушли, решив посоветоваться, и более не возвращались.

Саад раздобыл джип, рекомендательное письмо от штатного археолога арабского легиона, захватил с собой несколько вооруженных людей и отправился к первой стоянке племени та-амирех за пределами Вифлеема, которую ему удалось найти. На следующее утро на пути в Вифлеем он увидел одного из тех людей, которые приходили к нему накануне. Саад без лишних церемоний решил похитить бедного бедуина.

«Как только джип остановился, Саад окликнул бедуина и потребовал от него сообщить информацию о пещере. В глазах араба мелькнул страх, и он сделал вид, что собирается убежать. Тогда солдаты, выскочив из джипа, преградили ему путь. Затем, когда Саад едва заметно кивнул головой, они схватили араба и втолкнули его в кузов джипа. Водитель включил мотор, и они помчались по дороге в обратном направлении».

Оказавшись в безвыходном положении, бедуин согласился сотрудничать с Саадом. На ближайшем военном КПП Саад взял подкрепление, и небольшой отряд направился вдоль вади[15] Та-Амирех в сторону Мертвого моря. Когда рельеф местности стал совсем непреодолимым для джипа, они бросили его и продолжили путь пешком. Они прошли добрых семь часов, пока не достигли берегов вади, высота стенок которого достигала нескольких сот футов. Прямо перед ними в стене скального массива виднелись два больших проема пещер, вокруг которых клубились тучи пыли. Бедуины успели проникнуть внутрь и забрали все, что только можно было там найти. Увидев отряд Саада, некоторые из них тут же исчезли. Солдаты, сопровождавшие Саада, начали стрелять в воздух, и все бедуины поспешно покинули пещеры. Из двух пещер, обнаруженных отрядом, одна была огромной: двадцать футов (6 м) в ширину, от двенадцати (3,6 м) до пятнадцати (4,5 м) в высоту и примерно 150 футов (45 м) в глубину. В Иерусалим Саад возвратился лишь на следующее утро. Измученный долгой экспедицией (которая включала в себя 14-часовой пеший переход), он заснул. Проснувшись в конце дня, он обнаружил, что в Иерусалиме поднялся настоящий бунт. Друзья бедуина разнесли весть о том, что его похитили и бросили в тюрьму. Один наблюдатель заметил даже, что применение военной силы было ошибкой, которая заставила владельцев спрятать имевшиеся у них документы, а бедуинов — быть более осторожными, сообщая о своих находках.

Итогом экспедиции Саада стало открытие четырех пещер на берегу вади Мурабба'ат, расположенных в одиннадцати милях к югу от Кумрана и на расстоянии примерно двух миль от берега Мертвого моря. Материалы, найденные там, было гораздо проще датировать и идентифицировать, чем собственно Кумранские свитки, но по важности мало уступали последним. Они восходили к началу II в. н. э., точнее — ко времени восстания в Иудее, поднятого Симоном бар Кохба между 132 и 135 гг. н. э. В их числе находилось и два письма, подписанные самим Симоном и содержавшие ряд новых сведений об управлении, экономике и структуре гражданской администрации у восставших, которые в какой-то момент были буквально на волосок от успеха, когда Симон захватил Иерусалим, отобрав его у римлян, и почти два года удерживал город в своих руках. По словам Роберта Эйзенмана, это восстание явилось прямым продолжением событий, имевших место в предыдущем веке, — событий, в

---

[15] В а д и — древние и средневековые оросительные каналы на землях Ближнего и Среднего Востока. Некоторые из них имели большую глубину и протяженность *(прим. перев.).*

которых принимали участие те же самые иудейские семьи и в основе которых лежали те же принципы, которыми, возможно, руководствовался и сам Иисус.

Вскоре после открытия пещер у вади Мурабба'ат раскопки вокруг Кумрана получили новый импульс. Возвратившись в Святую землю из Европы, отец де Во вместе с Хардингом и пятнадцатью рабочими начал активные раскопки. Раскопки эти велись на протяжении последующих пяти лет, вплоть до 1956 г. Помимо прочих находок, археологи раскопали целый комплекс построек, который был идентифицирован как «община ессеев», о которой упоминает Плиний[16].

Плиний погиб в 79 г. н. э. во время извержения вулкана Везувий, в результате которого под вулканическим пеплом были погребены римские города Помпеи и Геркуланум. Из многочисленных трудов Плиния до нас дошла только «Естественная история», в которой, однако, упоминаются некоторые аспекты топографии и события, имевшие место в Иудее. Нам неизвестно, какими источниками пользовался Плиний, но в его тексте есть упоминание о разорении Иерусалима в 68 г. н. э., и, следовательно, он был написан после этой катастрофы. Впоследствии возникла даже легенда (убедительно опровергнутая в наши дни) о том, что Плиний, как и Иосиф[17], сопровождал римскую армию во время ее вторжения в Палестину. Как бы то ни было, Плиний Старший — один из немногих античных авторов, который не просто упоминает об ессеях, но и указывает географические координаты их общины. Весьма примечательно, что он указывает их верно: на побережье Мертвого моря.

«На западной стороне Мертвого моря, на некотором удалении от ядовитых прибрежных испарений, живет уединенное племя ессеев, которое отличается от всех прочих племен на свете тем, что среди них нет женщин, ибо они отреклись от половых вожделений, не имеют денег, а единственные их друзья — пальмы. Изо дня в день толпы беженцев пополняются все новыми и новыми людьми, умножая и без того бесчисленные ряды гонимых, уставших от жизни и побуждаемых волнами фортуны принять их (ессеев. — Прим. переев *уставы и обычаи... Ниже [общины] ессеев прежде находился город энгедов... а еще дальше — Масада».*

Де Во считает, что этот пассаж относится к Кумрану, предполагая, что слова «ниже ессеев» означают «дальше», то есть южнее. Иордан, по его словам, течет «вниз», или на юг, к Мертвому морю. И если продолжить путь далее на юг, то вскоре действительно можно попасть в город энгедов. Другие ученые оспаривают утверждение де Во, заявляя, что слова «ниже ессеев» следует понимать буквально и что община ессеев действительно располагалась на холмах *над* поселением энгедов.

Де Во решил продолжать свои изыскания независимо от того, был ли Кумран тем самым городом, о котором упоминает Плиний, или нет. Весной 1952 г. он вознамерился перехватить у бедуинов инициативу в проведении раскопок и начал систематические обследования всех пещер, находящихся в окрестностях. Эти обследования продолжались с 10 по 22 марта 1952 г.; их проводили сам де Во, трое других членов Библейской школы и Уильям Рид, новый директор института Олбрайта. В работах принимала участие и группа из

---

[16] Имеется в виду Гай Плиний Старший, римский мыслитель и естествоиспытатель, дядя знаменитого Плиния Младшего, римского администратора и автора многочисленных эпистол (писем), принесших ему широкую известность *(прим. перев.).*

[17] Имеется в виду Иосиф Флавий, римский историк иудейского происхождения, автор знаменитых трудов «Иудейская война» и «Иудейские древности», познакомивших римских читателей с миром и ценностями иудейской культуры *(прим. перев.).*

24 бедуинов под руководством трех иорданских и палестинских археологов[18]. Стоит ли удивляться, что вся тяжелая работа легла на плечи бедуинов, которые карабкались по крутым и часто обрывистым склонам утесов, обследуя пещеры. Сами же археологи предпочитали оставаться внизу, работая с геодезическими инструментами и составляя карты и схемы. В результате обследование оказалось далеко не полным. Так, например, бедуины предпочитали не выдавать местонахождение некоторых из числа обнаруженных ими пещер. Некоторые свитки воскресли из небытия гораздо позже. А один, насколько нам известно, у бедуинов так и не удалось выкупить.

В общей сложности в ходе этих обследований было осмотрено более пяти миль скальных стенок. По утверждению де Во, было обследовано 2б7 объектов, а по словам Уильяма Рида — 273. По свидетельству де Во, было обнаружено 37 пещер, где была найдена древняя керамика. По замечанию Рида, таких пещер насчитывалось 39. На официальной карте, составленной по завершении работ, указано 40 таких пещер. Число сосудов, которые можно было бы составить из этих черепков, превышает сотню — цифра весьма смелая. Впрочем, подобные неточности и расхождения типичны для исследований Кумранских пещер.

Но хотя обследования 1952 г. носили дилетантский характер, они подарили ученым одно уникальное открытие. 20 марта, за два дня до даты завершения работ, в раскопе, обозначенном как пещера 3, поисковая бригада обнаружила два свитка или, лучше сказать, два фрагмента одного и того же свитка из листовой меди. Текст на них был не написан, а вычеканен на металле. Увы, окисление сделало металл слишком хрупким, и развернуть его оказалось невозможно. Прежде чем приступать к чтению, свиток необходимо было разрезать на пластины в лаборатории. Прошло три с половиной года, прежде чем правительство Иордании дало разрешение на подобную операцию. И когда разрешение наконец было получено, прецизионная резка свитка была проведена в Манчестере под наблюдением Джона Аллегро, члена группы де Во. Первый сегмент свитка был получен летом 1955 г., второй — в январе 1956 г.

Свиток оказался описью сокровищ: он был компиляцией или перечнем золота, серебра (ритуальные сосуды и свитки). По-видимому, перед лицом угрозы нападения римлян сокровища были разделены на несколько тайных хранилищ, и «медный свиток», как его стали именовать, детально перечислял содержимое каждого тайника. Приведем один пример:

«Пункт 7. В пещере Старого дома податей, в Платформе на цепи: шестьдесят пять брусков золота».

По мнению исследователей, общий объем сокровищ мог составлять примерно шестьдесят пять тонн серебра и, видимо, двадцать шесть тонн золота. Однако по сей день трудно однозначно ответить на вопрос о том, существовали ли подобные сокровища в действительности. Тем не менее большинство ученых склонны считать, что они действительно существовали и что медный свиток представляет собой вполне точную и достоверную опись сокровищ Иерусалимского Храма. К сожалению, местонахождение тайников, указанные в свитке, со временем утратило всякий практический смысл, ибо за два тысячелетия здесь многое изменилось, и сокровища так никогда и не были найдены. Но можно не сомневаться, что за истекшие века их пытались отыскать многие.

---

[18] Подробный рассказ об этих исследованиях можно найти в следующих публикациях: De Vaux «Исследование района Кумрана», pp. 540ff; Reed «Экспедиция в кумранские пещеры в марте 1952 г.», pp. 8ff.

В сентябре 1952 г., спустя шесть месяцев после этого официального обследования, был обнаружен новый источник свитков. Это была пещера, расположенная на высоте около пятидесяти футов (15 м) над самими развалинами Кумрана, где в 1951 г. де Во и Хардинг вели активные раскопки. Здесь, в тайнике, обозначенном на карте как пещера 4, было сделано, без преувеличения, самое крупное открытие, и его «автором», как нетрудно догадаться, вновь оказался бедуин. Чтобы собрать и привести в порядок найденный здесь материал, потребовалось несколько лет. Однако к 1959 г. большая часть фрагментов свитков была разобрана и идентифицирована. Работы велись в Рокфеллеровском музее, в большом помещении, которое получило эффектное название — Зал свитков.

Рокфеллеровский музей, или, если воспользоваться его официальным названием, Палестинский археологический музей, был открыт в 1938 г., когда Палестина была британской подмандатной территорией. Построен он был на средства, выделенные Джоном Д. Рокфеллером. В нем находились не только экспозиционные залы, но и лаборатории, фотостудии и офисы отдела древностей. Незадолго до окончания срока действия мандата, который истек в 1948 г., музей перешел под управление Международного совета попечителей. Совет этот состоял из представителей различных иностранных археологических школ, располагавшихся в Иерусалиме, в частности французской Библейской школы, американского института Олбрайта и британского Общества по изучению Палестины. На протяжении восемнадцати лет Рокфеллеровский музей существовал как независимая организация. Ему удалось сохранить свой статус даже после Суэцкого кризиса 1956 г., когда многие из его сотрудников были отозваны домой, в страны, гражданами которых они были. Единственными жертвами кризиса в музее стал Джеральд Ланкастер Хардинг, смещенный со своего поста директора отдела древностей, и сами свитки. Во время боевых действий они были вывезены из музея, помещены в тридцать шесть контейнеров и убраны в сейфы одного из банков Аммана. В Иерусалиме они отсутствовали вплоть до марта 1957 г., и, по словам одного источника, «некоторые из них слегка заплесневели [sic!] и покрылись пятнами от пребывания в сыром подвале».

Тем не менее в 1966 г. Рокфеллеровский музей, вместе с находившимися в нем свитками, был официально национализирован правительством Иордании. Эта акция имела важные последствия. К тому же законность ее была весьма спорной. Однако совет попечителей музея не пытался воспрепятствовать ей. Наоборот, президент совета попечителей перевел средства финансирования музея из Лондона, где они хранились до сих пор, в Амман. В результате и сами свитки, и музей, где они размещались, стали собственностью Иордании.

А на следующий год на Ближнем Востоке вспыхнула так называемая Шестидневная война, и восточный Иерусалим, считавшийся владением Иордании, был оккупирован израильскими войсками. В 5 часов утра 6 июня 1967 г. Йигаэль Йадин получил информацию о том, что музей захвачен отрядом израильских парашютистов.

Став в 1949 г. начальником штаба сил обороны Израиля, Йадин в 1952 г. ушел в отставку и изучал археологию в Еврейском университете. В 1955 г. он получил ученую степень доктора, причем темой его диссертации были свитки Мертвого моря. В том же году он начал преподавательскую деятельность в Еврейском университете. В 1954 г. он совершил поездку в США и прочел курс лекций. После переговоров в университете Джона Хопкинса он имел встречу с профессором Уильямом Ф. Олбрайтом и поинтересовался, почему американский ученый опубликовал только три из четырех свитков митрополита Самуила. Олбрайт отвечал, что митрополит намерен продать эти свитки и не позволяет публиковать их полностью до тех пор, пока не найдется покупатель на все четыре памятника. Неужели в Соединенных Штатах не найдется покупателя, спросил Йадин: «Право, найти несколько миллионов долларов для такой сделки —- дело не слишком трудное». Ответ Олбрайта

поразил его. По его словам, свитки, вероятно, могут быть проданы всего за полмиллиона долларов. Но даже в таком случае ни одно учреждение или частное лицо в Америке не проявляет к ним никакого интереса.

Причина подобной апатии была двоякой. Прежде всего, к тому времени уже были выпущены факсимильные издания первых трех свитков, а это для большинства американских исследователей делало излишним приобретение самих оригиналов. Во-вторых, еще более важное значение имел вопрос о статусе права собственности на эти свитки. Правительство Иордании обвинило митрополита Самуила в том, что он — «контрабандист и изменник», утверждая, что митрополит не имел права вывозить свитки из Иордании. Более того, американцы, способствовавшие публикации контрабандных текстов, были обвинены в соучастии в «преступлении». Нечего и говорить, что подобная ситуация отпугивала потенциальных покупателей, которые отнюдь не горели желанием выложить изрядную сумму денег только за то, чтобы оказаться втянутым в запутанное международное судебное разбирательство, которое, вполне возможно, могло закончиться для них потерей денег. У Йадина же, напротив, не было оснований опасаться иорданских властей. Отношения между его страной и Иорданией были окончательно испорчены.

1 июня Йадину позвонил один израильский журналист, аккредитованный в Соединенных Штатах, который привлек его внимание к объявлению, опубликованному в «Wall Street Journal». Йадин отреагировал немедленно, намереваясь приобрести свитки, однако он сознавал, что прямой контакт может погубить все дело. Поэтому он предпочел действовать исключительно через посредника, в роли которого выступил американский банкир, якобы откликнувшийся на предложение. Встреча сторон была намечена на 11 июня 1954 г., цена — 250 тысяч долларов за все четыре свитка — была без проблем согласована, и сразу же нашелся богатый благотворитель, готовый выложить нужную сумму. Наконец, после целого ряда томительных задержек, 1 июля того же года в «Вальдорф Астория» сделка была заключена. В числе присутствовавших при этом был выдающийся ученый Гарри Орлински, роль которого сводилась к тому, что он подтвердил подлинность свитков. Чтобы скрыть причастность Израиля и еврейских кругов к этой сделке, Орлински был представлен присутствующим как «мистер Грин».

На следующий день, 2 июля 1954 г., свитки были извлечены из подвалов «Вальдорф Астория» и доставлены в консульство Израиля в Нью-Йорке. Каждый свиток был отправлен в Израиль по отдельности. Сам Йадин возвратился на родину морским путем, и для передачи ему сообщений об успешной доставке каждого свитка использовался специальный код. Детали этой сделки сохранялись в тайне на протяжении последующих семи месяцев.

Соответствующий пресс-релиз, сообщавший о ней, был опубликован лишь 13 февраля 1955 г. В нем говорилось, что Израиль приобрел у митрополита Самуила четыре свитка. Свитки эти вместе с тремя свитками, приобретенными ранее стараниями Сукеника, хранятся теперь в Хранилище книги, которое было создано специально для них.

К концу 1954 г. существовало уже два независимых собрания материалов свитков и две самостоятельные бригады экспертов, работавших с ними. В западном Иерусалиме это были израильские ученые, посвятившие свой труд изучению свитков, приобретенных Сукеником и Йадином. В восточном Иерусалиме, в уже знакомом нам Рокфеллеровском музее, трудилась международная группа специалистов, работавшая под руководством де Во. Обе группы не имели никаких контактов друг с другом. Их сотрудники не знали, какими материалами располагают их коллеги-соперники и над чем они работают, за исключением скудных утечек информации через публикации в научных журналах. В ряде случаев весьма важные тексты существовали в виде фрагментов, часть которых находилась в руках израильтян, а другая — у их коллег в Рокфеллеровском музее, что, разумеется, крайне затрудняло реконструкцию и

прочтение текста в целом. Сложившаяся ситуация была настолько смехотворной, что некоторые исследователи пытались как-то изменить ее. Ариэль Шарон, генерал-майор в отставке[19], вспоминает, что тогда, в конце 1950-х гг., они вместе с Моше Даяном прорабатывали план подземного рейда с целью захвата Рокфеллеровского музея. Подобный рейд предполагалось осуществить через канализационную систему Иерусалима. Врял ли стоит говорить, что план этот так и не был осуществлен.

И вот теперь, в 1967 г., услышав о захвате Рокфеллеровского музея, Йадин немедленно направил трех своих коллег из Еврейского университета выяснить, в безопасности ли бесценные свитки. Он прекрасно сознавал важность происходящего. Поскольку Рокфеллеровский музей более не являлся международной организацией, а был собственостью Иордании, свитки могли перейти в руки израильтян в качестве военных трофеев.

---

[19] Сегодня Ариэль Шарон занимает пост премьер-министра Израиля *(прим. переев)*.

2. Международная группа

Йигаэль Йадин рассказал о событиях 1967 г. в интервью Дэвиду Прайс-Джонсу, состоявшемся в начале 1968 г. По его словам, он прекрасно понимал, что другие свитки находятся где-то рядом и что Кандо, торговец, принимавший участие в первой сделке по продаже свитков, знал, где они хранятся. Поэтому Йадин направил в дом Кандо в Вифлееме других членов совета в сопровождении трех офицеров. Кандо был задержан и под охраной доставлен в Тель-Авив. После долгих допросов, продолжавшихся пять дней, он пригласил офицеров к себе домой и передал им свиток, который он прятал у себя на протяжении шести лет. Свиток этот стал исключительно важным открытием: это был так называемый Храмовый свиток, текст которого был впервые опубликован в 1977 г.

Прайс-Джонс взял также интервью у отца де Во, который был крайне возмущен всем происходящим. По словам Прайс-Джонса, де Во назвал израильтян «нацистами»: «Его лицо так и пылало, когда он заявил, что израильтяне могут воспользоваться захватом Иерусалима как предлогом для переноса всех свитков Мертвого моря из Рокфеллеровского музея в Хранилище книги». Он опасался и за свое собственное положение, и за возможность доступа к свиткам, поскольку, как выяснил Прайс-Джонс, «отец де Во запретил допускать любого еврея к работе по изучению свитков Мертвого моря».

К счастью, опасения отца де Во оказались беспочвенными. В политической и военной ситуации, сложившейся после Шестидневной войны, израильтян волновали совсем иные проблемы. Йадин и профессор Биран, который в 1961 — 1974 гг. занимал пост директора департамента древностей Израиля, были готовы подтвердить сложившийся статус-кво, и де Во вновь получил доступ к свиткам — при условии, что их публикация будет ускорена.

В 1952 г. в пещере 4 было обнаружено в общей сложности более восьмисот свитков. Чтобы разобраться в этом море материала, был сформирован международный комитет ученых и специалистов, каждому из членов которого были предоставлены разнообразные тексты оригиналов на предмет их изучения, толкования, перевода и подготовки к публикации. Комитет этот, номинально подчинявшийся департаменту древностей Иордании, фактически работал под руководством отца де Во. Впоследствии де Во стал и главным редактором серии публикаций свитков Мертвого моря — многотомного свода «Открытия в Иудейской пустыне», выпускаемого издательством «Оксфорд Юниверзити Пресс». И преподобный отец оставался на этом посту вплоть до своей кончины, последовавшей в 1971 г.

Ролан де Во родился в Париже в 1903 г. Готовясь к принятию священного сана, он в 1925—1928 гг. учился в семинарии Сен-Сюльпис, изучая арабский и арамейский языки. В 1929 г. он вступил в ряды ордена доминиканцев, при содействии которых и был переведен в Библейскую школу в Иерусалиме. В 1934 г. началась его преподавательская деятельность в этой школе, а с 1945 по 1965 г. он занимал пост ее директора. С 1938 по 1953 г. де Во был редактором журнала «Revue Biblique», издававшегося Библейской школой.

По мнению тех, кому довелось встречаться и лично знать его, де Во был колоритной, запоминающейся личностью, чем-то вроде «характерного» героя. Заядлый курильщик и обладатель густой бороды, он носил очки и темный берет. Кроме того, он всегда, даже на раскопках, носил свои белые монашеские одежды. Настоящий харизматик, известный своим темпераментом и энтузиазмом, де Во был прирожденным оратором и блестящим рассказчиком, питавшим особую страсть к публичным выступлениям. Это делало его идеальным оратором на всех публичных актах, в которых ему приходилось участвовать.

Один из его бывших коллег характеризует де Во как прекрасного ученого, но не слишком хорошего археолога.

Но за этим эффектным «фасадом» личности скрывался другой де Во: беспощадный, фанатичный, ограниченный, мстительный. В политическом отношении он был ярым правым. В молодые годы де Во был даже членом «Аксьон Франсез», военизированного католическо-националистического движения, возникшего во Франции в период между двумя мировыми войнами и исповедовавшего культ «крови и почвы». Движение это более чем симпатизировало диктаторским режимам, установившимся в Германии и Италии, и приветствовало триумфальную победу Франко в Испании. Нет никаких сомнений, что де Во был фигурой, мало подходящей для роли руководителя исследований свитков Мертвого моря. Дело в том, что де Во был прежде всего не просто ревностным католиком, а монахом, а это мало способствовало спокойному и взвешенному взгляду на крайне неоднозначный и даже взрывоопасный религиозный материал, попадавший к нему в руки. Более того, преподобный отец был враждебно настроен к государству Израиль как политической данности, неизменно называя эту страну Палестиной. На личном уровне он всегда был рьяным антисемитом. Один из его бывших коллег отмечает его откровенные нападки на израильтян, присутствовавших на его лекциях. После интервью с де Во Дэвид Прайс-Джонс заметил: «На мой взгляд, он вспыльчив и груб и даже слегка чокнутый». По мнению Магена Броши, тогдашнего директора израильского Хранилища книги, «де Во был бешеным антисемитом и столь же бешеным антиизраильтянином, но в то же время — лучшим партнером, какого только можно найти».

Таким был человек, на которого в определенный момент была возложена ответственность за судьбу свитков Мертвого моря. В 1953 г. совет попечителей Рокфеллеровского музея, председателем которого в то время был де Во, пригласил в свои ряды представителей различных иностранных археологических миссий — британской, французской, немецкой и американской, работавших в тот период в Иерусалиме. Между тем ни один израильтянин подобного приглашения не получил, несмотря на наличие целого штата квалифицированных специалистов из Еврейского университета. Совет обратился к каждой из этих школ с просьбой оказать посильную помощь в финансировании работ.

Первым ученым, назначенным при содействии де Во, стал профессор Фрэнк Кросс, в то время сотрудничавший с богословской семинарией Мак-Кормика в Чикаго и институтом Олбрайта в Иерусалиме. Кросс был рекомендован институтом Олбрайта и летом 1953 г. приступил к работе в Иерусалиме. Переданные ему материалы представляли собой специфические библейские тексты — свитки с толкованиями различных книг Ветхого Завета, обнаруженные в пещере 4 в Кумране.

Аналогичные материалы были переданы и монсиньору[20] Патрику Скиэну, также представлявшему Соединенные Штаты. В момент этого назначения он занимал пост директора института Олбрайта.

Отец Жан Старки, представлявший Францию, был назначен по рекомендации Библейской школы. В то время он был сотрудником Национального центра научных исследований (Франция). Старки, видному знатоку арамейского, было поручено изучение всего корпуса текстов на этом языке.

---

[20] Монсиньор — титул высокопоставленных представителей католического духовенства *(прим. перев.)*.

Германию в совете представлял доктор Клаус-Гунно Хунцингер. Ему было поручено изучение одного текста — так называемого Свитка Войны[21], а также обширного корпуса материалов, написанных на папирусе, а не на пергаменте. Впоследствии он вышел из состава группы, и его заменил другой французский прелат — отец Морис Байлье.

Еще одним протеже Библейской школы был отец Юзеф Милик, польский католический священник, переселившийся во Францию. Ученик и близкое доверенное лицо де Во, Милик получил в свое распоряжение особенно важный корпус материалов. В него входил целый ряд ветхозаветных апокрифов. Были в этом корпусе и так называемые «псевдопиграфические» творения — тексты, позднейшие толкователи которых, стремясь придать им большую авторитетность, приписывали их перу древних пророков и патриархов. И, что самое важное, в состав этих текстов входили так называемые «общинные материалы», — материалы, относившиеся непосредственно к жизни Кумранской общины, ее учению, ритуалам, распорядку и т. п.

Представителем Великобритании в этой международной группе был Джон М. Аллегро, работавший в то время над своей докторской диссертацией в Оксфорде под руководством профессора Годфри Р. Драйвера. Аллегро прибыл в Иерусалим, будучи агностиком. Он был единственным членом этой группы, не придерживавшимся определенных религиозных взглядов. Кроме того, он был единственным филологом среди своих коллег и уже успел зарекомендовать себя, опубликовав пять работ на страницах академических журналов. Таким образом, Аллегро оказался единственным членом группы, успевшим составить себе определенную репутацию *еще до* начала изучения свитков. Все прочие ее участники еще не успели снискать известность в научных кругах и сделали себе имя лишь впоследствии благодаря работе над свитками.

Аллегро было поручено исследовать свитки с толкованиями на библейские тексты (которые представляли нечто роде «секретарских материалов» типа тех, которые изучал и Юзеф Милик) и солидный корпус так называемых «благодарственных гимнов» — гимнов, псалмов, молитв и славословий морально-этического и поэтического характера. Надо признать, что материалы, над которыми работал Аллегро, оказались более «взрывоопасными», чем у любого из его коллег, да и сам он в то время был инакомыслящим, человеком независимых взглядов. Можно не сомневаться, что он без колебаний нарушал пресловутый консенсус, который настойчиво стремился установить де Во, и поэтому, как мы узнаем, был изгнан из группы, уступив место Джону Страгнеллу, также работавшему в докторантуре в Оксфорде. Страгнелл стал учеником Фрэнка Кросса.

На основании каких же принципов происходило распределение материалов и их передача тем или иным сотрудникам? Как решался вопрос о том, кому и над чем работать? Профессор Кросс в телефонном разговоре, отвечая на этот вопрос, заметил, что подобные вещи решались «посредством дискуссии и консенсуса, а также с благословения де Во»:

«Некоторые аспекты были самоочевидны; те из нас, кто был загружен преподавательской работой, просто не имели времени заниматься неизученными и наиболее сложными проблемами. Поэтому мы отбирали библейский, наиболее простой для понимания материал с точки зрения его идентификации и распределяли по принципу «подходит — не подходит». У нас были специалисты по арамейскому языку, например, Старки, и тексты на арамейском передавались им. Интересы некоторых ученых, перспективы исследований — словом, многое зависело от того, чем именно каждый из нас хотел заниматься. Подобные вопросы быстро согласовывались, и де Во давал свое благословение. Мы не просто сидели и

[21] Другое название — «Война сынов света с сынами тьмы» *(прим. перев.)*.

голосовали: у нас реально не возникало конфликтов на этой почве. Наша группа действительно работала на основе консенсуса».

Профессор Кросс подтверждает, что каждый из членов группы знал и понимал, чем конкретно занимаются его коллеги. Все материалы были разложены и хранились в общем помещении, так называемом Зале свитков, и каждый сотрудник имел право прогуляться по залу и посмотреть, над чем трудятся его коллеги[22]. Они, естественно, могли помогать друг другу в решении сложных проблем, требующих опыта и специальных знаний. Но это означало также, что, если один из членов группы работал с противоречивым или сенсационным материалом, это немедленно становилось известно всем остальным сотрудникам. Это дало основание Аллегро утверждать в конце жизни, что его коллеги скрывали наиболее сенсационные материалы или, по крайней мере, задерживали их публикацию. Другой независимо мыслящий ученый впоследствии признался, что в 1960-х гг. ему давали негласные распоряжения «медлить и не спешить», причем эта неспешность приобретала столь навязчивые черты, «что даже сумасшедший не выдержал бы и убежал подальше». Дело в том, что отец де Во хотел, насколько это возможно, избежать ситуаций, способных повергнуть в замешательство христианскую церковь и общественность. А некоторые из Кумранских рукописей вполне могли вызвать такую реакцию.

Де Во привык к ситуации, когда Рокфеллеровский институт вплоть до 1967 г. находился на территории восточного Иерусалима, подконтрольной Иордании. Израильтянам было запрещено появляться в этом секторе, и это давало антисемитски настроенному де Во удобный предлог для того, чтобы не допускать к исследованиям израильских специалистов, даже несмотря на то, что его группа, как считалось (пусть даже теоретически), отражала широкое многообразие интересов и подходов. Но хотя политикам удавалось не допускать израильтян в Восточный Иерусалим, тем все же можно было бы дать возможность ознакомиться с фотографиями и найти иные пути доступа к материалам. Но такой доступ был решительно закрыт.

Мы затронули эту тему в разговоре с профессором Бираном, губернатором израильского сектора Иерусалима и впоследствии директором департамента древностей Израиля. Он заявил, что иорданские власти с непоколебимым упорством отказывались позволить Сукенику или любому другому израильскому специалисту попасть на территорию этого сектора Иерусалима. Будучи губернатором, Биран обратился в комитет де Во с запросом, предлагая устроить встречу в израильском секторе и гарантируя полную безопасность. В проведении подобной встречи было отказано. Тогда Биран предложил продать Израилю отдельные свитки или хотя бы фрагменты, чтобы с ними могли ознакомиться израильские специалисты. Но и это предложение было отвергнуто. «Конечно, они могли бы прийти на встречу, — заметил в заключение профессор Биран, — но они чувствовали себя уверенно, обладая ими (свитками. — *Прим. перев.),* и не желали позволить

---

[22] Зал свитков представлял собой обширный зал, в котором стояло более двадцати столов на козлах. На этих столах были разложены свитки, расправленные и накрытые большими листами стекла. На фотографиях, сделанных в 1950-е гг., видно, что в зале полностью отсутствовали какие-либо меры по поддержанию микроклимата для сохранения материалов, большая часть которых уже начала портиться. Так, например, окна в зале были открыты, и ветер свободно раздувал шторы. Не было предпринято никаких попыток защитить свитки от жары, влажности, ветра, пыли или прямых солнечных лучей. Короче, все это бесконечно далеко от тех условий, в которых свитки хранятся сегодня. Сегодня они находятся в специальном подвальном помещении, залитом неярким рассеянным светом. Температура и влажность строго контролируются. Каждый фрагмент хранится между двумя слоями тонкого шелка, растянутого на прозрачной рамке *(прим. автора).*

никому другому ознакомиться с ними». В сложившейся политической ситуации свиткам не придавалось особого значения, и официальные израильские власти не желали оказать нажим, чтобы преодолеть это упорство академических кругов.

Ситуация стала еще более абсурдной вследствие того, что израильтяне, и впервую очередь, естественно, Еврейский университет, а также специально организованное Хранилище книги, уже обладали семью ценнейшими свитками, три из которых первоначально приобрел Сукеник, а еще четыре Йигаэль Йадин сумел выкупить в Нью-Йорке. Израильтяне, несомненно, вели свои исследования и публиковали их результаты более или менее ответственно, и, кроме того, все они были подотчетны Йадину и Бирану и тем более правительству и считались с мнением общественности и академических кругов. Что же касается группы из Рокфеллеровского музея, то она выглядела на этом фоне менее привлекательно. Имея солидные источники финансирования, располагая неограниченным временем и свободой, члены группы производили впечатление некого эксклюзивного клуба, самопровозглашенной элитной организации, почти средневекового ордена по своим установкам и монополизации материала. В Зале свитков, в котором они проводили свои исследования, царила псевдомонастырская атмосфера, окутывавшая все и вся. В этой связи вспоминается дух замкнутости и изолированности учения, описанный в том же романе «Имя Розы». «Эксперты», имевшие право доступа в Зал свитков, обладали в собственных глазах таким могуществом и престижем, что им было нетрудно убедить непосвященных в правоте своих воззрений. Как заметил в беседе с нами профессор Джеймс Б. Робинсон, координатор другой, более ответственной группы специалистов, переводивших тексты, обнаруженные в Египетской пустыне в окрестностях Наг-Хаммади, «открытие этих рукописей пробудило самые худшие инстинкты в ученых, бывших доселе вполне нормальными».

Поскольку международной группе исследователей удалось присвоить себе монопольное право на изучение материалов, она стремилась монополизировать и их толкование. В 1954 г., когда группа только приступила к работе, ученый-иезуит Роберт Норт уже предвидел опасность этого:

«Во всем, будь то датировка свитков или время их составления, особенности транскрипции и хранения, достигнут некий консенсус, который является неубедительным и нестабильным. Он неубедителен, поскольку основан на целом ряде противоречащих друг другу постулатов, а в качестве основы для дискуссии предлагает «рабочую гипотезу». Крохме того, в нем присутствует и ложная стабильность. Поэтому важно отметить ложность и шаткость многих посылок».

Увы, предостережения Норта упорно игноривались. На протяжении последующего десятилетия действительно сложился «консенсус» — если воспользоваться термином Роберта Эйзенмана — во взглядах, разделявшихся членами международной группы, которая работала под руководством преподобного де Во в Рокфеллеровском музее. Здесь сложилась строгая ортодоксальность прочтений и толкований, любое уклонение от которых расценивалось как ересь.

Подобная ортодоксальность толкований, которая с годами приобретала все более и более догматический характер, была выразительно сформулирована отцом Юзефом Миликом в его книге «Десятилетие со дня открытия в Иудейской пустыне», опубликованной в 1957 г. во Франции. Спустя два года книга Милика была переведена на английский другим членом международной исследовательской группы отца де Во — Джоном Страгнеллом. К тому времени уже появилось первое английское изложение пресловутого «консенсуса», представленное в публикации «Древняя Кумранская библиотека». Ее автором был профессор Фрэнк Кросс, учитель Страгнелла. Окончательные же штрихи в формулировке принципов «консенсуса» были выполнены самим отцом де Во в цикле лекций, прочитанных им в 1959 г.

в Британской академии и опубликованных в 1961 г. в книге, озаглавленной «Археология и рукописи Мертвого моря». Всякий, кто дерзнул бы бросить вызов этим принципам, рисковал навсегда подорвать свою репутацию.

В 1971 г., после кончины отца де Во, сложилась чрезвычайная ситуация. Хотя преподобный отец вроде бы не имел намерения присвоить свитки, он тем не менее завещал свои права на них одному из своих коллег, преподобному Пьеру Бенуа, также являвшемуся членом доминиканского ордена и впоследствии ставшему преемником де Во на посту руководителя международной группы ученых, а также Библейской школы. Сам факт наследования отцом Бенуа прав, привилегий и прерогатив де Во по контролю за доступом к свиткам явился делом совершенно беспрецедентным в научных кругах. С точки зрения закона это был крайне редкий случай. Еще более неожиданным оказалось то, что научный мир не воспротивился подобной «передаче прав». Когда мы задали профессору Норману Гольбу из Чикагского университета вопрос о том, как столь сомнительная акция вообще могла иметь место, он ответил, что противиться ей было «совершенно безнадежным делом».

Воспользовавшись завещанием де Во как своего рода прецедентом, его примеру последовали и другие члены группы. Так, например, перед своей смертью, последовавшей в 1980 г., отец Патрик Скиэн завещал права на свитки, находившиеся в его распоряжении, профессору Ойгену Ульриху из университета Нотр-Дам, штат Индиана. Стали объектом завещания или, говоря более эвфемистическим языком, «передачи» и свитки, которыми занимался отец Жан Старки. Они были «переданы» отцу Эмилю Пюэшу из Библейской школы. Таким образом, ученые-католики, составлявшие основное ядро международной группы, сохраняли свою монополию на права собственности и информацию, и «консенсус» остался незыблемым. И лишь в 1987 г., после кончины отца Бенуа, их методы и «права» были взяты под сомнение.

Когда скончался отец Бенуа, профессор Джон Страг-нелл был назначен его преемником на посту главы международной группы. Страгнелл, родившийся в 1930 г. в Барнете, к северу от Лондона, в 1952 г. получил ученую степень бакалавра, а в 1955 г. — степень магистра, причем обе эти степени были получены им в колледже Иисуса в Оксфорде. Но, несмотря на то что он прошел все необходимые тесты для получения степени доктора философии на факультете ориенталистики Оксфордского университета, он так и не закончил работу над своей докторской диссертацией, и в 1958 г. его кандидатура была снята. В 1954 г. Страгнелл получил назначение в группу де Во, прибыл в Иерусалим и проработал там более двух лет. В 1957 г., после краткой стажировки в институте исследований в области ориенталистики Чикагского университета, он возвратился в Иерусалим и стал сотрудником Рокфеллеровского музея, где и проработал в качестве специалиста по эпиграфике вплоть до I960 г. В том году он был назначен аспирантом по изучению Ветхого Завета в богословской школе университета Дьюка. В 1968 г. он поступил на кафедру изучения истоков христианства в Гарвардскую богословскую школу в качестве профессора.

Назначение Страгнелла на пост главы международной группы не стало полной неожиданностью для его коллег. Начиная с 1967 г. правительство Израиля взяло на себя функции ратификации и утверждения подобных назначений. В случае с отцом Бенуа от израильтян не потребовалось подтверждения его полномочий. По словам профессора Шемарйаху Талмона, члена комитета, наложившего вето на кандидатуру Страгнелла, его назначение не могло состояться до тех пор, пока не будут соблюдены определенные условия. Помимо всего прочего, у израильтян вызывало недоумение то, что некоторые члены склонны играть роль своего рода «князя в изгнании». Так, например, в 1967 г. отец Старки решил, что нога его больше не ступит на землю Израиля. Отец Милик, ближайшее доверенное лицо и протеже де Во, долгие годы жил в Париже, разбирая фотоснимки некоторых особо важных свитков, доступ к которым имел только он один. Снимки с документов не позволялось

делать никому. Без разрешения Милика никто — в том числе и из состава членов международной группы — не имел права публиковать материалы, являющиеся его монопольной сферой. Насколько нам известно, Милик ни разу не приезжал в Иерусалим после 1967 г., чтобы заняться изучением этих материалов. «Time magazine» характеризует его как человека «весьма уклончивого». Другое издание, «Biblical Archaeology Review», дважды сообщало о том, что он отказывается даже отвечать на официальные обращения департамента древностей Израиля. А его отношение к своим коллегам-ученым и широкой публике можно охарактеризовать только как нескрываемое пренебрежение.

Выведенные из себя подобным поведением ученого мужа, израильские власти настаивали на том, что директор проекта по изучению свитков должен проводить хотя бы некоторое время в Иерусалиме. Страгнелл, который пересматривал свою роль в Гарварде, держался так, словно он наполовину ушел в отставку со своего поста. Он начал проводить примерно полгода в Иерусалиме, в Библейской школе, где размещались его собственные апартаменты. Однако оставалось одно условие, которое он упорно отказывался выполнять. Он упорно не публиковал текстов, работа над которыми была поручена ему. Появление его собственного комментария к одному из этих текстов, фрагменту объемом в 121 строку, ожидалось более пяти лет, но труд так и не был издан. Страгнелл написал всего-навсего 27-страничную статью о материалах, находившихся в его распоряжении. Помимо этого, он опубликовал статью о самаритянских надписях, перевод исследования кумранских текстов профессора Милика и, как мы видели, длинную и недружественную критическую статью против одного члена международной группы, посмевшего бросить вызов сложившемуся «консенсусу». Право, не слишком впечатляющий перечень материалов для человека, который долгие годы посвятил работе в такой специфической области, которая во многом зависит от публикаций. С другой стороны, он позволил некоторым выпускникам университета участвовать в исследованиях по прочтению текстов оригиналов, что было необходимо им для работы над своими докторскими диссертациями, что повысило престиж и их самих, и их наставника, и Гарвардского университета в целом.

В целом под руководством Страгнелла международная группа исследователей в значительной мере продолжила те же разработки, которыми она занималась и раньше. В этом смысле интересно сравнить достигнутый ими прогресс с успехами ученых, работавших над корпусом других текстов, так называемых «гностических Евангелий», обнаруженных на раскопках в Египте, в Наг-Хаммади.

Свитки Наг-Хаммади были найдены в 1945 г., двумя годами раньше открытия свитков Мертвого моря. В 1948 г. они были приобретены Коптским музеем в Каире. Первоначально была предпринята попытка распространить монополию в духе кумранских открытий на весь этот материал, причем монополия эта принадлежала узкому кругу избранных (кстати, опять французских ученых), в результате чего работа над ними замедлилась вплоть до 1956 г. Работы эти были прерваны в связи с Суэцким кризисом. После этой паузы свитки в 1966 г. были возвращены в распоряжение международной группы ученых для их перевода и публикации. Во главе этой группы стоял профессор Джеймс М. Робинсон, представлявший Институт античности и христианства в Клермонтской магистратуре, штат Калифорния. Когда мы попытались завести разговор с профессором Робинсоном о научном авторитете группы, работавшей над кумранскими свитками, он поморщился. «Ученые, изучающие кумран-ские свитки, — заявил профессор Робинсон, — более не пользуются солидной репутацией; единственно, что им удалось, — это окончательно подорвать ее».

Что касается самого профессора Робинсона и его группы, то они, напротив, трудились с завидной быстротой. Всего за три года для широких кругов ученых стали доступны отредактированные варианты переводов. К 1973 г. вся библиотека текстов Наг-Хаммади была переведена — естественно, в черновом варианте — на английский язык. А к 1977 г.

была завершена публикация всего корпуса кодексов Наг-Хаммади как в виде факсимиле, так и в доступных популярных изданиях. Всего было издано сорок шесть книг плюс множество отдельных неидентифицированных фрагментов. Таким образом, на подготовку всех текстов свитков Наг-Хаммади Робинсону и его сотрудникам потребовалось всего одиннадцать лет.

Бесспорно, кумранские тексты куда более многочисленны и создают больше сложных проблем, чем свитки Наг-Хаммади. Но даже если сделать поправку на сложность, перечень научных публикаций, осуществленных группой де Во, мягко говоря, не слишком впечатляет. Когда эта группа была сформирована в 1953 г., ее официально провозглашенными задачами и намерениями была публикация *всех* свитков, найденных в Кумране, в составе научных изданий, и выпуск издательством «Оксфорд Юниверзити Пресс» серии под названием «Открытия в Иудейской пустыне в Иордании».

Первый том вышел в свет довольно быстро, в 1955 г. В нем были опубликованы фрагменты, найденные в первой кумранской пещере, которая теперь официально именуется пещера 1. Следующий же том был издан лишь спустя шесть лет, в 1961 г., и вообще не касался кумранских текстов. Он был посвящен материалам, найденным в пещерах в окрестностях Мурабба'ата. В 1963 г. вышел третий том, посвященный в первую очередь фрагментам свитков, найденным в пещерах 2, 3 и 5—10. Наиболее полным и значительным из этих фрагментов был знаменитый Медный свиток, найденный в пещере 3. Не считая Медного свитка, самый длинный текст среди опубликованных в этом томе насчитывал всего чуть более шестидесяти строк, а большинство составляли фрагменты объемом от четырех до двенадцати строк. К тому же среди этих фрагментов оказались части двух разных списков «Книги юбилеев». Еще один экземпляр этого же текста несколько позже был обнаружен в Масаде, что свидетельствует о том, что защитники крепости пользовались тем же самым календарем, что и обитатели Кумранской общины. А это позволяет говорить о куда более тесных связях между двумя объектами, чем это считал удобным признавать отец де Во.

Четвертый том серии «Открытия в Иудейской пустыне» появился в 1965 г.; вышел он под редакцией Джеймса Сандерса. Однако профессор Сандерс не являлся членом группы де Во. Свиток, над которым он работал, — это был сборник псалмов — был найден в 1956 г. одним бедуином в пещере 11 и вместе с целым рядом других документов в конце концов очутился в Рокфеллеровском музее. Покупателя на него не нашлось, и материалы были заперты в сейфах музея, доступа к которым не имел никто. Здесь свиток мирно пролежал вплоть до 1961 г., когда институт Олбрайта наконец оказался в состоянии приобрести его. Финансирование этой сделки взяли на себя Кеннет и Элизабет Бечтел, представлявшие «Бечтел Корпорейшн», одну из крупнейших американских строительных корпораций, имеющую широкий круг интересов на Ближнем Востоке (хотя в самом Израиле «Бечтел» не возвел ни одного объекта), многочисленные контакты с кругами администрации США и связи с ЦРУ. Таким образом, том под редакцией профессора Сандерса вышел совершенно независимо от направления и графика исследований, принятого международной группой под руководством де Во.

Однако в общем и целом масса наиболее ценных и значительных материалов, и в первую очередь — найденных в пещере 4, этой сокровищнице древних рукописей, по-прежнему тщательно скрывалась от широкой общественности и кругов специалистов. Но, как обычно, содержание небольших клочков и наиболее поразительных фрагментов все же просочилось на страницы научных журналов. Первая же официальная публикация материалов из пещеры 4, не считая одного незначительного фрагмента, состоялась лишь в 1968 г. И произошло это благодаря стараниям «ренегата» и «еретика» группы де Во — Джона Аллегро.

Когда постоянные отсрочки с изданием кумранских рукописей стали нормой, а паузы между выходом в свет новых томов серии продолжали увеличиваться, у многих возникло подозрение, что тут что-то не так. Критики международной группы озвучили три основных аспекта. Во-первых, начали подозревать, что расшифровка найденного материала оказалась слишком трудной и сложной задачей для группы де Во. Было высказано предположение, что ее члены работали нарочито медленно, намеренно препятствуя или, по крайней мере, тормозя публикацию некоторых материалов[23]. Наконец, некоторые полагали, что члены группы попросту обленились и бездельничали, наслаждаясь комфортабельными синекурами, расставаться с которыми им явно не хотелось. Кроме того, постоянно подчеркивалось, что с публикацией фрагментов рукописей, попавших в руки к американцам и израильтянам, подобных задержек не отмечалось. В отличие от группы де Во, американские и израильские ученые не теряли времени даром, выпуская в свет все новые и новые плоды своих трудов.

Шестой том серии «Открытия в Иудейской пустыне» вышел из печати лишь в 1977 г., спустя девять лет после публикации материалов Аллегро. Седьмой том был издан в 1982 г., а девятый — только в 1990 г., да и тот не содержит никаких материалов о кумранских текстах. Как мы уже отмечали, черновые версии переводов текстов кодексов Наг-Хаммади были подготовлены спустя три года после начала работ. Что касается кумранских материалов, то группа де Во таких переводов не подготовила. Более того, они не изданы и по сей день. Весь корпус текстов свитков Наг-Хаммади был переведен и выпущен в свет всего за одиннадцать лет. Что же касается группы де Во, то с начала ее исследований прошло уже более сорока лет, а плодом ее многолетних усилий стали какие-то жалкие восемь томов. Другими словами, группа де Во опубликовала менее 25% от общего объема материалов, находящихся в ее руках[24]. Кроме того, как мы знаем, из опубликованных ею материалов лишь очень небольшая часть *действительно* имеет отношение к кумранским свиткам.

В одном интервью, опубликованном на страницах «New York Times», Роберт Эйзенман говорит о том, что «узкий круг ученых сумел занять и удержать за собой на протяжении нескольких поколений (даже несмотря на то, что некоторые из этих ученых годами не занимаются исследованиями) доминирующее положение в этой специфической области и продолжает сохранять эту ситуацию путем контроля за тематикой диссертаций и назначения на наиболее престижные академические кафедры своих ставленников и протеже». «Biblical Archaeological Review», влиятельный научный журнал, издаваемый вашингтонским адвокатом Гершелем Шэнксом, характеризовал международную группу во главе с де Во как структуру, «управляемую, насколько можно судить со стороны, в основном посредством привычек, традиций, коллегиальных интересов и инерции». По утверждению «Biblical Archaeological Review», «посвященные», которые обладают правом доступа к свиткам, имеют ханжество публиковать их кусочек за кусочком. Это повышает их ученый статус, влияние в научных кругах и личный престиж. Зачем же пренебрегать всем этим?» И вот на конференции в Нью-Йоркском университете, состоявшейся в 1985 г. и посвященной изучению свитков, профессор Мортон Смит, один из наиболее влиятельных авторитетов в области библеистики, начал свое выступление с такого заявления: «Я хотел бы поговорить о

---

[23] Быть может, они обнаружили в текстах некую ошеломляющую информацию, например точную дату прихода иудейского Мессии — Машиаха, которого в Израиле ожидают, можно сказать, со дня на день *(прим. перев.).*

[24] На сегодняшний день издано три тома серии «Открытия в Иудейской пустыне», посвященных фрагментам из пещеры 4. Согласно плану публикаций, предполагается издать еще пятнадцать томов, посвященных фрагментам, найденным в пещере 4, и один — посвященный находкам в пещере 11.

скандалах вокруг документов Мертвого моря, но подобные скандалы слишком многочисленны и привычны и потому вызывают лишь досаду».

Какой же была реакция членов международной группы на критику и обвинения в свой адрес? Сегодня в живых остались только трое из первоначального состава международной группы ученых, созданной в 1953 г. Юзеф Милик, сложивший с себя священнический сан, ведет, как мы выяснили, жизнь «неуловимого» затворника в Париже. Профессора Джон Страгнелл и Фрэнк Кросс долгое время служили в богословской школе Гарвардского университета. Из них наиболее доступным для контактов оказался професор Кросс, согласившийся ответить на ряд вопросов относительно причин странных задержек с публикациями. В интервью «New York Times» он признал, что работа продвигалась «весьма медленно», и предложил два объяснения этого факта. По его словам, большинство членов международной группы были крайне заняты на преподавательской работе и только на летние каникулы могли приезжать в Иерусалим, чтобы вплотную заняться рукописями. К тому же свитки, которые до сих пор не опубликованы, находятся, по словам Кросса, в настолько поврежденном состоянии, что их фрагменты крайне трудно сложить, не говоря уж о том, чтобы перевести их. «Это — самая трудная составная картинка-загадка на свете», — заметил он в одном из интервью.

Разумеется, было бы слишком поспешным недооценивать сложность задачи, которую приходилось решать Кроссу и его коллегам. Мириады фрагментов кумран-ских текстов действительно представляют собой гигантскую мозаику. Тем не менее утверждение Кросса выглядит не совсем убедительным. Да, правда, некоторые члены международной группы заняты напряженной преподавательской деятельностью и могут приезжать в Иерусалим лишь на непродолжительное время. Однако Кросс не упоминает о том, что большая часть исследований проводится на основе фотоснимков свитков и, чтобы изучать их, исследователю нет необходимости куда-то ехать. Действительно, качество фотоснимков, сделанных с помощью современного оборудования, настолько высоко, что часто куда удобнее и надежнее работать с ними, а не с самими оригиналами. Что же касается сложности пресловутой «картинки-загадки», то здесь Кросс противоречит своим собственным заявлениям. Так, в 1958 г. он писал, что большая часть фрагментов свитков, находившихся в распоряжении ученых, уже (по состоянию на лето 1956 г., то есть столько лет назад!) идентифицирована. По словам Джона Аллегро, сказанным в 1964 г., разборка и идентификация *всего* материала, найденного в пещере 4, то есть наиболее важных и ценных фрагментов, еще в 1960—1961 гг. «была близка к завершению». Идентификация и разбор материала тоже не всегда было такой уж сложной задачей, как это утверждает Кросс. В письме к Джону Аллегро, датированном 13 декабря 1955 г., Страгнелл писал, что материал из пещеры 4, оцененный в 3000 фунтов стерлингов, был приобретен на средства Ватикана и идентифицирован буквально *за один вечер*[25]. Фотографирование же всего материала, добавил он, займет не более недели.

Что касается Аллегро, то еще до того, как этот ученый нарушил пресловутый консенсус международной группы, он стремился ускорить работу над свитками и весьма скептически относился к различным попыткам найти объяснение медлительности коллег. Но неужели утверждение де Во, высказанное в письме к Аллегро, датированном 22 марта 1959 г., о том, что все кумранские тексты будут опубликованы, а серия «Открытия в Иудейской пустыне» будет завершена к середине 1962 г., намеченной дате выхода в свет заключительного тома, подготовленного Страгнеллом, — не более чем попытка успокоить сотрудника? В том же письме де Во констатирует, что работа над оригинальными текстами будет завершена к

[25] Это письмо и многие другие материалы можно найти в разделе частной переписки в архиве Джона Аллегро.

июню I960 г., после чего все свитки и фрагменты будут возвращены в организации, являющиеся их владельцами. Сегодня, спустя более сорока лет после написания отцом де Во этого письма, оставшиеся в живых ветераны международной группы и представители нового поколения ее сотрудников по-прежнему отказываются вернуть свитки, настаивая на необходимости продолжения работ. Надо признать, что те документы, которые они все же были вынуждены вернуть, имеют второстепенное значение.

Кумранские тексты обычно классифицируются по двум рубрикам. С одной стороны, это корпус ранних списков библейских текстов, некоторые из которых имеют разночтения по сравнению с каноническими версиями. Эти тексты представляют собой так называемый «библейский материал». С другой стороны, имеется обширный корпус небиблейских материалов, по большей части состоящих из совершенно новых, незнакомых документов, которые харатеризуются как «сектантский материал». Понятно, что большинство дилетантов считают наиболее важными и значительными текстами именно «библейский материал», ибо само слово «библейский» автоматически включает в их сознании ассоциации с чем-то серьезным и глубоким. Первым, кто подметил и сформулировал своего рода софизм в этом эффекте восприятия, был Эйзенман. Дело в том, что «библейский» материал безопасен и не заключает в себе противоречий, а также не несет никаких сомнительных пророчеств. Он состоит всего-навсего из копий и списков книг Ветхого Завета, более или менее точно (за незначительными исключениями) воспроизводящих хорошо знакомые нам печатные тексты Библии. Здесь в принципе не может быть ничего радикально нового. На самом деле наиболее интересные и важные тексты — это не «библейские» тексты, а именно «сектантская» литература. Все эти тексты — уставы жизни общины, толкования на библейские книги, богословские, астрологические и мессианские трактаты — представляют собой наследие «секты», жившей некогда в Кумране, и излагают ее учение. Оценка этого материала как «сектантского» сразу же настораживает и в значительной мере снижает интерес к нему. Это сразу же переводит материал в плоскость идиосинкразической доктрины неортодоксального и подозрительного «культа», небольшой и в высшей степени нетипичной конгрегации, отколовшейся и находящейся на периферии гипотетического главного русла развития иудаизма и раннего христианства, — явления, с которым она, по сути, имеет немало общего. Непосвященным и дилетантам предлагается принять точку зрения «консенсуса», сводящуюся к тому, что кумранская община состояла из так называемых ессеев и что ессеи, представляющие определенный интерес как факт тупикового маргинального развития учения, не имели прямых духовных наследников. В действительности же, как мы увидим, дело обстояло во многом иначе, ибо тексты, пренебрежительно называемые «сектантскими», заключают в себе весьма и весьма взрывоопасные материалы.

3. Скандал вокруг свитков

По иронии судьбы, первым человеком, заметившим нечто подозрительное в действиях международной группы исследователей, оказался не ученый-библеист и вообще не специалист в данной области. Им оказался непосвященный — американский литературный критик и искусствовед Эдмунд Вильсон, которого студенты университетов в Великобритании и Соединенных Штатах знают благодаря его многочисленным работам в области, весьма далекой от Кумрана и Палестины I в. н. э. Известность Вильсону принесли его собственные новеллы — «Я думал о незабудках» и «Мемуары графства Гекаты». Известен он и как автор книги «Замок Акселя», оригинального и новаторского исследования о влиянии французского символизма на литературу XX в. Столь же известен он и как автор «К Финляндскому вокзалу», исследования-эссе о махинациях Ленина и интригах большевиков после первой русской революции. А еще известность ему принесла его гротескная, публицистически заостренная борьба со своим бывшим другом, Владимиром Набоковым, причиной которой предположительно стала негативная оценка им набоковского перевода пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин» на английский язык.

В отличие от демонстративных эскапад Набокова, Вильсон не стремился, образно говоря, пускаться в дальнее плавание в неизведанные моря, за пределы своей официальной акватории. Возможно, взяться за перо и написать об исследовании кумранских свитков его побудила известная беззаботность, взгляд непосвященного, человека, стремящегося оценить ситуацию в целом. Как бы то ни было, в 1955 г. Вильсон опубликовал длинную статью в «New Yorker» — статью, которая на первых порах сделала свитки «темой кухонных разговоров» и способствовала пробуждению интереса к ним у широкой публики. В том же году Вильсон переработал и значительно дополнил эту статью, переиздав ее в качестве книги под заглавием «Свитки с берегов Мертвого моря». Четырнадцать лет спустя, в 1969 г., этот текст был в очередной раз расширен и дополнен, и в книгу были включены новые материалы, появившиеся за истекшие годы, так что объем книги увеличился вдвое по сравнению с первоначальным вариантом. Книга эта и по сей день остается одним из наиболее популярных исследований, посвященных свиткам Мертвого моря и предназначенных для неспециалистов. Но даже несмотря на то, что сам Вильсон не был специалистом в области изучения библеистики, нельзя сказать, что он показал себя заурядным дилетантом и профаном. Даже члены международной группы де Во не могли упрекнуть его труд в «недостаточной серьезности». Поэтому Вильсон получил право, выступая от лица широкой общественности, призвать специалистов к ответу и потребовать у них отчета.

Еще в 1955 г. Вильсон обратил внимание, что часть «экспертов» проявляет стремление дистанцировать кум-ранские свитки и от иудаизма, и от христианства. Эти «эксперты», по его мнению, слишком рьяно и пылко протестовали против его заявления, что еще больше усилило его подозрения:

«Как только кто-нибудь возьмется за изучение противоречий, порожденных появлением свитков Мертвого моря, он сразу же ощущает некую «напряженность»... Однако подобная напряженность вызвана не жарко дебатировавшимися поначалу вопросами датировки, и споры вокруг датировки имели под собой, по всей видимости, куда более серьезные причины, чем чисто научная проблематика».

Вильсон обратил внимание на то, сколь много у этих свитков общего с раввинистическим иудаизмом, сложившимся в I в. н. э., а также с наиболее ранними формами христианства, и отметил явный «запрет» на проведение очевидных параллелей

между ними, просматривающийся у ученых, которые ориентированы как на иудейское, так и на христанское вероисповедание:

«Конечно, нам хотелось бы услышать всесторонние дискуссии по этой проблеме, а между тем невольно задаешься вопросом, не скованы ли ученые, работающие над изучением свитков, — надо отметить, что многие среди них являются членами христианских орденов или прошли подготовку в рамках раввинис-тической традиции, — чем-то вроде запрета на рассмотрение вопросов, затрагивающих различные религиозные убеждения... при этом ощущается некая нервозность, скованность во всем, что касается попытки вдвинуть тот или иной предмет в его историческую перспективу».

Соблюдая декорум, принятый в ученом мире, Вильсон, разумеется, высказывается очень тактично, излагая серьезные проблемы как можно более дипломатичным языком. Сам же он не испытывает никакого смущения, вдвигая тот или иной предмет в историческую перспективу:

«В любом случае, если мы посмотрим на Иисуса в перспективе, характерной для свитков, мы сможем проследить некую новую традицию и получить хотя бы некоторое представление о той драме, которая достигла своей кульминации в христианстве... Этот монастырь (Кумранская община. — Прим. перев.)... *по всей видимости, был колыбелью христианства в гораздо большей мере, чем Вифлеем или Назарет».*

Увы, для библеистики и *возлебиблейской* учености, и в частности ученых, изучающих свитки Мертвого моря, это вполне типичная и характерная ситуация, что подобные выводы приходится делать не «экспертам» в данной области, а непредвзято мыслящему и хорошо информированному наблюдателю. Ведь не кто иной, как Вильсон, нашел наиболее точные и корректные формулировки для тех проблем, которые международная группа с таким упорством стремилась обходить молчанием.

Подобные отзывы о предвзятости большинства уче-ных-библеистов нашли отклик в высказываниях Филипа Дэвиса, профессора библеистики Шеффилдского университета и автора двух книг, посвященных материалам кумранских находок. Как указывает профессор Дэвис, большинство ученых, работавших со свитками, были — а по сути дела остаются и по сей день — приверженцами христианского вероучения, основой их мировоззрения служит Новый Завет. По его словам, он знает целый ряд ученых, выводы исследований которых вступают в болезненное противоречие с их собственными религиозными воззрениями. В этой связи возникает вопрос: возможна ли вообще в подобных случаях объективность? Профессор Дэвис подчеркивает давнюю вражду между богословием и историей. По его мнению, Новый Завет слишком часто воспринимается не только как первое (т. е. богословие), но и как второе (история), и его рассматривают как точное описание событий, происходивших в I в. Но если воспринимать тексты Нового Завета — Евангелия и Деяния апостолов — как неопровержимый исторический факт, это вообще делает невозможным научное исследование свитков. В данном случае христианское учение «диктует сценарий событий».

Поскольку Эдмунд Вильсон был профаном и чужаком, международная группа в отношении его могла обойтись без обычного в таких случаях покровительственного тона. Кроме того, он был фигурой слишком заметной, чтобы его можно было подвергнуть оскорблениям или насмешкам. Но его можно было просто проигнорировать или объявить интеллигентным дилетантом, движимым благими намерениями, который просто не понимает всех сложностей и тонкостей проблемы, о коей берется судить, и который, по своей

врожденной наивности, позволяет себе «поспешные высказывания»[26]. Именно таким путем группе удалось запугать многих ученых и не позволить им публично высказать все, что они на самом деле думают. Репутация в научных кругах — вещь хрупкая, и лишь наиболее стойкие и уверенные в своих силах индивидуумы могут позволить себе пойти на риск подвергнуться дискредитации или оказаться в полной изоляции за критическим барьером, воздвигнутым против них сторонниками консенсуса. «Свитки — это феодальное владение, — подметил Шемарйаху Талмон, видный израильский профессор и специалист в данной области, — а ученые, захватившие монопольное право на их исследование, — форменный заговор».

Но даже такие заговоры отнюдь не являются всемогущими при подавлении инакомыслия. Эдмунд Вильсон — чужак, человек посторонний, но отступления от консенсуса, царившего в международной группе, стали достоянием общественности даже в такой ограниченной области, как библеистика. Еще в 1950 г., за пять лет до выхода книги Вильсона, Андре Дюпон-Соммер, профессор семитского языка и цивилизации в Сорбоннском университете, опубликовал материал, вызвавший настоящую сенсацию. Профессор рассматривал один из кум-ранских текстов, недавно переведенный на английский. В нем, по его словам, описана своеобразная «секта Нового Завета», лидер которой, известный как Праведный Учитель, считался Мессией, был подвергнуг пыткам, осужден на казнь и умер смертью мученика. Последователи «Учителя» верили в скорый и неминуемый конец света и в то, что спастись смогут лишь адепты истинной веры. И Дюпон-Соммер, соблюдая известную осторожность, отважился сделать совершенно очевидный вывод: он отметил, что Праведный Учитель во многих отношениях является «точным прототипом Иисуса Христа».

Эти заявления вызвали бурю возмущения и протестов. Еще бы, ведь этим была поставлена под сомнение уникальная неповторимость Христа, и институты католической церкви, особенно во Франции и США, подняли стволы своей критической артиллерии. Дюпон-Соммер был и сам поражен столь резкой реакцией и в своих последующих выступлениях попытался укрыться за ширмой более осторожной фразеологии. Всякий, кто намеревался выступить в его поддержку, вынужден был до поры до времени спрятаться подальше от глаз и замолчать. Но поскольку семя сомнений было брошено в землю, оно рано или поздно должно было принести плод. С точки зрения христианской богословской традиции этот плод мог оказаться особенно ядовитым, если его разделить между членами международной группы, работавшими в святая святых Рокфеллеровского музея — Зале свитков.

Среди ученых, входивших в первый состав международной группы отца де Во, пожалуй, самым динамичным, оригинально мыслящим и непредсказуемым был Джон Марко

---

[26] Существует одно «ошеломляющее» сообщение Вильсона, которое, однако, приходится признать недостоверным. Де Во рассказал Вильсону историю о событиях в ходе Шестидневной войны, когда, согласно позднейшему свидетельству Вильсона, израильские войска, занявшие территорию Библейской школы 6 июня 1967 г., захватывали священников группами по двое и держали их на внутреннем дворе под открытым небом. Им пригрозили, что они будут расстреляны, если из окон зданий Библейской школы, а также близрасположенного монастыря Св. Стефана снайперы начнут вести прицельный огонь по израильтянам. См.: Wilson, op. cit., p. 259. Специальные опросы, проводившиеся в Израиле, показали, что этого эпизода на самом деле не было и что он представляет собой чистейшей воды легенду, которую поведал Вильсону де Во. А Вильсон просто-напросто не удосужился проверить у израильских источников достоверность этого случая.

Аллегро. Несомненно, он был и наиболее неуправляемым, человеком независимых взглядов, противящимся попыткам скрыть материал.

Родившийся в 1923 г., Аллегро в годы Второй мировой войны был призван на службу в ВМС Великобритании, а в 1947 г., в год открытия первых свитков Мертвого моря, поступил на учебу в Манчестерский университет и в качестве студента изучал логику, древнегреческий и древнееврейский языки. На следующий год он перевелся на курсы изучения семитских языков. Кроме того, он проявлял активный интерес к филологии, изучению корней возникновения языка, его базовой структуры и развития. Используя все свои обширные познания в филологии в работе над библейскими текстами, он очень скоро пришел к убеждению, что Писания невозможно принимать за чистую монету, и пополнил ряды агностиков. В июне 1951 г. он получил ученую степень бакалавра на кафедре ориентальных исследований, а в следующем году ему была присвоена ученая степень магистра за диссертацию «Лингвистические исследования пророчеств Валаама в Книге Чисел». В октябре того же года он принял участие в программе аспирантуры Оксфордского университета, где занимался под руководством выдающегося знатока семитологии профессора Годфри Р. Драйвера. Спустя еще год Драйвер рекомендовал его в состав международной группы, которую тогда формировал отец де Во. В составе группы Аллегро была поручена работа над материалом особой важности, найденным в пещере 4 в Кумране. В сентябре 1953 г. он отбыл в Иерусалим. К тому времени он уже опубликовал четыре статьи в научных журналах, вызвавшие позитивный отклик. Его список публикаций оказался куда более впечатляющим, чем у любого другого члена группы.

В 1956 г. Аллегро опубликовал книгу «Свитки Мертвого моря», за которой последовали публикации материалов его собственных исследований текстов и фрагментов из пещеры 4, вышедшие в свет в составе пятого тома знаменитой серии издательства «Оксфорд Юниверзити Пресс» — «Открытия в Иудейской пустыне». К этому времени Аллегро уже был одной из наиболее авторитетных и видных фигур в области библеистики. Однако спустя два года он был вынужден проститься с коллегами и покинуть ряды международной группы, повернувшись спиной к остальному ученому миру, и уйти в отставку со своего престижного поста в Манчестерском университете. Он был подвергнут остракизму и дискредитирован. Что же произошло?

Дело в том, что академические круги в целом и международная группа ученых в особенности очень скоро поняли, что Аллегро был среди них не только единственным агностиком, но и человеком, образно говоря, «раскачивающим лодку». Не будучи скован никакими религиозными догмами и запретами, Аллегро истолковывал материал так, как он его видел и понимал. Очень скоро он потерял всякое терпение из-за упорного отказа своих коллег заниматься любыми теориями или даже реальными свидетельствами, которые шли вразрез с общепринятой «партийной линией» взглядов на истоки христианского вероучения. В частности, его выводили из себя настойчивые попытки дистанцировать христианство от свитков и наследия Кумранской общины. Аллегро настаивал на самой тесной связи между ними, утверждая, что связи между ними могут на поверку оказаться гораздо более тесными, чем это считали или, во всяком случае, смели полагать ранее.

Первая серьезная гроза грянула в 1956 г., когда Аллегро дал согласие на участие в трех кратких интервью о свитках Мертвого моря, переданных 16, 23 и 30 января по радио на севере Англии. Всем было ясно, что он пытается ускорить темпы исследования свитков, вводя в них элемент сенсационности и противоречивости. «Я полагаю, нам предстоит увидеть фейерверки», — писал он Джону Страгнеллу, который тогда работал в Иерусалиме. Это заявление Аллегро, хотя он сам и отказывался признать это, прозвучало как колокольный набат для сотрудников Зала свитков, среди которых католики составляли большинство. Невзирая на это, он заявил, что «последние исследования предоставленных

мне фрагментов убедили меня в том, что Дюпон-Соммер прав в еще большей мере, чем сам сознает это». В то время Страгнелл рассматривал возможность сделать серьезную карьеру в церковной иерархии. Аллегро заметил: «Если бы я был на вашем месте, я не беспокоился бы о богословской карьере; ведь к тому времени, когда я завершу свои исследования, на свете просто не останется никакой церкви, членом которой вы могли бы стать».

Первое и второе выступления Аллегро по радио не вызвали особого интереса в Великобритании, но второе, будучи опубликовано на страницах «New York Times», оказалось неверно понято и истолковано, но тем не менее вызвало широкие дебаты. Третье выступление, вышедшее в эфир 30 января, появилось 5 февраля в той же «New York Times» и просто не могло не вызвать самую настоящую сенсацию. Еще бы, ведь заголовок этой публикации звучал так: «В текстах свитков обнаружены истоки христианства».

«Истоки некоторых христианских ритуалов и догматических установок обнаружены в документах экстремистской еврейской секты, существовавшей более чем за 100 лет до земной жизни Иисуса Христа. Таковы выводы, основанные на изучении «фантастического» собрания свитков Мертвого моря международной группой, состоящей из семи ученых... Джон Аллегро... вчера вечером заявил в своем радиовыступлении, что исторической основой Тайной вечери, по крайней мере части молитвы Господней и учения Иисуса [Христа], изложенного в Новом Завете, являются тексты свитков, написанных членами Кумранской общины».

В той же самой статье содержится прямой намек на грядущие споры и утверждается, что один ученый-католик заявил, что «сегодня против христианства стремятся обратить любые каверзы», цель которых — подорвать веру в уникальность и единственность Иисуса [Христа]». Дело в том, что Аллегро дерзнул ступить на весьма зыбкую и чувствительную почву. 6 февраля того же года «Tite Magazine» опубликовал статью под сенсационным заголовком «Распятие до Христа». А еще два дня спустя «Тпе Times» сообщила, что три американских религиозных лидера, иудей, католик и протестант, объединили свои усилия, чтобы дискредитировать Аллегро и предостеречь против любых попыток рассматривать ессеев как непосредственных предшественников христианства. Все эти эскапады и нападки, а также призывы покарать отступника в конечном итоге исходили от отца де Во. Аллегро же, как нарочно, выглядел этаким наивным ягненком. 9 февраля он писал де Во, сетуя, что его «обвиняют в том, будто я произнес нечто совершенно поразительное, что отчасти и правда, ибо я действительно высказал поразительные догадки, а прочее — домыслы падких на сенсацию репортеров».

Сегодня, оглядываясь назад, надо признать, что Аллегро просто не осознал в полной мере, какой неприкосновенной святыней является для христиан идея об уникальности Иисуса, и в результате недооценил то, насколько далеко готовы зайти де Во и прочие члены международной группы, чтобы дистанцироваться от столь сомнительных заявлений. Это было его единственной ошибкой, которая оказалась роковой, ибо он не ожидал, что его коллеги позволят своим религиозным убеждениям повлиять на их выводы и суждения. По словам Аллегро, он подходил к изучению материала с честностью и непредвзятостью ученого, рассчитывая, что и они поступят так же. Его столь же невинное утверждение, будто к тому времени, когда он закончит свои изыскания, не останется церкви, членом которой смог бы стать Страгнелл, говорит о его глубоком убеждении в исключительной важности вверенных ему материалов и показывает, с каким нетерпением он ожидал завершения исследований.

11 февраля де Во прислал Аллегро ответное письмо, которое разочаровало его. Все тексты, которыми занимается Аллегро, писал преподобный отец, доступны и для других

членов международной группы, работающих в Иерусалиме. И все они не нашли ничего такого, что говорило бы в поддержку гипотезы Аллегро.

В своем ответе от 20 февраля Аллегро попытался отстоять свою позицию и в то же время наладить отношения с коллегами и отвести упреки со стороны публики: «Вы должны извинить меня за то, что, по моему убеждению, все в этом мире устаревает и теряет рассудок. По вашей просьбе прилагаю тексты моих радиовыступлений, и если, прочтя их, вы испытаете чувство недоумения, из-за чего же, собственно, поднялась вся эта шумиха, значит, наши оценки полностью совпадают». Заметив попутно, что Страгнеллу и Милику поручено подготовить развернутые богословские опровержения его мнений, Аллегро продолжает: «Я вовсе не намерен начинать войну с Церковью, ибо если у меня возникнут подобные намерения, вы можете быть уверены, что я не стану прибегать ни к каким уверткам... Я придерживаюсь взглядов, высказанных мною в трех выступлениях, но готов признать, что мои слова могли и могут быть превратно истолкованы».

4 марта де Во ответил, предостерегая в своем письме Аллегро, что опровержение действительно уже подготовлено. Однако его авторами являются не только Страгнелл и Милик. Кроме того, оно отнюдь не ограничится научными изданиями. Наоборот, оно будет опубликовано в форме открытого письма в «The Times» в Лондоне, и под ним, естественно, будут стоять подписи всех членов международной группы.

Но вместо того чтобы запугать Аллегро, это письмо вызвало у него взрыв возмущения. Не теряя времени, он ответил своему оппоненту, что письмо в «The Times» «может оказаться интересным в Лондоне лишь для той части публики, которая не слышала моих выступлений»:

«Я уже говорил вам, что эти выступления передавались одной местной северной радиостанцией... Вы и ваши друзья, надо полагать, стремитесь привлечь внимание бульварной прессы всей страны к моим высказываниям, которых не слышали ни вы, ни журналисты, ни подавляющее большинство читателей, и начать строить интриги вокруг них... Что ж, могу вас поздравить. Реальным следствием это будет лишь то, что писаки, у которых острый нюх на скандалы, набросятся на меня, словно коршуны, и примутся выпытывать, как все это было на самом деле... О, они подольют масла в огонь, раздувая пламя противоречий между верными Церкви людьми из группы по изучению свитков и одним-единственным человеком, не примкнувшим к ним».

Аллегро продолжал ссылаться на Вильсона, подчеркивая, какие опасения может вызывать у членов группы де Во возможность того, что опасения Вильсона оправдаются. По сути, Аллегро попытался использовать имя Вильсона, чтобы припугнуть оппонента:

«Что же касается того, что Вильсон уже говорил относительно нежелания церкви разрешить объективное изучение этих текстов, вы легко можете представить, какой скандал это может вызвать.

При всем уважении к вам лично я должен заметить, что к этой чепухе, озвученной Вильсоном, здесь относятся вполне серьезно. На каждой моей лекции о свитках возникает один и тот же давний вопрос: правда ли, что Церковь встревожена... и можем ли мы быть уверены в том, что будут опубликованы действительно все *тексты. Вам, как и мне, это представляется полным безумием, но настроения простых людей вызывают у меня сомнения и недоумение... Вряд ли стоит говорить о том, какое впечатление произведут подписи трех римско-католических священников под этим письмом».*

Было совершенно ясно, что к тому времени Аллегро занервничал. 6 марта он послал письмо другому члену международной группы, Фрэнку Кроссу, который только что предложил ему занять пост в Гарвардском университете.- «Я очень рад оказаться в Гарварде. И — не только потому, что эти христианские интриги наконец закончились».

Однако в том же самом письме Аллегро признается, что критические противоборства измучили его и он чувствует, что и в физическом, и в интеллектуальном отношении измотан до предела. Можно не сомневаться, что ему не хотелось бы увидеть опубликованным письмо, публично обвиняющее его в противопоставлении себя прочим членам группы и таким образом подрывающее кредит доверия к нему.

Но было уже поздно. 16 марта 1956 г. на страницах «The Times» было опубликовано роковое письмо, под которым стояли подписи Страгнелла, а также отцов де Во, Милика, Скиэна и Старки, то есть большинства «орудий главного калибра» международной группы.

«В распоряжении мистера Аллегро не было никаких неопубликованных текстов, кроме тех, оригиналы которых представлены в Палестинском археологическом музее, при котором мы работаем. Судя по появившимся в прессе выдержкам из радиовыступлений мистера Аллегро, мы не смогли найти в этих текстах «находок», упоминаемых Аллегро.

Мы не обнаружили в них никаких упоминаний ни о распятии «учителя», ни о снятии с креста, ни о «сокрушенном теле их Господина», которое будет сохранено вплоть до Судного дня. Таким образом, не существует никакой «тщательно продуманной ессейской модели, которой соответствуют деяния Иисуса из Назарета», как то позволил себе заявить в одном из выступлений мистер Аллегро. По нашему мнению, он либо неверно прочел тексты, либо использовал целый ряд конъюнктур, не находящих подтверждения в материалах».

Публикация подобного рода обвинения, особенно в письме в «The Times», — явление достаточно примечательное. Оно со всей ясностью отражает выступление конклава ученых против одного из своих членов. Будучи вынужден защищаться, Аллегро направил в «The Times» свое собственное письмо, в котором он объяснял и оправдывал свою позицию:

«В этой связи мы усматриваем во фразеологии Нового Завета множество перекличек и параллелей с кум-ранскими текстами, поскольку эта секта также ожидала прихода Мессии из дома Давидова, который придет вместе с первосвященником в последние времена. Именно в этом смысле я заметил, что деяния Иисуса «соответствуют тщательно продуманной мессианской (а не ессейской, как я ошибочно процитировал) модели». В этой идее нет ничего принципиально нового или шокирующего».

Это вполне убедительное объяснение, допустимое уточнение существенно неверного прочтения. Однако этот факт показывает, насколько коллегам Аллегро не терпе-

4 — 3776 Бейджент лось «наброситься» на него, чтобы найти оправдание своим нападкам на ученого. «В любом случае, — продолжает Аллегро, — действительно, неопубликованный материал, находившийся в моем распоряжении, побудил меня воспользоваться некоторыми предположениями, высказанными ранее другими учеными в случаях, которые показались мне... недостаточно обоснованными».

Недомогание и болезненное состояние у Аллегро сохранялись, и наконец 8 марта 1957 г. он сердитым тоном заявил в письме к Страгнеллу:

«По-видимому, вы не вполне понимаете, что вы совершили, отправив свое письмо в газету и пытаясь очернить слова своего коллеги. Подобный поступок — случай

неслыханный и не имеющий прецедентов в научной среде. И, ради всего святого, не надо обвинять меня в чрезмерной драматизации этого дела. Я ведь нахожусь здесь, в Англии... и репортер агентства «Рейтер», позвонивший мне в то же утро, обратился ко мне с классической репликой: «А я-то думал, что вы, ученые, поддерживаете друг друга!» А когда выяснилось, что, по сути дела, вы, ученые, цитируете высказывания, которые я никогда не произносил, его сомнения рассеялись. Письмо это было написано явно не в интересах науки, а главным образом ради того, чтобы развеять опасения римско-католической церкви в Америке... И вся каша заварилась из-за того, что вы, ребята, не согласны с моими трактовками некоторых текстов, в отношении понимания которых я имею все основания считать себя ничуть не менее правым, чем вы. Вместо того чтобы начать дискуссию в научных журналах и специальных публикациях, вы сочли, что гораздо легче будет повлиять на общественное мнение, отправив письмо-донос в газету. И у вас еще хватает совести называть подобные действия ученой этикой. Мальчик мой, вы еще слишком молоды, и вам надо еще многому научиться».

Как мы уже говорили, Аллегро оказался единственным членом международной группы, опубликовавшим *все* материалы, которые находились в его распоряжении. Что касается Джона Страгнелла, то он в полном соответствии с политикой задержек и промедлений, принятой в группе, не опубликовал практически ничего из важных материалов, находившихся в его распоряжении. Единственным серьезным трудом, которым он занимался лично, стала брошюра, озаглавленная «Заметки об источниках», в ней на 113 страницах развернута беспощадная критика Аллегро, которую Эйзенман охарактеризовал как «топорную работу».

Тем временем репутации Аллегро был нанесен урон. Письмо в «The Times», подписанное отцом де Во и тремя другими клириками католической церкви, послужило толчком, запустившим маховик машины католической пропаганды. Нападки и клевета, обрушившиеся на ученых, резко усилились. Так, например, в июне 1956 г. принадлежавший к ордену иезуитов комментатор опубликовал на страницах «Irish Digest» статью, озаглавленную «Правда о свитках Мертвого моря». Он выступил с нападками на Вильсона, Дюпон-Соммера и особенно Аллегро. Затем, развивая тему, он пришел к неожиданному выводу, что «свитки вносят на удивление мало нового в наши знания об учениях, распространенных среди евреев в период, скажем, от 200 г. до н. э. до начала христианской эры». В заключение отец иезуит высказывается в высокопарных тонах: «Нет, это не секта, «в которой Иисус научился искусству быть Мессией»... Наоборот, именно на подобной почве выросли терния, которые пытались заглушить семена Евангельской проповеди». В итоге Аллегро представлен не просто как заблуждающийся ученый, а как сущий антихрист.

Не успел утихнуть один скандал вокруг его имени, как Аллегро уже оказался втянутым во второй. Новым яблоком раздора стал так называемый Медный свиток, найденный в 1952 г. в пещере 3 в Кумране. Как мы уже говорили, два больших фрагмента, из которых состоял свиток, оставались непрочитанными в течение трех с половиной лет со дня обнаружения свитка. О содержании свитка строились самые разные предположения. Один из исследователей попытался прочесть очертания, проступавшие сквозь медный лист и видимые с оборотной стороны свитка. По его словам, в свитке идет речь о каких-то сокровищах. Это предположение вызвало настоящий взрыв возмущения со стороны международной группы. И, однако, оно оказалось совершенно правильным.

В 1955 г., за год до публичного диспута со своими недавними коллегами по международной группе, Аллегро обсуждал проблему прочтения Медного свитка с профессором X. Райт-Бейкером из Технологического колледжа Манчестерского университета. Райт-Бейкер сконструировал специальный станок, способный разрезать тонкий медный лист на узкие полоски, что позволяет прочесть текст. Первые два фрагмента

свитка летом 1955 г. были отправлены в Манчестер и поступили в распоряжение Аллегро. Станок Райт-Бейкера выполнил свою задачу, и Аллегро тотчас приступил к переводу распиленного свитка. Содержание первого фрагмента оказалось насколько неожиданным, что он решил до времени не оглашать его, ничего не сообщив даже Кроссу и Страгнеллу, которые буквально умоляли сообщить им о результатах расшифровки. Подобная скрытность, естественно, не способствовала улучшению отношений между ними, но Аллегро на самом деле просто ждал, когда в Манчестер будет доставлен второй фрагмент свитка. Любая поспешная или преждевременная утечка информации могла, по его мнению, испортить все. Дело в том, что Медный свиток содержал перечень тайников-хранилищ, в которых были спрятаны сокровища Иерусалимского Храма.

Второй фрагмент прибыл в Манчестер в январе 1956 г. Его удалось быстро раскрыть и перевести. Оба фрагмента вместе с их переводами были отправлены в Иерусалим. Тогда-то и начались настоящие задержки и промедления. Де Во и члены его международной группы опасались трех моментов.

Первый из них можно признать вполне здравым. Если бы содержание свитка стало достоянием широкой публики и начали распространяться слухи о спрятанных сокровищах Древнего Израиля, бедуины перерыли бы всю Иудейскую пустыню и многое из того, что им удалось бы обнаружить, исчезло бы навсегда или, ускользнув от рук ученых, оказалось бы на черном рынке. Подобные вещи уже имели место. Узнав о потенциально продуктивном для раскопок месте или обнаружив его, бедуины тотчас поставили бы над ним большой черный шатер, осмотрели место, дочиста перерыли его и перепродали свои находки торговцам антиквариатом.

Де Во и члены международной группы опасались также, что сокровища, перечисленные в описи на Медном свитке, могут существовать в действительности, а не только в воображении. А если они окажутся реальными, то это неизбежно привлечет внимание правительства Израиля, которое практически наверняка заявит о своих претензиях на них. Подобные находки могут вызвать межународный кризис, ибо, хотя претензии Израиля представляются вполне законными, однако большая часть сокровищ, как и сам свиток, могут быть найдены на территории Иордании.

Более того, если эти сокровища существуют в действительности, то это создает целый ряд богословских проблем. Де Во и члены международной группы были склонны рассматривать Кумранскую общину как изолированный анклав, не имеющий никакой связи с общественными процессами и событиями, развитием политической обстановки и основным руслом истории I в. н. э. Но если Медный свиток действительно указывает местонахождение тайников, где хранились несметные сокровища Иерусалимского Храма, то Кумран предстает в совершенно ином свете. Наоборот, это свидетельствует о совершенно очевидных связях между Кумранской общиной и Храмом, центром и средоточием всей общественно-политической и религиозной жизни Иудеи. Кумран в таком случае представляется не странным феноменом, пребывающим в безвестности и самоизоляции, а центром, связанным с чем-то более широким, возможно — неким движением, представлявшим потенциальную опасность для истоков христианства. Еще более важно, что если в Медном свитке упоминаются реально существующие сокровища, то это могли быть только сокровища, вывезенные из Иерусалимского Храма во время восстания в Палестине в 66 г. н. э. А это неизбежно опровергает «устоявшуюся» датировку и хронологию, которые международная группа предложила для оценки возраста всего корпуса свитков.

Итак, сочетание всех этих факторов и обусловило необходимость особой скрытности. И Аллегро одним из первых принял участие в сокрытии информации, решив, что отсрочка с публикацией информации о Медном свитке будет временной и непродолжительной. В

соответствии с этим он дал согласие не упоминать о Медном свитке в книге, которую он тогда готовил к печати. Это было введение к обзору кумранских материалов, которое, как предполагалось, должно было выйти в свет в 1956 г. в издательстве «Пингвин Букс». Тем временем было решено, что отец Милик осуществит полный перевод Медного свитка, который Аллегро собирался представить на суд широкой публики вместе с другой «научно-популярной» книгой.

Да, Аллегро согласился временно отсрочить оглашение информации о Медном свитке. Однако он не предполагал, что эта отсрочка будет продолжаться до бесконечности. Еще менее он ожидал, что международная группа откажется признать важность свитка, объявив сокровища, упомянутые в его описи, чистой воды фикцией. Когда отец Милик выступил с подобным заявлением, Аллегро поначалу не заподозрил никакого подвоха. В письме к своим коллегам, датированном 23 апреля 1956 г., он делится с ними своим нетерпением, но сохраняет оптимистический настрой, обращаясь к Милику с поистине рыцарским презрением:

«Одному только небу известно, когда наши друзья в Иерусалиме сочтут возможным предать огласке весть о Медном свитке, если они вообще пойдут на это. Чудеса, да и только (пан Милик думает буквально то же самое, но он трус). Представьте себе мои мучения из-за того, что мне придется сдавать в печать мою книгу, ни словом не обмолвившись в ней о нем».

Спустя примерно месяц Аллегро направил письмо Джеральду Ланкастеру Хардингу, который возглавлял департамент древностей Иордании и был одним из коллег де Во. Возможно, он уже почувствовал, что со свитком творится что-то неладное, и попытался избежать личного контакта с де Во, подыскав альтернативную авторитетную фигуру, не связанную обязательствами перед католической церковью. В любом случае, подчеркивал он, как только пресс-релиз с информацией о содержании Медного свитка будет опубликован, к исследователям сразу же хлынут толпы репортеров. Чтобы справиться с этим наплывом, он предложил Хардингу, международной группе и всем прочим, имеющим отношение к изучению Медного свитка, поддерживать тесные контакты друг с другом и выработать общую «партийную линию» на предмет общения со средствами массовой информации. 28 мая Хардинг, получивший соответствующие наставления от де Во, прислал ответное письмо. Сокровища, упоминаемые в Медном свитке, по всей вероятности, вообще не имеют отношения к Кумранской общине. Более того, подобных сокровищ вообще не могло быть в наличии, ибо их ценность была бы непомерно высока. Медный свиток — это всего лишь сборник легенд о «спрятанных сокровищах». А четыре дня спустя, 1 июня, в печати появился пресс-релиз, в котором сообщалось о находке Медного свитка. В нем содержались аргументы

Хардинга. Так, было объявлено, что свиток содержит «собрание преданий о спрятанных сокровищах».

Аллегро оказался в тупике перед лицом подобного двуличия. В письме в Хардингу от 5 июня он писал: «Я не вполне понимаю, адресованы ли эти невероятные «предания», изобретенные вами и вашими подручными, газетам, госадминистрации, бедуинам или мне лично. Но если вы сами верите в них, то благослови вас Небо». В то же время Аллегро продолжал видеть в Хардинге потенциального союзника в борьбе против фаланги, представляющей интересы католической церкви. Неужели Хардинг считает, спрашивал он, что «распространение более подробной информации о свитке — идея сама по себе неудачная? Ведь сегодня хорошо известно, что Медный свиток был полностью раскрыт еще в январе, и, несмотря на все ваши попытки скрыть этот факт, столь же хорошо известно, что мой перевод был незамедлительно передан вам... Чуть больше общей информации о свитке

позволит справиться со слухами, которые в последнее время приобрели весьма мрачную окраску». Он добавляет, что «у многих возникло ощущение, будто братья-католики, входящие в состав международной группы, пытаются скрыть факты». Та же самая мысль звучит и в его письме к Фрэнку Кроссу, отправленном в августе того же года: «В широких кругах ученых бытует твердое убеждение, что римско-католическая церковь и де Во и компания намерены скрыть от публики некие важные материалы. В письме, адресованном лично отцу де Во, Аллегро едко подчеркивает, что «я заметил, что вы стремитесь завуалировать тот факт, что сокровища являются собственностью Храма».

Поначалу Аллегро свято верил, что полный перевод текста Медного свитка непременно будет опубликован, и очень скоро. Однако теперь ему стало ясно, что ни о чем подобном речи нет. Действительно, прошло долгих четыре года, прежде чем появился перевод текста, да и то он был опубликован самим Аллегро, который к тому времени потерял всякое терпение, общаясь с представителями международной группы. Сам же он намеревался издать свою популярную книгу после появления «официального» перевода, предположительно выполненного отцом Миликом, и верил, что так оно и будет. Однако перевод Милика совершенно неожиданно и по необъяснимой причине стал объектом дальнейших отсрочек и проволочек с изданием, носивших порой откровенно произвольный характер. К Аллегро также обратились с просьбой отложить издание его собственной публикации. В какой-то момент эта просьба, переданная ему почему-то через посредника, напоминала скорее угрозу и исходила от одного из членов международной группы, назвать имя которого не представляется возможным. Аллегро отвечал: «На мой взгляд, это обращение с просьбой выдержаны в таких выражениях, которые вызывают весьма странные чувства и исходят, как сказано, от вас самих и тех, от чьего имени вы действуете. Дело дошло даже до упоминания о неких последствиях, которые могут иметь место, если я не исполню эту просьбу». Адресат этого письма вскоре ответил в весьма любезных выражениях, заметив, что Аллегро не следует воображать, будто он — жертва закулисных гонений. И когда Аллегро все же решил выступить со своей публикацией, он обнаружил, что оказался в затруднительном положении, поскольку заранее дезавуировал работу своего коллеги. Поэтому он предпринял ряд маневров, стремясь вывести коллегу из-под огня ревнителей чистоты рядов международной группы и сделать его своим союзником.

Действительно, перевод Милика вышел лишь в 1962 г., спустя два года после публикации перевода Аллегро, шесть лет спустя после того, как Медный свиток был разрезан и раскрыт в Манчестерском университете, и целых десять лет спустя после его находки.

Тем временем «Свитки Мертвого моря» — популярная книга Аллегро, посвященная материалам кумран-ских находок, из которой были изъяты все упоминания о Медном свитке, — вышла в свет в конце лета 1956 г., спустя пять месяцев после противоречивых откликов, вызванных его выступлениями по радио. Успеху книги, как и предсказывал Аллегро, во многом способствовали опровержения и особенно письмо в «The Times». Первое издание, выпущенное тиражом 40 тысяч экземпляров, было распродано за семнадцать дней, о чем с энтузиазмом отозвался Эдмунд Вильсон на волнах Би-би-си. «Свитки Мертвого моря», вышедшие дополненным изданием и в общей сложности девятнадцатым тиражом, продолжают оставаться одним из лучших исследований о кумранских материалах. Де Во, однако, смотрел на вещи иначе и прислал Аллегро уничтожающий критический отзыв. В своем ответе, датированном 16 сентября 1956 г., Аллегро писал, что «вы просто не способны рассматривать христианство в более или менее объективном свете. Жаль, но, учитывая обстоятельства, это вполне понятно». В том же письме он обратил внимание на один из текстов свитков, в котором упоминается «сын Божий»:

«Вы продолжаете рассуждать о том, о чем думали первые иудеохристиане в Иерусалиме, и никому не приходит в голову, что ваше единственное реальное доказательство — если его вообще можно называть таковым — Новый Завет, этот корпус хорошо знакомых преданий, «свидетельства» которых не выдержат и двухминутного разбирательства перед судом закона... Что же касается... Иисуса как «сына Божьего» и «Мессии» — тут я не стану спорить ни минуты; сегодня, благодаря кумранским рукописям, [мы знаем], что у ессеев существовал свой собственный Мессия из дома Давидова, который считался «сыном Божьим», «рожденным» Богом, но при этом нигде не видно фантастических притязаний церкви, будто Иисус был Самим Богом. Таким образом, это никакое не противоречие в терминологии, а противоречие в ее интерпретации».

Здесь мы имеем дело с объяснением причин произвольных отсрочек с публикацией свитков и с истинной ценностью самих кумранских свитков. Текст, на который ссылается Аллегро, где говорится о «сыне Божьем», *все еще* не опубликован, несмотря на его достаточно быструю идентификацию и перевод. Только в 1990 г. в «Bib-Hcal Archaeology Review» были опубликованы отдельные выдержки из него.

После всего случившегося Аллегро надо было быть крайне наивным человеком, чтобы надеяться, что его коллеги вновь примут его в свой круг как равного. Тем не менее все его дальнейшие действия свидетельствуют именно об этом. Летом 1957 г. Аллегро возвратился в Иерусалим и провел июль, август и сентябрь, напряженно работая в Зале свитков над изучением вверенного ему материала. Судя по письмам того времени, становится понятным, что он действительно вновь чувствовал себя членом группы и нисколько не сомневался, что все в порядке. Осенью он отправился в Лондон и договорился с представителями компании Би-би-си о подготовке специальной телепередачи, посвященной свиткам. В октябре он вернулся в Иерусалим с продюсером и рабочей бригадой для съемок фильма. Они немедленно отправились на встречу с Авни Дайани, иорданским куратором Рокфеллеровского музея и одним из ближайших друзей Аллегро. На следующее утро Дайани ответил им, что «теперь все вопросы необходимо решать с де Во». В письме от 31 октября к Фрэнку Кроссу, которого он по-прежнему считал своим союзником, Аллегро так описывал сложившуюся ситуацию:

«Мы собрались... и объяснили, чего мы, собственно, хотим, но со стороны де Во нас ждал холодный отказ сотрудничать и вообще иметь дело с нами. Мы на какое-то время замерли, открыв рот от изумления, но затем Дайани и продюсер предприняли попытку выяснить, чем вызван подобный отказ. Ситуация представлялась для нас полным нокаутом, потому что я, насколько мне помнится, расстался со своими дражайшими коллегами в самых добрых отношениях — или, по крайней мере, мне так казалось. Разумеется, с моей стороны не последовало никаких сожалений. Тем не менее де Во заявил, что он созвал встречу «своих ученых» и они условились не заниматься впредь ничем из того, чем занимался я! Мой приятель продюсер отвел пожилого джентльмена в сторону и коротко дал ему понять, что в этой программе мы намерены не касаться религиозной стороны вопроса, но он (де Во) был абсолютно непреклонен. Он заявил, что, хотя он и не в силах помешать нам фотографировать Кумранский монастырь, он ни за что не допустит нас в Зал свитков или в сам музей».

Как писал Аллегро, он оказался в затруднительном положении. Что касается Авни Дайани, то он был раздосадован и недоволен. Он прекрасно понимал, что эта программа «способна послужить поддержкой для экономики Иордании: тут и древности, и туризм», и заявил, что готов воспользоваться своей властью и полномочиями. В конце концов он был официальным представителем правительства Иордании, не считаться с которым не мог даже де Во.

«Как только моим дорогим коллегам стало ясно, что программа осуществляется и без них... они тотчас начали выкладывать карты на стол. Объектом их нападок была не программа, а всего лишь сам Аллегро. Затем они вызвали к нашему отелю такси и сделали продюсеру предложение, сводившееся к тому, что, если он раз и навсегда порвет с Аллегро и в сценаристы возьмет Страгнелла или Милика, они готовы сотрудничать с ним... И вот однажды, когда мы вернулись в отель после утомительного рабочего дня в Кумране, Авни позвонил нам и сказал, что, вернувшись к себе, он обнаружил письмо (анонимное), в котором ему предлагали 150 фунтов стерлингов за то, чтобы он не допускал нас в Амман и не позволял фотографировать в тамошнем музее...»

В том же письме Аллегро пытался убедить Кросса включиться в работу по программе. Посоветовавшись с де Во, Кросс отказался. После этого Аллегро понял, сколь понизились его шансы на успех и до какой степени ухудшились его отношения с бывшим коллегами. В тот же день, когда он написал Кроссу письмо, он написал и другому ученому, уважаемому человеку, который хотя официально и не был членом международной группы, но имел разрешение участвовать в работе над свитками. Аллегро повторил рассказ о своих злоключениях и добавил, что он «начал кампанию, а затем сделал небольшую паузу, чтобы позволить клике из Зала свитков разделиться на группы и впрыснуть новую кровь, подкинув идею о том, что то, над чем сидят такие, как Милик, Страгнелл и Старки, может быть опубликовано достаточно быстро в черновом варианте». Два месяца спустя, 24 декабря 1957 г., он писал тому же ученому, признаваясь, что у него возникли опасения:

«Судя по тому, как именно составлен план публикации фрагментов свитков, руководство стремится как можно скорее избавиться от членов международной группы, не принадлежащих к католической церкви... Действительно, груды материала 4Q (материалы из пещеры 4. — Прим. перев.), *находящиеся в распоряжении Милика, Старки и Страгнелла, настолько велики, что я просто убежден, что им придется немедленно разделиться и среди сотрудников скоро появятся молодые ученые.*

...Уже практически сложилась опасная ситуация, когда о первоначальной удачной идее о создании международной и межконфессиональной издательской группы по подготовке публикации свитков почти забыли. Все фрагменты первым делом ложатся на стол де Во или Милика, и, как это имело место с материалами, найденными в пещере 11, полная секретность окружает их содержание до тех пор, пока они длительное время спустя не будут изучены представителями данной группы».

Этот отчет производит крайне тревожное впечатление. У ученых, не входивших в состав международной группы, возникло подозрение, что в отношении свитков имеют место отбор и контроль. И вот Аллегро подтвердил справедливость подобных подозрений. Остается лишь гадать, какая участь могла постигнуть любой фрагмент, содержащий взгляды, которые противоречат мнению церкви.

Далее Аллегро изложил свой собственный план, частью которого было «приглашать занять место в группе ученых, которые имеют возможность провести в Иерусалиме шесть месяцев или целый год».

«Я считаю необходимым взять за правило, чтобы предварительные публикации выходили в свет немедленно *после обнаружения документа, если это представляется возможным, и что постоянный поток таких публикаций должен появляться на страницах какого-то одного журнала... Практика препятствования изданию фрагментов под предлогом, что это якобы «подрывает интерес» к итоговому изданию, представляется мне совершенно ненаучной, как и практика недопущения наиболее компетентных ученых к изучению фрагментов... Возможно, это звучало убедительно, когда мы находились лишь на*

первом этапе сбора фрагментов. Но теперь, когда большая часть работ в этом направлении завершена, почему-то никто не имеет права работать над документами и тем более публиковать их хотя бы в черновом виде».

Право, не всякий может сразу же проникнуться симпатией к Аллегро и его личности, ярко отразившейся в его письмах, — рыцарски благородной, дерзкой, дышащей пафосом иконоборчества. Но невозможно не проникнуться симпатией к академической цельности его позиции. Да, возможно, он действительно несколько эгоцентричен в своем убеждении, что именно его конкретная трактовка кумранских материалов была единственно правильной и важной. Но приведенные выше утверждения представляют собой призыв от лица всего научного мира — призыв к большей открытости, честности, доступности и отказу от корпоративности. В отличие от де Во и международной группы, Аллегро никогда не проявлял склонности к секретности или самовозвеличиванию. Если уж он проявляет скрытность, то делает это исключительно ради того, чтобы сделать тексты свитков Мертвого моря доступными всему миру, и действует предельно быстро, чтобы не подорвать доверие к академическим кругам. Подобные действия можно оценивать лишь как благородные и достойные уважения.

Однако честность и благородство, проявленные Аллегро, так и не получили должного признания. Телефильм, работа над которым была полностью завершена в конце 1957 г., так и не был передан по каналам Би-би-си вплоть до лета 1959 г., да и то в позднее время, когда он мог привлечь минимальную аудиторию. К тому времени над головой Аллегро по понятным причинам начали сгущаться тучи. 10 января 1959 г., после очередного эпизода в длинном ряду конфликтов, он писал Авни Дайани:

«Ну вот, они продолжают свое. Би-би-си уже в пятый раз переносит показ по телевидению программы о свитках... Не может быть никакого сомнения в том, что клевреты де Во в Лондоне стремятся использовать все свое влияние, чтобы окончательно похоронить программу, как им того давно хочется... Де Во не остановится ни перед чем, чтобы сохранить в своих руках контроль над материалами свитков. Так или иначе необходимо лишить его нынешних контрольных полномочий. Я убежден, что если ему встретится нечто, что идет вразрез с догматами римско-католической церкви, мир этого уже никогда не увидит. Де Во будет по-прежнему тянуть деньги из того или иного кармана и отсылать массу материалов в Рим, где они будут засекречены или уничтожены».

В очередной раз повторив, какие именно первоочередные меры, по его мнению, необходимо принять (правительство Иордании должно незамедлительно национализировать Рокфеллеровский музей, Зал свитков и сами свитки), Аллегро излагает причины той щепетильности, которую он проявлял до сих пор: «Я мог бы назвать один-два случая, когда важная информация ложилась под сукно, но я сделаю это лишь в том случае, если де Во начнет одерживать верх».

В 1961 г. король Хусейн назначил Джона Аллегро почетным советником правительства Иордании по изучению свитков. Несмотря на то что этот пост был весьма престижным, он не предоставлял никаких реальных полномочий. И лишь пять лет спустя правительство Иордании наконец последовало давним рекомендациям Аллегро и национализировало Рокфеллеровский музей. Но это, как мы знаем, было сделано слишком поздно. Менее чем через год разразилась Шестидневная война, и музей и Зал свитков со всеми находившимися в них реликвиями перешли в руки израильтян. А Израиль, как мы уже говорили, слишком нуждался в международной поддержке, чтобы идти на риск лобовой конфронтации с Ватиканом и всеми иерархами римско-католической церкви. Ведь всего за четыре года до этого папа римский Иоанн XXIII официально и на уровне вероучительного догмата объявил, что Ватикан более не считает евреев виновными в смерти Иисуса Христа, и исключил любые

проявления антисемитизма из канонического права римско-католической церкви. В Израиле никому не хотелось, чтобы столь важный жест примирения оказался сведенным на нет.

Кроме того, к тому времени Аллегро порядком устал и утратил прежние иллюзии в отношении нравов, царящих в ученых кругах. В какой-то момент он собирался даже покинуть науку и сосредоточиться исключительно на писательской работе. Ему не терпелось вернуться на свою прежнюю стезю — филологию, и он посвятил целых пять лет работе над книгой, в которой рассказывалось о том, что сам Аллегро считал важным прорывом в области филологической науки. Плодом его усилий стала книга «Священный гриб и Крест» — труд, сделавший имя Аллегро знаменитым вплоть до сего дня и одновременно навлекший на него практически всеобщее гонение.

Главный аргумент, изложенный в книге «Священный гриб и Крест», основан на сложных филологических допущениях, принять которые мы, как и подавляющее большинство комментаторов, считаем крайне трудным. Однако это было сделано сознательно. Дело в том, что ученые постоянно выдвигают теории, зиждущиеся на допущениях различной степени достоверности, однако они в худшем случае игнорируются, но не подвергаются публичному шельмованию. Главным поводом для скандала вокруг книги «Священный гриб и Крест» стал рискованный вывод Аллегро об Иисусе Христе. Пытаясь выявить источник всех религиозных верований и практик, Аллегро заявил, что Иисуса на самом деле никогда не существовало в исторической реальности и что Он представлял собой всего лишь эфемерный образ, возникающий в психике под воздействием галлюциногенного наркотика — псилоцибина, важного действующего ингредиента, содержащегося в грибах-галлюциногенах. По его утверждению, христианство, как и все прочие религии, основано на опыте употребления особого рода психоделических средств, ритуальных *rite de passage*[27], *достигаемых в рамках оргиастического культа магических грибов.*

Будучи взяты сами по себе и находясь в другом контексте, выводы Аллегро никогда не вызвали бы такой бури, которая разразилась вслед за выходом его книги в свет. В реальности самого факта существования исторического Иисуса высказывали сомнения ряд ученых и до появления книги Аллегро. Некоторые из них по-прежнему продолжают утверждать это и в наши дни, хотя сегодня они находятся в явном меньшинстве.

Сегодня нет никаких сомнений, что наркотики — психоделики и прочие психотропные средства — достаточно широко использовались в древности в религиях, культах, сектах и разного рода мистических школах Среднего Востока, как, впрочем, они продолжают использоваться и в наши дни во всем мире. Поэтому нет ничего невозможного в том, что подобные вещества были известны и, вероятно, могли применяться в I в. н. э. в иудаизме и раннем христианстве. Необходимо также учитывать специфическую атмосферу и климат конца I960 г. — времени появления книги. Сегодня, в ретроспективе, создается впечатление,

---

[27] Rite de passage(*франц.)* — букв, «ритуал перехода», пра ктика достижения трансперсональных состояний, пресловутого «выхода в астрал», широко применяемая адептами различных оргиастических культов и мистических тоталитарных сект. Она позволяет овладеть сознанием посвящаемого, открыв ему «высшую реальность», и сделать его легко управляемым элементом биомассы, которым легко манипулировать с помощью «священных» средств, практически всегда — сильнодействующих наркотиков. Понятно, что прием наркотиков, затрагивающий грубую физиологическую сферу, меняя химию крови и мозга, не имеет ничего общего с религиозными переживаниями, подлинным духовным опытом, и адепты, прибегающие к подобным практикам, не получают возможности «узреть рай на земле», а находятся в состоянии тяжелой и труднопреодолимой прелести *(прим. перев.).*

что о том времени можно говорить как о «культуре наркотиков», легкодоступного эрзаца мистики, эпохе Кена Киси и его «Веселых проказников», Тома Вольфа и «Электротеста на дерзость», хиппи, разгуливавших по улицам Хэйт-Эшбери в Сан-Франциско, устраивая «праздники любви» и прочие сборища в парке Голден-Гейт. Но это — всего лишь одна сторона картины в целом, способная завуалировать вполне реальные надежды и ожидания того, что психоделия формируется даже в более развитом и дисциплинированном сознании. Существует убеждение, разделяемое многими учеными, невропатологами, биохимиками, представителями академической науки, физиологами, практикующими врачами, философами и людьми искусства, что человечество в ту эпоху находилось на грани некоего эпистемологического[28] «прорыва».

Такие книги, как известный опус Хаксли «Врата восприятия», имели громадный успех и притом — не только в среде молодых бунтарей. Небезызвестный Тимоти Лири из Гарварда, выступивший с проповедью «новой религии», пользовался большим авторитетом. А нашумевшая книга «Учения Дона Хуана» Кастанеды стала не просто очередным бестселлером, но и признанной научной диссертацией, которую он защитил в Калифорнийском университете. Психоделические средства стали широко применяться в медицине и психотерапии. Студенты-богословы Бостонского университета участвовали в богослужении, находясь в состоянии наркотического «кайфа» после приема ЛСД, и большинство из них впоследствии рассказывали, что они пережили обостренное чувство священного, особую близость к Божеству. Даже член парламента Кристофер Мэйхью, ставший впоследствии министром обороны, стал частым гостем на экранах общенациональных телеканалов, благосклонно улыбаясь в ответ на вопросы интервьюеров с поистине серафическим самодовольством человека, только что приобщившегося к высшей мудрости. Нетрудно понять, почему представители академических и критических кругов подняли такой шум после выхода книги Джона Аллегро, хотя Аллегро всегда выступал против менталитета завсегдатаев Хэйт-Эшбери и сам никогда не курил и не пил.

При всем том и не только по указанным выше причинам «Священный гриб и Крест» оказалась книгой крайне неортодоксальной, которая в значительной мере подорвала авторитет Аллегро в ученых кругах. Откликнувшийся на книгу рецензент «The Times», например, допустил личные выпады, подчеркивая дилетантский уровень психоанализа у Аллегро, чтобы скомпрометировать его. Сами издатели, выпустившие в свет книгу Аллегро, вынуждены были оправдываться, утверждая, что книга оказалась «излишне оскорбительной». В письме в «The Times» от 26 мая 1970 г. четырнадцать видных британских ученых решительно опровергли выводы Аллегро. В числе авторитетов, поставивших свои подписи под письмом, был Геза Вермес из Оксфордского университета, который прежде выражал согласие с большинством взглядов Аллегро на материалы кумранских находок и, словно эхо, подхватывал сетования Аллегро на странную медлительность членов международной группы. Среди подписантов оказался и профессор Годфри Драйвер, бывший учитель Аллегро, сформулировавший еще более радикальную интерпретацию кумранских текстов, чем на то отважился сам Аллегро.

Аллегро тем временем продолжал привлекать внимание общественности к проволочкам с публикацией текстов свитков. В 1987 г., за год до своей кончины, он заявил, что отсрочки, практиковавшиеся международной группой, носили «патетический и ничем не оправданный характер», и добавил, что его бывшие коллеги на протяжении многих лет, как собака на сене, сидят на материале, который не только имеет огромную важность, но и является наиболее значительным в религиозном отношении»:

---

[28] Эпистемологический — гносеологический, относящийся к теории познания *(прим. перев.)*.

«Нет никакого сомнения... что свидетельства свитков опровергают мнение об уникальности христианства как секты... По сути дела, мы мало что знаем об истоках христианства. И вот эти документы поднимают завесу тайны».

К тому времени инициатива перешла в руки следующего поколения ученых, и Аллегро решил покинуть круг ученых, изучающих свитки, и продолжить свои исследования истоков возникновения мифов религии. Его работы, появившиеся после скандальной книги «Священный гриб и Крест», были достаточно сдержанными, но для большинства читателей, а также для представителей академических кругов он по-прежнему оставался «изгоем», человеком, который, по едкому замечанию рецензента «The Times», «свел истоки христианства к съедобному грибу». В 1988 г. Аллегро внезапно скончался, не признанный своими коллегами, но до последнего дня оставаясь энергичным и оптимистически настроенным, с энтузиазмом работая над своими филологическими изысканиями. Некоторым утешением перед кончиной для него отчасти мог служить тот факт, что его борьба с членами международной группы и протесты против отсрочек с публикацией материалов свитков были ^подхвачены учеными нового поколения.

В 1956 г. Эдмунд Вильсон весьма благожелательно отозвался о «научно-популярной» книге Аллегро, посвященной свиткам Мертвого моря. В 1969 г., готовя переиздание своей книги, он увеличил ее объем практически вдвое. К тому времени ситуация вокруг свитков для Вильсона перестала быть вопросом «затяжек» и «препятствий». Теперь он стал усматривать в этом проявление скрытности и повод для скандала: «Один ученый католических взглядов как-то сказал мне, что поначалу в отношении свитков сложилась официальная политика, направленная на то, чтобы убедить ученый мир в их малозначительности». К середине 1970-х гг. ученые-библеисты начали уже откровенно заявлять о скандале. Даже наиболее сдержанные из них стали проявлять беспокойство, но международная группа была составлена из людей сплоченных, не имевших желания принимать участие в научных спорах. В числе наиболее видных авторитетов в области современной семитологии можно назвать имя доктора Гезы Вермеса, который начиная с 1951 г. публикует книги и статьи о свитках. Поначалу он не имел никаких конфликтов с членами международной группы и их трудами. Однако с годами он, как и большинство других ученых, начал постепенно терять терпение в отношении бесконечных проволочек с изданием древних рукописей. В 1977 г. он выпустил книгу «Свитки Мертвого моря: Кум ран в перспективе», в первой же главе которой он публично бросил перчатку в лицо своим оппонентам:

«В тридцатую годовщину первой находки свитков мир вправе спросить ученых, ответственных за публикацию кумранских свитков, что же они намерены сделать для выправления крайне прискорбной ситуации. Ибо, если не принять срочных и радикальных мер, величайшее в истории открытие ценнейших древнееврейских и арамейских рукописей вполне может превратиться par exellence[29] в крупнейший академический скандал двадцатого века».

Верная своей практике, международная группа не обратила на это никакого внимания. Почти десять лет спустя, в 1985 г., доктор Вермес вновь призвал ее членов дать отчет в своих действиях, на этот раз — на страницах «Times Literary Supplement»:

«Восемь лет назад я охарактеризовал тогдашнее положение дел как «крайне прискорбную ситуацию» и предостерег, что, «если не принять срочных и радикальных мер, величайшее в истории открытие ценнейших древнееврейских и арамейских рукописей вполне

---

[29] Par exellence *(франц.')* — преимущественно, главным образом *(прим. перев.).*

может превратиться в крупнейший академический скандал двадцатого века». К сожалению, этого не произошло, и нынешний главный редактор фрагментов — человек, который отвергает любую критику в отношении задержек с публикацией как несправедливую и неубедительную».

В той же статье доктор Вермес в самых лестных тонах отзывается о Йигаэле Йадине, ныне уже покойном, за ту расторопность, с которой он сумел обеспечить публикации кумранских материалов, находившихся у него: «Это является напоминанием и укором для всех нас, особенно для тех, кто встречает в штыки любую критику своей привилегированной синекуры, где они попусту тратят время».

В своем стремлении уклониться от неблагодарного противостояния доктор Вермес отказался развивать эту тему далее. Международная группа, как и прежде, предпочла не обращать внимания на критику, не говоря уж о том, чтобы отвечать на нее. Для доктора Вермеса сложившаяся ситуация была особенно печальной. Дело в том, что он — признанный авторитет в этой области. Он опубликовал ряд переводов свитков, которые все же нашли дорогу к широкой публике, например, благодаря содействию израильтян. Вермес, вне всякого сомнения, столь же компетентен в работе над неопубликованными кумранскими материалами, как и любой из членов международной группы, и, пожалуй, имеет куда более высокую квалификацию, чем большинство из них. Однако на всем протяжении его выдающейся научной деятельности ему упорно отказывали в получении доступа к свиткам. Ему даже не было позволено увидеть их.

Тем временем ценнейшие материалы по-прежнему окружены покровом тайны. Мы на собственном опыте могли убедиться в этом, столкнувшись с тем, что важнейшие материалы если и не исчезают окончательно, то, во всяком случае, не становятся достоянием публики. Так, например, в ноябре 1989 г. Майкл Бейджент посетил Иерусалим и встретился с членами нынешнего состава международной группы. Одним из них был отец Эмиль Пюэш, молодой «коронованный князь» Библейской школы, который «унаследовал» массу фрагментов свитков, прежде находившихся в распоряжении отца Жана Старки. В их числе были и материалы, обозначенные как «не поддающиеся идентификации». В личной беседе отец Пюэш упомянул о трех важнейших открытиях:

1. Он недавно открыл целый ряд новых случаев переклички между свитками и Нагорной проповедью, в том числе — неизвестные и весьма важные упоминания о «нищих [духом]» [30].

2. В так называемом послании апостола Варнавы, апокрифическом раннехристианском тексте, датируемом началом II в. н. э., Пюэш обнаружил цитату неустановленной атрибуции, которую было принято считать принадлежащей «неизвестному пророку». Как оказалось, эта цитата восходит непосредственно к свиткам Мертвого моря, что дает основание утверждать, что автором послания Варнавы был член Кумранской общины или, во всяком случае, человек, хорошо знакомый с ее учением. А это — неопровержимое свидетельство прямой связи между кумранской и раннехристианской традицией.

---

[30] Эйзенман особо подчеркивает упоминание о «нищих [духом]» в «Свитке Войны»; см.: op. cit., p. 43, n. 23; p. 62, n. 105. В данном тексте говорится о том, что Мессия приведет «нищих» к победе над полчищами Велиала («Свиток Войны», XI, 14; Vermes, p. 116; любопытно, что Вер-мес, руководствуясь своими собственными мотивами, переводит «Ве-лиал» как «сатана»). Для ознакомления с более подробной дискуссией см.: Eisenman «Образ эсхатологического «дождя» в кумранском Свитке Войны и в послании апостола Иакова», p. 182.

3. В писаниях Иустина-философа, христианского автора II в., Пюэш обнаружил другую цитату, заимствованную непосредственно из кумранских свитков.

«Мы ничего не скрываем, — с непоколебимым упорством настаивал Пюэш. — Мы непременно опубликуем все». Однако, насколько нам известно, до сих пор не было опубликовано никаких материалов об открытиях, упоминавшихся отцом Пюэшем в беседе, и пока что вероятность подобных публикаций не слишком велика. С другой стороны, подобную беседу можно считать сознательной «утечкой информации», позволяющей судить о том, какого рода материалы столь упорно скрывают от публики. Подобная «утечка» имела место в 1990 г. на страницах «Biblical Archaeology Review» и принадлежала перу неназванного ученого, убеждения которого явно мешали ему. Она представляла собой фрагмент одного из кумранских текстов, весьма напоминавший одно место из Евангелия от Луки. Рассказывая об обстоятельствах рождения Иисуса, Лука (Лк. 1, 32—35)[31] говорит о ребенке, который «наречется Сыном Всевышнего» и «Сыном Божиим». Кумранский фрагмент из пещеры 4 также говорит о пришествии праведника, который «по имени своему... наречется Сыном Божиим, а они будут называть его Сыном Всевышнего»[32]. Это, как подчеркивается в сообщении «Biblical Archaeology Review», поистине выдающееся открытие, поскольку «формула «Сын Божий» впервые обнаружена в палестинских текстах за пределами корпуса Библии». Каковы бы ни были обстоятельства, способствовавшие публикации этого фрагмента, он восходит к корпусу материалов, которые до сих пор контролировал и ревниво скрывал «неуловимый» отец Милик.

---

[31] «Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего; и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его. И будет царствовать над домом Израиля вовеки, и царству Его не будет конца. Мария же сказала: как будет это, когда Я мужа не знаю? Ангел сказал Ей в ответ: Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим» (Лк. 1, 32—35) *(прим. перев.).*

[32] Этот фрагмент имеет кодовое название 4Q246. См.: «Biblical Archaeology Review» (BAR), March/April 1990, p. 24. Именно на этот документ ссылается Джон Аллегро в своем письме от 16 сентября 1956 г. (см. выше).

4. Вопреки «консенсусу»

Эдмунд Вильсон, Джон Аллегро и Геза Вермес в один голос упрекали международную группу за секретность, стремление откладывать и затягивать публикацию кумранских материалов и установление своего рода научной монополии на изучение свитков Мертвого моря. Вильсон и Аллегро бросили вызов корпоративным попыткам членов группы отделить Кумранскую общину от так называемого «раннего христианства». Впрочем, в других вопросах все трое ученых соглашались с общепринятой трактовкой — пресловутым консенсусом, предложенным международной группой. Так, например, они приняли согласованную группой датировку времени создания свитков Мертвого моря и согласились считать их авторов дохристианами. Они приняли также мнение группы о том, что члены Кумранской общины были ессеями. И, кроме того, согласились, что предполагаемые ессеи из Кумрана были сектантами традиционного типа, описанного Плинием, Филоном и Иосифом: аскетами, замкнутыми, миролюбиво настроенными, пребывающими в стороне от главного русла общественной, политической и религиозной мысли. Если христианство действительно было каким-то образом связано с обитателями Кумранской общины, значит, оно далеко не столь уникально, как это ранее считалось. Оно могло возникнуть на основе учения Кумранской общины, точно так же, как оно развилось из «обычного» ветхозаветного иудаизма. Кроме этого, не было никаких существенных причин менять его сложившийся образ и представления о нем.

Однако в 1960-е гг. противостояние ученых формальному консенсусу международной группы стало исходить и из другого круга авторитетов. Их вызов консенсусу был куда более радикальным, чем выпады Вильсона, Аллегро или Вермеса. Они поставили под сомнение не только датировку кумранских свитков, разработанную международной группой, но и вообще ессейский характер Кумранской общины. Учеными, отважившимися на подобную критику, были Сесил Рот и Годфри Драйвер.

Сесил Рот был, пожалуй, наиболее видным знатоком иудейской истории своего времени. Отслужив в рядах британской армии в годы Первой мировой войны, он получил ученую степень доктора исторических наук в Мертон-колледже, Оксфорд. На протяжении ряда лет он занимал должность преподавателя иудейской истории в Оксфорде — ту самую, которую теперь занимает Геза Вермес. Рот был плодовитым автором; его перу принадлежат более шестисот публикаций, ставших заметным явлением. Кроме того, он был главным редактором «Encyclopaedia judaica»[33]. Он пользовался громадным авторитетом в ученом мире и считался крупнейшим специалистом в области иудейской истории.

Годфри Драйвер был фигурой вполне сравнимого академического статуса. Он также отслужил в рядах британской армии в годы Первой мировой войны и принимал участие в боевых акциях на Среднем Востоке. Он также преподавал в Оксфорде, в Магдален-колледже, став в 1938 г. преподавателем семитской филологии. До I960 г. Драйвер занимал должность профессора древнееврейского языка. Кроме того, он был одним из директоров группы, которая работала над переводом Ветхого Завета для Новой Английской Библии. Как мы уже говорили, Драйвер был учителем Джона Аллегро и непосредственно рекомендовал его в состав международной группы.

С момента открытия свитков Мертвого моря профессор Драйвер рекомендовал проявлять осторожность при оценке наиболее ранних, относящихся к предхристианской

[33] Encyclopaedia judaica» *(лат.)* — «Иудейская энциклопедия» *(прим. перев.).*

эпохе дат создания свитков. В письме в «Times» от 23 августа 1949 г. он предупреждал, что датировка кумранских свитков предхристианской эпохой «по всей вероятности, не получит всеобщего признания до тех пор, пока они (свитки. — *Прим. перев.)* не будут подвергнуты критическому исследованию». В том же письме он констатировал: «Внешние свидетельства... в пользу датировки свитков предхристианской эпохой крайне шатки, тогда как внутренние аргументы говорят против этого». Как подчеркивал Драйвер, рискованно возлагать надежды на то, что он называл «внешними свидетельствами», то есть археологию и палеографию. Напротив, он настоятельно рекомендовал руководствоваться «внутренними аргументами», то есть содержанием самих свитков. На базе таких аргументов он пришел к заключению, что свитки следует датировать I в. н. э.

Тем временем Сесил Рот проводил свое собственное исследование и в 1958 г. опубликовал его результаты в книге, озаглавленной «Исторический фон свитков Мертвого моря». По его утверждению, исторический фон свитков указывает не на предхристианскую эпоху, а напротив, на время восстания в Иудее, то есть на период между 66 и 74 гг. н. э. Как и Драйвер, Рот настаивал, что сами тексты свитков являются куда более надежным средством датировки, чем аргументы археологии или палеографии. Воспользовавшись этим средством, он быстро выявил целый ряд позиций, которые не только противоречат согласованным данным международной группы, но и способны вызвать возмущение ученых-католиков в ее рядах. Например, процитировав текстуальные ссылки на один из свитков, Рот продемонстрировал, что «интервентами», которые именовались врагами в кум-ранских свитках, могли быть только войска Римской империи, то есть речь в них идет об имперском, а не республиканском периоде. Он показал также, что воинствующий национализм и мессианский пафос многих и многих свитков имеет куда меньше общего с традиционными представлениями о ессеях, чем с образами зилотов, описанных у Иосифа Флавия.

Рот писал, что первоначально Кумранская община могла быть основана ессеями традиционного типа, но в таком случае они должны были бы покинуть эти места после разгрома, учиненного там в 37 г. до н. э. Те же, кто поселился в Кум ране после 4 г. н. э. и оставил нам эти нашумевшие свитки, были отнюдь не ессеями, а зилотами. Продолжая развивать аргументы в пользу этой версии, Рот сумел даже обнаружить взаимосвязь между Кумранской общиной и свирепыми защитниками крепости Ма-сада, находившейся всего в тридцати милях отсюда.

Вряд ли стоит говорить, что подобные заявления незамедлительно навлекли на него яростные критические нападки со стороны группы отца де Во. Один из сторонников де Во, Жан Карминьяк, в рецензии на книгу Рота сетовал, что Рот «не упускает случая подчеркнуть тесные связи между крепостью Масада и Кумраном, но это — одно из слабых мест его книги». Даже после того, как восемь лет спустя Йигаэль Йадин в ходе раскопок в крепости Масада обнаружил свитки, идентичные некоторым свиткам из числа найденных в Кумране, международная группа по-прежнему отказывалась признать гипотезу

Рота. Действительно, *кое-какие* связи между Кумраном и крепостью Масада могли существовать, утверждали ее члены, однако вся группа, логика которой поражает своей парадоксальной необъективностью, настаивала, что этому можно дать лишь одно объяснение, сводящееся к тому, что «кое-кто» из ессеев, живших в Кумране, мог покинуть свою общину и отправиться на защиту Маса-ды, захватив с собой и свои священные тексты!

Во всем, что касается крепости Масада, справедливость гипотезы Рота подтвердили результаты раскопок Йадина. Однако Рот был вполне в состоянии обороняться самостоятельно. В статье, опубликованной в 1959 г., он сфокусировал внимание в первую очередь на основанном на «археологических свидетельствах» утверждении де Во, что свитки не могли быть спрятаны в пещерах позже лета 68 г. н. э, когда Кумран был «захвачен 10-м

легионом»[34]. В ответ Рот убедительно доказал, что летом 68 г. н. э. 10-го легиона в окрестностях Кумрана попросту не было.

Аргументы Рота вызвали бурный гнев со стороны членов группы де Во, но их разделял и поддерживал его коллега, Годфри Драйвер. Оба ученых работали в тесном контакте друг с другом, и в 1965 г. Драйвер опубликовал свой объемистый и обстоятельный труд о материалах кумранских находок, озаглавленный «Иудейские свитки». По мнению Драйвера, «аргументы, относящие дату создания свитков к предхристианской эпохе, принципиально ошибочны». Единственная причина подобной датировки, подчеркивал он, носила чисто палеографический характер, «но этого аргумента явно недостаточно». Драйвер выражал согласие с Ротом в том, что свитки следует отнести к периоду войны в Иудее, то есть к 66—74 гг. н. э., и поэтому они являются «в большей или меньшей степени» современниками текстов Нового Завета. Он также сходился с Ротом во мнении, что Кумранская община могла состоять из зилотов, а не традиционных ессеев, как то считалось ранее. По оценке Драйвера, свитки были уложены в тайники где-то между Первой Иудейской войной и восстанием под предводительством Симона бар Кохбы, разгоревшимся в 132—135 гг. н. э. Он выражал сомнения в научной состоятельности международной группы, и в особенности самого де Во.

Рот и Драйвер были авторитетными и признанными «тяжеловесами» в своей области — истории Иудеи, мнение которых невозможно было игнорировать или с наскока отвергать. Столь же невозможно было дискредитировать и подвергнуть шельмованию их престиж и научный авторитет. Наконец, их невозможно было окружить кольцом изоляции. К тому же они были людьми слишком искушенными в интригах, царящих в научном мире, чтобы безрассудно совать шею в петлю, как поступил Аллегро. Однако они были уязвимы для уничижительно-покровительственной снисходительности, которую продолжали проявлять сам де Во и сплоченные ряды его группы. Рот и Драйвер, сколь авторитетно ни звучали их имена, были провозглашены людьми, не внесшими реального вклада в изучение кумранских свитков. Так, де Во в рецензии на книгу Драйвера, вышедшую в 19б7 г., писал: «Весьма прискорбно обнаружить здесь (в книге. — *Прим. перев.)* конфликт метода и ментальности между критиком-текстологом и археологом, кабинетным ученым и изыскателем, работающим на раскопках». Правда, самого де Во никак не назовешь ученым, «работающим на раскопках»! Как мы знаем, он и большинство других членов международной группы, предпочитали работать за закрытыми дверями в Зале свитков, предоставив проводить полевые изыскания тем же бедуинам. Но пресловутый Зал свитков по крайней мере географически находился гораздо ближе к Кумрану, чем тот же Оксфорд. Более того, де Во и его группа имели громадное преимущество — непосредственный доступ к оригиналам всего корпуса кумранских текстов, тогда как Рот и Драйвер, лишенные доступа к свиткам, такой возможности не имели. И хотя Рот и Драйвер оспаривали обоснованность исторической методики, применявшейся в международной бригаде, они не брали под сомнение ее компетентность в области археологии и палеографии.

Археология и палеография и впрямь были сильной стороной работы группы, что давало отцу де Во право закончить свою рецензию на книгу «Иудейские свитки» уверенным и убедительным утверждением, что «гипотеза Драйвера... попросту невозможна». Кроме того, апеллируя к тем же доводам археологии и палеографии, де Во мог оказывать нажим на других авторитетов в этой области, настойчиво убеждая их выступить в его поддержку. Так, ему удалось убедить профессора Олбрайта выступить против Драйвера, гипотеза которого,

---

[34] Де Во высказал свою позицию в публикации «Раскопки в Кирбет Кумран», «Revue Biblique», vol.lxi (1954), p. 233. Он повторил ее в своей новой публикации «Раскопки в Кирбет Кумран», «Revue Biblique», vol.lxiii (1956), p. 567, а также в «Кумранские манускрипты и археология», «Revue Biblique», vol.lxvi (1959), p. 100.

по мнению Олбрайта, была «абсолютно несостоятельна». Ее несостоятельность, продолжает Драйвер, происходила вследствие «очевидного скептицизма в отношении методологических принципов, применяемых археологами, нумизматами и палеографами. Разумеется, он (Драйвер. — *Прим. перев.)* допустил серьезную ошибку, бросившись очертя голову в противоборство с одним из самых блистательных ученых наших дней — Роланом де Во».

Перейдя в наступление, члены международной группы и их сторонники принялись бомбардировать Рота и Драйвера все более и более резкими критическими выпадами. Оба ученых, как справедливо заметил Эйзенман, «были подвергнуты осмеянию способом, явно не соответствующим ситуации, и притом с такой свирепостью, что можно лишь удивляться». Никто не посмел выступить в их поддержку. Никто не рискнул возвысить голос против несокрушимого «консенсуса». «И овцы академических кругов, — как писал тот же Эйзенман, — смиренно выстроились в очередь». Что касается Рота и Драйвера, то их интересы и репутация не ограничивались исключительно материалами кумранских находок. Поэтому они просто ретировались с арены конфликта, сочтя ниже своего достоинства продолжать спор далее. Случившееся должно было послужить наглядным уроком послушания для других ученых, работавших в этой области. Этот эпизод остался черным пятном в истории исследования кумранских свитков.

Если международная группа и раньше имела нечто вроде монополии на изучение свитков, то теперь ее позиции стали и вовсе незыблемыми. Еще бы, ведь ее лидеры сумели одолеть двух потенциально наиболее серьезных оппонентов, и их триумф казался полным. Рот и Драйвер были вынуждены хранить молчание во всем, что касалось этой темы. Аллегро был подвергнут полной дискредитации. Всякого, кто представлял потенциальную угрозу, силой и шантажом вынуждали примкнуть к консенсусу. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. гегемония международной группы была полной и абсолютной.

К середине 1980-х гг. практически вся оппозиция акциям и взглядам международной группы была дезорганизована и рассеяна. Большинство ее участников обосновались в Соединенных Штатах, объединившись вокруг единственного журнала — «Biblical Archaeology Review». В номере за сентябрь—октябрь 1985 г. «Biblical Archaeology Review» поместил сообщение о конференции, посвященной свиткам Мертвого моря, состоявшейся в мае того же года в Нью-Йоркском университете. В публикации приводилось заявление профессора Мортона Смита, высказанное им на этой конференции: «Я хотел бы поговорить о скандалах вокруг документов Мертвого моря, но подобные скандалы слишком многочисленны и привычны и потому вызывают лишь досаду». Далее говорилось, что международная группа в своей деятельности «руководствуется, насколько это можно судить, по большей части привычкой, традицией, коллегиальностью и инерцией». А в заключение в статье было сказано:

«Посвященные, ученые, обладающие правом доступа к текстам (Т. Гастер, заслуженный профессор Барнард-колледжа, Колумбийский университет, США, называет этих посвященных «заколдованным кругом»), имеют ханжество публиковать тексты кусочек за кусочком. Это повышает их ученый статус, влияние в научных кругах и личный престиж. Зачем же пренебрегать всем этим? Очевидно, что наличие этого фактора вносит противоречия и споры».

Публикация «Biblical Archaeology Review» привлекла внимание к недовольству и раздражению тех ученых высокого ранга, которые не удостоились чести войти в «заколдованный круг». Кроме того, она, естественно, привлекла внимание и к преимуществам, которыми пользуются такие учреждения, как Гарвардский университет, где преподавали Кросс и Страгнелл, студенты и питомцы которых также имели доступ к кумранским материалам, тогда как многие ученые высшей квалификации такой возможности

не имели. В завершение статья в «Biblical Archaeology Review» призвала к «немедленной публикации фотографий неопубликованных текстов», повторив слова Мортона Смита, который обратился к своим коллегам с призывом «потребовать от израильского правительства, которое теперь распоряжается всеми материалами свитков, немедленно опубликовать фотографии всех неопубликованных текстов с тем, чтобы они стали доступными для всех ученых».

Увы, этот призыв Смита был вновь проигнорирован малодушными интриганами от науки. В то же время необходимо отметить, что призыв Смита оказался не вполне удачным в том смысле, что он возлагал вину не на истинного виновника секретности — международную группу, а на израильское правительство, у которого и без того хватало проблем. Впрочем, израильское правительство было виновно в том, что в 1967 г. пошло на сделку, позволив международной группе сохранить свою монополию при условии, что она начнет публикацию свитков, чего группа так и не сделала. Таким образом, хотя правительство Израиля было отчасти виновно в сохранении сложившейся ситуации, в самом возникновении ситуации его вины не было. Как вскоре смог убедиться Эйзенман, большинство израильтян — будь то ученые и журналисты или даже официальные представители администрации — игнорировали сложившуюся ситуацию и, можно сказать, проявляли полнейшее равнодушие к ней. В результате подобного равнодушия продолжал сохраняться давно изживший себя статус-кво.

Однако в том же 1985 году, когда состоялась конференция, упомянутая на страницах «Biblical Archaeology Review», известный член израильского парламента Йувал Нееман начал проявлять интерес к данной теме и показал себя на удивление хорошо разбирающимся во всех обстоятельствах дела. Нееман был всемирно известным физиком, профессором физики и деканом отделения физики Тель-Авивского университета вплоть до 1971 г., когда он занял пост директора университета. До этого он участвовал в планировании военных кампаний и был одним из тех, кто разрабатывал основы стратегии израильской армии. В период с 1961 по 1963 г. он был научным директором исследовательского института Сорек, израильского комитета по атомной энергии. И именно Нееман поднял вопрос о свитках на заседании кнессета — израильского парламента, назвав «скандалом» тот факт, что израильские власти не отслеживают и не контролируют ситуацию, когда международная группа сохраняет за собой нечто вроде мандата и монополии на изучение свитков, унаследованные ею от прежних иорданских властей. Именно этот запрос заставил департамент древностей Израиля вплотную заняться изучением вопроса о том, как и почему целый анклав ученых-католиков смог получить монопольное право контроля над тем, что является собственностью Государства Израиль.

Департамент древностей вступил в прямую конфронтацию с международной группой в вопросе о публикации свитков. Чем можно объяснить и оправдать бесконечные задержки и каков может быть реальный график выхода в свет публикаций? Пост директора группы в то время занимал отец Бенуа, который 15 сентября 1985 г. обратился с письмом к своим коллегам. В этом письме, копией которого мы располагаем, он напомнил им о призыве Мортона Смита начать немедленную публикацию фотографий свитков. Он также сетовал (словно он был пострадавшей стороной) на использование слова «скандал» не только Мортоном Смитом, но и Нееманом па заседании кнессета. Затем он высказал намерение рекомендовать на пост главного редактора серии будущих публикаций Джона Страгнелла. Кроме того, он попросил каждого из членов группы подготовить график публикации материалов, над которыми те работают.

Запрос отца Бенуа лишь частично возымел ожидаемые последствия. Под нажимом того же Неемана департамент древностей Израиля 26 декабря 1985 г. направил ему повторный запрос, требуя ответить на вопросы, затронутые в обращении. Трудно сказать, был ли ответ

отца Бенуа основан на реальной информации, полученной им от своих коллег по группе, или же это была всего лишь отписка с целью выиграть время. Как бы то ни было, он послал в департамент древностей письмо, обещая опубликовать все материалы, находящиеся в распоряжении членов международной группы, в течение ближайших семи лет, то есть до конца 1993 г. Этот график был назван в письме окончательным и подлежащим исполнению, но, разумеется, никто не воспринимал его всерьез, и в личной беседе с нами Нееман заявил, что он слышал «в кулуарах», что этот график рассматривался как шутка — и не более того. Так оно в итоге и оказалось. Не было никаких реальных оснований утверждать, что все кумранские материалы или хотя бы значительная их часть может быть опубликована к 1993 г. Ведь даже материал из одной только пещеры 4 был опубликован далеко не полностью. После выхода в свет в 1968 г. подготовленного Джоном Аллегро тома в серии «Открытия в Иудейской пустыне» появились всего три тома, опубликованные в 1977,1982 и 1990 гг., так что общее число вышедших томов достигло восьми.

Тем не менее столь серьезный нажим со стороны властей вызвал среди членов международной группы настоящую панику. И, как нетрудно догадаться, сразу же начались поиски козла отпущения. Кто втянул израильское правительство в эту аферу? Кто проглядел Неемана и позволил ему поднять в кнессете вопрос о свитках? Быть может, единственно на основании употребления слова «скандал» международная группа сочла виновником всех бед Гезу Вермеса. На самом же деле Вермес никакого отношения к скандалу не имел. Дело в том, что за Нееманом стоял Роберт Эйзенман.

Эйзенман извлек уроки из ошибок, допущенных Ротом и Драйвером. Он заявил, что все здание пресловутого консенсуса международной группы зиждется на мнимо точных данных археологии и палеографии. Рот и Драйвер совершенно правильно назвали эти данные недостоверными, но опровергать их не стали. Эйзенман решил бросить вызов международной группе в ее собственной сфере, подвергнув сомнению их методологию и продемонстрировав, что итоговые данные неверны.

Свою кампанию против международной группы он начал еще в книге «Маккавеи, саддукеи, христиане и Кумран», опубликованной им еще в 1983 г. в Голландии. В этой книге он бросил международной группе первый серьезный вызов, усомнившись в достоверности ее археологических и палеографических датировок. Во введении к своей книге он открыто обрушился на них, заявив: «Небольшая группа специалистов, работающих по большей части в контакте друг с другом, выработала консенсус... Вместо четких исторических взглядов... разного рода предположения и реконструкции выдавались за реальные факты». Но поскольку этот текст имел весьма незначительное распространение в узком кругу, международная группа могла попросту проигнорировать его. И действительно, вполне возможно, что никто из ее членов даже не прочитал его тогда, по всей вероятности, сочтя этот опус химерическими бреднями неискушенного новичка.

Эйзенман, однако, на этом не успокоился и решил продолжать борьбу. В 1985 г. в Италии была опубликована его вторая книга, озаглавленная «Праведный Иаков в книге пророка Аввакума». По иронии судьбы книга вышла в свет в одной из подконтрольных Ватикану типографий — в «Типографии Григориана». В ней было помещено предисловие на итальянском языке, а в следующем году книга уже с дополнениями и новым приложением была переиздана Б. Д. Бриллом. В том же году Эйзенман был назначен членом ученого совета престижного института Олбрайта в Иерусалиме. Там он начал активные закулисные маневры с целью убедить израильское правительство вмешаться в ситуацию и сделать вопрос о свитках одним из своих приоритетов.

Эйзенман прекрасно понимал, что мертвую хватку международной группы не удастся сломить одними только, пускай и громкими, протестами в научных журнала. Для этого

необходим мощный нажим извне, и желательн о — с самых верхов. Поэтому-то Эйзенман и провел встречу с Нееманом, а Нееман поднял этот вопрос на заседании кнессета.

Несколько позже в том же году Эйзенман имел встречу с отцом Бенуа и в устной форме потребовал от него предоставить ему доступ к свиткам. Нетрудно догадаться, что Бенуа весьма вежливо отказал, заявив, что с этой просьбой Эйзенман должен сперва обратиться к властям Израиля, и подчеркнув, что решение вопроса зависит не от него. В тот момент Эйзенман еще не подозревал о стратегических ходах, предпринятых международной группой с целью отпугнуть всех, кому хотелось бы получить доступ к свиткам. Тем не менее он оказался не готов к тому, что его можно отстранить так легко.

Все ученые за время своей работы в штате института Олбрайта обязаны выступить как минимум с одной публичной лекцией перед широкой публикой. Лекция Эйзен-мана была запланирована на февраль 1986 г., а название темы, выбранной им для своей лекции, звучало как «Иерусалимское общество и Кумран» с несколько провокационным подзаголовком «Проблемы археологии, палеографии, истории и хронологии». Как и в случае с книгой о праведном Иакове, название это должно было пощекотать нервы оппонентов. Согласно сложившейся традиции институт Олбрайта направил письма всем крупнейшим ученым с приглашением прибыть в Иерусалим. И для таких сестер-соперниц, как французская Библейская школа, быть представленной на таких лекциях было делом чести. На лекции присутствовало пять или шесть ее представителей — больше, чем обычно.

Поскольку они не были знакомы с Эйзенманом и его работой, они не ожидали услышать ничего экстраординарного. Но постепенно их высокомерие начало рассеиваться, и они молча слушали аргументы лектора[35]. Но по завершении лекции представители Библейской школы не стали задавать лектору вопросы и покинули зал без обычных в таких случаях приветствий и поздравлений. Для них впервые стало ясно, что в лице Эйзенмана им бросил вызов более чем серьезный оппонент. Соблюдая формальные приличия, они решили проигнорировать его в надежде, что все забудется и уладится само собой.

Следующей весной один из друзей и коллег Эйзенмана, профессор Филип Дэвис из Шеффилдского университета, ненадолго приехал в Иерусалим. Вместе с Эйзенманом он отправился к Магену Броши, директору Хранилища книги, и заявил, что они хотели бы увидеть неопубликованные фрагменты свитков, которые до сих пор находятся в распоряжении международной группы. В ответ Броши только рассмеялся, как бы говоря, что это — тщетные надежды. «Вы не увидите их до конца своих дней», — заметил он. В июне, почти перед завершением своей командировки в Иерусалим, Эйзенман был приглашен в гости на чашку чая к своему коллеге, профессору Еврейского университета, который несколько позже стал членом израильского Комитета по наблюдению за свитками. Эйзенман воспользовался случаем и привел с собой Дэвиса. На этом званом ужине присутствовали и другие ученые, в том числе Джозеф Баумгартен из Еврейского колледжа в Балтиморе, а в начале вечера появился и Джон Страгнелл — давний противник Аллегро, впоследствии — глава международной группы. Возбужденный и явно настроенный на конфликт, он начал сетовать на то, что, к сожалению, существует немало «неквалифицированных людей», добивающихся разрешения на доступ к кумранским материалам. Эйзенман отвечал в том же тоне: интересно, как господин Страгнелл определяет, кто является «квалифицированным», а кто нет? Можно ли считать квалифицированным его самого? Что он знает об истории, помимо неких познаний в палеографии, которыми он якобы обладает? Поначалу эти дебаты

---

[35] Более подробно о лекции Эйзенмана см. в главе 10 «Наука на службе веры» *(прим. автора).*

носили наполовину шутливый, более или менее цивилизованный характер, но затем нападки перешли на личности.

Следующий, 1986/87 учебный год Эйзенман провел в Оксфордском центре, занимая пост старшего преподавателя в аспирантуре по гебраистике и приглашенного члена ученого совета Линакр-колледжа. Благодаря контактам, установленным в Иерусалиме, он получил возможность ознакомиться с двумя секретными документами. Одним из них была копия свитка, над которой работал Страгнелл, так сказать, часть его «приватной собственности». Текст свитка, написанный, по всей видимости, лидером Кумранской общины и излагающий целый ряд основополагающих установок общины, известен в среде специалистов как документ ММТ. Страгнелл демонстрировал его незадолго до конференции 1985 г., но так и не удосужился опубликовать[36]. (Этот материал не издан и по сей день, хотя общий объем текста составляет всего 121 строку.)

Второй документ был более важным и актуальным. Он представлял собой компьютерную распечатку списка *всех* кумранских текстов, находившихся в руках международной группы. Особый интерес этому документу придавало то, что ранее международная группа не раз отрицала сам факт существования подобной распечатки и даже свитка. Этот документ явился несомненным доказательством того, что существует обширный корпус неопубликованных материалов, который тщательно скрывают.

Эйзенман без промедления заявил, что необходимо делать:

«Решив для себя, что одной из основных проблем в отношениях между учеными, которая в первую очередь и создала сложившуюся ситуацию, была чрезмерная скрытность и жажда секретности, я решил, несмотря ни на что, предавать огласке любые материалы, которые попадают мне в руки. Это реальное дело, которое я могу сделать, да плюс к тому оно еще и подорвет монополию международной группы на право распоряжаться подобными документами».

Соответственно Эйзенман предоставлял копии документа ММТ всем, кто выражал желание ознакомиться с ним. Копии эти распространялись с невероятной быстротой, так что через полтора года дело дошло до курьеза: один из ученых прислал ему экземпляр его же копии и спросил, видел ли он его. И Эйзенману пришлось ответить, что это — одна из тех самых копий, которые он лично начал рассылать.

С такой же скоростью, как и документ ММТ, циркулировала и распечатка со списком текстов, произведя именно такой эффект, на который рассчитывал Эйзенман. Он пошел на решительный шаг, послав экземпляр Гершелю Шанксу из «Biblical Archaeology Review», тем самым предоставив журналу мощное оружие для развертывания новой кампании.

Вряд ли стоит говорить, что после этого отношения Эйзенмана с членами международной группы резко ухудшились. Разумеется, внешне обе стороны соблюдали академические приличия, общаясь с подчеркнуто ледяной вежливостью. В конце концов не могли же люди из международной группы публично обрушиться на него с нападками за его действия, которые носили совершенно бескорыстный характер и были предприняты

---

[36] Этот фрагмент называется ММТ — по первым буквам трех древнееврейских слов, присутствующих в этой строке: *«МиксатМа'асех га-Тора»,* «Некоторые постановления, касающиеся Закона». Этот текст, естественно, отражает позицию Кумранской общины в выборе постановлений из всего корпуса Торы.

исключительно в интересах науки. Но пропасть между сторонами все более и более увеличивалась, и вскоре была предпринята попытка окончательно отделаться от него.

В январе 1989 г. Эйзенман посетил Амира Дрори, вновь назначенного директора израильского департамента древностей. Дрори без обиняков сообщил ему, что он собирается подписать соглашение с новым главным редактором — Джоном Страгнеллом. По этому соглашению монополия международной группы на изучение свитков сохранялась. Прежний график публикации текстов, принятый предшественником Страгнелла, отцом Бенуа, был нарушен. Все остальные кумранские материалы были опубликованы не к 1993, а к 1996 г.[37]

Эйзенман, естественно, был огорчен этой вестью. Его попытки переубедить Дрори успеха не имели. Эйзенман откланялся, преисполненный решимости избрать более продуктивную стратегию. Единственным возможным способом оказать давление на международную группу и связанный с ней департамент древностей и, паче чаяния, помешать Дрори подписать соглашение с ней, было обратиться в Верховный суд Израиля, разбирающий случаи судебных ошибок и апелляции от частных лиц.

Эйзенман решил обсудить этот вопрос с адвокатами. Да, решили они, Верховный суд действительно может вмешаться и решить вопрос. Но для того, чтобы иметь возможность обратиться в Верховный суд, Эйзенман должен представить доказательство факта судебной ошибки. Он должен был доказать, желательно — в письменной форме, что какому-либо компетентному ученому было отказано в получении доступа к свиткам. Между тем в то время документов о подобных отказах или, во всяком случае, в том виде, в котором они потребуются для судебного разбирательства, не существовало. Подобный отказ действительно получали многие ученые, но одни из них умерли, другие жили в разных концах света, и потому документов, необходимых для судебного иска, не нашлось. Поэтому надо было вновь обращаться к Страгнеллу с запросами и, как и прежде, получать отказ.

Если бы Эйзенман имел на руках регистрационные номера документов, его задача несколько упростилась бы.

Не желая направлять новый запрос, Эйзенман решил, что его позиция будет более весомой, если ее поддержат другие. Он обратился к Филипу Дэвису из Шеффилдского университета, и тот согласился поддержать его в разбирательстве, которое оба рассматривали как пробный залп в длительной битве в Верховном суде Израиля. 16 марта оба профессора направили Джону Страгнеллу письмо с формальным запросом. Они просили разрешить им доступ к некоторым оригиналам фрагментов, а также к фотографиям обрывков, обнаруженных в одной из пещер в Кумране, известной как пещера 4. К письму они приложили ту самую компьютерную распечатку текста, которую Эйзенман предал огласке. Во избежание недоразумений и путаницы они указали приведенные в распечатке номера фотонегативов. Кроме того, они просили разрешить им доступ к целому ряду цельных свитков или их фрагментов с толкованиями на первоначальный текст. Они предлагали оплатить все издержки этой акции и обещали не публиковать ни транскрипции, ни переводов материалов, которые были необходимы им для исследований. Кроме того, они обещали соблюдать все формальные аспекты закона об охране авторских прав (копирайт).

В своем письме Эйзенман и Дэвис отдавали должное затратам времени и энергии, которые международная группа на протяжении многих лет посвятила изучению свитков, но, на их взгляд, заметили ученые, члены группы «с лихвой вознаграждены за это» самой

---

[37] Экземпляр этого графика был опубликован в «BiЬIicaI Archaeology Review», July/August 1989, p. 20.

возможностью в течение столь длительного времени пользоваться эксклюзивным доступом к материалам кумранских находок. Они заявляли, что тридцать пять или сорок лет — это более чем долгий срок для других ученых, ожидающих своей очереди на получение доступа к свиткам, без знакомства с которыми «мы более не можем рассчитывать достичь прогресса в наших исследованиях». Далее в письме говорилось:

«Несомненно, первоначальное поручение, возложенное на вас, состояло в том, чтобы опубликовать эти материалы как можно скорее для блага всей науки в целом, а не в том, чтобы присвоить право распоряжаться ими. Все было бы иначе, если бы вы и ваши коллеги-ученые действительно обнародовали эти материалы. Но вы не сделали этого, как будто материалы — это ваша собственность...

...Сегодня аномальность ситуации обострилась до предела. Поэтому мы, зрелые ученые в полном расцвете сил и способностей, считаем несправедливым в отношении нас ваше предложение ждать завершения работы над свитками и не предоставлять нам доступ к ним спустя сорок лет после их открытия».

Эйзенман и Дэвис ожидали, что Страгнелл вновь отклонит их просьбу. Однако Страгнелл предпочел вообще не отвечать им. Поэтому 2 мая того же года Эйзенман направил письмо Амиру Дрори, который несколько раньше подтвердил монопольное право международной группы и намеченный ею график публикаций вплоть до 1996 г. Сняв копию этого письма, Эйзенман приготовил ее для Страгнелла и отправил ее по обоим его адресам — в Оксфорд и в Иерусалим. Поскольку Страгнелл не ответил, по словам Эйзенмана, сложилась тупиковая ситуация: «Мы устали от постоянных нападок. Подобного рода кавалерийские наскоки для нас не новость; они являются частью процесса, продолжающегося вот уже 20 или 30 лет...»

Так как Страгнелл вновь не дал разрешения на доступ к кумранским материалам, Эйзенман счел, что это должен сделать Дрори, обладающий более широкими полномочиями. Он выделил два основных момента. До тех пор пока международная группа контролирует доступ к материалам кумранских находок, недостаточно просто требовать от нее ускорения публикации текстов. Недопустимы никакие ограничения доступа ученых к свиткам, ибо это необходимо для проверки результатов работы международной группы, для сверки точности переводов и толкований и оценки тех аспектов, которые члены группы могли оставить без внимания:

«Мы не можем быть уверены... в том, что они собрали все имеющиеся фрагменты каждого из документов и что они расположили эти фрагменты должным образом. Мы также не можем быть уверены, что предлагаемые материалы являются полными и что отдельные их фрагменты не были пропущены, уничтожены или оставлены без внимания тем или иным образом по той или иной причине. Обеспечить целостность текстов способны лишь совместные усилия всех заинтересованных ученых».

Второй момент представляется еще более очевидным, по крайней мере — на первый взгляд. Международная группа настаивала на особой важности археологии и палеографии. Как пояснил Эйзенман, датировка кумранских текстов была произведена и утверждена на основе археологических и палеографических экспертиз. Сами же свитки с текстами были обследованы с помощью радиоуглеродного метода, существовавшего во время открытия свитков, а между тем этот метод слишком приблизителен и требует чрезмерно больших затрат материала самих манускриптов. В результате было утрачено слишком много текста — и это при том, что для анализов привлекалось очень мало оберточного материала, найденного в сосудах. В итоге свитки были датированы эпохой перед самым началом новой эры. Между тем ни один из свитков не был подвергнут исследованию с помощью более

современной методики датировки по изотопам С и, даже несмотря на то, что точность этой методики была повышена благодаря применению новейшего метода спектроскопии. Благодаря ему для анализа требуется (и гибнет) гораздо меньшее количество материала, а точность повышается. Таким образом, Эйзенман высказал надежду, что Дрори сумеет воспользоваться своими полномочиями и организует новую экспертизу. Он также рекомендовал ради чистоты эксперимента привлечь к нему независимых и незаинтересованных лиц. Свое письмо Эйзенман закончил страстным призывом: «Пожалуйста, примите меры, чтобы предоставить эти материалы заинтересованным ученым, которым они необходимы для продолжения профессиональных изысканий, чтобы те могли непредвзято и объективно оценить их».

Страгнелл, находившийся тогда в Иерусалиме, явно под нажимом Дрори прислал ответ, датированный 15 мая. Несмотря на тот факт, что письмо Эйзенмана было отправлено на оба его адреса — в Иерусалим и в Оксфорд, Страгнелл попытался объяснить задержку тем, что письмо якобы было послано «не в ту страну».

По мнению обозревателя «Biblical Archaeology Review», «вынужденный ответ Страгнелла на этот запрос отражает чрезвычайное интеллектуальное высокомерие и откровенную академическую спесь». В своем ответе Страгнелл выражал «недоумение», зачем Эйзенман и Дэвис показали свое письмо «доброй половине списка «Кто есть кто» в Израиле». Он обвинил их в несоблюдении «принятых норм» и назвал их «лотофагами», что на эзоповом языке Страгнелла предположительно относится к жителям Калифорнии, хотя уместность этого титула в отношении Филипа Дэвиса, проживающего в Шеффилде, вызывает серьезные сомнения. Страгнелл не только решительно отверг просьбу Эйзенмана и Дэвиса предоставить им доступ к свиткам, но и опроверг все до единого пункты их претензий. Он посоветовал им научиться на собственном опыте, чем заканчивались «подобные запросы в прежние годы», и действовать по установленным каналам, игнорируя тот факт, что группа решительно отрицала поступление таких запросов «в прежние годы». Он заявил также, что распечатка, которую Эйзенман и Дэвис использовали для указания номеров фотонегативов, была сделана давно и устарела. При этом он обошел молчанием тот факт, что эта распечатка, не говоря уже о более новых, была недоступна для всех, кто не является членами международной группы, до тех пор, пока Эйзенман не предал ее огласке.

Эйзенман отреагировал на выпад Страгнелла со всей публичностью, на которую только был способен. В середине 1989 г. этот вопрос стал cause celebre[38] на страницах израильских и американских газет и в меньшей степени был подхвачен британской прессой. Эйзенман неоднократно давал интервью таким изданиям, как «New York Times», «Washington Post», «Los Angeles Times», «Chicago Tribune», «Tite Magazine» и канадский «Maclean's Magazine». Он сформулировал пять основных пунктов:

1. Все исследования свитков Мертвого моря были нечестным путем монополизированы узкой группой ученых, преследовавших небескорыстные цели и имевших предвзятые взгляды.

2. Лишь очень небольшая часть кумранских материалов нашла дорогу в печать, а преобладающая их доля до сих пор засекречена.

3. Явное заблуждение — считать, что наибольший интерес представляют так называемые «библейские» тексты, тогда как наиболее важными являются так называемые

---

[38] Cause celebre *(франц.)* — здесь — излюбленная тема *(прим. перев.)*.

«сектантские» материалы — совершенно *новые* тексты, которые до сих пор были неизвестны и которые содержат массу сведений об истории и религиозной жизни I в. н. э.

4. По истечении сорока лет с момента открытия свитков доступ к ним должны иметь все ученые, интересующиеся этой темой.

5. Необходимо провести безотлагательную экспертизу датировки кумранских материалов по радиоуглеродному методу с использованием новейшей спектрометрии.

Как это неизбежно бывает в подобных случаях, после того как средства массовой информации начали раздувать сенсацию вокруг этой темы, дело приняло скандальный оборот. Высказывания Эйзенмана были дважды неверно истолкованы, и обе стороны обрушили друг на другу лавину обвинений и домыслов. Но в ходе борьбы самолюбий главный вопрос так и не получил ответа. Как писал в 1988 г. Филип Дэвис

«Любой археолог или ученый, который находит на раскопках или открывает новый текст, не отвечающий сложившимся представлениям, сразу же воспринимается как враг науки. Между тем сорок лет спустя после находки свитков мы так и не получили ни отчета о раскопках, ни полного издания текстов свитков».

5. Политика академических кругов и бюрократическая инерция

В начале 1989 г. Эйзенман получил приглашение представить статью на конференции по изучению свитков, которая должна была состояться летом того же года в Гронингенском университете. Организатором и председателем оргкомитета конференции выступил редактор журнала «Revue de Qumran»[39], официального органа Библейской школы — этой франко-доминиканской археологической организации в Иерусалиме, членами которой было большинство ученых из международной группы. По установившейся традиции, все материалы, представленные на конференции, впоследствии непременно публиковались в журнале. Однако ко времени проведения конференции конфликт Эйзенмана с членами международной группы и возникшая вследствии этого неприязнь получили публичную огласку. Отозвать приглашение Эйзенману к участию в конференции было уже неудобно. Поэтому ему было разрешено представить свою статью на конференции, но ее публикация в «Revue de Qumran» была заблокирована[40].

Председатель оргкомитета конференции был глубоко огорчен. Он оправдывался перед Эйзенманом, объясняя, что ничего не мог поделать, поскольку вышестоящие лица из редакции журнала настояли на исключении статьи Эйзенмана из плана публикаций. Таким образом, «Revue de Qumran» разоблачило себя, показав, что является отнюдь не независимым форумом для широкого спектра ученых мнений, а заурядным рупором взглядов международной группы.

Между тем ситуация начала постепенно меняться в пользу Эйзенмана. Так, например, «New York Times» устроила на своих страницах ученый диспут, опубликовав аргументы противоборствующих сторон. А в номере от 9 июля 1989 г. была опубликована редакционная статья, озаглавленная «Суета в научных кругах» и отражавшая мнение редакции:

«Некоторые научные труды, например компиляции статей из энциклопедий, мирно доживают свой долгий век. Что касается других, то причины задержки с их изданием не столь возвышенны. Это и зависть, и гордыня или просто медлительность.

Взять хотя бы печальную эпопею со свитками Мертвого моря, документами, которые способны пролить новый свет на историю зарождения христианства и эволюцию вероучительных взглядов иудаизма.

Эти свитки были найдены в 1947 г., но многие из них сохранились лишь в виде фрагментов и до сих пор не опубликованы. На протяжении более чем сорока лет узкая группа ученых, предающихся безделью, все тянет и тянет с изданием, а мир тем временем ждет, и бесценные свитки превращаются в прах.

Разумеется, они (члены международной группы. — Прим. перев.) *не позволяют другим ученым ознакомиться с материалом до тех пор, пока они сами не опубликуют их за своими подписями. Особое недовольство у ученых вызывает график публикаций, составленный Ю. Т. Миликом, французом, ответственным за издание более чем пятидесяти документов...*

---

[39] «R e v u e d e Q u m r a n» *(франц.)* — «Кумранское обозрение» *(прим. перев.).*

[40] Впоследствии эта статья все же была опубликована. См. материал Эйзенмана «К вопросу о толковании «абейт-галуто» в книге пророка Аввакума». Folia orientalia, vol. xxvii (1990). *(Прим. автора.)*

Ученые, захватившие контроль над материалами и отказывающиеся публиковать их, наносят огромный ущерб археологии».

Несмотря на постоянные выпады оппонентов, несокрушимые бастионы их взглядов постепенно начинают давать трещины, и аргументы Эйзенмана приобретают все больший вес, убеждая многих в его правоте. Идет и другой процесс, имеющий столь же важное значение. «Непосвященные», то есть противники международной группы, начинают консолидировать свои ряды и устраивать свои собственные конференции. За несколько месяцев, последовавших за публикацией редакционной статьи в «New York Times», были проведены две такие конференции.

Первая из них была организована профессором Ка-перой из Кракова при активной поддержке Филипа Дэвиса и состоялась в г. Могиляны в Польше. Итогом ее стал документ, известный под названием Могилянская резолюция. Два основных ее требования звучали так: во-первых, представители властей Израиля должны получить фотоснимки всех неопубликованных свитков, которые следует направить в издательство «Оксфорд Юниверзити Пресс» для их скорейшей публикации; и, во-вторых, данные раскопок, проведенных де Во в Кум-ране в период между 1951 и 1956 г., которые до сих пор не обнародованы, должны быть изданы в форме отдельной публикации.

Спустя семь с половиной месяцев состоялась вторая конференция, на этот раз — на «собственной территории» Эйзенмана, в Калифорнийском университете в г. Лонг-Бич. На ней представили свои материалы ряд деятелей академической науки, включая самого Эйзенмана, а также профессора Людвиг Коэн и Дэвид Ноэл Фридман из Мичиганского университета, профессор Норман Гольб из Чикагского университета и профессор Джеймс М. Робинсон из Клермонтского университета, возглавлявший группу, ответственную за публикацию свитков из Наг-Хаммади.

На конференции были приняты две резолюции: первая из них указывала на необходимость незамедлительного факсимильного издания всех кумранских материалов, не опубликованных до сего дня, что должно было стать «первым шагом на пути открытия доступа к свиткам всем ученым независимо от их взглядов и убеждений»; вторая предусматривала создание банка данных по новейшей методике радиоуглеродного анализа для всех известных манускриптов, чтобы осуществить датировку всех не датированных прежде текстов и рукописей, будь то папирусы, пергаментные свитки, кодексы и любые другие материалы.

Естественно, что ни одна из резолюций, принятых в Могилянах или в Лонг-Бич, не являлась обязательной ни для кого. Однако они имели большой вес и в академических кругах, и в средствах массовой информации. Международная группа неожиданно для себя оказалась в положении обороняющейся стороны; более того, она начала постепенно сдавать свои позиции. Так, например, когда разгорелись ученые битвы, Милик без лишнего шума передал один из текстов (тот самый, о возможности ознакомиться с которым просили Эйзенман и Дэвис в своем письме к Страгнеллу) профессору Йозефу Баум-гартену из Еврейского колледжа в Балтиморе. Однако Баумгартен, который к этому времени успел стать членом международной группы, решительно отказался позволить ознакомиться с текстом кому-либо еще. Страгнелл же, который, будучи главой группы, был ответственным за любые перемещения материалов, не проинформировал об этом Эйзенмана и Дэвиса. Однако тот факт, что Милик вообще передал свой материал кому бы то ни было, отражал определенный прогресс, показывая, что Милик сдался под нажимом и счел возможным уступить часть своих «владений» и, следовательно, часть ответственности за них.

Еще более многообещающим актом стала передача Миликом второго текста профессору Джеймсу Ван дер Камму из университета штата Северная Каролина. Ван дер Камм вопреки традиции, сложившейся в международной группе, разрешил доступ к свиткам другим ученым. «Я готов показать фотографии [свитков] всякому, кто пожелает ознакомиться с ними», — заявил он. Не удивительно, что Милик назвал действия Ван дер Камма безответственными. После этого Ван дер Камм отказался от своего обещания.

Важную роль в кампании за получение свободного доступа к свиткам Мертвого моря сыграл, как мы уже говорили, журнал Гершеля Шанка «Biblical Archaeology Review» (сокращенно BAR). Именно BAR начал широкую кампанию в средствах массовой информации, опубликовав в 1985 г. длинную и во многом скандальную статью о постоянных задержках с публикацией кумранских материалов. И когда Эйзенман получил копию компьютерной распечатки списка всех фрагментов, находящихся в распоряжении международной группы, он немедленно предоставил этот документ BAR. Тем самым он дал BAR грозное оружие. В свою очередь, BAR горел желанием вынести эту информацию на широкий форум общественности.

Как мы уже отмечали, нападки BAR, по крайней мере частично, были направлены на правительство Израиля, которое редакция объявила столь же виновным в бесконечных задержках, как саму международную группу. Эйзенман осторожно дистанцировался от позиции BAR по этому вопросу. По его мнению, обращать нападки на правительство Израиля означает отвлекать внимание от существа проблемы — укрывательства информации.

Несмотря на первоначальную неточность, вклад BAR в актуализацию этой проблемы был поистине громадным. Начиная с весны 1989 г. в журнал хлынула лавина статей, посвященных задержкам и недочетам в исследованиях кумранских материалов. Принципиальная позиция BAR сводилась к тому, что «в конце концов свитки Мертвого моря являются достоянием всего человечества». А вот отзыв о международной группе: «Группа редакторов стала сегодня скорее препятствием для публикации, чем источником информации». BAR нанес очень немного ударов, достигших цели, и часто подходил к самой грани дозволенного для печати. И хотя Эйзенман не разделял желания BAR нападать на правительство Израиля, можно не сомневаться, что подобные нападки помогли достичь хотя бы некоторых результатов.

Так, например, израильские власти были вынуждены принять меры, чтобы подтвердить свое право собственности на неопубликованные материалы кумранских находок. В апреле 1989 г. совет по археологии Израиля образовал Комитет по наблюдению за свитками, задачей которого было контролировать все публикации кумранских текстов и следить за тем, чтобы все члены международной группы реально занимались своими прямыми обязанностями. Вначале создание этого комитета было чем-то вроде косметической операции, целью которой было создать впечатление, будто ведется какая-то конструктивная работа. На деле же, по мере того как международная группа продолжала сдавать позиции, комитет приобретал все больше и больше реальных полномочий.

Как мы уже говорили, составленный отцом Бенуа график, в соответствии с которым все кумранские материалы должны были быть опубликованы к 1993 г., был заменен новым, разработанным Страгнеллом и (теоретически последним) более реалистичным графиком, крайний срок завершения которого переносился на 1996 г. Эйзенман был настроен весьма скептически в отношении планов группы. BAR высказывался более резко. Намеченный график, утверждал журнал, это обман и мошенничество. К тому же BAR обращал внимание, что график не принят; в техническом отношении он не являлся обязательным ни для кого. Более того, он не предусматривал никаких мер по наблюдению за тем, выполняет ли

международная группа свои прямые обязанности. Что же будет, вопрошал BAR, обращаясь к правительству Израиля, если намеченные сроки вновь не будут соблюдены?

Департамент древностей прямо не ответил на брошенный ему вызов, но 1 июля 1989 г. в интервью «Los Angeles Times» директор департамента, уже знакомый нам Амир Дрори, сделал заявление, которое можно воспринимать как недвусмысленную угрозу: «Мы впервые располагаем планом, и если кто-то не уложится в указанные в нем сроки, мы сочтем себя вправе передать работу другим ученым». Впрочем, Страгнелл в интервью с корреспондентом «International Herald Tribune» дал ясно понять, что он не воспринимает подобные угрозы всерьез. «Мы работаем не на железной дороге», — заявил он. А в интервью телеканалу Эй-би-си он высказался еще более определенно: «Если мы не уложимся в график и опоздаем на один-два года, меня это ничуть не беспокоит». Милик тем временем, как пишет «Time Magazine», оставался по-прежнему «неуловимым»; тем не менее журнал успел взять у него интервью, где приводится высокомерное высказывание преподобного отца: «Мир увидит манускрипты после того, как я завершу все подготовительные работы».

Справедливо не довольствуясь этим, BAR продолжил свою кампанию. В интервью телеканалу Эй-би-си Страгнелл с несколько неуклюжим юмором и с трудом сдерживаясь, сетовал на недавние нападки, которым подверглись он сам и его коллеги. «Мне кажется, мы порядком набрались блох, — заметил он, — от тех, кто пытался досадить нам». BAR немедленно отреагировал на это, опубликовав фотографию, на которой был запечатлен профессор Страгнелл в окружении «именитых блох». Помимо Эйзенмана и Дэвиса, в числе «именитых блох» оказались профессора Джозеф Фицмайер из Католического университета, Дэвид Ноэл Фридман из Мичиганского университета, Дитер Георги из Чикагского университета, З. Капера из Кракова, Филип Кинг из Бостон-колледжа, Т. Гастер и Мортон Смит из Колумбийского университета и Геза Вермес из Оксфордского университета. BAR пригласил сфотографироваться всех прочих ученых-библеистов, которые согласились быть публично названными «блохами». Ответом на это приглашение стала лавина писем, в том числе и от профессора Якоба Нойснера из Института перспективных исследований Принстонского университета, автора целого ряда заметных работ об истоках иудаизма и возникновении христианства. Говоря о научной деятельности международной группы, профессор Нойснер охарактеризовал историю со свитками Мертвого моря как «монументальный крах», который, по его мнению, был вызван «надменностью и самонадеянностью».

Осенью 1989 г. мы приступили к работе над этой книгой и в процессе подготовки рукописи с головой окунулись в море споров и противоположных мнений. Отправившись в Израиль, чтобы собрать необходимые материалы и взять интервью у ряда видных ученых, Майкл Бейджент решил проверить работу и полномочия так называемого Комитета по наблюдению за свитками, сформированного для наблюдения за деятельностью международной группы. Теоретически комитет мог оказаться чем угодно. С одной стороны, он мог стать «бумажным тигром», средством формального контроля за бездействием официальных органов. С другой — он мог предложить реальные властные полномочия, чтобы отобрать у международной группы право распоряжаться свитками и передать его в более ответственные руки. Не служил ли комитет всего лишь ширмой для маскировки дальнейших проволочек с публикациями? Или же он обладал полномочиями и волей для внесения конструктивных изменений в сложившуюся ситуацию?

Среди лиц, входивших в комитет, были двое членов департамента древностей Израиля — Амир Дрори, глава департамента, и госпожа Айала Суссман. Для начала Бейджент решил побеседовать с Дрори. Однако, приехав в департамент древностей, он был вынужден общаться с госпожой Суссман, которая была председателем подкомитета департамента по

изучению кумранских текстов. Ему было заявлено, что Дрори занят другими неотложными делами. А госпожа Суссман — в курсе дел, ибо специально занимается свитками.

Встреча Бейджента с Суссман состоялась 7 ноября 1989 г. Госпожа Суссман ясно и недвусмысленно дала понять, что рассматривает встречу как нежелательное вмешательство в ее и без того плотный распорядок дня. Оставаясь безукоризненно вежливой, Суссман вместе с тем проявляла нетерпение и холодность, не вдаваясь в детали и всем своим видом показывая, что она намерена как можно скорее завершить беседу. Бейджент, разумеется, был столь же вежлив, однако ему пришлось быть настойчивым и почти назойливым, так что создалось впечатление, что он готов прождать в офисе хоть целый день до тех пор, пока не получит ответ на свои вопросы. Наконец госпожа Суссман сдалась.

Первые вопросы, заданные Бейджентом, касались принципов создания и целей Наблюдательного комитета. В тот момент госпожа Суссман, явно считая своего интервьюера не специалистом, хорошо знакомым с обсуждаемой темой, а всего лишь журналистом, скользящим по поверхности вопроса, заявила, что комитет был создан для опровержения критики, направленной против департамента древностей. В результате у Бейджента сложилось впечатление, будто комитет не проявляет реального интереса к самим свиткам, а представляет собой нечто вроде бюрократической ширмы.

Какова же тогда его официальная роль, поинтересовался Бейджент, и какими конкретно полномочиями он наделен? Госпожа Суссман сохраняла невозмутимость. Работа комитета, заявила она, сводится к тому, чтобы «консультировать» Амира Дрори, директора департамента древностей, при его контактах с профессором Страгнеллом, главным редактором любых публикаций кумранских материалов. Комитет намерен, подчеркнула она, тесно сотрудничать со Страгнеллом, Кроссом и другими членами международной группы, перед которыми департамент древностей имеет формальные обязательства. «Некоторые, — заявила она, — уже очень углубились в свою работу, и нам не хотелось бы забирать у них материалы».

А как же быть с публикациями в BAR, спросил Бейд-жент, и резолюциями, принятыми на конференции в Могилянах всего два месяца тому назад, в которых сформулировано требование предоставлять фотографии всем заинтересованным сторонам? Ответом ему стал жест госпожи Суссман, в точности такой, какой совершают женщины, бросая ненужное письмо в корзинку для бумаг. «Никто не принимает их всерьез», — проговорила она. С другой стороны, она (что вселяло некоторые надежды) констатировала, что новый график, в соответствии с которым все кумранские документы должны быть опубликованы к 1996 г., является вполне реальным. «Если Милик не уложится в намеченные сроки, — заметила она, — мы вполне можем передать материалы кому-то другому». Все до единого тексты, находившиеся в распоряжении Милика, уже готовятся к печати в соответствии с намеченной датой их публикации. В то же время она выразила симпатии позиции Страгнелла. Ее муж, заметила она, известный профессор истории талмудизма, помогал Страгнеллу в переводе целых 121 строки документа ММТ, публикация которого не раз переносилась.

Таким образом, на взгляд госпожи Суссман, в целом все было в порядке и вполне приемлемо. Предметом ее личной заботы были не столько кумранские материалы, сколько негативное общественное мнение в отношении департамента древностей. Это вызвало у нее возмущение. В конце концов, свитки — это «не наша забота».

«К чему все эти неприятности? — почти раздраженным тоном спросила она. — У нас есть другие, более важные проблемы».

Не стоит и говорить, что Бейджент покинул встречу крайне разочарованным. В Израиле бытует мнение, что, если кто-то хочет надежно похоронить дело, ему лучше всего создать комитет по его изучению. Хорошо известно, что все прежние официальные попытки осуществлять наблюдение за деятельностью отцов де Во и Бенуа окончились неудачей. Каковы же основания предполагать, что ситуация может измениться?

На следующий день Бейджент имел встречу с профессором Шемарйаху Талмоном, одним из двух ученых Еврейского университета, состоявших в то же время членами Наблюдательного комитета. Профессору Талмону удалось собрать прекрасную компанию единомышленников — энергичных, остроумных, немало попутешествовавших на своем веку. Однако в отличие от госпожи Суссман он обладал не только поверхностным знанием тематики, но знанием деталей и подробностей, что вызывает симпатию к независимым ученым, стремящимся получить доступ к кумранским материалам. В самом деле, заметил Талмон, он сам в прошлом столкнулся с трудностями в получении доступа к оригиналам текстов, и ему пришлось работать с транскрипциями и вторичными источниками, достоверность которых в ряде случаев вызывала серьезные сомнения.

«Противоречия — это источник живительной силы науки», — заявил профессор Талмон в самом начале своей встречи с Бейджентом. Он ясно дал понять, что считает свое членство в Наблюдательном комитете удачной возможностью способствовать выправлению ситуации. «Если бы это был всего лишь формальный надзор, — заявил он, — я сразу подал бы в отставку». Комитет, подчеркнул он, должен быть способен добиваться конкретных результатов, чтобы оправдать свое существование. Талмон признал наличие проблем, с которыми приходится сталкиваться международной группе: «Ученые всегда находятся под нажимом, и им всегда приходится выносить очень многое. Конечная дата графика — это всегда конец света». Однако, добавил он, если тот или иной исследователь имеет в своем распоряжении куда больше текстов, чем он способен обработать, он должен передать часть их другим ученым. Комитет стремился «поощрять» исследователей поступать именно таким образом. Между прочим Талмон отметил также, что, по слухам, в архивах хранятся большие фрагменты свитков, до сих пор неизвестные широким кругам. Впоследствии эти слухи подтвердились.

Бейджент спросил профессора Талмона о переполохе, вызванном запросом Эйзенмана и Дэвиса, которые просили предоставить им доступ к некоторым документам. Талмон заявил, что он был абсолютно уверен, что успех их просьбы гарантирован. По его словам, всегда «необходимо помогать людям пользоваться неопубликованной информацией. Это вполне законное требование». Свитки, подчеркнул он, должны быть предоставлены в распоряжение всех квалифицированных исследователей, проявляющих интерес к ним. В то же время, признал он, существуют некоторые технические затруднения. Эти трудности, которые необходимо учитывать, можно распределить на три категории. Во-первых, каталог текстов устарел и требует пересмотра и дополнения. Во-вторых, на сегодняшний день не существует полной описи всех свитков и их фрагментов, некоторые из которых до сих пор не идентифицированы («единственный человек, знающий, что где находится, — это Страгнелл»). И, наконец, необходимо согласие всех заинтересованных сторон в отношении всех известных текстов.

Что касается графика публикаций, согласно которому издание всех материалов должно было быть завершено к 1996 г., то тут Талмон честно признался, что сомневается в его реальности. Независимо от того, сдержит ли международная группа свои обещания или нет, он усомнился, сможет ли издательство «Оксфорд Юниверзити Пресс» выпустить в свет столько томов в столь короткое время. Изучая график, Талмон заметил, что только на период с 1990 по 1993 г. было намечено издание не менее чем девяти томов. Будет ли «Оксфорд Юниверзити Пресс» в состоянии справиться с таким объемом работ? И к тому же сможет ли

Страгнелл возглавлять редактирование текстов, продолжая при этом свои собственные исследования?

Но если подобные проблемы и возникнут, это будут реальные, вполне объяснимые трудности, никак не связанные с обструкциями и сознательным утаиванием материалов. Это были единственные препятствия, с которыми Талмон готов был считаться. Это вселяло надежды и звучало убедительно. В лице Талмона Наблюдательный комитет имел серьезного и ответственного ученого, который хорошо разбирался в сути проблем, был преисполнен решимости преодолевать их, а не просто уклоняться от их решения.

Бейдженту было дано понять, что заседание Наблюдательного комитета должно было состояться на следующий день, в десять часов утра. Поэтому он поспешил устроить встречу в девять часов того же дня с профессором Джонасом Гринфилдом, еще одним членом комитета, который занимал штатную должность в Еврейском университете. Он прямо поставил перед Гринфилдом главный вопрос: намерен ли Наблюдательный комитет, образно говоря, «показать зубки»? «Мы и рады бы показать зубки, — отвечал Гринфилд, — но для этого они прежде должны вырасти». Решив, что он ничего не теряет от этого, Бейджент попытался подбросить семя раздора. В беседе с профессором Гринфилдом он повторил фразу, которую обронила Айала Суссман: комитет был создан для опровержения критики, направленной против департамента древностей... Он надеялся, что это вызовет некоторую реакцию.

Так оно и случилось. На следующее утро Бейдженту позвонила госпожа Суссман. Обронив для начала несколько незначащих фраз, она заявила, что весьма недовольна тем, что он передал профессору Гринфилду ее реплику. Это же неправда, возмущалась Суссман. Она просто не могла сказать ничего подобного. «Мы очень заинтересованы, — подчеркнула она, — чтобы комитет занимался своими делами». Бейджент поинтересовался: не хочет ли Суссман, чтобы он забрал назад свою ссылку на ее имя; если ей угодно, он позвонит Гринфилду и так и сделает. Нет, возразила госпожа Суссман: «Комитет был сформирован для консультирования департамента [древностей] по действительно важным вопросам». Что же касается ее поспешного замечания, то госпожа Суссман полагала, что их беседа проходила «при выключенном диктофоне». Бейджент возразил, что он намеревался побеседовать лично с Амиром Дрори, директором департамента древностей, чтобы услышать от него — и, естественно, *записать* — изложение официальной позиции департамента по этому вопросу. Дрори же переадресовал его к госпоже Суссман, от которой он, Бейджент, не ожидал услышать ничего, что шло бы вразрез с «официальной линией» департамента. Поэтому ее интервью по большей части и оказалось записанным на магнитофоне.

Объясняя причины своего поступка, Бейджент заговорил в более примирительном тоне. Наблюдательный комитет, признал он, это, по его мнению, самое светлое место в печальной эпопее с исследованиями свитков Мертвого моря. Этот комитет впервые предоставил уникальную возможность прорвать круговую оборону нерасторопных ученых и обеспечить издание текстов, которые следовало опубликовать еще сорок лет назад. Поэтому было бы тяжким разочарованием услышать, что эта уникальная возможность может оказаться упущенной и что комитет может превратиться в заурядный бюрократический механизм для поддержания статус-кво. С другой стороны, подчеркнул Бейджент, он был весьма удовлетворен беседами с профессорами Талмоном и Гринфилдом, в ходе которых оба авторитетных лица выразили искреннее намерение придать деятельности комитета действенность и эффективность. Услышав это, госпожа Суссман поспешила изъявить согласие со своими коллегами. «Мы были бы очень рады видеть подобные действия, — подтвердила она. — Мы ищем пути продвижения в этом направлении. И нам очень хотелось бы, чтобы весь проект был осуществлен как можно скорее».

И вскоре Наблюдательный комитет, отчасти благодаря решимости профессоров Талмона и Гринфилда, отчасти — при поддержке госпожи Суссман, воспрянул и приступил к решительным действиям. Однако важный вопрос, выдвинутый профессором Талмоном, сохранял свою остроту: способно ли издательство «Оксфорд Юни-верзити Пресс» технически и механически обеспечить выпуск намеченных томов в соответствии с графиком

Страгнелла? Более того, не был ли этот график заранее составлен с полным осознанием того, что уложиться в указанные в нем сроки просто невозможно? Не кроется ли за этим некая иная тактика отсрочек публикации, позволяющая в то же время снять с международной группы вину за промедление?

По возвращении в Великобританию Бейджент позвонил одному из редакторов Страгнелла в издательство «Оксфорд Юниверзити Пресс». «Можно ли считать намеченный график реальным? — спросил он. — Возможно ли вообще в период между 1989 и 1996 г. выпустить *восемнадцать* томов серии «Открытия в Иудейской пустыне»?» И если бы то, как человек бледнеет от изумления, можно было бы услышать по телефону, Бейджент наверняка услышал бы это. «Подобное, — отвечала госпожа редактор, — крайне маловероятно». Далее она сообщила, что буквально только что имела встречу со Страгнел-лом. Она только что получила факс по этому вопросу из департамента древностей Израиля. «Большинство сходится во мнении, — подчеркнула она, — что сроки указаны совершенно нереальные. Каждый из них — это щепотка соли на раны. Мы просто не в состоянии выпустить более двух или, в крайнем случае, трех книг в год».

Бейджент заявил, что и департамент древностей Израиля, и Наблюдательный комитет весьма обеспокоены реальностью выполнения графика. «Что ж, их опасения в отношении сроков вполне справедливы», — отвечала госпожа редактор. Далее она высказала мысль, прозвучавшую как несколько скандальное желание отделаться от всего проекта в целом. «Оксфорд Юниверзити Пресс», — заявила она, — не считает обязательным брать на себя всю работу по публикации этой серии. Быть может, какое-нибудь другое издательство — университетское или любое другое — проявит интерес к сотрудничеству с нами?» Более того, госпожа редактор не была даже уверена, удастся ли «Оксфорд Юниверзити Пресс» окупить затраты на подготовку каждого из томов.

В течение четырех оставшихся месяцев 1990 г. развитие событий вокруг деятельности международной группы и ее монополии пошло ускоренными темпами. Критика в адрес ученых, препятствующих доступу своих коллег к материалам кумранских находок, получила широкую огласку, да и правительство Израиля, как оказалось, было весьма чувствительным к нажиму. Подобный нажим стал особенно сильным после публикации в ноябре того же года статьи в «Scientific American», содержавшей резко негативные оценки задержек и сложившейся ситуации. Независимые ученые получили возможность высказывать свои мнения.

В середине ноября появилось сообщение о том, что по распоряжению израильского правительства Эммануил Тов, специалист по изучению свитков Мертвого моря, был назначен на пост «единого главного редактора» проекта по переводу и публикации всего корпуса кумранских материалов. Это назначение явно было сделано без консультаций с уже действующим главным редактором, Джоном Страгнеллом, который, по слухам, сразу же воспротивился бы ему. Но в то время Страгнелл был болен, лежал в клинике и не мог ни выступить с заявлением на сей счет, ни организовать оппозицию неожиданной акции. Кроме того, к тому времени даже его бывшие коллеги — такие, как Фрэнк Кросс, — начинали дистанцироваться от него и даже публично подвергали его критике.

Была и другая причина подобного развития событий. Ранее, в ноябре того же года, Страгнелл, работавший в офисе Библейской школы, дал интервью журналисту «Ha-aretz», центральной газеты, издававшейся в Тель-Авиве. Истинные мотивы этого интервью в тот момент были до конца неясны, однако само это интервью, как отмечали крупнейшие мировые издания, вряд ли предназначалось для того, чтобы вызвать к его автору симпатию со стороны израильских властей, ибо в нем он представал человеком, который, оказавшись в сложной ситуации, ведет себя как смутьян, лишенный такта. По утверждению «New York Times», опубликованном в номере от 12 декабря 1990 г., Страгнелл — урожденный протестант, принявший католичество, — так отозвался об иудаизме: «Это поистине ужасная религия. Это своего рода ересь[41] по отношению к христианству, а мы со своими еретиками боролись разными средствами». Два дня спустя «Times» поместила это мнение Страгнелла в более развернутом виде: «Я убежден, что иудаизм — это расистская религия, в некоторых аспектах весьма примитивная. Меня особенно беспокоит в иудаизме сам факт существования евреев как сплоченной группы...» По словам лондонской «Independent», Страгнелл также заявил, что «решением» — какое зловещее слово! — для иудаизма было бы «массовое обращение иудеев в христианство».

Сами по себе подобные комментарии не имеют прямого отношения к вопросу об изучении свитков Мертвого моря, передаче кумранских материалов другим исследователям и скорейшей публикации текстов. Но трудно ожидать, что такого рода комментарии будут способствовать повышению доверия к человеку, ответственному за перевод и публикацию древнеиудейских текстов. Неудивительно, что разразился громкий скандал. Британские газеты в свое время немало писали о нем. На какое-то время он стал даже темой передовиц во многих изданиях в Израиле, Франции и Соединенных Штатах. Бывшие коллеги Страгнелла вежливо, но в то же время со всей решимостью поспешили дистанцироваться от него. В середине декабря появилось сообщение, что Страгнелл смещен со своего поста. Принятию этого решения явно способствовали и его бывшие коллеги, и представители израильских властей. В качестве главных причин его отставки были названы просрочки с публикацией рукописей и проблемы со здоровьем.

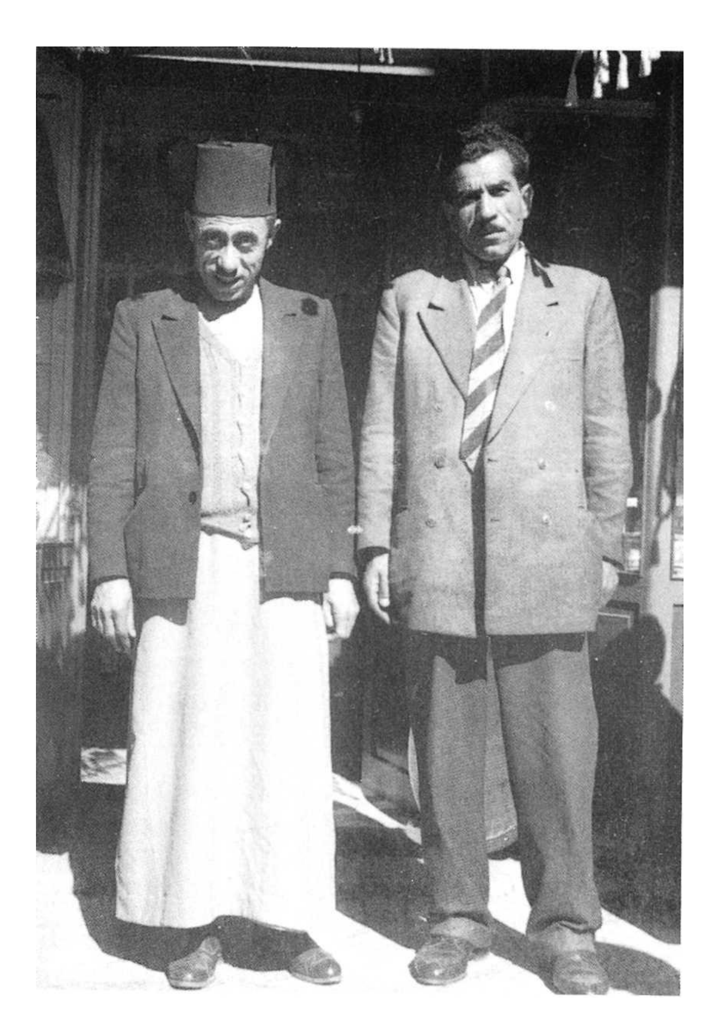
[41] И он совершенно прав, ибо прямым преемником и развитием духовного содержания истинного ветхозаветного вероучения является именно христианство (до разделения церквей и возникновения всевозможных ересей), а не иудаизм, представляющий собой уклон в мистику, оккультизм и магию. В Ветхом Завете существуют строгие запреты на любую магическую практику и астрологию, а между тем именно это лежит в основе многих талмудических трактатов. Многие толкования, содержащиеся в Талмуде, не проясняют смысл Священного Писания, а переносят его в другую, манипуляционно-практическую плоскость. Достаточно назвать постоянное стремление иудейских книжников к поиску сокровенного Имени Божьего, ибо, по архаическим представлениям, знающий имя субъекта приобретает неограниченную власть над ним. Окончательное формирование корпуса талмудических и каббалистических текстов было завершено в VIII, а по другим данным — даже XШ в. н. э. Показательно, что высшим авторитетом для иудаистов является не Слово Божие — Тора («Закон», Моисеево Пятикнижие), а толкования мудрецов к нему. В одном из талмудических трактатов сказано: «Закон — вода, Талмуд — вино, толкования раввинов к Талмуду — сикера (сладкое вино)». То есть знание высших религиозных таинств и интенций является уделом крайне узкого круга посвященных *(прим. перев.)*.

1. Соломон Шектер среди ящиков с рукописями, приобретенными в 1896 г. у *генизы* в Каире и доставленными в Кембридж.

2. Мухаммад ад-Диб *(справа),* обнаруживший первую пещеру со свитками Мертвого моря.

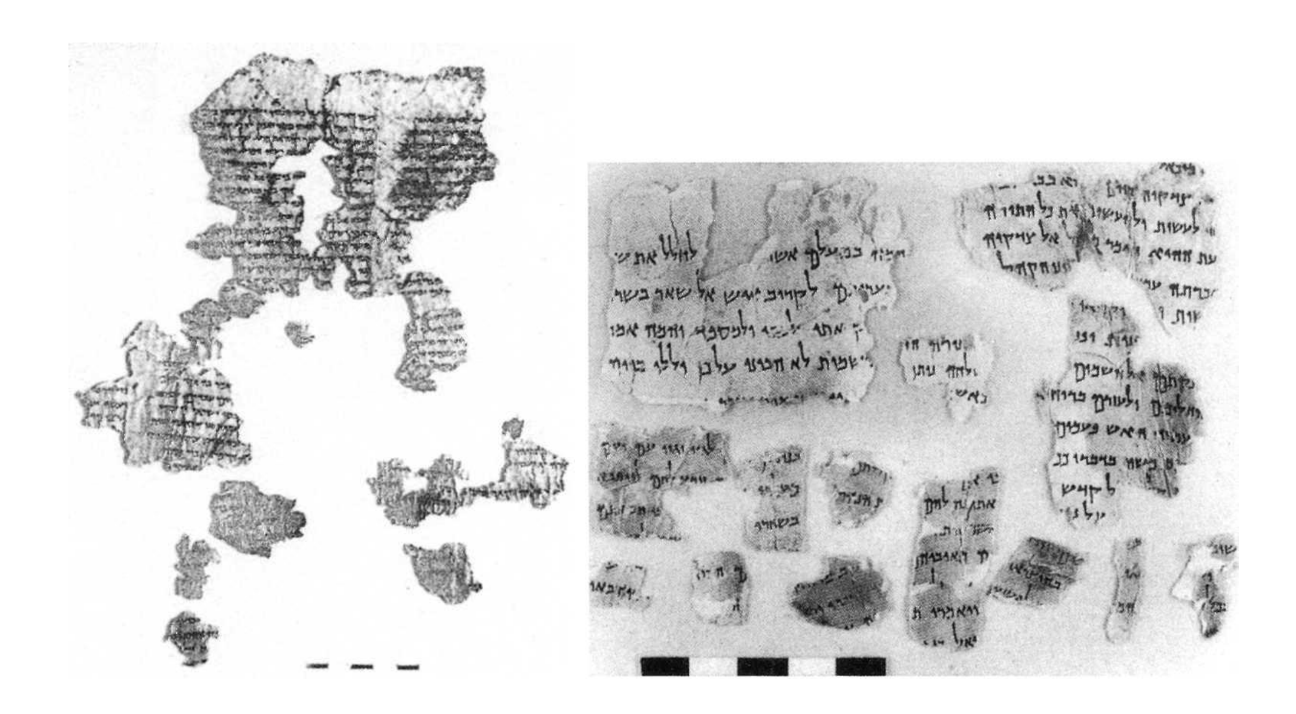
3. Кандо и Георгий Исайя. Они первыми привлекли к свиткам внимание митрополита Сирской церкви.

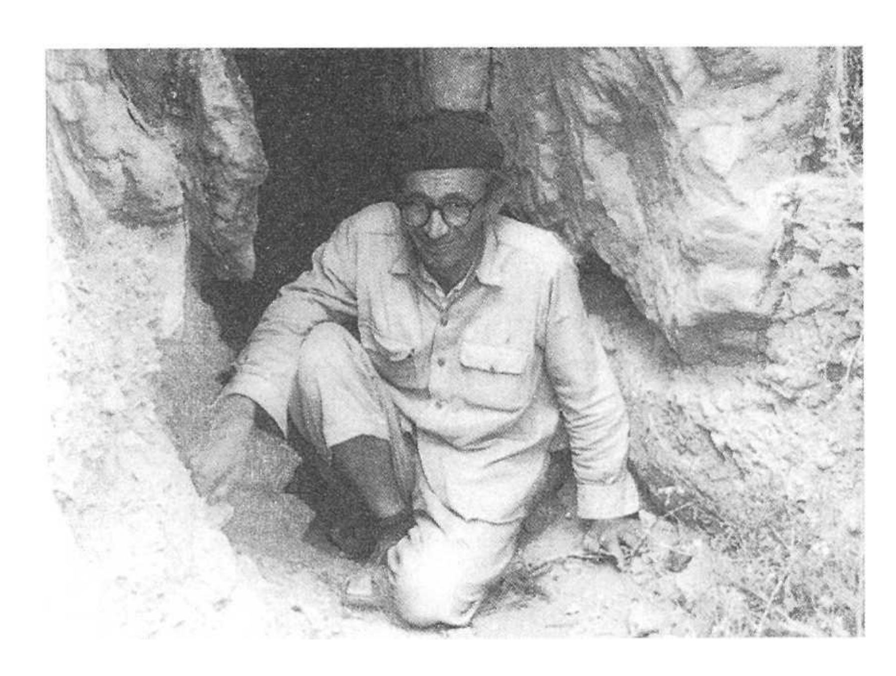
4. Профессор Елеазар Сукеник, который в 1947 г. стал первым израильским ученым, сумевшим приобрести и перевести некоторые из свитков Мертвого моря.

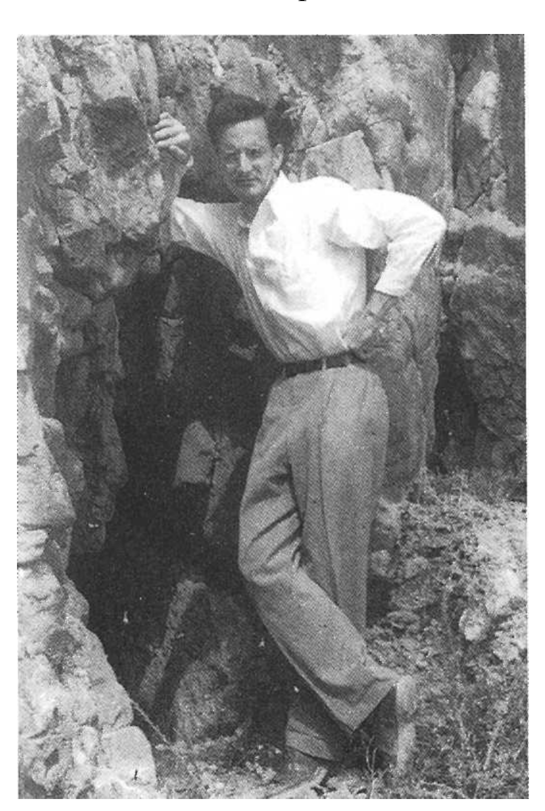
5. Фрагмент свитка с толкованием на книгу пророка Аввакума, где рассказано о борьбе между главой общины Мертвого моря и двумя его соперниками — «лжецом» и «недостойным священником».

6 и 7. Образцы фрагментов свитков, приобретенных у бедуинов, после идентификации и позиционирования. Лишь некоторым из многих тысяч фрагментов удалось найти свое место в тексте.

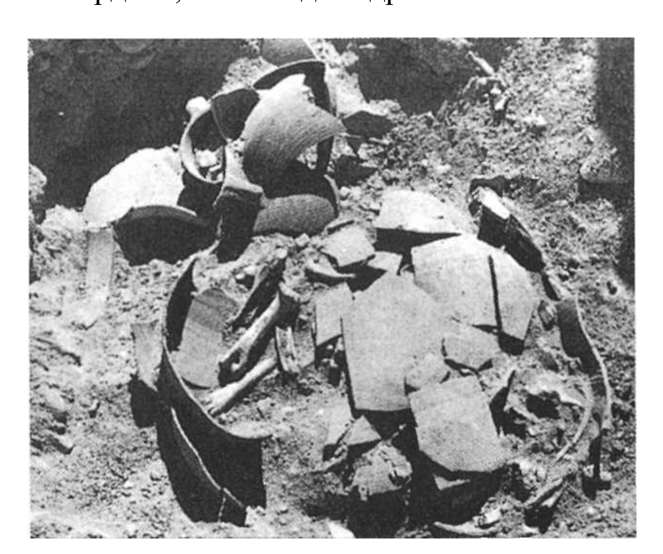
8. Отец Юзеф Милик.

9. Доктор Фрэнк Кросс.

10. Раскопки на развалинах Кумрана: отец де Во, отец Милик и Джеральд Ланкастер Хардинг, глава отдела древностей.

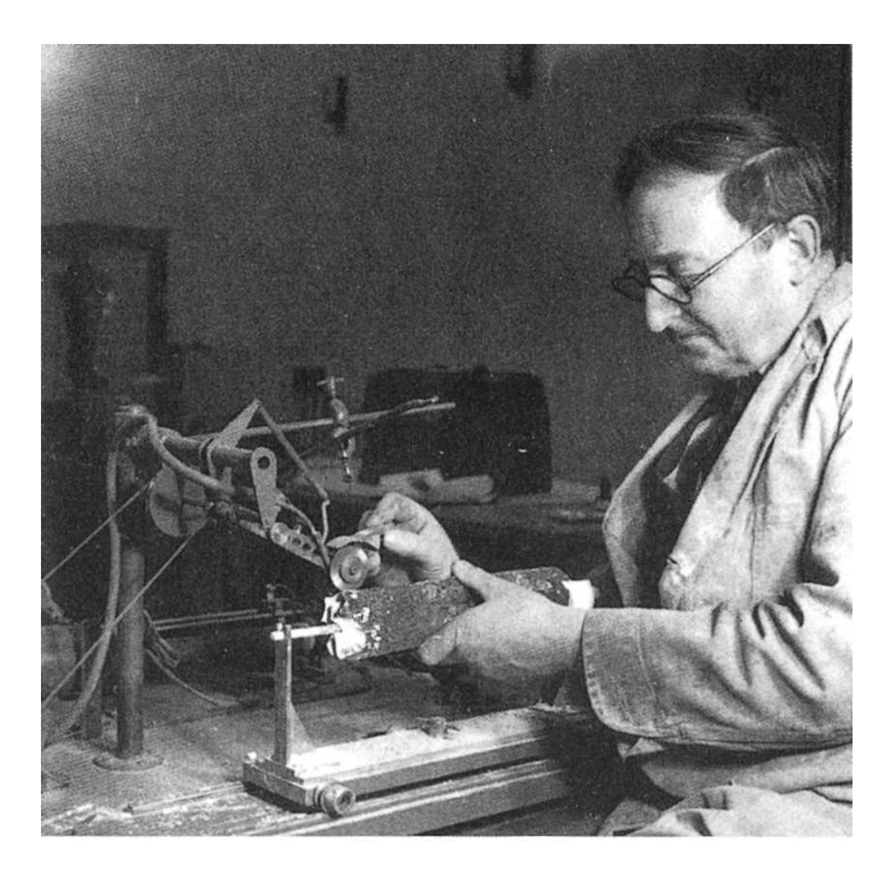

11. Один из сосудов с костями животных, обнаруженными во время раскопок. Считается, что это — остатки священных трапез.

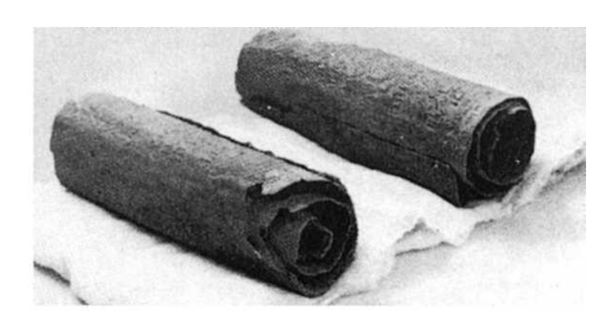

12 и 13. Развалины Кумрана. Одна из экспедиций под руководством отца де Во и Джеральда Хардипга.

14. Профессор X. Райт-Бейкер из Манчестерского университета разрезает Медный свиток на сегменты, чтобы его можно было прочесть и перевести. Оказалось, что этот свиток — опись сокровищ Иерусалимского Храма.

15. Неразвернутый Медный свиток, найденный в 1952 г. в пещере 3. Он оказался разорванным на две половины.

II. ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИНТЕРЕСОВ ВАТИКАНА

6. Нападки со стороны науки

До этой главы наша книга рассказывала о «мирных крестьянах», имея в виду пресловутую международную группу. Однако в ходе бесед с нами Роберт Эйзенман и другие часто ссылались на Библейскую школу, франко-доминиканскую Археологическую школу в Иерусалиме. Действительно, названия «международная группа» и «Библейская школа» часто использовались как взаимозаменяемые синонимы. Кстати, Джон Аллегро в одном из своих писем называл международную группу «филиалом Библейской школы». Столь частое педалирование связи между ними вызвало у нас недоумение. Почему на Библейскую школу и международную группу часто смотрят так, словно это одно и то же? Какова истинная связь между ними? Каковы контакты между ними на формальном и официальном уровне? Быть может, международная группа и впрямь «официально» является филиалом Библейской школы? Или же совпадение их функций настолько значительно, что всякие разговоры о различиях между ними лишены оснований? Мы решили выяснить эти вопросы, воспользовавшись консультациями и советами Эйзенмана.

Как мы уже отмечали, в международной группе с самого начала ее деятельности доминирующее положение занимал директор Библейской школы отец де Во и его ближайший друг и ученик отец Милик. Как сетовал в свое время Аллегро, эти два авторитета неизменно предъявляли свои претензии на право первого доступа ко всем поступающим свиткам: «Все фрагменты первым делом ложатся на стол де Во или Милика... полная секретность окружает их содержание до тех пор, пока они, длительное время спустя, не будут изучены представителями данной группы». Даже Страгнелл признавал, что всякий раз, когда поступали новые материалы, Милик неизменно претендовал на них, заявляя, что их содержание прямо укладывается в рамки его полномочий.

В этом смысле неудивительно, что Милик сумел сосредоточить в своих руках львиную долю наиболее важных материалов и, в частности, противоречивых «сектантских» документов. Возникновение его монополии во многом облегчалось тем фактом, что он постоянно находился в Иерусалиме вместе с двумя своими главными «столпами» — отцом де Во и отцом Жаном Старки. Отец Скиэн, также постоянно находившийся в Иерусалиме, был оттеснен этим расторопным триумвиратом на задний план. Та же участь постигла и профессора Кросса, которому было поручено разбирать «библейский» материал, а не «сектанские» документы. Аллегро, естественно, принадлежала роль мятежника, но влияние его оппозиции во многом сводилось на нет тем фактом, что он бывал в Иерусалиме только наездами. Из всех ученых, находившихся в Иерусалиме в критически важный период раскопок, приобретения материала и «монтажа» фрагментов, некатоликом был лишь совсем молодой тогда Джон Страгнелл (который вряд ли отважился бы бросить вызов отцу де Во), да и тот впоследствии перешел в католичество. Все прочие названные лица были клириками римско-католической церкви, связанными с Библейской школой или непосредственно сотрудничавшими с ней. В числе остальных постоянных членов группы или авторов, писавших исследования о кумранских материалах, работа над которыми велась в той же школе, были отец Эмиль Пюэш и отец Джером Мэрфи-О'Коннор.

Этот католический конклав захватил доминирующие позиции в изучении кумранских материалов не просто в силу особых заслуг. Никто из членов группы не имел каких-то особо выдающихся заслуг перед наукой. Действительно, тогда не было недостатка в

высококвалифицированных и столь же компетентных специалистах в этой области, которые, как мы уже отмечали, были лишены права доступа к свиткам. Важным и даже решающим фактором при отборе была позиция Библейской школы, которая систематически заявляла о себе как об организации, пользующейся непререкаемым авторитетом в данной области. Школа выпускала свой собственный журнал, уже знакомый нам «Revue biblique», редактором которого был отец де Во, опубликовавший на его страницах ряд наиболее важных и влиятельных статей о материалах кумранских находок — статей, обладающих всем очарованием свидетельства из первых рук. В 1958 г. Библейская школа начала издавать второй журнал, «Revue de Qumran», посвященный специально свиткам Мертвого моря и соответствующим документам. Тем самым Библейская школа держала под своим контролем два наиболее и видных, и престижных издания, на страницах которых велись дискуссии о материалах кумранских находок. Редакторы из Библейской школы по своему усмотрению могли принять или отвергнуть любые статьи, имея благодаря этому возможность направлять изучение кумранских находок в нужное русло. Такая ситуация возникла с самого начала изучения кумранских материалов.

Кроме их публикации, Библейская школа создала специальную библиотеку для исследований, главной целью которой было содействие изучению кумранских материалов. Была составлена специальная картотека, в которой были учтены все без исключения книги, брошюры, научные статьи, газетные публикации или журнальные материалы по различным темам, представленные в библиотеке, которые были закрыты для широкой публики. Несмотря на то что некоторые секретные, неклассифицированные и неидентифицированные материалы находились в Библейской школе, подавляющее большинство таких материалов находились в Рокфеллеровском музее. Тем не менее статус Рокфеллеровского музея понизился до уровня заурядной «мастерской». Библейская же школа сделалась штаб-квартирой, офисом, школой и вообще «мозговым центром» исследований. Таким образом, Библейская школа сумела *de facto* утвердиться в качестве всеми признанного центра изучения всех кумранских материалов — средоточия всех официальных и признаваемых в научных кругах исследований в этой области. Более того, «печать» Библейской школы служила верным признаком и гарантией высокого уровня репутации того или иного ученого. В то же время лишить человека поддержки Школы означало непоправимо подорвать доверие к нему.

Разумеется, на официальном уровне предполагалось, что исследования, осуществляемые Школой, носят независимый, внеконфессиональный, объективный и цельный характер. Библейская школа была обращена к миру фасадом «научной объективности». Но на самом деле возможно ли ожидать «объективности» от организации, созданной доминиканским[42] орденом, главная задача которого — защищать интересы римско-католической церкви? «Моей вере незачем опасаться моей учености», — заявил однажды отец де Во в беседе с Эдмундом Вильсоном. Действительно, вере преподобного

---

[42] Цель ордена выражена уже в его названии — доминиканцы, происходящем от латинского Domini сапі («псы Господни»). Предполагалось, что члены ордена должны охранять интересы церкви и рвать ее врагов, как псы. В символике ордена использовалось изображение собачьей головы. В эпоху испанских колониальных завоеваний военизированные отряды доминиканцев захватывали обширные территории в Центральной и Южной Америке, а одно из таких субгосударственных образований, Доминиканская Республика, существует до сего дня. Любопытно, что та же символика использовалась и другой военизированной структурой — опричниками Иоанна Грозного. Еще более любопытно, что в числе организаторов опричнины было немало иноземных ландскнехтов-наемников, в том числе — принадлежавших к ордену доминиканцев *(прим. перев.)*.

отца нечего было опасаться, и вопрос об этом даже не возникал. Вопрос заключался в другом: не следует ли его научной деятельности и ее достоверности опасаться его веры?

После того как мы начали немного au fait[43] в ситуации, у нас возникло недоумение: а правильно ли вообще задавать подобный вопрос и, более того, верно ли выбран адресат для обвинений. Так, например, «Biblical Archaeology Review» (BAR) главным объектом своих нападок сделал правительство Израиля. Но если израильское правительство в чем-то и виновато, то разве что в грехе оплошности. После того как Джон Аллегро преуспел в своем нажиме на правительство Иордании, убедив его национализировать Рокфеллеровский музей[44], и последующего обострения политической ситуации, в частности Шестидневной войны и ее последствий, Израиль неожиданно поставил мир перед fait accompli[45], захватив Восточный Иерусалим, где находились и Рокфеллеровский музей, и Библейская школа. И свитки Мертвого моря по праву военных трофеев перешли в собственность Израиля. Но Израилю тогда приходилось вести борьбу за сохранение своей государственности. В хаосе тогдашней ситуации у израильтян были куда более важные дела, чем разбираться в бесконечных диспутах ученых или выправлять несправедливости. Израиль просто не мог себе позволить усугубить собственную изоляцию на международной арене, встав в оппозицию всему международному сообществу ученых, а также задев интересы Ватикана. В результате израильское правительство выбрало выжидательный курс, не предпринимая никаких резких акций и санкционировав сохранение статус-кво. И международную группу просто-напросто попросили продолжать выполнять свои функции.

Поэтому ответственность за промедление с публикациями было бы справедливо возложить на международную группу, что не замедлили сделать многие комментаторы в средствах массовой информации. Но возникает вопрос: а действительно ли группа

---

[43] Au fait *(франц.)* — здесь — разбираться *(прим. перев.)*.

[44] Подозрения Аллегро о происках международной группы возникли этим летом, то есть в 1957 г., в Зале свитков. Они приняли более конкретные очертания в результате откровенного саботажа съемок для его телевизионной программы, которые должны были проводиться в Иерусалиме, Кумране и Аммане в октябре 1957 г. Аллегро намеревался попытаться прорвать завесу тайны, созданную международной группой, и добиться, чтобы свитки были открыты для доступа всех интересующихся ими ученых. Затем, в письме к Авни Дайани (занимавшему пост куратора Палестинского археологического музея), датированном 10 января 1959 г., Аллегро писал: «Я полагаю, давно назрела возможность вступить во владение всем музеем, свитками и всем прочим...» В сентябре 1966 г. Аллегро вновь вернулся к этой теме. 13 сентября 1966 г. он направил Авни Дайани письмо, в котором выражал свою крайнюю озабоченность сложившейся ситуацией и высказал мысль о том, что правительство Иордании просто обязано действовать. Из его письма от 16 сентября, адресованного Йозефу Сааду, со всей очевидностью следует, что Аллегро получил информацию о том, что правительство Иордании планирует провести национализацию музея в конце того же года. Аллегро немедленно разослал разным лицам целую серию писем, добиваясь сохранения свитков и высказывая мысль об увеличении финансирования исследований и публикации текстов. В те дни, будучи официальным советником правительства Иордании по всем вопросам, связанным со свитками, он подал королю Иордании Хусейну датированный 21 сентября 1966 г. доклад о тогдашнем состоянии и будущем исследований свитков. В тот же день он направил копию этого доклада премьер-министру Иордании. И в ноябре 1966 г. правительство Иордании осуществило национализацию Палестинского музея.

[45] Fait accompli *(франц.)* — свершившийся факт *(прим. перев.)*.

руководствовалась теми мотивами, которые ей приписывают? Действительно ли это была та самая «суета в научных кругах», о которой писала «New York Times», а профессор Нойснер на страницах BAR назвал «высокомерием и самомнением»? Да, эти факторы, бесспорно, сыграли свою роль. Но главным вопросом был вопрос о подотчетности. В конце концов, кому *именно* была подотчетна международная группа? Теоретически они должны были давать отчет в своих действиях своим коллегам — другим ученым. Но так ли обстояло дело в действительности? На самом же деле международная группа создала вокруг себя атмосферу неподотчетности ни перед кем, за исключением разве что Библейской школы. Но тогда кому была подотчетна сама Библейская школа? Хотя Эйзенман и не пытался изучать этот вопрос, в беседе с нами он подчернул существование тесных связей между Библейской школой и Ватиканом.

Мы обратились к другим специалистам в этой области, некоторые из которых на словах решительно осуждали «скандал». Как оказалось, никто из них не удосужился поинтересоваться, кто стоит за Библейской школой и ее официальными органами. Они, разумеется, понимали, что Библейская школа является прокатолической организацией, но понятия не имели, имеет ли она какие-либо формальные связи с Ватиканом. Так, профессор Дэвис из Шеффилдского университета признался, что считает этот вопрос весьма интригующим. И вот теперь, размышляя о нем, он, по его словам, считает странным и далеко не случайным тот факт, что от пресловутой Школы так упорно стремятся отвести всякую критику. По словам профессора Гольба из Чикагского университета, «некоторые догадываются... что действительно существуют связи» между Библейской школой и Ватиканом. «Целый ряд фактов, — заметил он, — говорит в пользу существования таких связей». Однако он, как и его коллеги, не решился изучать этот вопрос более глубоко.

Таким образом, учитывая доминирующее положение Библейской школы в области изучения кумранских материалов, мы пришли к выводу, что особенно важно определить официальное направление деятельности этой организации, ее взгляды и установки, а также подотчетность. Мы решили, что сможем узнать в этой области немало интересных деталей. И в результате мы выявили важные факты, представляющие интерес не только для нас, но и для других независимых исследователей в этой области.

Сегодня большинство считает методы и практику исторических и археологических исследований делом более или менее достоверным. Однако вплоть до середины XIX в. исторических и археологических исследований в том смысле, в каком мы понимаем это сегодня, просто-напросто не существовало. Еще не было ни общепризнанных методов и процедур, ни сложившихся научных дисциплин, ни подготовки специалистов. Более того, еще не было даже осознания того факта, что такие исследования представляют особый род научной деятельности, требующий столь же серьезного отношения, объективности и систематических усилий, как и любая другая область науки. «Область» же таких исследований понималась не как сфера формальных научных исследований, а как «охотничий заповедник» для образованных, а часто и не слишком образованных дилетантов. Границы подобной области были слишком нечеткими и не включали в себя ничего, что можно было бы охарактеризовать как настоящий «профессионализм».

Так, например, в начале XIX в. богатые европейцы во время заграничных поездок могли позволить себе накупить сколько угодно древнегреческих и древнеримских артефактов, а затем отправить их морским путем к себе домой, в свой chateau[46], Schloss[47] или

---

[46] Chateau *(франц.)* — замок *(прим. перев.).*

[47] Schloss *(нем.)* — замок *(прим. перев.).*

сельское имение. Увлекшись поисками древностей, некоторые забирались в дальние края, проводя самые настоящие раскопки на плодородных землях необъятной и одряхлевшей Оттоманской империи. Подобные авантюры, естественно, имели отношение не столько к археологии, сколько к тривиальному кладоискательству и погоне за сокровищами. Знания о далеком прошлом считались куда менее ценными, чем добыча, которую старатели рассчитывали найти на раскопках. Самое прискорбное, что средства на проведение подобных раскопок предоставляли различные музеи, которым не терпелось заполучить в свои экспозиции древние статуи и выставить их на всеобщее обозрение. У состоятельной публики спрос на такие реликвии был достаточно высок. Толпы зевак ломились в музеи, чтобы лицезреть очередную сенсационную находку. Но трофеи подобных раскопок были скорее средством взбудоражить воображение, нежели объектом научных исследований. Так, например, роман Г. Флобера «Саламбо», опубликованный в 1862 г., представляет собой яркий образчик «литературной археологии», величественную и впечатляющую попытку воссоздать — с поистине скрупулезной научной точностью — великолепие Древнего Карфагена. Но наука не поддержала объективность эстетических полотен Флобера. Никто из историков даже не пытался использовать данные науки и археологии для столь живого и красочного воскрешения жизни Древнего Карфагена.

Вплоть до середины XIX в. наиболее подходящим определением для археологии был «беспощадный бизнес». Настенные росписи, резные рельефы и прочие артефакты безжалостно выламывались из древних памятников, чтобы предстать перед глазами своих первооткрывателей, которые, естественно, не имели ни малейшего представления о правилах консервации древностей. Бесценные статуи разбивали на мелкие части в поисках сокровищ, якобы спрятанных к них. Иногда огромные статуи распиливали, чтобы облегчить их транспортировку, и те гибли, уходя на дно вместе с судами, перевозившими их в культурные центры Европы. Более или менее систематические раскопки, которые велись в ту эпоху, руководствовались не принципом выявления цельной картины истории, а лишь освещения ее отдельных моментов. Людям, осуществлявшим раскопки, недоставало ни знаний, ни опыта, ни навыков, ни технических средств для проведения работ.

Признанным «отцом современной археологии» стал уроженец Германии Генрих Шлиман (1822—1890), в 1850 г. принявший американское подданство. Шлиман с детских лет был страстным поклонником «Илиады» и «Одиссеи» Гомера. Он был убежден, что эти знаменитые эпосы — не простые басни, а мифологизированное изложение реальной истории, что это — хроники, которые хотя и обрели статус легенд, но тем не менее донесли до нас упоминания о реальных людях, событиях и местах, где они происходили в далекой древности. Троянская война, как, вопреки насмешкам и издевательству современников утверждал Шлиман, действительно была реальным историческим событием. Легендарная Троя — это не просто сказочный град, плод поэтического воображения. Нет, некогда это был вполне реальный город. Шлиман считал, что творения Гомера можно использовать как своего рода карту. В них можно обнаружить некоторые узнаваемые географические и топографические детали. Можно вычислить примерную скорость плаваний в то время и таким путем определить расстояние между различными пунктами, упоминаемыми у Гомера. Таким образом, полагал Шлиман, можно проследить маршрут плавания греческого флота, описанный в «Илиаде», и определить реальное географическое местоположение Трои. После проведения тщательных расчетов Шлиман пришел к убеждению, что он действительно обнаружил искомую «точку X» — Трою.

Нажив огромное состояние благодаря коммерции[48], Шлиман предпринял то, что его современники немедленно окрестили «донкихотской» акцией — начал полномасштабные раскопки в определенной им «точке X». В 1868 г. он отправился в Грецию и принялся наносить на карту предполагаемый маршрут флота греков, используя для этой цели «Илиаду» в качестве путеводителя, устаревшего «всего» на каких-нибудь две с половиной тысячи лет. Найдя на побережье Турции место, где, по его мнению, находились руины Трои, он начал раскопки. И вскоре, к смущению, восторгу и изумлению мировой общественности, Шлиман действительно нашел Трою — или, во всяком случае, древний город, который как нельзя лучше соответствовал описанию у Гомера. Если быть совсем точным, Шлиману удалось обнаружить не один, а сразу несколько древних городов. Во время четырех сезонов раскопок он нашел не менее девяти (!) античных городов, каждый из которых покоился на фундаментах и руинах своего более раннего предшественника. После своего первоначального триумфального успеха Шлиман решил не ограничиваться Троей. Спустя несколько лет, в 1874—1876 гг., он проводил раскопки в Микенах, Греция, где его успехи оказались, пожалуй, даже более значительными, чем открытие Трои в Турции.

Шлиман с триумфальным успехом продемонстрировал, что археология способна на нечто большее, чем подтверждать или опровергать историческую достоверность событий, лежащих в основе архаических легенд. Он также продемонстрировал, что археология способна наполнить плотью и кровью туманные и часто весьма схематичные хроники прошлого. Она способна воссоздать для них легко узнаваемый исторический и общественный контекст, способна возродить нечто вроде матрицы поседневной жизни и обычаев, которая поможет понять образ мыслей и взгляды той далекой эпохи. Более того, Шлиман убедительно показал образец применения строго научных методов, тщательного осмотра и фиксации данных. Изучая руины девяти городов разных эпох, расположенных на месте древней Трои, Шлиман применил практически ту же методику, которая только недавно была введена в научный обиход в процессе исследования геологических структур. Это позволило ему прийти к выводу, который сегодня представляется самоочевидным: один слой отложений можно отличить от другого на основе предположения о том, что более нижний является и более ранним по времени. Здесь Шлиман удостоился чести стать первооткрывателем особой археологической дисциплины, известной как «стратиграфия». Действуя практически в одиночку, он совершил революционный переворот в образе мыслей и методологии археологии как науки.

Естественно, ученые очень скоро поняли, что научный подход Шлимана может быть с успехом использован в области библейской археологии.

В 1864 г., за четыре года до открытия Трои, сэр Чарльз Вильсон, служивший тогда капитаном королевского инженерного полка, был направлен в Иерусалим с поручением провести геодезическую съемку города и составить его надежную карту. В процессе работы Вильсон невольно стал первым современным иследователем, кому удалось провести раскопки в толще Храмовой горы, непосредственно под Храмом, где он и нашел помещения, которые были объявлены конюшнями царя Соломона. Это открытие вдохновило его на создание Фонда исследования Палестины, верховным патроном которого стала не более не менее как лично королева Виктория. Поначалу деятельность новой организации протекала в

---

[48] Любопытно, что свое огромное состояние, служившее мощной материальной базой для его археологических изысканий, Шлиман нажил па торговле с Россией, точнее — на перепродаже российских товаров в Европе. Он некоторое время прожил в России и даже первым браком был женат на русской. Много лет спустя в Греции он женился на юной красавице Софии, которая была моложе его на добрых 30 лет и, зная «Илиаду» практически наизусть, стала его музой и консультантом по творению Гомера *{прим. перев.).*

типичной неорганизованной манере. Однако на ежегодном собрании 1886 г. Вильсон заявил, что «некоторые состоятельные люди Англии готовы последовать примеру Шлимана» и применить его научный метод изысканий для изучения этого уникального библейского объекта. В этом предприятии принял участие и выдающийся археолог той эпохи, Уильям Мэттью Флиндерс Петри, работавший тогда в Египте. Применив методику Шлимана, Петри после двух неудавшихся попыток обнаружил холм, в котором постепенно были раскопаны руины одиннадцати древних городов, покоившихся один поверх другого.

В процессе своих изысканий в Египте Флиндерс Петри применил иную методику датировки древних руин, основанную на постепеннном накапливании позитивных изменений в форме, дизайне и качестве обработки домашней керамической утвари. Это позволило ему установить хронологическую последовательность расположения не только самих древних артефактов, но и бытового мусора, окружавшего их (так называемый культурный слой). Этот подход, тоже не свободный от ошибок и погрешностей, позволил Петри вывести археологические изыскания на другой уровень в методологическом отношении. Подобная методика скоре стала одной из стандартных практик, применявшихся в Палестине группой Петри, — группой, в состав которой в 1926 г. вошел молодой тогда Джеральд Ланкастер Хардинг. Как мы уже отмечали, Хардингу, одно время возглавлявшему департамент древностей Иордании, было суждено сыграть ключевую роль в сборе и компиляции фрагментов свитков Мертвого моря.

И пока британские археологи в Египте и Палестине, образно говоря, шли по стопам Шлимана, немецкие ученые быстро усорешенствовали и уточнили его метод. Немецкая археология стремилась к тому, чтобы достичь в реальности того, что совершил Флобер в своем «Саламбо», — воссоздать, вплоть до самых мельчайших деталей, дух и атмосферу той далекой эпохи, артефакты и документы которой они изучали. Вряд ли стоит говорить, что это был медленный, порой мучительно трудный процесс, требующий внимания и неиссякающего терпения. В него входили не только собственно раскопки монументальных сооружений и поиски сокровищ. Он включал в себя также раскопки и реконструкцию административных, торговых, деловых и жилых построек. Используя эту методику, Роберт Колдуэй в 1899—1913 гг. провел успешные раскопки развалин Древнего Вавилона. Благодаря его трудам была воссоздана достоверная и широкомасштабная картина культуры, которую прежде в самых разных контекстах единодушно именовали «исчезнувшей цивилизацией».

Крупнейшие археологические находки XIX в. в значительной мере были обязаны критическому изучению Шлиманом гомеровского эпоса, его методичной настойчивости и умению отделять реальные факты от вымыслов. Нечего и говорить, что этап, когда подобный же подход должен быть применен в отношении самого Священного Писания, стал только делом времени. Человеком, внесшим наиболее значительный вклад в этот процесс, стал знаменитый французский богослов и историк Эрнест Ренан.

Ренан, родившийся в 1823 г., избрал карьеру священника, поступив в богословскую семинарию Сен-Сюль-пис. Однако в 1845 г. он отказался от своего первоначального намерения, увлекшись изучением трудов немецких библеистов, которые ставили под сомнение буквальный смысл христианского вероучения. В I860 г. Ренан отправился в длительную археологическую экспедицию в Палестину и Сирию. Три года спустя он опубликовал свою знаменитую (и еще более скандальную) книгу «Жизнь Иисуса», в том же году переведенную на английский. В своей книге Ренан предпринял попытку сорвать с христианства ореол мистической тайны. В его изображении Иисус представал «совершенным человеком», но все же человеком: смертным созданием, а не неким богоподобным персонажем. Ренан сформулировал в книге своего рода иерархию ценностей, которую сегодня можно назвать «секулярным гуманизмом». В результате «Жизнь Иисуса»

вызвала один из самых резких переворотов в развитии общественной мысли XIX в. Она прочно вошла в первые полдюжины самых известных бестселлеров XIX в., и с тех пор не прекращается публикация ее переизданий на разных языках. Для представителей «образованных классов» имя Ренана сделалось столь же привычным, как для нас — имена Фрейда или Юнга, а в эпоху до появления телевидения его книга читалась куда более широко, чем в наши дни. «Жизнь Иисуса» одним ударом опрокинула прежние представления о библеистике, так что последняя стала восприниматься как нечто не заслуживающее особого уважения. На протяжении последующих тридцати лет своей жизни после выхода в свет «Жизни Иисуса» Ренан оставался незаживающей занозой для римско-католической церкви. Он выпустил книги об апостолах, об апостоле Павле и раннем христианстве, которое рассматривал в контексте истории и культуры Рима эпохи империи. Он стал автором двух поистине эпических серий работ: «История зарождения христианства» (1863—1883) и «История израильского народа» (1887—1893). Не будет преувеличением сказать, что Ренан выпустил из бутылки такого джинна, которого христианству с тех пор так и не удалось поймать или хотя бы приручить.

В то же самое время Рим подвергся неожиданной атаке на совершенно ином фронте. За четыре года до появления «Жизни Иисуса» Чарльз Дарвин опубликовал свой знаменитый труд — «О происхождении видов», за которым последовала другая книга — «Происхождение человека», выдержанная в духе богословских штудий, в которой автор брал под сомнение свидетельства Священного Писания о сотворении человека. После выхода книг Дарвина настал великий век английского агностицизма, крупнейшими представителями которого явились Томас Гексли и Герберт Спенсер. Такие влиятельные и широко читаемые философы, как, например, Шопенгауэр и в особенности Ницше, также бросали все новые и новые вызовы основополагающим этическим и богословским постулатам христианства. Согласно модной тогда доктрине «l'art pour Tart»[49] искусство воспринималась как некая самодостаточная квазирелигия, имеющая право вторгаться на ту священную территорию, от притязаний на которую официальная религия отказалась. Храмом нового культа и новой веры сделался Байрейт, и образованные европейцы считали для себя вполне допустимым быть «вагнерианцами», как прежде — быть христианами.

Римско-католическая церковь подверглась и мощному политическому нажиму. В 1870—1872 гг. Пруссия одержала победу в войне с Францией, и образование новой Германской империи впервые в современной истории создало в Европе мощную военную силу, никак не связанную с римо-католичеством. Империя эта была христианской, но лишь в такой мере, в какой можно считать христианством лютеранство. Что же касается лютеранской церкви, то при всех ее благих намерениях она мало чем отличалась от прислужницы военного министерства. И, что представляется наиболее прискорбным эпизодом, партизанская армия под предводительством Джузеппе Гарибальди, завершившая к 1870 г. объединение Италии, захватила Рим, национализировала Папскую область и все прочие территориальные владения церкви, сведя тем самым римско-католическую церковь к положению чисто номинальной несекулярной власти.

Подвергшись нападкам со стороны науки, философии, искусства и секулярных политических сил, Рим пережил самое мощное потрясение за последние три с половиной века со времени лютеранской реформации. И — отреагировал на это целой серией отчаянных оборонительных жестов. Римская курия попыталась — и, как оказалось, тщетно — установить политический союз со всеми католическими (или хотя бы номинально католическими) силами, такими, как империя Габсбургов. 18 июля 1870 г., после

---

[49] L'artpourl'art *(франц.)* — искусство для искусства *(прим. перев.).*

голосования на Первом Ватиканском соборе папа римский Пий IX, которого Меттерних[50] охарактеризовал как человека «с добрым сердцем, слабого головой и страдающего недостатком здравого смысла», провозгласил догмат о папской непогрешимости[51][52]. Чтобы противостоять нападкам со стороны писаний того же Ренана и германской школы библеистики, церковь начала готовить собственные кадры ортодоксальных ученых, своего рода элитные «ударные отряды» католических интеллектуалов, которые, как предполагалось, должны были дать достойный отпор врагам католичества на своей собственной территории. Так возникло движение за модернизацию католичества.

Модернисты первоначально намеревались использовать точность и скрупулезность германской методологии не для критического анализа Священного Писания, а, наоборот, для его защиты. Целое поколение ученых-клерикалов было тщательно вымуштровано для роли своего рода академической ударной гвардии церкви, передового корпуса, созданного для отстаивания правоты буквального прочтения Священного Писания вопреки всем нападкам представителей критической библеистики. Однако, к вящему неудовольствию и краху Римской курии, эта программа провалилась. Чем больше одряхлевшая доктрина пыталась опереться на плечи молодых клириков, способных, как она полагала, защищать ее интересы на полемической арене, тем большее число этих клириков дезертировали из рядов армии, за которую они должны были сражаться. Критический анализ Библии выявил в ней множество неувязок, несоответствий и прямых противоречий, которые решительно шли вразрез с догматами Рима. И модернисты, осознав это, очень скоро начали брать под сомнение те самые постулаты, которые они были призваны защищать.

Так, например, один из наиболее видных и авторитетных модернистов, Альфред Луази, публично выражал недоумение, как можно отстаивать справедливость многих догматов церкви в свете новейших открытий в области библейской истории и археологии. «Иисус проповедовал пришествие Царства, — заявлял Луази, — но вместо этого пришла Церковь». Луази утверждал, что многие аспекты церковной догматики выкристаллизовались в качестве исторически обусловленных реакций на конкретные события, и произошло это в конкретном месте и в конкретную эпоху. Следовательно, их надлежит рассматривать не как вечные и неизменные истины, а в лучшем случае как символы. По мнению Луази, такие основополагающие постулаты христианского вероучения, как догмат о непорочном зачатии и Божественной природе Иисуса Христа, более не являются актуальными.

---

[50] Меттерних — крупнейший политический деятель Европы середины XIX в., долгие годы занимавший посты министра иностранных дел и премьер-министра Австро-Венгерской империи *(прим. перев.)*.

[51] Догмат о непогрешимости — учение об абсолютной непогрешимости вероучительных постулатов, провозглашаемых папой римским ex cathedra. Догмат декларировал не личную безгрешность папы, что было бы явной ересью, а его непогрешимость как верховного выразителя взглядов католической церкви. Принятие этого догмата вызвало бурю насмешек И протестов. Некоторые сторонники догмата в пылу полемики договаривались до того, что утверждали, что если какие-либо вероучитель-ные решения папы будут идти вразрез с учением Евангелий и Нового Завета, то приоритет следует отдавать именно мнению папы, а не Новому Завету. «Оле гордыни и безумия человеческого!» — как говорили в подобных случаях православные старцы Святой горы Афон *(прим. перев.)*.

[52] Для более детального ознакомления с частными и политическими махинациями, кроющимися за принятием этого догмата, см. книгу Hasler «Как папа стал безгрешным».

Рим, разыгрывая из себя этакого Франкенштейна, создал в своей лаборатории некоего монстра. В 1903 г., незадолго до своей кончины, папа римский Лев XIII образовал Библейскую комиссию, которой было поручено наблюдение и контроль над публикациями католических богословов. Несколько позже в том же году преемник Льва XIII, папа Пий X, своим рескриптом внес труды Луази в список запрещенных книг, утверждаемый инквизицией. А в 1904 г. новый папа издал две энциклики против любых ученых, которые высказывают сомнения в официальной версии возникновения раннего христианства. Все католические ученые, подозреваемые в «модернистских взглядах», незамедлительно лишились своих постов.

Однако модернисты эти, легко понять, представлявшие собой наиболее образованный, эрудированный и дееспособный отряд в католической церкви, без промедления бросились в бой и перешли в контрнаступление. Их поддерживали выдающиеся мыслители и крупнейшие деятели культуры и искусства. В Италии одним из таких деятелей был Антонио Фогаццаро. В 1866 г. Фогаццаро занял пост сенатора. Наряду с этим он считался «ведущим католическим юристом своего времени», а по мнению многих, был крупнейшим беллетристом Италии со времен Манцони. В своей книге «Святой» Фогаццаро писал: «Католическая церковь, именующая себя источником истины, сегодня всячески противится поискам истины, как только объектом исследования становятся ее основополагающие постулаты, священные книги, формулировки ее догматов и, наконец, папская непогрешимость. На наш взгляд, это означает, что она более не является носителем истины».

Легко понять, что книга Фогаццаро вскоре оказалась в том же списке запрещенных книг. Между тем кампания церкви против движения модернистов усиливалась и набирала обороты. В июле 1907 г. Святая палата опубликовала указ, предающий проклятию попытки модернистов поставить под вопрос истинность церковного догматического вероучения, авторитет папы и историческую достоверность библейских текстов. А менее чем два месяца спустя, в сентябре, модернизм был официально провозглашен ересью, и на все движение был наложен формальный запрет. Вследствие этого число вновь изданных книг, входящих в пресловутый Список, быстро и многократно возросло. Была учреждена новая, гораздо более строгая цензура. Католические эмиссары следили за соблюдением буквы догматического вероучения со скрупулезностью, неведомой со времен Средневековья. Наконец, в 19Ю г. был издан указ, требовавший, чтобы все католики, занятые научной или преподавательской деятельностью, приносили клятву, что они отвергают «все ошибки и заблуждения модернизма». Студентам семинарий и богословских колледжей было даже запрещено читать газеты.

Но в 1880-е гг. все это было еще делом далекого будущего. В среде молодых клириков модернистского толка в 1880-е гг. царили наивная доверчивость и оптимизм, искренняя убежденность в том, что методичные исторические и археологические изыскания подтвердят, а не опровергнут правильность буквального прочтения Писания. Именно представителями первого поколения модернистов была основана Библейская и археологическая французская школа в Иерусалиме — та самая Библейская школа, которая впоследствии захватила господствующие позиции в области изучения свитков Мертвого моря. Произошло это еще до того, как католическая церковь осознала, насколько близко движение модернизма к ниспровержению авторитета самой церкви. Школа возникла в 1882 г., когда один французский монах-доминиканец, отправившись в паломничество в Иерусалим, решил основать там представительство доминиканского ордена, включающее в себя церковь и монастырь. Место для него он выбрал возле дороги на Наблус, где во время раскопок были найдены развалины древней церкви. По преданию, это было то самое место, на котором был побит камнями и принял мученическую смерть первый христианский мученик — перводиакон св. Стефан.

Римский престол не только одобрил эту идею, но развил ее и содействовал ее воплощению. Папа Лев XIII подтвердил, что при монастыре будет организована библейская школа. И такая школа действительно была учреждена в 1890 г. отцом Альбертом Лагранжем, а в 1892 г. открыла свои двери. При ней были устроены жилые помещения на пятнадцать студентов. Эта школа явилась одним из первых институтов католической церкви, которые должны были готовить кадры и давать католическим клирикам все необходимые познания для отстаивания своей веры от потенциальных угроз, обусловленных новейшими открытиями в области истории и археологии[53].

Отец Лагранж родился в 1855 г. После изучения курса юриспруденции он в 1878 г. получил ученое звание доктора и поступил в семинарию Сен-Сюльпис, центр модернистской учености того времени. В 1879 г. он стал членом ордена доминиканцев. Однако после 6 октября 1880 г., в эпоху Третьей республики, все религиозные ордена были изгнаны из Франции. И Лагранж, которому тогда иполнилось двадцать пять лет, был вынужден перебраться в Саламанку, Испания, где он изучал древнееврейский и преподавал церковную историю и философию. Именно там, в Саламанке, он и принял сан священника. Произошло это в 1883 г. в день Св. Дагоберта (23 декабря). В 1888 г. он был направлен в Венский университет для продолжения изучения восточных языков. Два года спустя, 10 марта 1890 г., в возрасте тридцати пяти лет, Лагранж прибыл в строящийся Сен-Стефан — представительство доминиканского ордена в Иерусалиме и 15 ноября того же года учредил там Библейскую школу. Первоначально школа именовалась по-французски «Практическая школа библейских штудий». Лагранж приступил к выпуску журнала школы «Revue biblique», издание которого было начато в 1892 г. и продолжается по сей день. Через посредство собственного печатного органа, а также, разумеется, благодаря продуманной программе обучения Лагранж сумел направить деятельность вновь созданной организации в русло исторических и археологических исследований, суть которых лучше всего выражают его собственные слова. Как говорил отец Лагранж, «различные этапы религиозной истории рода человеческого образуют историю, которая прямо направляется свыше Самим Богом и подводит человечество к высшему и главному своему этапу — явлению Мессии, которым стал Иисус Христос».

Ветхий Завет представлял собой «совокупность книг, отражающих различные этапы развития устных преданий, которые Бог использовал и направлял... во время приуготовления к наступлению эры Нового Завета». Короче, ориентация школы была совершенно очевидна. В той мере, в какой Лагранж применял современную текстологическую методологию, он решил воспользоваться ею для доказательства того, что a priori считал истиной, — то есть, другими словами, для доказательства буквальной точности книг Священного Писания. А «конкретная» природа Нового Завета и событий, упоминаемых в нем, ставят его вне рамок объективных научных исследований.

В 1890 г., когда Лагранж основал Библейскую школу, тучи над модернизмом еще не успели сгуститься. Но в 1902 г. на него обрушились суровые официальные гонения. В следующем году, как мы уже писали, папа римский Лев XIII образовал специальную Понтификальную библейскую комиссию по наблюдению и контролю над публикациями католических богословов. В том же году Лагранж возвратился во Францию, чтобы прочесть курс лекций в Тулузе, где и был обвинен в модернизме и столкнулся с неистовой оппозицией. К тому времени простого участия в исторических и археологических исследованиях было достаточно, чтобы быть заклейменным как вольнодумец.

---

[53] Неужели римско-католическая церковь боялась, что рано или поздно будут найдены неоспоримые доказательства того, что Иисус Христос не был католиком? *(Прим. перев.')*

Однако сам папа признавал, что вера Лагранжа чиста и глубока и что сердце его всецело посвящено церкви и истинному учению. И действительно, большая часть трудов Лагранжа представляла собой систематическое опровержение взглядов Альфреда Луази и прочих модернистов. Поэтому Лагранж без колебаний был назначен членом, или «консультантом», Понтификальной библейской комиссии, а его журнал, «Revue biblique», вскоре стал официальным органом комиссии. Такая ситуация сохранялась до 1908 г., когда комиссия решила издавать свой собственный журнал — «Acta apostolicae sedis».

Между тем лавина обвинений в модернизме членов католической иерархии, идущая снизу вверх, продолжала нарастать. Обвинения эти носили настолько деморализующий характер, что Лагранж в 1907 г. решил временно приостановить свои исследования Ветхого Завета. В 1912 г. он решил вообще отказаться от исследований в области библеистики и покинул Иерусалим. Когда он обосновался во Франции, на него вновь обрушились нападки клерикалов. Но папа вновь выступил в поддержку Лагранжа, повелев ему занять прежний пост в Иерусалиме и продолжать свои изыскания. Так Библейская школа, первоначально задуманная как широкий форум модернизма, превратилась в один из оплотов борьбы с ним.

Среди членов первого состава международной группы ученых, собранной отцом де Во в 1953 г., был и монсеньор Патрик Скиэн. Отец Скиэн возглавлял отделение семитских и египетского языков и литературы в Католическом университете в Вашингтоне. Впоследствии он был назначен членом Понтификальной библейской комиссии. А в 1955 г, он стал директором института Олбрайта в Иерусалиме. По своему характеру он был идеальным орудием политических маневров, что и позволило Библейской школе занять доминирующие позиции в области изучения свитков Мертвого моря. В 1956 г. именно Лагранж сыграл ключевую роль в подготовке нашумевшего письма в «Times», главной целью которого была изоляция и дискредитация Джона Аллегро.

Отец, а впоследствии монсеньор Скиэн оказался в числе немногих ученых, имевших право доступа к оригиналам свитков. Его высказывания дают некоторое представление о направлении взглядов католических ученых, связанных с Библейской школой. Так, в 1966 г. отец Скиэн заявил, что Ветхий Завет — это вовсе не «краткий набросок истории и предыстории рода человеческого... Во исполнение полноты времен Господь придет вновь, и главная составляющая задачи любого ученого, изучающего Ветхий Завет, состоит в том, чтобы проследить в священной истории признаки развития готовности человечества к встрече Христа, когда Он придет вновь...». Другими словами, основная обязанность любого ученого-библеиста заключается в том, чтобы выискивать в Ветхом Завете преобразования христианского вероучения, которые, как считается, существуют в нем. Если рассматривать его с этой точки зрения, Ветхий Завет обладает весьма невысокой ценностью и значением. Таково поистине курьезное определение «беспристрастной науки». Однако отец Скиэн высказался на сей счет еще более определенно:

«Как представляется, в наши дни на ученых-библеистов возложена задача... показать... как можно более убедительно, что генеральные линии прогресса направляются Богом, как оно и есть на самом деле, Который подвел человека каменного века и эпохи древнего язычества к тому, чтобы он — хотя бы до некоторой степени — соответствовал тому социальному явлению, которое представляет собой христианская церковь».

Отец Скиэн, разумеется, никогда не претендовал на роль «беспристрастного ученого». Более того, он считал, что беспристрастность потенциально опасна, полагая, что «исследования, выполненные с такой точки зрения, которая выдвигает на передний план разного рода литературные и историко-критические соображения, могут, особенно если они окажутся в руках популяризаторов, привести к излишнему упрощению, преувеличенному вниманию к маловажным аспектам или, наоборот, пренебрежению куда более

значительными вопросами. В любом случае исследования ученых-библеистов могут направляться и контролироваться вероучением церкви и всегда и во всем «должны оставаться объектом суверенных прав Святой матери-Церкви, которой и предоставляется право решать, соответствует ли тот или иной вопрос учению, принятому ею от Самого Христа».

Последствия таких взглядов очевидны. Все изыскания и исследования, независимо от того, к каким выводам они могут привести, *должны быть* согласованы и приведены в соответствие с существующим корпусом догматов католического вероучения. Другими словами, любые древние тексты следует редактировать, корректировать или искажать до тех пор, пока они не будут отвечать априорно заданным критериям. Но как же быть, если будет обнаружено нечто такое, что не соответствует этим догматам? Судя по высказыванию отца Скиэна, ответ на этот вопрос совершенно ясен. Все, что не укладывается в сложившиеся вероучительные догматы и не соответствует им, должно быть отброшено.

Разумеется, позиция отца Скиэна не является чем-то уникальным. Ее озвучил папа римский Пий XII, заявивший, что «всякий экзегет библейских текстов имеет право и даже должен в важнейших вопросах действовать в интересах церкви». Что касается Библейской школы и исследований свитков Мертвого моря, то, утверждает Скиэн,

«...разве [мы] не вправе... усматривать провиденциальный элемент в том любопытном факте, что Святая земля является особым местом на планете, наиболее подходящим для роли своего рода лаборатории для постоянного изучения жизни на Земле, местом, где представлены все древние периоды... Таким образом, мне представляется, в самом факте, что Пьер Лагранж учредил этот институт на священной земле Палестины, присутствует некий особый религиозный смысл, который мы пока что не можем осознать, но за которым явно стоит воля Провидения...»

Увы, на протяжении долгих лет большинство независимых ученых и не подозревали о том, что Библейская школа обладает неким Божественным мандатом, и тем паче о мыслях Ватикана по этому поводу. Наоборот, школа представлялась им беспристрастным научным институтом, занятым, помимо всего прочего, сбором, идентификацией, изучением, переводом и оценкой датировки свитков Мертвого моря, а не стремлением скрыть их или трансформировать в интересах пропаганды христианских взглядов. Так, например, студент или аспирант в Великобритании, Соединенных Штатах и других странах, сумевший создать себе некоторую известность в академических кругах благодаря публикациям в той или иной сфере библеистики, вправе требовать доступа к материалам кумранских находок. У него нет оснований опасаться отказа — при условии, разумеется, что свитки должны быть доступными для изучения всеми, кто пользуется авторитетом в научных кругах. Однако во всех известных нам случаях лица, направлявшие запрос, неизменно получали отказ, причем без всяких объяснений и оправданий, из чего следовал неизбежный вывод, что репутация и авторитет лица, добивающегося доступа к свиткам, являются в чем-то неадекватными.

В качестве примера можно привести случай с профессором Норманом Гольбом из Чикагского университета. Профессор Гольб получил степень доктора за свои исследования кумранских материалов и прочих документов, связанных с ними, которые хранятся в Каире. Обладая опытом многолетней работы в этой области, он принял участие в исследовательском проекте по оценке палеографической датировки свитков, материалы которой были опубликованы профессором Кроссом из международной группы. Гольб, как считалось, способен уточнить эту датировку. Чтобы подтвердить этот тезис, Гольбу, естественно, было необходимо увидеть оригиналы некоторых текстов, ибо фотографических факсимиле было недостаточно. В 1970 г., в бытность свою в Иерусалиме, Гольб обратился к де Во, тогдашнему главе Библейской школы и международной группы, с запросом о

предоставлении ему доступа к свиткам, пояснив, что это необходимо ему для уточнения некоторых моментов в его исследовательском проекте, на работы в рамках которого он потратил несколько лет. Три дня спустя де Во ответил, заявив, что ни о каком доступе не может быть и речи без «официального разрешения ученого, которому поручено готовить эти материалы к публикации». Таким ученым оказался не кто иной, как отец Милик, который, как прекрасно знал де Во, вовсе не был расположен разрешать кому бы то ни было увидеть свитки. И после всех затрат времени и сил на осуществление проекта Гольб был вынужден отказаться от него. «С тех пор, — признался он в беседе с нами, — у меня есть все основания сомневаться в достоверности датировок текстов Кроссом на основе данных палеографии».

С другой стороны, исследователи, связанные с Библейской школой, в том числе молодые ученые и протеже международной группы, аспиранты, работающие под научным руководством кого-либо из членов международной группы, которые гарантировали соблюдение «партийной линии», имели доступ к фрагментам кумранских материалов. Так, например, Ойген Ульрих из Нотр-Дам, студент Кросса, «унаследовал» материалы по свиткам, первоначально находившиеся в распоряжении отца Патрика Скиэна. Кроме того, он, по всей видимости, до некоторой степени унаследовал и отношение Скиэна к тем или иным ученым. В ответ на вопрос о том, почему до сих пор не выпущены факсимильные фотоиздания рукописей, он заявил, что «огромное большинство людей, которые смогли бы воспользоваться такими изданиями, в том числе и университетские профессора среднего уровня, вряд ли смогли бы прочесть трудные места с достаточной компетентностью».

Таким образом, независимые ученые из Великобритании, Соединенных Штатов и других стран обнаружили, что им не удастся получить доступ к неопубликованным материалам свитков. Для израильских же ученых такой доступ вообще был делом совершенно невероятным. Как мы уже отмечали, отец де Во, бывший член движения «Аксьон Франсез», был откровенным антисемитом. Члены Библейской школы сохранили враждебную настроенность в отношении Израиля и по сей день, несмотря на то что теоретически предполагалось, что данная организация представляет собой нейтральное сообщество ученых, не связанных партийными пристрастиями и сторонящихся любых политических или религиозных разделений, характерных для современного Иерусалима. В ответ на вопрос о том, почему ученые из Тель-Авивского университета не принимают участия в издании свитков, Страгнелл заметил: «За уровень исследования кумранских материалов отвечаем мы, а вас к ним просто не допустят». На склоне дней отец Скиэн, с характерным для него саморазоблачительным красноречием, однажды сформулировал свои собственные антиизраильские взгляды, разделяемые его коллегами, причем сделал это в письме, направленном в «Jerusalem Post Magazine»:

«Я чувствую себя обязанным уведомить вас... что я никогда и ни при каких обстоятельствах не дам никому из израильских функционеров разрешения использовать в каких бы то ни было целях какие бы то ни было материалы из числа тех, что на законном основании хранятся в Палестинском археологическом музее. Я считаю, что ни Государство Израиль и никто из его граждан не имеют никакого законного отношения ни к музею, ни к его фондам».

Как мы уже отмечали, подобных взглядов придерживался и пресловутый отец Милик. Ни он, ни кто-либо из его коллег, а впоследствии и отец Старки более не вернулись в Иерусалим после 1967 г., когда в результате

Шестидневной войны свитки попали в руки к израильтянам. В данном случае позиция ученых служила отражением политики Ватикана, который вплоть до сего дня не признал Государство Израиль. Необходимо попытаться разобраться в том, является ли подобная антиизраильская настроенность всего лишь совпадением с официальной линией церкви или

же она была формально продиктована представителями римско-католической церковной иерархии.

7. Инквизиция наших дней

В качестве своего рода противоядия от быстро распространяющейся «инфекции» модернизма папа римский Лев XIII в 1903 г. учредил Понтификальную библейскую комиссию для наблюдения за прогрессом (или отсутствием такового) в области католической текстологии. Первоначально эта комиссия состояла из полутора десятков кардиналов, назначенных лично папой, и целого ряда «консультантов», которые считались экспертами в своей области исследований. Согласно статье в «Новой католической энциклопедии», официальной функцией комиссии было и есть «делать все возможное... для того, чтобы слово Божье... было надежно ограждено не только от малейших погрешностей, но и от произвола мнений». Комиссии вменялось в обязанность следить за тем, чтобы ученые «заботились об охране авторитета Священного Писания и способствовали их верному истолкованию».

Как мы уже отмечали, отец Лагранж, основатель Библейской школы, являлся одним из членов Понтификальной библейской комиссии. Кроме того, журнал «Revue biblique», издававшийся той же Библейской школой, до 1908 г. служил официальным органом комиссии. Учитывая тесные связи между двумя этими институтами, нетрудно понять, что первоначально Библейская школа играла роль рупора пропагандистской машины Понтификальной комиссии, этакого инструмента для распространения католического вероучения под ширмой исторических и археологических исследований, а также для увязки результатов этих исторических и археологических исследований с догматами католического вероучения.

Имелись все основания ожидать, что ситуация в первой половине XX века может измениться к лучшему, особенно после Второго Ватиканского собора, состоявшегося в начале 1960-х гг. Но ничего подобного не произошло. Библейская школа и в наши дни продолжает оставаться в такой же тесной связи с Понтификальной библейской комиссией, как и в прежние годы. Так, например, все назначения в школу производятся исключительно комиссией. Большинство выпускников Библейской школы при распределении назначаются комиссией на посты профессоров в семинарии и другие институты римско-католической церкви. Из девятнадцати официальных «консультантов» комиссии целый ряд являются весьма авторитетными фигурами в отношении надзора за тем, какую конкретно информацию позволяется узнавать широкой публике о свитках Мертвого моря. Так, например, отец Жан-Люк Веско, нынешний глава Библейской школы и член редакционного совета «Revue biblique», также является членом Понтификальной библейской комиссии. То же самое можно сказать и о еще одном члене редакционного совета журнала, Хозе Лоза. Надо назвать и имя известного автора книг о свитках, иезуита Джозефа Фитцмайера, который осуществлял официальный надзор за истолкованием большей части кумранских материалов.

В 1956 г. в списке «консультантов» Понтификальной библейской комиссии впервые было упомянуто имя отца Ролана де Во, директора Библейской школы. Он получил назначение в состав комиссии годом раньше, в 1955 г., и оставался ее членом вплоть до своей кончины в 1971 г. Время назначения отца де Во в состав комиссии весьма примечательно. Не надо забывать, что именно в 1955 г. появлялись и активно скупались исключительно интересные и во многом противоречивые «сектантские» материалы из пещеры 4. В декабре того же года Ватикан выложил изрядную сумму денег за ряд весьма важных фрагментов древних манускриптов. В том же 1955 г. при участии Джона Аллегро был разрезан и прочитан знаменитый Медный свиток, а сам Аллегро начал выступать со скандальными публичными заявлениями. В результате Ватикан впервые осознал, с какого рода проблемами он может столкнуться, если кумранские материалы получат широкую

огласку. Иерархи церкви ощутили необходимость создания своего рода «командной вертикали» или, во всяком случае, «цепочки отвественности», благодаря которой можно было бы взять под контроль изучение кумранских материалов. В любом случае весьма важно и достойно удивления, что начиная с 1956 г. директором Библейской школы становились только лица, являющиеся членами Понтификальной библейской комиссии. После смерти отца де Во, последовавшей в 1971 г., список «консультантов» комиссии был пересмотрен, и в него было спешно включено имя отца Пьера Бенуа, преемника де Во на посту директора Библейской школы. Когда же в 1987 г. отец Бенуа скончался, новый директор школы, Жан-Люк Веско, был введен в число «консультантов» комиссии.

Даже в наши дни комиссия продолжает контролировать направление всех штудий в области библеистики, проводимых под эгидой римско-католической церкви. Были также изданы официальные указы о «правильном понимании... Писания». В 1907 г. по распоряжению папы римского Пия X признание этих указов было объявлено обязательным. Так, например, комиссия своим декретом «установила», что автором (в буквальном смысле этого слова) библейского Пятикнижия[54] был пророк Моисей. В 1909 г. был издан другой аналогичный указ, провозглашающий буквальную и историческую точность первых трех глав Книги Бытия. Несколько позже, 21 апреля 1964 г., комиссия издала специальный указ, регулирующий Библию вообще и декларирующий «историческую достоверность» Евангелий в частности. Этот указ вызвал неоднозначные отклики, начиная с того, что «толкователь всегда и во всем должен действовать в духе послушания авторитету учения церкви». Далее высказывалось утверждение, что лица, ответственные за прослеживание каких бы то ни было «библейских ассоциаций», «обязаны непременно соблюдать законы, принятые ранее Понтификальной библейской комиссией. Любой ученый, работающий под эгидой Библейской комиссии, — а в это число, естественно, входят и ученые ИЗ Библейской школы, сталкивается с жесткими ограничениями, выдвинутыми указами комиссии. Каковы бы ни были результаты исследований и находки, к которым могут привести такие исследования, они не должны ни в письменной форме, ни в виде учения противоречить вероучительному авторитету Библейской комиссии.

В наши дни главой Понтификальной библейской комиссии является кардинал Йозеф Ратцингер. Кардинал Ратцингер является также главой другого института католической церкви, Конгрегации по вопросам вероучения. Это назначение является достаточно новым, датируемым 1965 г., и оно, по всей видимости, незнакомо большинству юристов; однако сама эта организация имеет давнее происхождение. Действительно, ее уникальная и непростая история уходит в далекое прошлое, беря свое начало в XIII в. В 1542 г. она получила официальное название — Святая палата. А до того она именовалась Святой инквизицией. И кардинал Ратцингер в наши дни занимает пост Великого инквизитора.

Официальным главой Конгрегации по вопросам вероучения всегда являлся правящий папа римский, а исполнительным главой Конгрегации в наши дни является ее секретарь, хотя в прежние времена он именовался Великим инквизитором. Из всех департаментов римской

---

[54] Пятикнижие *(древнеевр.* Тора, «Закон») — первые пять книг Ветхого Завета — Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие, — кодификация которых, согласно иудейской традиции, приписывается пророку Моисею. В кульминационный момент молитвенного собрания в синагоге, так называемое «восхождение к Торе», хазан (член собрания, в обязанность которого входит вносить Тору) вносит в зал и, подняв высоко над головой, показывает собравшимся раскрытый свиток Торы со словами: «Это Тора, которую принес Моше (Моисей)». Показательно, что в этой формуле сказано именно «принес», а не «написал», то есть авторство Закона априорно делегируется Самому Богу, а Моисею отводится роль посредника между Ним и Израилем *(прим. перев.).*

курии наиболее влиятельным является Конгрегация по вопросам вероучения. А сам Ратцингер является наиболее близким к папе кардиналом курии. Они имеют немало общих интересов. Оба хотели бы восстановить многие ценности эпохи, предшествовавшей Второму Ватиканскому собору. Оба питают неприязнь к богословам. Ратцингер видит в богословах людей, готовых открыть церковь разлагающему секулярному влиянию. Человек глубоко пессимистических взглядов, он понимает, что церковь «переживает упадок» и только подавление всякого инакомыслия способно продлить ее существование как хранительницы догматов веры. Всех, кто не разделяет его пессимистических предчувствий, Ратцингер считает «слепцами или заблуждающимися»[55].

Подобно инквизиции далекого прошлого, Конгрегация по вопросам вероучения в значительной мере является аналогом трибунала. В ее составе — собственные судьи, главный из которых носит титул «эксперта». «Эксперту» помогают «комиссар» и двое монахов-доминиканцев. Эти люди имеют специальное поручение: осуществлять подготовку всего необходимого для анализа того, что намерена «расследовать» Конгрегация. Подобное расследование рассматривает конкретные случаи нарушения частью клириков вероучительных догматов или всего прочего, что может угрожать единству церкви. И, как и в Средние века, эти исследования ведутся в обстановке строгой секретности.

Вплоть до 1971 г. Понтификальная библейская комиссия и Конгрегация по вопросам вероучения считались формально разными организациями. Но в действительности различие между ними было, мягко говоря, чисто номинальным. Функции обеих организаций во многом совпадали и пересекались, начиная с их специфических функций и членства в административных структурах. Так, например, в 1969 г. восемь из двенадцати кардиналов, представленных в Конгрегации, в свое время председательствовали и в комиссии. Целый ряд лиц одновременно выполняли роль «консультантов» в обеих организациях. Наконец 27 июля 1971 г. папа римский Павел VI, пытаясь сократить число бюрократических структур, фактически объединил обе структуры в единый орган практически во всем, кроме названия. Обе они располагались в одном здании, по одному и тому же адресу: дворец Конгрегации, площадь Святой палаты в Риме. Обе находились в ведении одного и того же кардинала. С 29 ноября 1981 г. таким кардиналом является Йозеф Ратцингер.

Благодаря усилиям структур, возглавляемых кардиналом Ратцингером, множество священников, проповедников, преподавателей и писателей богословского толка были подвергнуты чистке и гонениям и лишились своих постов. В числе жертв оказались и некоторые наиболее влиятельные и интеллигентные богословы католической церкви наших дней. Одним из них был отец Эдвард Шиллебеекс из Нигмегенского университета в Голландии. В 1974 г. Шиллебеекс опубликовал книгу «Иисус: опыт христологии». В своей работе ученый, по крайней мере — в глазах своих оппонентов, попытался взять под сомнение буквальную точность некоторых догматов, таких, например, как Воскресение и Непорочное зачатие. В декабре 1969 г. Шиллебеекс предстал перед трибуналом Конгрегации по вопросам вероучения, и на заседании трибунала один из судей публично обвинил его в ереси. В тот раз ему удалось отвести обвинения, но в 1983 г. он был вновь вызван на суд трибунала Конгрегации, на этот раз — по случаю выхода его новой книги «Духовенство: на пороге перемен».

---

[55] См.: Hebblethwaite «Чрезвычайный Синод», p. 54. По словам папы римского Иоанна Павла II, «Конгрегация по вопросам веры не имеет никакой другой цели, как сохранение от любых угроз и опасностей... аутентичности и целостности... веры». См.: Hebblethwaite «В Ватикане», p. 90.

В чем же состояли грехи Шиллебеекса? Если говорить формально, он дерзнул усомниться в правоте позиции церкви в вопросе о целибате. Он с симпатией отзывался о рукоположении в священный сан женщин. И, что самое серьезное, утверждал, что «церковь со временем должна измениться», а не оставаться скованной раз и навсегда фиксированными догматами[56]. Церковь, по утверждению Шиллебеекса, должна реагировать на нужды своей паствы и считаться с ними, а не налагать на них драконовские запреты. Он, если говорить кратко, выступал за более динамичную пастырскую позицию, в отличие от статичной, в поддержку которой выступают папа римский Иоанн Павел II и кардинал Ратцингер. Однако Шиллебеексу вновь удалось оправдаться перед трибуналом Конгрегации, выдержав расследование и допросы. Но он до сего дня находится под подозрением, и всякое его слово, будь то устное или письменное, строго контролируется. Вряд ли стоит говорить, что подобный всепроникающий надзор оказывает весьма угнетающее воздействие.

Еще более выразителен случай с видным швейцарским богословом, доктором Хансом Кюнгом, ранее возглавлявшим отделение богословия в Тюбингенском университете. Кюнг пользовался широким авторитетом среди наиболее выдающихся и влиятельных католических писателей богословского направления нашего времени. Это человек, который смело шел по стопам папы Иоанна XIII, открывая новые пути развития для католической церкви, проявляя новые грани гуманизма, гибкость и приспосабливаемость к новым запросам. Однако взгляды Кюнга были весьма противоречивы. В своей книге «Непогрешимый?», опубликованной в 1970 г. в ФРГ, а в следующем году вышедшей в переводе на английский, Кюнг бросил вызов учению о папской непогрешимости, которое, как мы помним, не было принято в римско-католической церкви до 1870 г., когда оно было утверждено путем голосования на Первом Ватиканском соборе. «Никто не является непогрешимым, — писал Кюнг, — кроме Господа Бога». Далее он утверждал, что

«традиционное учение о непогрешимости в церкви... зиждется на основании, которое невозможно назвать надежным». Кроме того, Кюнг признавал существенную разницу между теологией и историей, причем в прошлом первая из них часто стремилась выдать себя за вторую. Он обрушился с нападками на софистику таких церковных «ученых», как кардинал Жан Даньелу, который в 1957 г. опубликовал книгу «Свитки Мертвого моря и примитивное христианство» (труд, ставший ярким образчиком богословской пропаганды): «Богословы типа Даньелу... которые сегодня окружают роль Великого инквизитора аурой псевдоучености, становятся кардиналами святой Римской церкви и вполне оправдывают возложенные на них ожидания».

После избрания папы римского Иоанна Павла II Кюнг весьма критически отозвался о суровости морально-догматических воззрений нового понтифика. «Действительно ли католическому богослову, — спрашивает Кюнг, — позволено... задавать критические вопросы?» Действительно ли Иоанн Павел II, вопрошает он, абсолютно свободен от культа личности, которым были окружены прежние папы римские? Не слишком ли он поглощен отстаиванием доктринальных аспектов в ущерб проповеди «Христова благовестия»?

«Как могут папа и церковь с убежденностью, заслуживающей доверия, говорить о совести современного человека, не упоминая одновременно о самокритичной оценке совести церкви в целом и ее верховных иерархов?..»

---

[56] Шиллебеекс утверждает, что «апостольские правила», то есть особые права лидеров местных общин «ранней церкви», «имели приоритет перед церковными порядками, которые со временем менялись и трансформировались». См. его книгу «Духовенство: на пороге перемен».

Естественно, откровенность Кюнга сразу же сделала его неотразимой мишенью для трибунала Конгрегации по вопросам вероучения. Рассмотрев заявления Кюнга, трибунал вынес свое решение. 18 декабря 1979 г. папа римский, формально действуя по рекомендации Конгрегации, уволил Кюнга с занимаемого им поста и запретил ему впредь выступать с вероучительными проповедями от лица римско-католической церкви. Сам Кюнг был официально уведомлен, что он более не является католическим богословом и ему запрещается писать и выступать с публикациями. Подводя итог всем карам, обрушившимся на него, Кюнг писал: «Я был предан проклятию самим понтификом, который отверг мое богословие, не удосужившись прочесть ни одной моей книги и отказываясь встречаться со мной. Истина заключается в том, что Рим ждет от своих адептов не диалога, а беспрекословного повиновения».

Под неусыпным руководством кардинала Ратцингера Конгрегация за последнее десятилетие становилась все более замкнутым, жестко догматическим и реакционным органом. Ратцингер резко критически воспринимал любые разговоры о переменах в церкви со времени Второго Ватиканского собора 1962 — 1965 гг. Учение церкви, утверждал он, «запятнано» всевозможными сомнениями и вопросами. По словам одного комментатора, Ратцингер добивается «возврата к католическому фундаментализму... и признанию буквальной истинности догматов, утвержденных папами». Через посредство Конгрегации по вопросам вероучения взгляды Ратцингера стали определяющими в Понтификальной библейской комиссии, главой которой он являлся, и, следовательно, задавали тон и на более низком уровне — в Библейской школе.

В 1990 г. эти взгляды получили свое выражение в деятельности Конгрегации. В мае Конгрегация выпустила в свет предварительный вариант нового, дополненного и переработанного «Всеобщего катехизиса католической церкви», официально сформулированного свода догматических установок, вера в которые формально обязательна для каждого католика. Не допуская никакой «гибкости», новый катехизис, в числе многих других грехов, решительно осуждает разводы, гомосексуализм, мастурбацию и сексуальные отношения до брака и тем более внебрачные связи. В качестве основополагающих постулатов католической веры катехизис называет догматы о папской непогрешимости, о Непорочном Зачатии и Успении Девы Марии, а также об «универсальном авторитете католической церкви». В одном особенно догматическом пассаже катехизис утверждает, что «задача единственно верного истолкования Слова Божьего... целиком и полностью возложена на живое вероучение церкви».

В июне того же года был выпущен второй документ, опубликованный Конгрегацией по вопросам вероучения и написанный лично кардиналом Ратцингером. Этот документ был посвящен в первую очередь функциям и обязанностям богослова, причем под этот термин (богослов, теолог) подпадали и историк-библеист, и археолог. Согласно этому документу, принятому и одобренному папой римским, католические богословы не имели права в своих воззрениях отклоняться от установившегося учения церкви. Действительно, любое отклонение в этой сфере по статусу объявлялось равнозначным «грехопадению»: «Поддаться соблазну уклонения (раскола)... [означает] нарушить верность Святому Духу...» Итак, если богослов берет под сомнение господствующее вероучение церкви, он в результате тонкой психологической манипуляции вынужден немедленно испытывать чувство моральной ущербности от совершения подобных действий. Вся ответственность за вопрос, естественно, возлагается на задавшего его и трансформируется в вину, грех, то есть нечто такое, в отношении чего церковь всегда находилась в наиболее выигрышном положении.

В том документе кардинал Ратцингер, в частности, утверждает:

«Свобода акта веры не может служить оправданием права на раскол. Эта свобода не означает свободу от истины, а выражает свободную решимость личности принимать истину в соответствии со своими моральными обязательствами».

Другими словами, человек абсолютно свободен во всем, что касается принятия истин веры, а не в том, чтобы усомниться в них и тем более отвергнуть их. Свобода не может быть проявлена или выражена никак иначе, кроме как через повиновение. Вот уж поистине курьезное определение свободы!

Подобные ограничения в отношении свободы мысли католиков носят драконовский характер, — драконовский как в отношении того психологического и эмоционального ущерба, который они способны нанести, так и в отношении формирования ими комплекса вины, нетерпимости и фанатизма, а также крайнего сужения горизонтов познания и научной мысли. Будучи объектом веры, они распространяются только на тех, кто добровольно принимает ее, так что все остальное (некатолическое) население планеты имеет полное право игнорировать их.

Однако свитки Мертвого моря — это уже не просто вопрос веры, а документы, имеющие исключительную историческую и археологическую важность не только для католической церкви, но и для всего человечества.

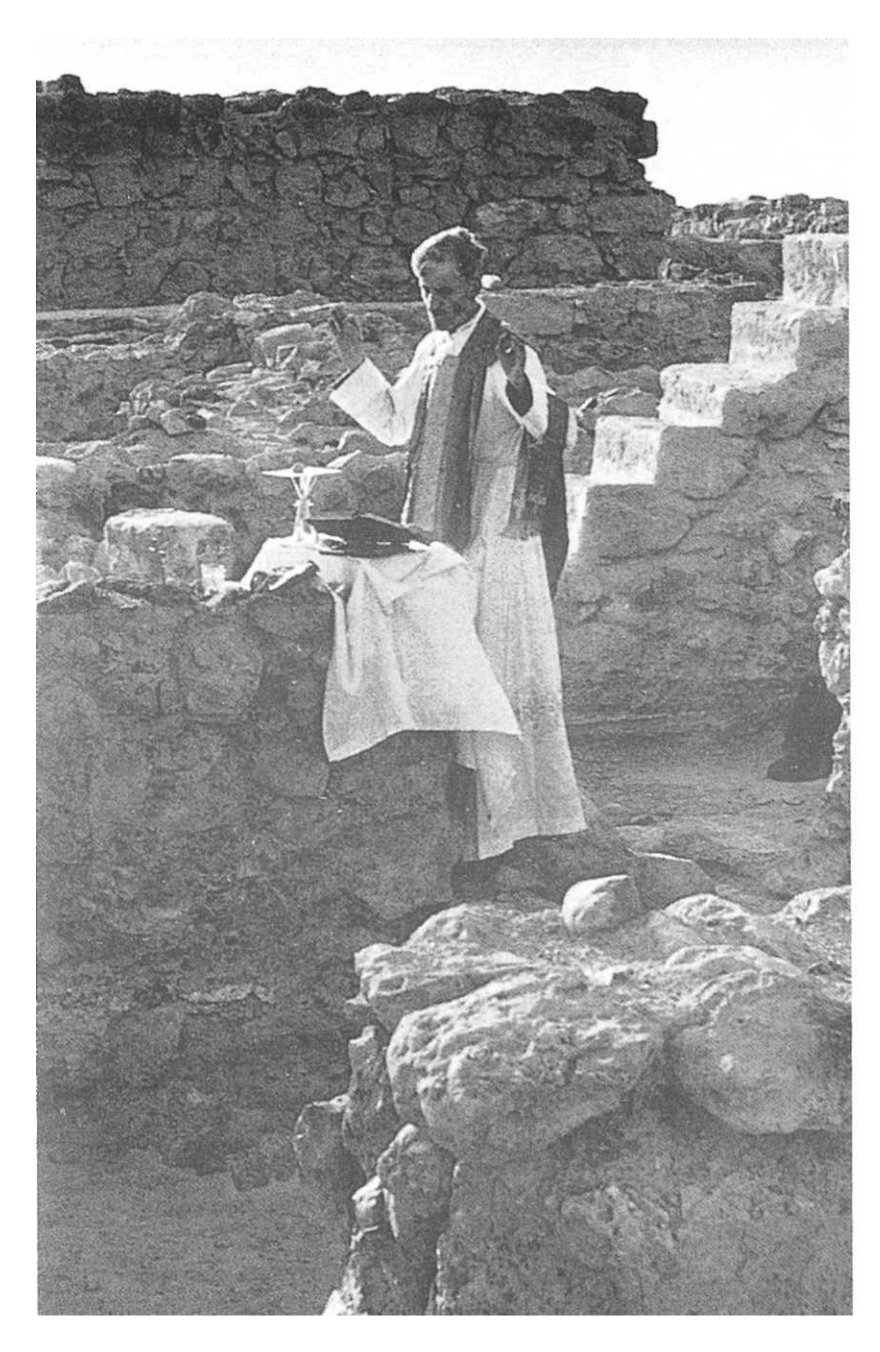
Право, есть что-то удручающе мрачное в осознании того, что по распоряжению кардинала Ратцингера все, что нам удастся узнать о кумранских текстах, будет пропущено через машину свирепой цензуры Конгрегации по вопросам вероучения, то есть, другими словами, будет тщательно отфильтровано и издано самой инквизицией.

Учитывая всевозможные обязательства Библейской школы перед Конгрегацией, возникает вопрос: а можно ли и стоит ли вообще доверять этой школе? Даже если официальные лица правительства Израиля немедленно вмешаются и потребуют немедленно издать все кумранские материалы, как мы можем быть уверены в том, что хоть один документ, бросающий тень на церковь или идущий вразрез с ее учением, вообще будет выпущен в свет? Мы лично намерены сформулировать в этой книге несколько принципиальных вопросов к отцу Жан-Люку Веско, нынешнему директору Библейской школы.

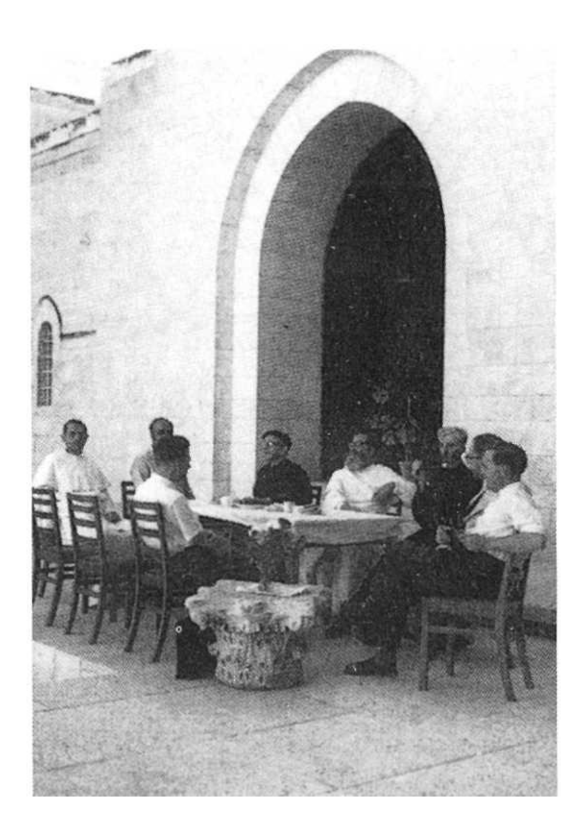
• Если Библейская школа подотчетна Понтификальной библейской комиссии и Конгрегации по вопросам вероучения, каковы же ее обязательства перед научным миром?

• Как может любая солидная научная организация нормально функционировать под давлением потенциально разделенных и даже враждебно настроенных друг к другу сил?

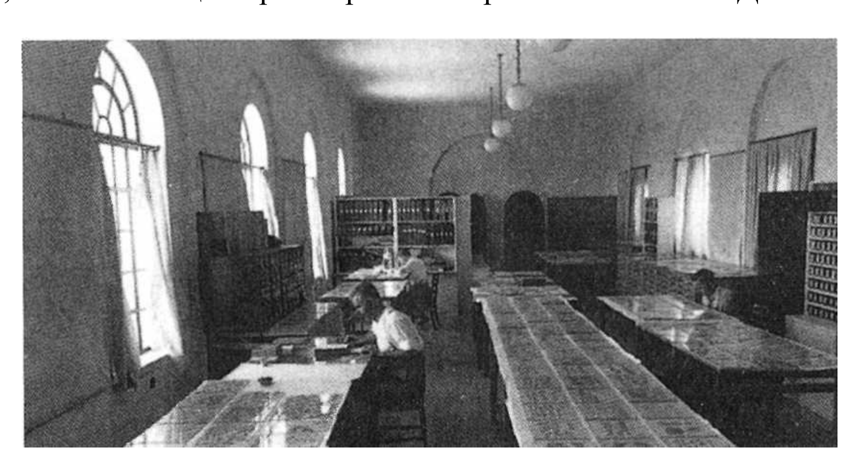
• И, наконец, как поступит Библейская школа, если среди неопубликованных или пока что не идентифицированных кумранских материалов будет найдено нечто такое, что враждебно учению церкви?

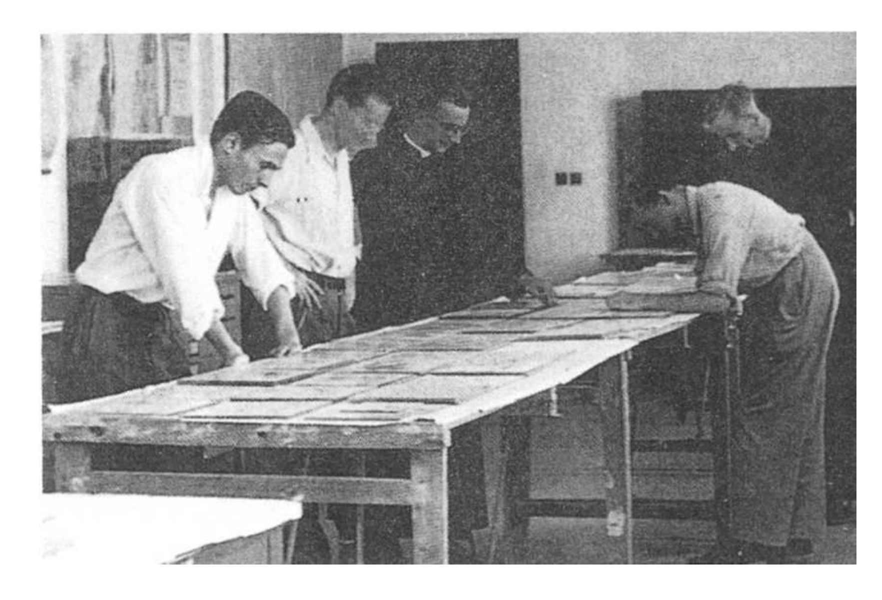
16. Отец Жан Старки совершает мессу на развалинах Кумрана перед началом археологических раскопок.

17. Члены международной группы в Рокфеллеровском музее в Иерусалиме за работой над свитками, найденными в пещере 4. Бородач **в** центре — отец де Во; справа от него — отец Милик, слева — отец Старки. Крайний справа на снимке — Джон Аллегро.

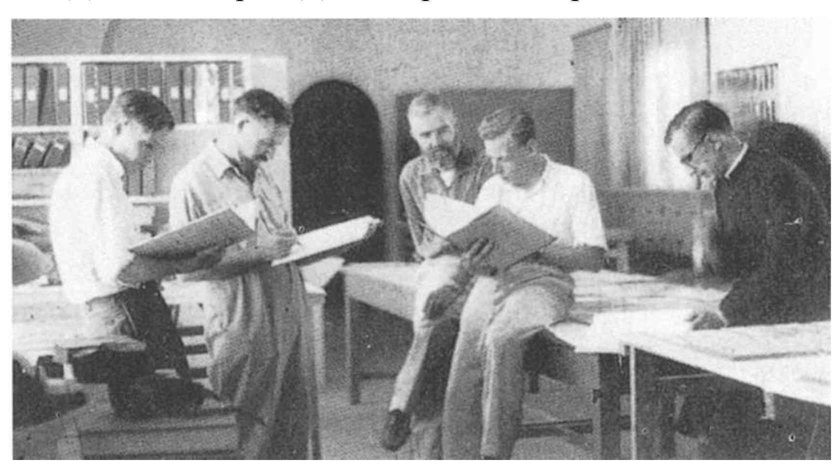
18. Члены международной группы по изучению фрагментов свитков в Зале свитков *(снова направо):* отец Патрик Скиэн, Джон Страгнелл. Джон Аллегро.

19. *(Слева направо):* Джон Страгнелл, Фрэнк Кросс, Джон Аллегро и отец Старки.

20. Джон Аллегро и Джон Страгнелл за работой в Зале свитков.

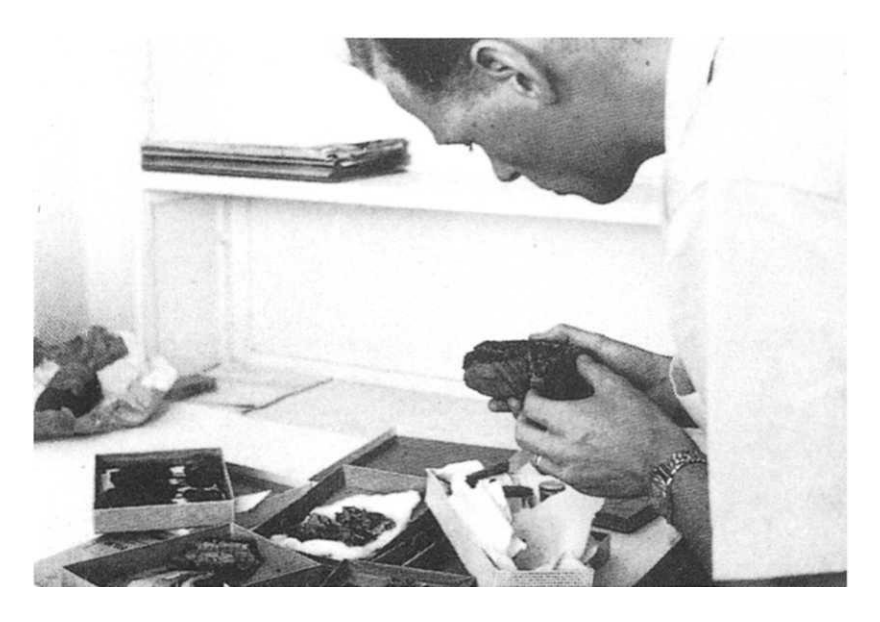
21. *(Слева направо):* Джон Страгнелл, Джон Аллегро, отец Скиэн, доктор Клаус-Гунно Хунципгер и отец Милик.

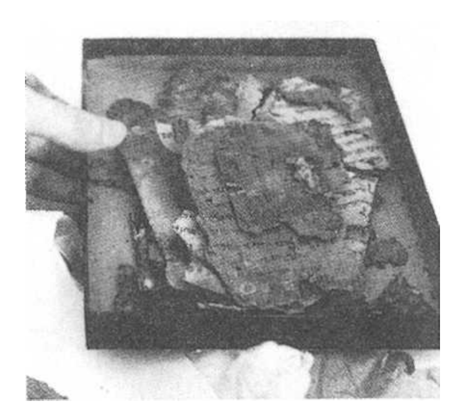
22. Джон Аллегро за работой над толкованиями на книгу пророка Наума в Зале свитков.

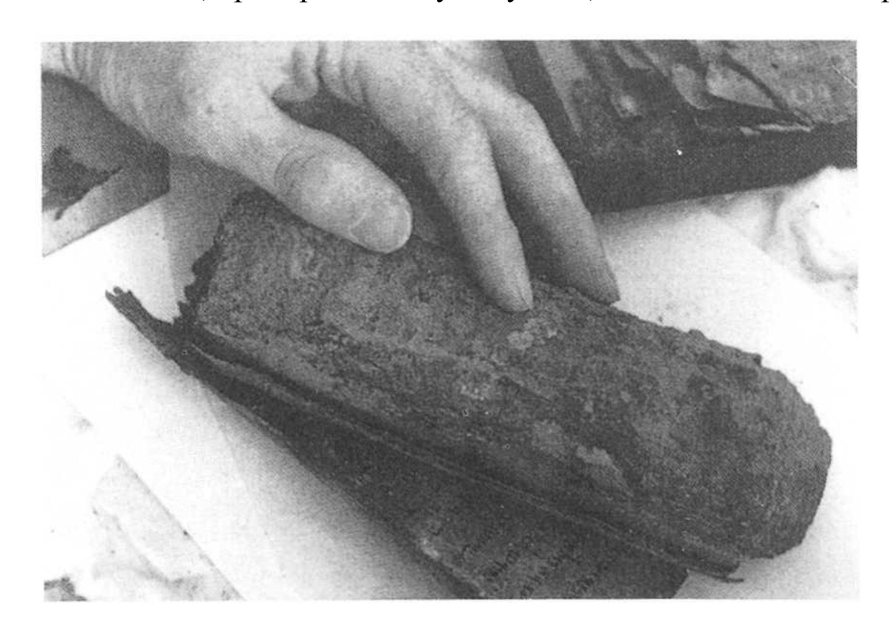
23. Отец Милик, в окружении доктора Хунципгсра и отца Бенуа, за изучением недавно приобретенных фрагментов (январь 1956 г.). Фрагменты эти, по-видимому, были найдены в пещере 11.

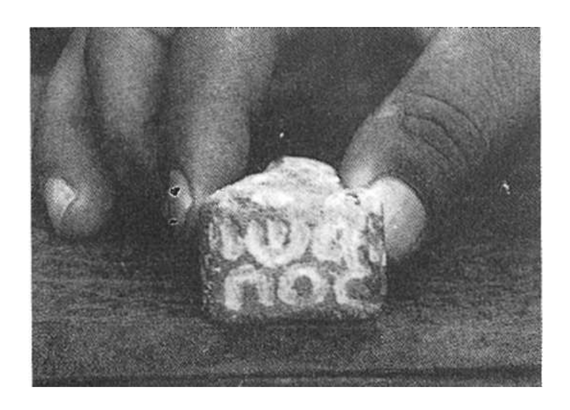
24. Январь 1956 г. Доктор Хупцингер держит Свиток псалмов, найденный в Кумране, в пещере 11. Свиток этот не публиковался вплоть до 1965 г.

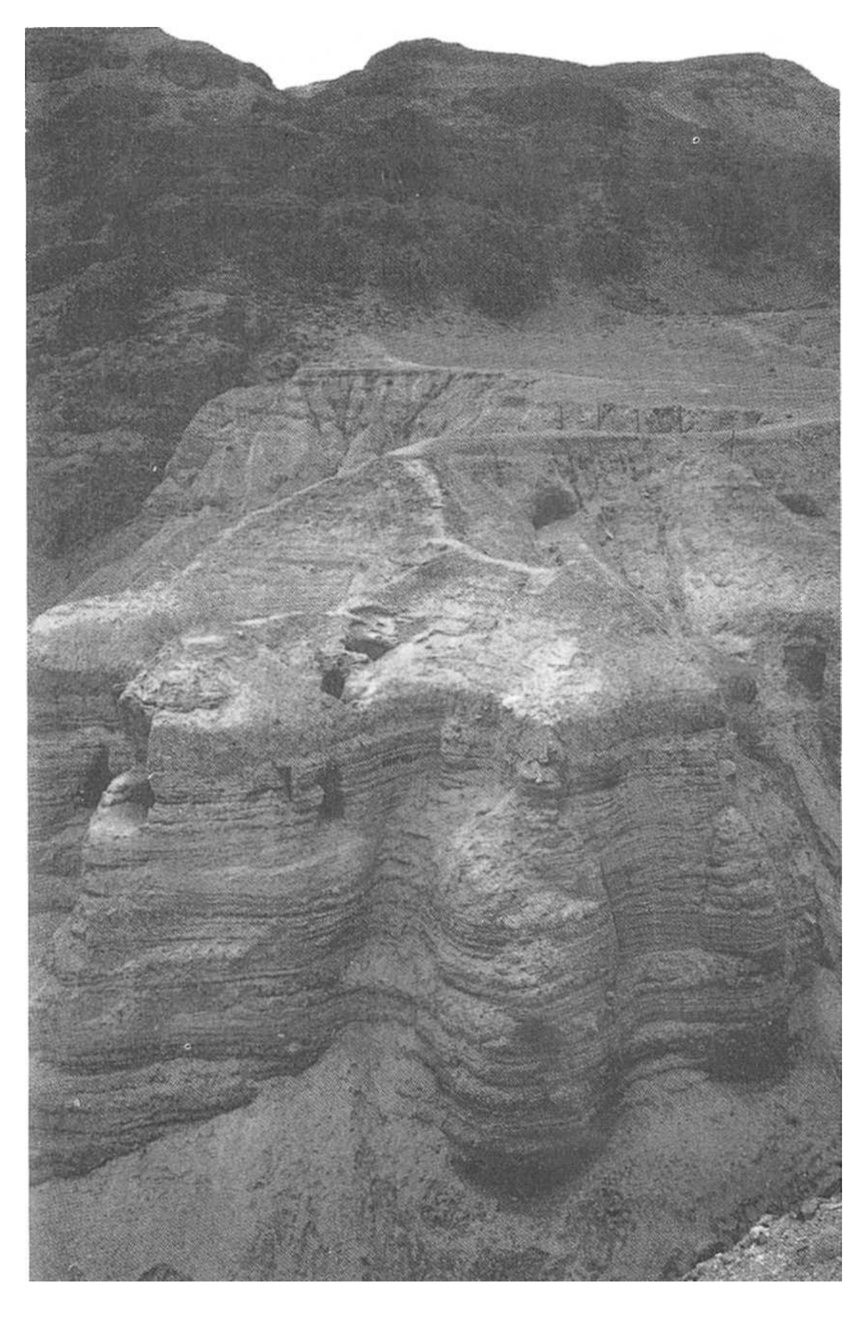
25. Фрагменты свитков, приобретенные у бедуинов, нашедших их в январе 1956 г.

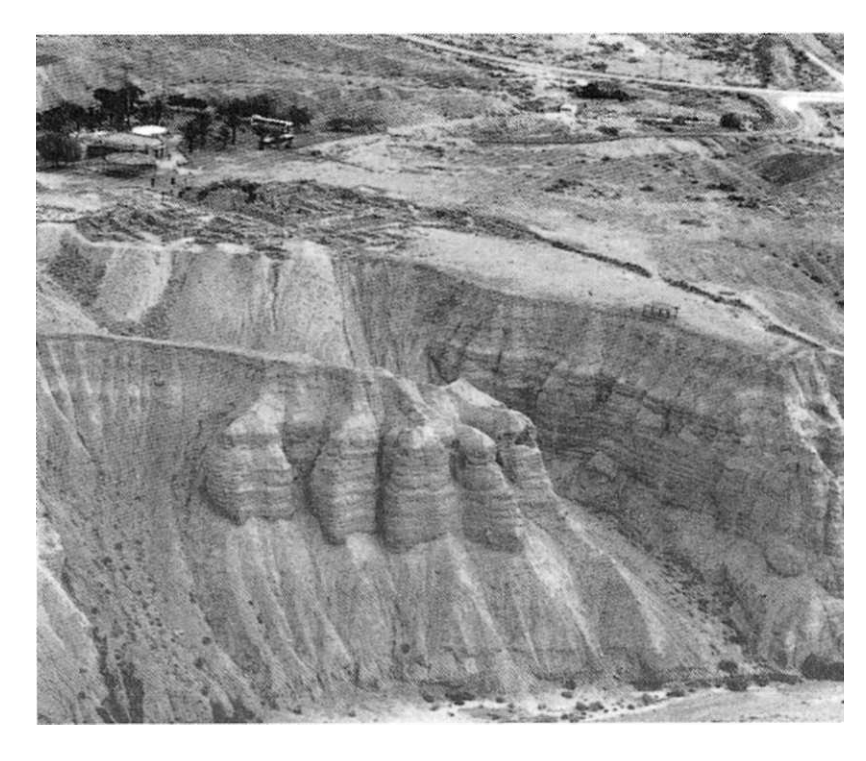
26. Свиток псалмов из пещеры 11 *в* неразвернутом виде.

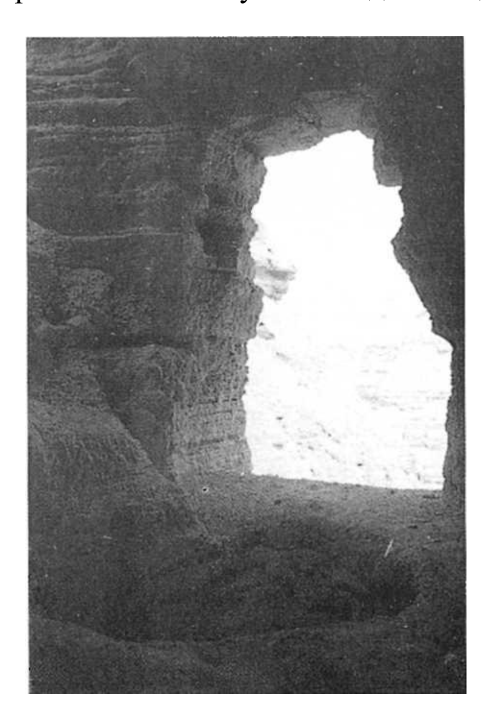
27. Печать, найденная на развалинах Кумрана. Любопытно, что на ней указано имя владельца — Иосиф, написанное по-гречески, а не по-еврейски или по-арамейски.

28. Кумран. Хорошо видны мергелевые террасы. Этот снимок был сделан из развалин, если смотреть па запад, в сторону Иудейских холмов. Крайняя слева — пещера 5, чуть правее — два входа в пещеру 4. Первоначальный вход в пещеру 4 находится над правым входом.

29. Развалины Кумрапа. На склоне утесов видны входы в пещеры 4 и 5.

30. Внутренний вид пещеры 4 в Кумране, где в 1952 г. Было найдено самое большое количество свитков. Из пещеры были извлечены фрагменты более чем 800 свитков.

III. СВИТКИ МЕРТВОГО МОРЯ

8. Дилемма для христианских ортодоксов

Между всеми заинтересованными сторонами — за исключением, естественно, представителей международной группы и Библейской школы — существует своего рода негласное общее мнение в том, что история изучения свитков Мертвого моря представляет собой форменный скандал. Вряд ли можно сомневаться в том, что за всеми этими переносами, отсрочками, запретами на доступ к материалам кроется нечто несправедливое, формально вроде бы законное, но не отвечающее моральным или академическим нормам. Эта несправедливость до некоторой степени может проистекать из весьма корыстных мотивов — например, научного соперничества и зависти, а также защиты собственных интересов. От этого часто зависит сохранение или падение научной репутации, а в научных кругах нет ценности более высокой, чем репутация. Поэтому ставки на «своих» людей весьма и весьма высоки.

Впрочем, столь же высоки они и во всякой сфере, где отсутствие надежных свидетельств из первых рук стремятся прикрыть широкомасштабными историческими и археологическими изысканиями. Подобный ажиотаж мог бы возникнуть, например, в том случае, если бы удалось обнаружить обширный корпус документов, прямо относящихся к Британии времен короля Артура. Но разве за этим последовало бы сокрытие материалов, как это произошло со свитками Мертвого моря? И разве за подобным укрывательством прослеживалось бы на заднем плане теневое присутствие церковных структур типа

Конгрегации по вопросам вероучения? Разительный контраст этому составляют свитки из Наг-Хаммади. Нет никаких сомнений, что и здесь было предостаточно поводов для вторжения корыстных мотивов. И подобного рода мотивы действительно имели место в той или иной мере. Но в данном случае церковь просто не имела возможности установить свой контроль над текстами, найденными в Наг-Хаммади. И, несмотря на все эти корыстные мотивы, полный корпус материалов, обнаруженных в Наг-Хаммади, был очень быстро опубликован и стал достоянием широкой публики.

Вмешательство самых высших иерархов римско-католической церкви в изучение свитков Мертвого моря неизбежно возбуждает самые мрачные подозрения. В самом деле, можно ли игнорировать реальность причинно-следственной связи между подобным вмешательством и той неразберихой, которая царит в изучении кумранских находок? Позволительно спросить (как, кстати, и поступают многие из чужаков), не замешаны ли и здесь чьи-то корыстные интересы, куда более могущественные, чем репутации отдельных ученых, в частности интересы христианства в целом и интересы христианского вероучения в том виде, в котором они выражены в церкви и ее предании? С момента открытия свитков Мертвого моря воображение многих будоражит один и тот же вопрос, вызывающий смятение, беспокойство и даже раздражение. Не могут ли эти тексты, которые так близки к «первоисточнику» и которые (в отличие от текстов Нового Завета) никогда не были изданы и не пользовались широкой известностью, пролить существенно новый свет на истоки христианства, на так называемую «раннюю» церковь в Иерусалиме и, возможно, на личность Самого Иисуса? Не содержат ли они чего-либо скандального, способного бросить вызов и даже опровергнуть сложившиеся церковные традиции?

Разумеется, официальная трактовка уверяет, что ничего такого они не содержат. Таким образом, нет никаких подтверждений практики систематической или выборочной фальсификации материалов членами международной группы. Что же касается отца де Во, то в этом деле оказались замешанными его глубокие личные убеждения, что и повлияло на его действия. Ключевым фактором в оценке важности свитков послужило определение и наличие — или отсутствие — в них перекличек и связей с христианством. Разумеется, была датировка времени их создания. Относятся ли они к дохристан-ской или послехристианской эпохе? Насколько близко их тексты совпадают с деяниями Иисуса Христа ок. 30 г. н. э.? С описаниями путешествий апостола Павла, совершенными им в 40—65 гг. н. э.? С композицией Евангелий, созданных между 70 и 95 г. н. э.? Впрочем, независимо от того, какова их истинная датировка, они всегда служили и служат источником замешательства для христианства, но степень такого замешательства будет весьма и весьма различной. Если, например, будет доказано, что свитки следует датировать эпохой задолго до возникновения христианства, они будут представлять угрозу как свидетельства, отрицающие единственность и неповторимость Иисуса Христа. В них могут содержаться доказательства того, что некоторые из изречений и воззрений Христа не являются Его собственным изобретением, а вытекают из общего настроения умов той эпохи, являясь заимствованиями из учений и преданий, которые, что называется, «витали в воздухе». Если же свитки датируются временем земной жизни Христа или ближайшим периодом после нее, они могут оказаться еще более скандальными. Они могут быть использованы, чтобы доказать, что фигурирующий в них «Учитель праведности» — это и есть Сам Иисус Христос и что Иисус, таким образом, не воспринимался своими современниками как личность, обладающая Божественным статусом. Более того, свитки включают в себя ряд положений, которые выглядят явно враждебными по отношению к имиджу «раннего христианства». Так, например, в них можно встретить указания на воинствующий мессианистический национализм, ассоциируемый прежде всего с зилотами, тогда как Иисус, по преданию, стоял вне политики, призывая отдавать «кесарево кесарю»[57]. Из этого следует, что Иисус и не думал основывать новую религию или совершать действия, противоречащие иудейскому закону.

Это утверждение можно интерпретировать целым рядом трактовок, одни из которых представляют большую угрозу для репутации христианства, другие — меньшую. В подобной ситуации не удивительно, что отец де Во отдавал предпочтение менее конфликтной трактовке. Таким образом, хотя это никогда не было высказано публично, преобладал принцип прочтения или интерпретации свидетельств в соответствии с некоторыми определяющими принципами. Так, везде, где это было возможно, свитки и их авторов принято было дистанцировать как можно далее от «раннего христианства» в том виде, в котором оно предстает в Новом Завете, а также от главного русла развития иудаизма I в. н. э., от которого, собственно, и произошло «раннее христианство». Именно по приверженности к подобным догматическим установкам оценивалась ортодоксальность трактовок и устанавливался пресловутый консенсус.

Таким образом, заключения, к которым пришла группа отца де Во по результатам своего прочтения свитков, подтверждаются рядом важных постулатов, некоторые из которых можно сформулировать следующим образом:

1. Кумранские тексты следует датировать эпохой задолго до начала христианской эры.

2. Свитки надлежит считать созданием некоей изолированной общины, неортодоксальной «секты», находившейся на периферии иудаизма и оторванной от

---

[57] Мк. 12, 17. Ср. также Мф. 22, 21; Лк. 20, 25 *(прим. перев.).*

основных течений общественной, политической и религиозной мысли своей эпохи. В частности, она была чужда того воинствующего революционного и мессианского национализма, примером которого являлись защитники крепости Масада.

3. Кумранская община, по всей видимости, была уничтожена в ходе подавления всеобщего восстания в Иудее в 66—73 гг., а все ее документы были спрятаны в тайниках в окрестных пещерах.

4. Верования членов Кумранской общины представлялись принципиально отличными от христианства, и «Праведный Учитель» в силу того, что он не имел Божественного статуса, не может быть отождествлен с Иисусом.

5. Поскольку Иоанн Креститель был весьма близок к учению Кумранской общины, можно предположить, что он был не «христианином» в подлинном смысле этого слова, а «всего лишь» предтечей.

Однако существует множество точек, в которых кумранские тексты и верования общины, из которой они вышли, пересекаются с раннехристианскими текстами и так называемой «ранней церковью». Число подобных параллелей весьма значительно.

Во-первых, таинство крещения, являющееся одним из важных таинств христианства, было заимствовано из учения Кумранской общины. Согласно одному из текстов свитков Мертвого моря, известному под названием Устав общины, вновь принимаемый адепт «должен очиститься от всех грехов своих в духе святости, воссоединяющем его с истиной... И когда плоть его будет окроплена водой омовения и освящена водой очищения, он будет очищен, смиренно покоряясь своей душой всем заповедям Божиим»[58].

Во-вторых, в книге Деяния святых апостолов говорится, что все члены «ранней церкви» обладали общим имуществом: «Все же верующие были вместе и имели все общее; и продавали имения и *всякую* собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого; и каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца» (Деян. 2, 44—46). Между тем в первой статье Устава общины, регламентировавшего жизнь Кумранской общины, говорится, что «все... должны приносить в Общину все свои знания, имения и собственность». Согласно другой статье, «они должны вкушать пищу вместе и молиться вместе». Наконец, еще одна статья требует: новый адепт «обязан отдать Общине все свое имущество, все свои знания и умение».

В Деян. 5, 1 —11 приведена история Анании и его жены, которые, продав свое имение, утаили часть вырученных средств, которые они должны были положить к ногам апостолов «ранней церкви» в Иерусалиме. И — пали мертвыми, пораженные карающей божественной силой. В Кумранской общине наказания за подобные проступки были куда менее суровыми; согласно Уставу общины, за это полагалась шестимесячная епитимья[59].

---

58 Устав общины, III, 7 и сл. (Поскольку перевод текстов свитков Мертвого моря, выполненный Вермесом, англоязычным читателям проще всего достать, мы приводим ссылки на него.)

59 Епитимья *{церк., ист.)* — наказание за серьезные проступки и грехи, налагаемое иереем (священником) или другим иерархом церкви, имеющим каноническое рукоположение. Епитимья могла включать в себя усиленные молитвы, поклоны, воздержание от пищи, тяжелые физические работы, отлучение от причастия, запрет на посещение храма и временное отлучение от церкви *{прим. перев.).*

В-третьих, согласно книге Деяний, руководство «ранней церковью» в Иерусалиме осуществляли двенадцать апостолов. Среди них, по свидетельству послания ап. Павла к галатам, особым авторитетом пользовались Иаков, «брат Господень», Иоанн и Петр. Как сказано в Уставе общины, Кумранской общиной также управлял «совет» из двенадцати человек. В нем особую роль играли трое «жрецов», хотя Устав не уточняет, входили ли эти трое в «совет» или же были независимы от него[60].

И, наконец, четвертое и, пожалуй, самое важное: и Кумранская община, и «ранняя церковь» имели совершенно четкую мессианскую ориентацию, и в них доминировала вера в скорое пришествие «Мессии». В учении обоих общин провозглашалось, что это — яркий харизматический лидер, личные качества которого должны сплотить всех адептов, а учение составляло основу их веры. В «ранней церкви» таким лидером был, конечно, Иисус. В кумранских текстах этот персонаж известен как «Праведный Учитель». Временами, описывая «Праведного Учителя», кумранские тексты, кажется, рисуют портрет Иисуса; действительно, некоторые ученые прямо отождествляют их. Правда, «Праведный Учитель» никогда не изображался Богом, но точно таким же представал сразу же после своей крестной смерти и Иисус.

Наряду с тем, что кумранские тексты и писания «ранней церкви» имеют весьма много общего с точки зрения идей, концепций и установок, они порой поразительно совпадают в образной системе и фразеологии. «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф. 5, 5), говорит Иисус в самом, пожалуй, знаменитом стихе Нагорной проповеди. Эта фраза восходит к словам 36 псалма: «А кроткие наследуют землю, и насладятся множеством мира» (Пс. 36, 11). Любопытно, что этот псалом имел особое значение для Кумранской общины. В свитках Мертвого моря имеется такое толкование к его содержанию: «Следует понимать, что это относится к братству нищих...» Формула «братство нищих» — это одно из названий, которое члены Кумранской общины относили к самим себе. Это — не единственная параллель: по словам Иисуса, «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5,3). Между тем Свиток Войны из пещеры 1 гласит: «Сила — удел нищих духом...» Действительно, все Евангелие от Матфея, и в особенности главы 10 и 18, содержат немало метафор и терминологических оборотов, перекликающихся с фразеологией Устава общины. В Евангелии от Матфея, например, сказано, что Иисус особо подчеркивает необходимость стремления к совершенству: «Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48). В Уставе общины говорится о тех, «кто ходит путями совершенства, как заповедано Богом». Как сказано в тексте, «не будет милосердия к тем, кто уклоняется с пути... ни покоя... пока путь их не станет совершенным». В Евангелии от Матфея (Мф. 21, 42) Йисус приводит парафраз слов пророка Исайи (Ис. 28, 16)[61] и 117 псалма (Пс. 117, 22)[62]: «Неужели вы никода не читали в Писании: «камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла»?..» В Уставе общины приводится та же ссылка и утверждается, что «совет общины... должен быть испытанной стеной, драгоценным краеугольным камнем [главою угла]».

---

60 Eisenman, в кн.: «Праведный Иаков в Толковании на Аввакума», р. 32, п. 16, проводит весьма важные параллели между правящим советом Кумранской общины и иерархией «ранней церкви» в Иерусалиме при жизни Иакова.

61 Ср.: «Вот, Я полагаю в основание на Сионе камень, камень испытанный, драгоценный, краеугольный, крепко утвержденный...» (Ис. 28, 16) *(Прим. перев.).*

62 Ср.: «Камень, который отвергли строители, сделался главою угла» (Пс. 117, 22). *(Прим. перев.)*

Если кумранские свитки и Евангелия перекликаются друг с другом, то еще более ощутимы такие переклички в так называемых Павловых текстах — книге Деяний святых апостолов и посланиях св. апостола Павла. Концепция святости и, в частности, само слово «святой» очень часто встречается в позднем христианстве, но в контексте свитков Мертвого моря оно звучит поистине шокирующе. Так, согласно первым же строкам Устава общины, «Учитель должен поучать святых жить согласно книге Устава общины». Апостол Павел в послании к римлянам использует ту же терминологию, излагая учение «ранней церкви»: «А теперь я иду в Иерусалим, чтобы послужить святым; ибо Македония и Ахайя усердствуют некоторым подаянием для бедных между святыми в Иерусалиме» (Рим. 15, 25-26).

Действительно, апостол Павел особенно щедр на употребление кумранских образов и выражений. В одном из кумранских текстов, например, говорится, что «все те, кто исполняют закон в доме Иуды... получат от Бога воздаяние за свои страдания и свою веру в Праведного Учителя». Павел, естественно, приписывает подобное воздаяние вере в Иисуса. «Ныне, — говорит он в том же послании к римлянам, — независимо от закона, явилась правда Божия, о которой свидетельствуют закон и пророки, правда Божия чрез веру в Иисуса Христа...» (Рим. 3, 21—23). В послании к галатам апостол Павел утверждает, что «человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа» (Гал. 2,16). Итак, совершенно очевидно, что Павел знаком с метафорами, приемами образной речи, построением фраз и риторикой, которой пользовались члены Кумранской общины в своих толкованиях текстов Ветхого Завета. Однако, как мы сможем убедиться, он ставил эту свою информированность на службу совершенно иной цели.

В процитированном выше фрагменте из послания к галатам Павел показывает, что он не придает особого значения закону. Между тем в кумранских текстах закону придается громадное значение. Показательно, что Устав общины начинается словами: «Учитель должен поучать святых жить согласно книге Устава общины, чтобы они могли искать Бога... и совершать то, что благо и праведно пред Ним [по закону], который Он предал в руки Моисея и всех служителей Его — пророков». Далее в Уставе общины сказано, что «всякий, кто нарушит хоть одно слово в Моисеевом законе или хотя бы одну точку, будет изгнан», и что «закон будет оставаться в силе «до тех пор, пока будет сохраняться власть сатаны». Показательно, что в своей строгой приверженности соблюдению закона Иисус, как это ни странно, гораздо ближе к кумранским текстам, чем к посланиям апостола Павла. В своей знаменитой Нагорной проповеди (Мф. 5, 17—19) Иисус с необычайной ясностью выражает свою позицию, — позицию, от которой Павел впоследствии отошел:

«Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все. Итак, если кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном».

Поскольку приверженность Иисуса соблюдению закона явно превосходит верность ему Кумранской общины, это имеет очень важное значение для определения времени Тайной вечери. На протяжении многих веков толкователи Библии становились в тупик, читая в разных Евангелиях прямо противоположные свидетельства о времени этого события. Так, в Евангелии от Матфея (Мф. 26, 17—19) Тайная вечеря описана как Пасхальная трапеза, после которой Иисус на следующий день был предан распятию. Однако в четвертом Евангелии — Евангелии от Иоанна (Ин. 13, 1 и Ин. 18, 28) говорится, что она состоялась *перед* Пасхальной трапезой. Некоторые ученые пытаются сгладить это противоречие, утверждая, что Тайная вечеря на самом деле представляла собой Пасхальную трапезу и вся путаница объясняется тем, что ученики Христовы праздновали праздник Пасхи в соответствии с другим календарем. Да, такой календарь действительно существовал: это был солнечный календарь,

которым пользовалась Кумранская община, в отличие от лунного календаря, который использовали жрецы Иерусалимского Храма. По этим календарям дата праздника Пасхи приходилась на разные числа, и Иисус, как видно из Евангелия, пользовался тем же календарем, что и члены Кумранской общины.

По всей вероятности, Кумранская община совершала празднование, которое по своим ритуальным характеристикам весьма и весьма напоминало Тайную вечерю в том виде, как она описана в Евангелиях. В Уставе общины говорится, что «когда стол приготовлен... Священник должен первым простереть руку свою, чтобы благословить начатки хлеба и новое вино». Другой кумранский текст, так называемый Мессианский устав, добавляет: «Они должны собраться за общим столом, чтобы есть и пить новое вино... никто не должен простирать руку свою к начаткам хлеба и вина прежде Священника... поэтому и Мессия Израиля прострет руку свою над хлебом».

Подобный текст достаточно убедителен даже для римо-католика. По словам кардинала Жана Даньелу, выступившего с посланием «Nihil obstat»[63], «видимо, Христос совершил Тайную вечерю накануне праздника Пасхи по ессейскому календарю».

Можно лишь гадать, какой была реакция отца де Во и его группы, когда были обнаружены первые поразительные параллели между кумранскими текстами и тем, что принято называть «ранним христианством». Ведь прежде считалось, что учение Иисуса совершенно уникально и что хотя Он и упоминает ветхозаветные источники, однако вводит их в совершенно новый контекст откровения и благовестил, которого мир прежде не знал. И вот теперь среди собрания разрозненных фрагментов древних пергаментов, найденных в Иудейской пустыне, появляются другие отзвуки этого откровения и даже, возможно, драмы, пережитой Иисусом.

Для историка-агностика или любого христианина, свободного от узкодогматических взглядов, подобное открытие явилось бы настоящим потрясением. Его вполне можно сравнить со священным трепетом, который испытает всякий, кто внезапно получает документы, относящиеся к тому самому времени, когда Иисус и его последователи бродили по пескам древней Палестины, странствуя между Галилеей и Иудеей. Можно не сомневаться, что всякий в такой ситуации ощутил бы благоговение от близости к Самому Иисусу. Мельчайшие детали драмы Иисуса и Его эпохи предстали бы совершенно свободными от той печати официоза, которой они были запечатлены на протяжении двадцати веков. Свитки Мертвого моря оказались непохожи на современную книгу, содержащую противоречивые утверждения. Они представляют собой свидетельства из первых рук, подкрепленные бесспорными выводами науки XX в. Но при этом для любого, даже неверующего человека здесь возникает целый ряд вопросов морального плана. Способен ли он, при всем своем скептицизме, одним ударом отвергнуть веру, которую многие миллионы людей считают абсолютной и непререкаемой истиной? Отцу де Во и его коллегам, действовавшим в качестве представителей римско-католической церкви, подобная находка могла показаться чем-то вроде духовного и религиозного динамита, то есть чего-то, что способно полностью опровергнуть вероучение и взгляды христианской церкви.

---

[63] «N i h i 1 obs t a t» *(лат.)* — «Ничто не препятствует» *(прим. перев.)*.

9. Свитки

В этой книге мы сочли нецелесообразным приводить перечень всех известных текстов, найденных в Кумране, даже тех, которые уже давно переведены и опубликованы. Дело в том, что многие из них представляют интерес исключительно для специалистов. Многие из них — всего лишь фрагменты, идентичность и значение которых не установлены. Значительная их часть представляет собой толкования на различные книги Ветхого Завета, а также другие иудейские писания, известные как апокрифы и псевдоэпиграфы. Однако можно и нужно остановиться на некоторых кумранских документах, содержащих материалы особой важности, в особенности на двух из них, которые являются не только наиболее содержательными, но и наиболее противоречивыми.

Медный свиток

Медный свиток, найденный в кумранской пещере 3, в сухой и лаконичной манере описи имущества перечисляет тридцать шесть тайников, где были спрятаны золото, серебро и бесценные религиозные сосуды. Многие из этих мест находились в самом Иерусалиме, а некоторые располагались возле Храма или под ним. Другие находились далеко от города, в частности в Кумране. Если цифры, указанные в Медном свитке, соответствуют действительности, то получается, что общий вес серебра, хранившегося в различных тайниках, достигал шестидесяти пяти тонн, а золота — двадцати шести тонн, что в современных ценах составляет около 30 млн. фунтов стерлингов. Эта сумма выглядит не слишком внушительной (к примеру, один только затонувший испанский галеон, перевозивший золото, имел на борту сокровищ на куда большую сумму), но многие и многие люди не отказались бы и от нее; к тому же религиозная, историческая и символическая ценность этих сокровищ выходит далеко за рамки их номинальной стоимости. И хотя это не подчеркивалось, когда содержание свитков было впервые предано огласке, тем не менее текст ясно показывает, что сокровища эти происходили из Иерусалимского Храма, откуда они были тайно вывезены и спрятаны в тайном месте, по всей видимости — для спасения их от римлян, вторгшихся в Иудею. Отсюда вполне естественно заключить, что Медный свиток датируется временем вторжения римлян в Иудею в 68 г. н. э. Как мы уже говорили, некоторые члены международной группы, такие, как профессор Кросс или бывший отец Милик, утверждали, что сокровища эти — чистой воды фикция. Однако большинство независимых ученых в наши дни полагают, что сокровища действительно существовали. Как бы там ни было, сокровища эти, по-видимому, уже невозможно найти. Ориентиры, места и приметы, обозначенные локальными названиями, давно не существуют, а общий характер и рельеф местности после двух тысячелетий непрерывных войн и конфликтов более не поддаются идентификации.

Но в 1988 г. к северу от пещеры, где был найден Медный свиток, было сделано неожиданное открытие. Там, в другой пещере, на глубине трех футов ниже современного уровня, был откопан небольшой кувшин, датируемый эпохой Ирода и его непосредственных преемников. Было сразу видно, что кувшин считался объектом громадной ценности: он был запечатан с особой тщательностью и обернут в защитный материал из пальмовых волокон. Оказалось, что в нем хранится густое красноватое масло, которое, согласно результатам химического анализа, не имеет аналогов среди известных ныне типов масла. Считается, что это — бальзамовое масло, драгоценное вещество, производившееся неподалеку отсюда, в Иерихоне, и традиционно использовавшееся для помазания на царство законных израильских царей. Однако с полной уверенностью об этом судить трудно, поскольку бальзамовое дерево было полностью уничтожено более пятнадцати веков тому назад.

Если это масло действительно представляет собой бальзамовое масло, оно может быть частью сокровищ, упоминаемых в Медном свитке. Как бы там ни было, это было слишком дорогое вещество, чтобы им могла пользоваться община аскетов, жившая в пустыне в полной изоляции от внешнего мира. Как мы уже говорили, одна из наиболее важных особенностей Медного свитка — свидетельство о том, что Кумранская община вовсе не была оторвана от остальной Иудеи. Напротив, она является убедительным доказательством связей между Кумранской общиной и различными фракциями, существовавшими вокруг Иерусалимского Храма.

Устав общины

Свиток Устав общины, найденный в пещере 1 в Кумране, как мы знаем, подробно описывает ритуалы и правила, регулировавшие все стороны жизни пустынной общины. В ней установлена иерархия администраторов общины. Там же приводятся предписания для «Учителя» общины и различных служителей, подчиненных ему. Кроме того, в этом тексте сформулированы также основные принципы поведения и виды наказаний за нарушение этих принципов. Так, например, «На того, кто преднамеренно солгал, налагается епитимья на шесть месяцев»[64]. Открывается же этот текст изложением тех основ, на которых была создана и существовала община. Все ее члены должны были вступить в «Завет с Богом и поклясться соблюдать все его заповеди», и всякий, кто проявит такое послушание, получит «очищение от грехов своих». При этом решающее значение имело соблюдение Моисеева закона. Среди различных терминов, использовавшихся для характеристики члена общины, можно найти и «хранителей Завета», и тех, которые были «ревнителями Закона»[65].

В числе ритуалов, указанных в Уставе, — обряд омовения и очищения посредством погружения в воду (прообраз крещения), совершавшийся над адептом не один раз, а, по всей видимости, каждый день. Есть предписания и относительно совершения ежедневных молитв: их полагалось совершать на восходе и на закате, и в их состав входило чтение фрагментов из Моисеева закона. Упоминается в Уставе и прошедшая ритуальное очищение «Трапеза общины» — ритуал вкушения пищи, весьма и весьма напоминающий, как показывают другие свитки, «Тайную вечерю» в так называемой «ранней церкви».

В Уставе общины есть упоминание и о «Совете», состоявшем из двенадцати членов и, возможно, еще трех священников. Мы уже рассматривали вопрос об интереснейших перекличках образа «краеугольного камня» в связи с определением функций Совета общины. Однако свиток Устава общины постулирует также, что Совет «должен охранять веру в стране с твердостью и кротостью и должен требовать искупления греха, руководствуясь справедливостью и состраданием к скорбям страждущих».

В своем стремлении во что бы то ни стало дистанцировать Кумранскую общину от проповеди Иисуса и его учеников ученые — сторонники консенсуса, сложившегося в международной группе, заявляют, будто концепция искупления не фигурирует в учении Кумранской общины и что Иисус как раз и отличается от кумранского «Праведного Учителя» в первую очередь Своей проповедью искупления. Между тем Устав общины как раз и показывает, что понятие об искуплении присутствовало в практике Кумранской

[64] Устав общины, VII, 3. В переводе Вермеса сказано: «Если кто заведомо солгал». Этих слов в еврейском оригинале нет; там говорится следующее: «Если он непреднамеренно сказал».

[65] Там же, IX, 2 3. Вермес перевел это место как «ревнители Заповеди», что затемняет смысл этой важнейшей фразы.

общины в такой же мере, как и в учении Иисуса и его последователей из так называемой «ранней церкви».

Наконец, в Уставе общины фигурирует понятие Мессии или даже Мессий — во множественном числе. Члены общины, которые «ходят путями совершенства, как заповедано Богом», обязаны проявлять усердие к Закону «до тех пор, пока не придут пророк и Мессии Аарона и Израиля». Это место обычно интерпретируется как намек на приход двух разных Мессий, двух равно почитаемых личностей, одна из которых должна происходить по прямой линии от Аарона, а другая должна вести свою родословную от Израиля, т. е. по прямому преемству от царей Давида и Соломона. Однако это место можно понимать и в том смысле, что здесь имеется в виду династия единого Мессии, который будет потомком обеих линии и воссоединит в своем лице обе эти родословные. В контексте того времени термин «Мессия» означал вовсе не то, чем он стал в позднейшей христианской традиции. Это слово означало «Помазанник», то есть тот, над кем был совершен обряд помазания елеем. Видимо, в древнеизраильской традиции обряду помазания елеем подвергались — и, следовательно, становились Мессиями — не только цари, но и первосвященники.

Свиток Войны

Экземпляры Свитка Войны были найдены в Кумране в пещерах 1 и 4. С одной стороны, это весьма специфическое руководство по стратегии и тактике боевых действий, явно предназначенное для вполне конкретных событий, происходивших в определенном месте в определенное время. Так, например, в нем сказано: «Семь отрядов всадников должны расположиться справа и слева от боевого строя; их отряды должны находиться на этой стороне...» С другой стороны, этот текст представляет собой сборник призывов и профетических воззваний, цель которых — поднять моральный дух воинов перед сражением с вторгшимся врагом — «киттим», то есть римлянами. Верховный предводитель войск Израиля, выступивших против «киттим», носил весьма выразительный титул — Мессия, хотя некоторые комментаторы стремились завуалировать или прикрыть этот громкий титул, называя его «Твое помазанное [величество]»[66]. Любопытно, что пришествие Мессии пророчески предсказано еще в Книге Чисел, где сказано: «Вижу Его, но ныне еще нет; зрю Его, но не близко. Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля, и разит князей Моава и сокрушает всех сынов Сифовых» (Числ. 24, 17). Таким образом, «звезда» считалась атрибутом «Мессии», законного вождя-царя, который должен привести войска Израиля к триумфальной победе. Как подчеркивал Роберт Эйзенман, это пророчество, устанавливающее прямую связь между фигурой Мессии и образом звезды и весьма распространенное в кумранской литературе, имеет особую важность. Столь же важно и показательно, что это пророчество цитируется в источниках, явно независимых ни от кумранских текстов, ни от Нового Завета — в трудах римских историков и хронистов I в. н. э., — таких, как Иосиф Флавий, Тацит и Светоний. А Шимон, или, правильнее, Симон бар Кохба, предводитель второго восстания против римского владычества в Иудее, вспыхнувшего в 132—135 гг., называл себя «сыном Звезды».

Свиток Войны привносит метафизическое и богословское измерение в битву против «киттим», изображая эту борьбу как войну «сынов света» с «сынами тьмы». И, что особенно важно, свиток содержит исключительно весомый ключ к своей собственной датировке и хронологии. Говоря о «киттим», текст вполне конкретно упоминает об их «царе». Таким

---

[66] Там же, XI, 7. Вермес переводит слово «Мессия» как «Твое помазанное [величество]», что существенно затемняет и искажает смысл данного отрывка. См. также: Eisenman «Образ эсхатологического «дождя» в кумранском Свитке Войны и в послании апостола Иакова», p. 180-182.

образом, «киттим» не могли быть солдатами республиканского Рима, вторгшимися в Палестину в 63 г. до н. э., во главе которых просто не было монарха. Напротив, они могли быть только воинами императорского Рима, занявшими Палестину в ходе подавления восстания 66 г. н. э., хотя, если говорить совсем точно, оккупационные войска стояли в Палестине еще с 6 г. н. э. — времени установления власти префектов и прокураторов. Таким образом, совершенно ясно, что Свиток Войны следует рассматривать не в контексте предхристианской эпохи, а в контексте I в. н. э. Как мы знаем, эти внутренние свидетельства хронологии, которые, кстати сказать, пресловутый «консенсус» упорно игнорирует, более подробно развиты в другом, едва ли не самом важном кумранском тексте — свитке Толкования на Аввакума.

Храмовый свиток

Храмовый свиток, как считается, был найден в Кумране в пещере 11, хотя это не было доказано с полной определенностью. Свиток этот, как показывает его название, посвящен — по крайней мере, частично — Иерусалимскому Храму, описывая его архитектурное решение, особенности строительства, крепления сводов и т. п. Кроме того, в свитке описаны подробности некоторых ритуалов, совершавшихся в Храме. В то же время название свитка, связывающее его с Храмом и данное ему Йигаэлем Йадином, представляется нам ошибочным.

По сути, Храмовый свиток — это нечто вроде Торы, или Книги Закона, своего рода альтернативная Тора, которой пользовались и сами обитатели Кумранской общины, и представители других сект в Палестине. «Официальная» Тора иудаизма включает в себя пять первых книг Ветхого Завета — Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие. Считается, что это — те самые книги Завета, которые Моисей получил на горе Синай, и потому их авторство по традиции приписывается пророку Моисею. Что касается Храмового свитка, то он в известном смысле представлял собой шестую книгу Закона.

Установления, которые содержит свиток, не ограничиваются ритуалами поклонения и богослужения, совершавшимися в Храме. Здесь представлены и установления, касающиеся более общих вопросов — таких, как ритуальные очищения, брак и сексуальные отношения. Но самым интересным аспектом содержания свитка является то, что в нем приведены установления, регулировавшие учреждение института царей в Израиле: характер деятельности царя, его полномочия и обязательства. Так, например, существовал строгий запрет на то, чтобы царем мог стать чужеземец. Ему запрещалось иметь более одной жены. Как и всем прочим иудеям, ему запрещалось вступать в брак со своей сестрой[67], теткой, женой брата[68] или своей племянницей.

Собственно говоря, в большинстве этих запретов нет ничего принципиально нового. Они указаны в 18— 20 главах Книги Левит. Однако один из них — запрет на брак царя со

---

[67] В отличие от египетских фараонов, которые были просто вынуждены жениться на своих сестрах, чтобы стать правителем Египта, ибо, хотя родословная в Древнем Египте велась по мужской линии, наследником материальной составляющей власти (то есть собственно царства) считалась именно царевна, и, чтобы занять престол отца, царевич должен был заключить брак с сестрой *(прим. перев.)*.

[68] Вступать в брак — да, однако по закону левирата после смерти своего брата, оставшегося бездетным, следующий брат должен был войти к его вдове и «восстановить семя брата своего», то есть зачать с ней ребенка, который впоследствии считался сыном давно умершего «отца» и имел законное право наследовать его имущество *(прим. перев.)*.

своей племянницей — был совершенно новым. Помимо этого свитка, он встречается еще лишь в одном месте, не принадлежащем к свиткам Мертвого моря, — Дамасском документе. Как подчеркивал Эйзенман, этот аспект является ценным ключом к датировке как Храмового свитка, так и Дамасского документа, а также, вероятно, и других свитков Мертвого моря. Как мы уже отмечали, пресловутый консенсус международной группы считает свитки Мертвого моря материалами, относящимися к предхристианской эпохе, то есть времени правления израильских царей из династии Маккавеев. Однако нет никаких свидетельств того, чтобы цари из династии Маккавеев или какой-либо израильский царь до них вступали в брак со своими племянницами и заслуживали упрека за это. Подобный вопрос представляется весьма неактуальным и малосущественным. Либо брак с племянницей был общепринятой практикой, либо подобных случаев не было вообще, на него не был наложен запрет.

Однако ситуация драматическим образом изменилась, когда трон Иудеи перешел к Ироду Великому и его потомкам. Во-первых, трон Иудеи занял Ирод, бывший, по иудейским представлениям, чужеземцем, идумеяни-ном, ибо он происходил из аравийского племени, жившего в Идумее — области, расположенной к югу от Иудеи. Во-вторых, цари из династии Ирода ввели в обычай регулярную практику брака со своими племянницами. А царевны из дома Ирода столь же регулярно выходили замуж за своих дядей. Так, например, Берниса, сестра царя Агриппы II (48—53 гг. н. э.) вышла замуж за собственного дядю. Иродиада, сестра Агриппы I (37— 44 гг. н. э.) пошла еще дальше, выйдя замуж поочередно за двух своих дядей. Таким образом, запреты, упомянутые в Храмовом свитке, имели самое что ни на есть актуальное значение для той эпохи, представляя собой прямую критику практики династии потомков Ирода — династии чужеземных марионеточных царей, навязанных Израилю[69] силой и опиравшихся только на копья легионов императорского Рима.

Итак, подводя итог сказанному, надо признать, что свидетельства Храмового свитка противоречат мнению консенсуса международной группы по трем основным позициям:

1. Согласно мнению консенсуса, Кумранская община не имела никаких связей ни с Иерусалимским Храмом, ни с «официальным» иудаизмом той эпохи. Как и Медный свиток, Храмовый свиток со всей определенностью показывает, что Кумранская община поддерживала тесные связи с первосвященниками Храма и правящей теократией.

2. Согласно тому же консенсусу, предполагаемые кумранские «ессеи» были настроены очень дружелюбно по отношению к Ироду. Однако Храмовый свиток содержит несколько весьма специфических критических выпадов против Ирода и его династии[70]. В любой другой ситуации подобные выпады были бы бессмысленны.

3. По мнению консенсуса, сам Храмовый свиток, как и все прочие кумранские тексты, следует датировать предхристианской эпохой. Однако содержание самих свитков указывает на целый ряд обстоятельств, которые могли иметь место только в эпоху правления династии Ирода, то есть в I в. н. э.

---

[69] Точнее, не Израилю, а Иудее, ибо некогда единое Израильское царство при потомках царя Соломона разделилось, и от него отделилась Иудея, столицей которой был Иерусалим. Впоследствии Изральское царство пало под ударами иноземцев и прекратило свое существование, а его преемником осталось Иудейское царство, которое затем также было захвачено Римом *(прим. перев.).*

[70] Там же, подчеркивая аллюзию на женитьбы на племянницах, имевшие место среди правителей династии Ирода.

Дамасский документ[71]

Дамасский документ был известен в научном мире задолго до открытия в Кумране свитков Мертвого моря. Но из-за отсутствия сведений об историческом контексте, ученые не знали, как его интерпретировать. Однако в конце прошлого, XIX в. на чердаке одной старинной синагоги в Каире была обнаружена так называемая *гениза* — хранилище обветшалых списков религиозных текстов, самые ранние из которых датировались IX в. н. э. В 1896 г. несколько фрагментов из этой *генизы* попали в руки Соломона Шехтера, лектора Кембриджского университета, который тогда случайно был в Каире. Оказалось, что один из фрагментов содержит первоначальный древнееврейский оригинал текста, который на протяжении нескольких тысячелетий был известен только во вторичных переводах. Эта находка побудила Шехтера продолжить поиски. В декабре 1896 г. он получил в свое распоряжение все содержимое *генизы* — ни много ни мало 164 ящика с рукописями, в которых хранилось более 100 тыс. фрагментов, — и доставил это сокровище в Кембридж. В этом море материалов и были обнаружены два древнееврейских списка текста, получившего впоследствии название Дамасский документ. Варианты, найденные в *генизе* каирской синагоги, явно представляли собой позднейшие списки куда более древних текстов. Тексты были неполными; в них отсутствовали и конец и, по всей видимости, большие фрагменты в середине свитков. В довершение всего фрагменты были перепутаны, и их порядок оказался нарушен. Но даже в таком виде Дамасский свиток воспринимался как крайне провокативный и даже потенциально взрывоопасный материал. Впервые Шехтер опубликовал его фрагменты в 1910г. В 1913 г. Р. Чарльз опубликовал репринтное воспроизведение этого документа в составе своего компилятивного свода «Апокрифы и псевдоэпиграфы Ветхого Завета».

Когда Эйзенману удалось получить и распространить через «Biblical Archaeology Review» компьютерную распечатку, содержавшую опись всех кумранских материалов, находившихся в руках международной группы, в ней были указаны дополнительные варианты и/или фрагменты Дамасского документа. Будучи кумранскими материалами, они, естественно, оказались куда более древними, чем списки из *генизы* каирской синагоги, и, по всей вероятности, куда более полными. Именно кумранские параллели и фрагменты Дамасского документа имели в виду Эйзенман и Филип Дэвис из Шеффилдского университета, когда обращались к Джону Страгнеллу с запросом о предоставлении им доступа к свиткам, получив в итоге в 1989 г. крайне огорчивший их отказ. Почему же этот документ стал, образно говоря, яблоком раздора?

Дело в том, что Дамасский документ повествует о судьбе остатков еврейского народа, который, в отличие от своих единоверцев, сохранил верность Закону. Среди них находился и уже знакомый нам Праведный Учитель. Он, как и Моисей, увел их в пустыню, в место, именовавшееся Дамаск, где они и заключили обновленный «Завет» с Богом. Многочисленные текстуальные отсылки со всей ясностью показывают, что это — тот же самый Завет, который уже упоминался в тексте Устава общины в Кумране. При этом очевидно — никто из ученых не пытается это оспаривать, — что в Дамасском документе говорится о той же общине, что и в кумранских свитках.

Однако в документе сказано, что местонахождением общины был «Дамаск».

---

[71] Другое название этого текста — Садокитский трактат *(прим. перев.)*.

Из контекста документа со всей очевидностью следует, что место в пустыне, названное «Дамаском», никак не могло быть сирийским Дамаском — крупным городом, испытавшим сильное римское влияние. Не мог ли «Дамаск», упоминаемый в документе, быть на самом деле Кумраном? Остается не вполне ясным, для чего потребовалось маскироваться подобным образом? Однако опасения перед врагами, желание избежать последствий восстания 66 г. н. э. — все это достаточно веские основания, чтобы не упоминать Кумран под его настоящим названием. В любом случае вряд ли можно считать простым совпадением то, что, судя по той же компьютерной распечатке, в кумранских пещерах найдено в общей сложности не менее десяти экземпляров и фрагментов Дамасского документа[72].

Дамасский документ, как и Устав общины, включает в себя целый ряд нормативных актов и установлений. Некоторые из них практически идентичны установлениям Устава общины. Однако в нем есть и ряд дополнительных положений, на двух из которых стоит остановиться. Один из них касается брака и детей, что является неопровержимым свидетельством того, что члены Кумранской общины вовсе не были «ессеями» — хранителями целибата, как то утверждал отец де Во. Второй же — прямо и открыто, словно речь идет об общеизвестном деле, — говорит о других братских общинах, рассеянных по всей Палестине. Другими словами, Кумран вовсе не был изолированной от внешнего мира общиной, как полагал тот же отец де Во.

С особой суровостью Дамасский документ выступает против трех видов преступлений, распространенных, в частности, среди врагов «Праведного», тех, кто предпочли принять «Новый Завет». Этими преступлениями считались обладание богатством, осквернение Храма (преступление, упоминаемое и в Храмовом свитке), а также весьма ограниченное определение прелюбодеяний — наличие более одной жены или брак с племянницей. Как показал Эйзенман, Дамасский документ здесь перекликается с Храмовым свитком, ссылаясь на беззаконие особого рода, распространенное в эпоху правления династии Ирода. Кроме того, он отражает споры в общине, которые с большей определенностью упоминаются в других свитках Мертвого моря, в частности — Толковании на Аввакума. В этом споре участвовал персонаж, названный «лжецом», который уклонился от учения общины и сделался ее врагом. Дамасский документ предает проклятию тех, «кто вступает в Новый Завет на земле Дамаска и вновь предает и нарушает его». А вскоре после этого документ говорит о тех, которые «бежали к лжецу».

Дамасский документ перекликается также с Уставом общины и Свитком Войны, поскольку в нем также говорится о личности Мессии (или, возможно, сразу двух Мессиях), которые должны прийти в «Дамаск». Одним из них будет пророк или «Толкователь Закона», условно называемый «Звезда», а другой — потомок царей из дома Давида, именуемый «Скипетр». Далее в пяти местах текста сделан акцент на единой фигуре, «Мессии Аарона и Израиля».

Значение этой фигуры Мессии будет рассмотрено ниже. А здесь необходимо сказать несколько слов об использовании слова «Дамаск» в качестве названия Кумрана. Для большинства христиан название «Дамаск» сразу же ассоциируется с тем местом из 9 главы Книги Деяний святых апостолов, где оно употреблено в отношении крупного города в Сирии, нынешней столицы Сирийской Арабской Республики. Именно на дороге в Дамаск Савл Тарсянин, как повествует одно из самых волнующих мест в Новом Завете, пережил обращение и стал апостолом Павлом.

---

[72] Отдельные фрагменты восьми списков Дамасского документа были найдены в пещере 4, фрагменты других экземпляров — в пещере 5, а фрагменты еще одного — в пещере 6.

Согласно 9 главе книги Деяний, Савл был своего рода инквизитором и гонителем, которому первосвященник Иерусалимского Храма поручил преследовать общину евреев-еретиков — тех самых «первых христиан», — обосновавшуюся в Дамаске. Священники Иерусалимского Храма были коллаборационистами, сотрудничавшими с оккупантами-римлянами, и Савл выполнял роль одного из их агентов. В Иерусалиме он, по слухам, уже принимал активное участие в гонениях против «ранней церкви». Действительно, если верить Книге Деяний, он был лично причастен к преследованиям, которые повлекли за собой побитие камнями и мученическую смерть исповедника архидиакона Стефана, которого последующее христанское предание провозгласило первым мучеником, пострадавшим за Христа. Впоследствии Павел и сам признавал, что его гонения обрекли его жертву на смерть.

Движимый фанатичным усердием гонителя, Савл поспешил в Дамаск, чтобы выследить членов «ранней церкви», обосновавшихся там. Его сопровождала группа единомышленников, по всей видимости — вооруженных. Кроме того, Савл имел при себе ордера на арест, выданные первосвященником Иерусалимского Храма.

В те времена Сирия не была частью Израиля, а являлась отдельной римской провинцией, котороя управлялась римским легатом и не имела ни административных, ни политических связей с Палестиной. Но в таком случае какую силу могли иметь там приказы, подписанные иерусалимским первосвященником? Римская империя вряд ли санкционировала бы действия самочинных «карательных отрядов», переходивших из одной провинции в другую, проводя аресты, устраивая смертные казни и всячески угрожая гражданскому миру и порядку. Согласно официальной политике римских властей, терпимой считалась любая религия, при условии, что она не представляла угрозы для властей и сложившегося общественного строя. Несомненно, «карательный отряд» из Иерусалима, осмелившийся действовать в Сирии, сразу же встретил бы жесткие ответные меры со стороны римской администрации, — меры, предотвратить которые не посмел бы никакой первосвященник, собственное положение которого зависело от благосклонности римских властей. Но в таком случае каким же образом мог Савл Тарсянин, да еще в сопровождении воинов первосвященника, осуществить свою карательную экспедицию в Дамаск — разумеется, если под Дамаском понимать столицу провинции Сирия?

Если же под «Дамаском» имелся в виду Кумран, то экспедиция Павла неожиданно приобретает вполне реальный исторический смысл. В отличие от сирийского Дамаска, Кумран *действительно* расположен на территории, на которую распространялась законная юрисдикция иерусалимского первосвященника. Сюда иерусалимский первосвященник имел полное право посылать отряд «карателей», чтобы изгнать еврейских еретиков из Кумрана, находившегося всего в двадцати милях от столицы, неподалеку от Иерихона. Подобная акция вполне отвечала духу политики римлян, которые стремились не вмешиваться во внутренние раздоры жителей покоренных стран. Другими словами, евреи имели полное право преследовать других евреев-инакомыслящих в пределах своих исконных территорий, до тех пор пока такие акции не затрагивали полномочий римской администрации. А поскольку иерусалимский первосвященник был всего лишь марионеткой в руках римлян, римляне могли лишь приветствовать его усилия расправиться со своими взбунтовавшимися единоверцами.

Хотя это объяснение и выглядит исторически вполне убедительным, оно поднимает целый ряд спорных вопросов. По мнению международной группы, Кумранская община состояла из иудейских сектантов — так называемых ессеев, представителей аскетической секты пацифистского толка, которые не имели никаких контактов ни с ранним христианством, ни с «основным руслом» развития иудаизма той эпохи. И тем не менее Савл, по свидетельству Книги Деяний, отправился в Дамаск, чтобы продолжить гонения против членов «ранней церкви». И здесь возникает дилемма, одинаково провокационная и для

христианского предания, и для консенсуса международной группы, которая упорно уклонялась от взгляда на вопрос в целом. Либо члены «ранней церкви» нашли приют в Кумранской общине, либо «ранняя церковь» и Кумранская община представляли собой одно и то же. В любом случае Дамасский документ показывает, что тексты свитков Мертвого моря невозможно изолировать от истоков возникновения христианства.

Толкование на Аввакума

Из всего корпуса текстов, известных как свитки Мертвого моря, свиток Хабаккук Пешер, или Толкование на Аввакума, найденный в пещере 1, пожалуй, ближе всего подходит под определение хроники общины или, во всяком случае, свода некоторых важнейших событий в ее истории. В частности, он упоминает о том же споре в общине, о котором говорится в Дамасском документе. Этот спор, явившийся причиной наметившегося раскола, по всей вероятности, стал весьма прискорбным событием в жизни Кумранской общины. Он упоминается не только в Дамасском документе и Толковании на Аввакума, но и в четырех других кумранских текстах; кроме того, косвенные ссылки на него присутствуют в четырех других текстах[73].

Толкование на Аввакума, как и Дамасский документ, рассказывает о том, как некоторые члены общины, побуждаемые к тому загадочной фигурой, именуемой «лжец», нарушили Новый Завет и перестали хранить верность Закону. Это и легло в основу конфликта между ними и главой общины, так называемым «Праведным Учителем». Есть в текстах и упоминание о «недостойном священнике». Сторонники точки зрения консенсуса были склонны усматривать в «лжеце» и «недостойном священнике» два разных прозвища одной и той же личности. Однако не так давно Эйзенман убедительно доказал, что «лжец» и «недостойный священник» — это два совершенно разных персонажа, никак не связанных между собой. Сн ясно показал, что «лжец», в отличие от «недостойного священника», был выходцем *из самой* Кумранской общины. Будучи принят в общину и став ее членом, находившимся на более или менее хорошем счету, он впоследствии изменил ей. Таким образом, этот человек был не только врагом общины, но и предателем. Напротив, «недостойный священник» — это явный чужак, представитель высшего священства, заправлявшего всеми делами в Храме. И хотя он тоже враг, он, по крайней мере, не предатель. Что делает его особенно важным для нас — так это ключ, который он предлагает для датировки событий, упоминаемых в Толковании на Аввакума. Если «недостойный священник» являлся членом административных органов Храма, это означает, что Храм еще стоял и его структуры работали. Другими словами, действия «недостойного священника» *предшествовали* захвату и разрушению Храма римскими войсками.

Здесь, как и в Свитке Войны, но только явно, приведены свидетельства того, что этими войсками могли быть легионы именно императорского, а никак не республиканского Рима, то есть Рима I в. н. э. Так, в Толковании на Аввакума есть ссылка на специфическую практику римской армии: одержав победу, римские воины совершали жертвоприношения перед своими штандартами. Иосиф Флавий приводит письменное свидетельство существования подобной практики во времена падения Храма — в 70 г. н. э. Любопытно, что в эпоху республики подобная практика не имела никакого смысла, ибо тогда победоносные войска совершали жертвоприношения своим богам. И лишь после установления империи, когда император в силу своего титула имел статус божества и считался верховным богом для своих подданных, на штандартах римских отрядов появились его монограммы или

---

[73] Помимо документов, о которых мы уже говорили, упоминание о «лжеце» или о тех, кто отвергает предписания Закона, можно встретить в Толковании на 37 псалом и некоторых других кумранских текстах.

изображения. Таким образом, Толкование на Аввакума, как и Свиток Войны, Храмовый свиток и Дамасский документ со всей определенностью указывают на эпоху династии Ирода.

10. Наука на службе веры

В соответствии с консенсусом международной группы, исторические свидетельства, нашедшие отражение *во всех* основных свитках Мертвого моря, относятся к эпохе Маккавеев — с середины II в. до н. э. по середину I в. до н. э. «Недостойного священника», который преследовал, гнал и, возможно, даже предал смерти «Праведного Учителя», обычно принято отождествлять с Ионафаном Маккавеем или, не исключено, его сыном Симоном, ибо они оба занимали в ту эпоху достаточно видное положение. Что же касается вторжения римской армии, то это якобы была высадка римлян в Палестине, имевшая место в 63 г. до н. э. под предводительством Помпея[74]. Таким образом, исторический фон создания свитков преспокойно отодвигают в прошлое, на целый век назад, в дохристианскую эпоху, в которую всякие разговоры о их связи с учением и преданием Нового Завета становятся совершенно беспочвенными.

Однако, несмотря на то что *некоторые* из свитков Мертвого моря действительно относятся к дохристианской эпохе, было бы величайшей ошибкой (а для некоторых — сознательной попыткой затемнить ситуацию) полагать, что к той же эпохе относятся *все* свитки. Помпеи, вторгшийся со своими легионами в Палестину в 63 г. до н. э., как известно, был современником Цезаря. Рим по-прежнему оставался республиканским государством, став империей лишь в 27 г. до н. э. при сыне[75] Цезаря, Октавиане, который принял императорский титул Августа. Если вторжение римлян, упоминаемое в свитках, действительно было высадкой войск Помпея, речь могла бы идти об армии республиканского Рима. Однако в Свитке Войны говорится о «царе» или «монархе» интервентов. А в Толковании на Аввакума об этом сказано еще более определенно: там говорится, что захватчики, одержав победу, приносили жертвы перед своими штандартами. Таким образом, совершенно ясно, что интересующее нас вторжение могло произойти только в период империи, то есть это было вторжение римлян, спровоцированное восстанием в Палестине в 66 г. н. э.

Профессор Годфри Драйвер из Оксфордского университета отыскал в свитках целый ряд текстуальных ссылок, позволяющих уточнить их датировку. В частности, сосредоточив

---

[74] П о м п е й, Гней — римский военачальник, политический деятель, консул. Одно время входил вместе с Цезарем и Крассом в состав так называемого триумвирата, но затем, когда отношения между триумвирами обострились, выступил против Цезаря и одно время был близок к победе над соперниками, но был предательски убит. Отрубленную голову Помпея поднесли на блюде Цезарю. Взглянув на нее, Цезарь отвернулся *(прим. перев.).*

[75] Авторы не совсем правы. Октавиан, или, точнее, Октавий, приходился Цезарю не сыном, а внучатым племянником. Цезарь усыновил его, а по римским законам усыновленный носит полное имя патрона. И имя Октавия стало звучать так: Гай Юлий Цезарь Октавиан, а став диктатором и пожизненным первым консулом, он прибавил к нему имя-титул Август (букв. «Возвеличенный богами»), под которым и вошел в историю. Но формально Август никогда не носил титула императора и, более того, полагал, что является всего лишь первым гражданином республики. Первым же номинальным императором Рима стал Тиверий. Любопытно, что именно с Цезаря и Августа, имена которых со временем стали нарицательными, превратившись в титулы, в Римской, а затем и в Византийской империи стожилась традиция двоевластия, когда старший и стареющий правитель (цезарь, кесарь; ***нем.*** — Kaiser; ***русск.*** — царь) передавал часть своих полномочий младшему соправителю (августу) *(прим. перев.).*

внимание на изучении Толкования на Аввакума, Драйвер пришел к выводу, что интервентами, упоминаемыми в тексте, могли быть только «римские легионы, прибывшие во время восстания 66 г. н. э.» Однако его утверждение сразу же вызвало резкие нападки со стороны отца де Во, который упорно придерживался мнения, что «историческим фоном событий, упоминаемых в свитках, является война против Рима». И никакой новой версии де Во принять не мог. В то же время не мог он и опровергать столь неоспоримые свидетельства. Поэтому он не стал отвергать общие выводы и обрушился с нападками на главный тезис Драйвера: «Драйвер исходит из утверждения, будто свитки относятся к периоду после Рождества Христова и что эта идея основана на сомнительных аргументах орфографии, языка и лексики». Таким образом, утверждал де Во, «это дело профессора истории — решать, находит ли реальное подтверждение в текстах сшитая из лоскутков версия истории Драйвера?». В этой связи любопытно, что де Во, сам преподававший библейскую историю в Библейской школе, вдруг счел себя вынужденным (по крайней мере — в ответе профессору Драйверу) облачиться в рубище ложного смирения и не сознаться, что он сам является историком, предпочтя ретироваться и укрыться за бастионами археологии и палеографии. Действительно, археологические данные подтверждают хронологические выкладки, основанные на содержании самих свитков. Таким образом, внешние аспекты вступают в противоречие с внутренними — свидетельствами, которые консенсус попросту предал забвению. Временами это приводит к весьма серьезным *faux pas*[76].

Не надо забывать, что де Во присутствовал на первоначальных раскопках в Кумране в 1951 г. Его находки были вполне достаточными для того, чтобы развернуть здесь более крупномасштабные работы. Однако за этим последовала общая апатия, и широкомасштабные раскопки в Кумране не проводились вплоть до 1953 г. После этого раскопки там организовывались ежегодно вплоть до 1956 г., а в 1958 г. были начаты археологические раскопки в Эйн-Фешка, на расстоянии около мили к югу от Кумрана. Горя желанием оградить Кумранскую общину от каких бы то ни было контактов с ранним христианством, отец де Во поспешил опубликовать свои выводы о датировке кумранских находок. Но еще в 1954 г. иезуит, профессор Роберт Норт выделил не менее четырех случаев, когда де Во был вынужден отказаться от предложенной им же датировки. Норт также признал весьма странным тот факт, что люди из международной группы так и не удосужились поинтересоваться мнением кого-либо из специалистов, «независимых от влияния де Во». Но не в стиле де Во приглашать людей, мнения которых расходятся с его собственным и способны пролить весьма противоречивый свет на рассматриваемый материал. Точно также не горел он желанием и выяснить причины своих ошибок. И хотя де Во был скор на публикацию выводов и материалов, подтверждающих его версию, он явно медлил с обнародованием взглядов, которые на поверку оказывались ошибочными.

Весьма важным фактором для де Во был толстый слой пепла, покрывавший обширные пространства вокруг руин. Сложилось мнение, что этот слой пепла был вызван грандиозным пожаром, повлекшим за собой значительные разрушения. Действительно, пожар этот привел к тому, что Кумран на какое-то время был полностью или по меньшей мере частично покинут его обитателями. Изучение монет, найденных на месте пожарища, показало, что пожар этот случился примерно в начале правления Ирода Великого, занимавшего трон Иудейского царства с 37 г. до н. э. по 4 г. до н. э. Некоторые данные свидетельствуют о том, что возрождение Кумрана имело место в правление сына Ирода, Архелая, который правил (не в качестве царя, а на правах этнарха) с 4 г. до н. э. по 6 г. н. э.

Согласно гипотезе де Во, обитатели Кумранской общины в подавляющем большинстве своем состояли из кротких, миролюбивых и склонных к аскетизму «ессеев», находившихся с

---

[76] Faux pas *(франц.)* — ложный шаг *(прим. перев.)*.

добрых отношениях с Иродом и со всеми прочими властями. Если это действительно было так, то пожар, разрушивший общину, явился не результатом злонамеренных действий человека, например, во время войны, а следствием несчастного случая или природной катастрофы. К счастью для де Во, в цистерне возле общины была обнаружена большая трещина. И хотя независимые исследователи не нашли свидетельств того, что эта трещина простирается дальше, де Во объявил, будто она тянется через все развалины, по всем руинам Кумранской общины[77]. А если она и проходит через них, решили некоторые эксперты, она может быть вызвана только эрозией. Однако для де Во трещина как таковая является свидетельством многих землетрясений, которые происходили в этом регионе на протяжении долгих веков. И вместо того, чтобы попытаться выяснить истинную причину возникновения трещины, де Во сразу же ухватился за гипотезу возможного землетрясения. И оказалось, что такое землетрясение действительно имело место и было зафиксировано в хрониках. Так, Иосиф Флавий упоминает об одном землетрясении, которое произошло в начале правления Ирода Великого, ок. 31 г. до н. э. Таким образом, пишет де Во, это землетрясение и вызвало пожар, вынудивший обитателей общины покинуть ее. При этом преподобный отец никак не объясняет, почему восстановление общины не проводилось добрую четверть века, после чего она была возрождена очень быстрыми темпами.

Роберт Эйзенман указывает на весьма примечательный характер отсрочки с возрождением общины. Эта отсрочка в точности совпала с временем правления Ирода Великого. Восстановление поселения началось сразу же после кончины Ирода, и работы по большей части сводились к укреплению оборонительных башен, а также устройству крепостного вала. Таким образом, по каким-то причинам, которые де Во предпочитал игнорировать, никто из обитателей общины не дерзал приступать к ее восстановлению, пока Ирод оставался на престоле. Но чем же была вызвана подобная отсрочка, если община, как утверждал де Во, была вполне лояльной по отношению к Ироду, а ее разрушение явилось всего-навсего следствием землетрясения? Нам представляется куда более вероятным, что Кумранская община была разрушена намеренно, по приказу Ирода, и что до его смерти никакое возрождение ее поселения *было абсолютно* невозможным. Но с какой же стати было Ироду отдавать приказ о разрушении столь кроткой и миролюбивой общины, принципиально сторонившейся всякой политической деятельности?

Все эти вопросы де Во либо намеренно, либо по небрежению обходил молчанием. Однако его логика и аргументация, к которой он прибегал для отстаивания своей гипотезы, показалась слишком шаткой даже его ближайшему стороннику, отцу Милику. В 1957 г. Милик, размышляя о пожаре и землетрясении, писал, что:

«...археологические свидетельства этих двух событий, обнаруженные в Кумране, далеко не однозначны... толстые слои пепла, говорящие об очень сильном пожаре, скорее можно объяснить вполне сознательными попытками поджечь весь комплекс; поэтому пепел может свидетельствовать о следах целенаправленного разрушения Кумрана».

Сегодня невозможно с абсолютной достоверностью решить, был ли этот пожар вызван землетрясением или сознательными действиями человека. Ясно одно: свидетельств в пользу

---

[77] Перед войной 1967 г. правительство Иордании поручило одному британскому архитектору, обладавшему опытом восстановления зданий, пострадавших от землетрясений, осуществить реконструкцию кумранских объектов. Архитектор отвечал, что нет никаких фактов в пользу того, что кумранские объекты были разрушены в результате землетрясения, и высказал гипотезу о том, что трещина в цистерне была вызвана тяжестью самой воды в сочетании с просчетами при строительстве и ремонте. См.: Steckoll «Заметки о раскопках в Кумране».

гипотезы де Во куда меньше, чем в поддержку версии Милика и Эйзенмана, чьи мнения в этом вопросе совпадают. Тем не менее многие сторонники консенсуса до сих пор отстаивают версию о землетрясении, и она с точностью метронома вновь и вновь всплывает в их трудах.

Зато в другом случае ошибочная трактовка отца де Во, или, говоря более мягко, стремление выдать желаемое за действительное, оказалась еще более явной. Дело в том, что в самом начале раскопок была найдена сильно окислившаяся монета, на которой де Во, по его словам, «как кажется», удалось опознать инсигнии[78] 10-го римского легиона. Обратившись к труду Иосифа Флавия «Иудейская война» и процитировав выдержку из него, де Во заявил, что 10-й легион захватил Иерихон, расположенный в восьми милях от Кумрана, в июле 68 г. н. э. «Таким образом, никакой манускрипт из кумранских пещер, — утверждал де Во, пытаясь выстроить свой догматический постулат на базе весьма сомнительных данных, — не мог быть создан позднее июня 68 г.».

Впервые о находке этой монеты де Во сообщил в 1954 г. на страницах «Revue biblique». Спустя пять лет, в 1959 г., он повторил эту информацию на страницах того же журнала. Таким образом, «фактическое свидетельство» монеты и основанная на нем датировка автоматически вошли в устоявшийся корпус аргументов, которыми оперируют сторонники консенсуса. Так, например, Фрэнк Кросс мог написать, что монета, на которой отчеканены инсигнии 10-го легиона, представляет собой «мрачное и неоспоримое доказательство».

Однако де Во совершил две принципиальные ошибки. Прежде всего, он каким-то образом умудрился неверно прочесть Иосифа Флавия, приписав ему прямо противоположное тому, что имел в виду историк. Дело в том, что Иосиф никогда и нигде *не утверждает,* что 10-й легион в июне 68 г. н. э. занял Иерихон. Как доказал профессор Сесил Рот, из трех римских легионов, находившихся поблизости в Палестине, только 10-й легион *как раз и не участвовал* во взятии Иерихона. 10-й легион оставался на довольно значительном расстоянии к северу от него, прикрывая вход в долину Иордана. Во-вторых, монета, которую нашел и на которую ссылался де Во, не имела отношения ни к 10-му легиону, ни к какому бы то ни было другому. Несмотря на то что она была повреждена и сильно окислилась, монета эта, как оказалось при тщательном рассмотрении, была отчеканена в Ашкелоне (Аскалоне) в 72 или 73 г. н. э.

Подобную ошибку просто невозможно обойти молчанием. Де Во не оставалось ничего другого, как опубликовать формальное опровержение. И действительно, такое опровержение было помещено в подстрочном примечании в работе де Во «Археология и рукописи Мертвого моря», вышедшей в свет во Франции в 1961 г. Англоязычный перевод этой книги появился в 1973 г. «Это сообщение (об инсигниях 10-го легиона, якобы имевшихся на монете. — *Прим. перев.)* оказалось недостоверным, — лаконично замечает де Во, — поскольку такой монеты не существует»[79].

---

[78] Инсигнии — герб, эмблема, знаки отличия *(прим. перев.).*

[79] De Vaux «Археология и свитки Мертвого моря», p. 32, п. 1; «Археология и свитки Мертвого моря», p. 40, п. 1. Кроме того, необходимо отметить, что отсутствие полного издания отчета де Во о результатах проведенных им раскопок ставит под сомнение его заключения о находках и датировке монет. Израильский эксперт по нумизматике Яков Мешорер прямо заявил Эйзенману, что ни он сам, ни кто-либо из его коллег и в глаза не видели монет, на которые ссылается де Во. См.: Eisenman «Маккавеи, саддукеи, христиане и Кумран», p. 93, п. 173- См. также p. 94, п. 175, где представлено изображение так называемой «монеты 10-го легиона».

Вообще во всем, что касается монет, де Во был склонен вести себя с бессовестной легкостью. Стоило ему обнаружить, что монеты не укладываются в его гипотезу, как он тут же поспешил отмахнуться от них. Так, например, ему попалась монета, уверенно датируемая периодом с 138 по 161 г. н. э. И он поспешил отделаться от нее, заявив, что ее мог просто обронить случайный прохожий. Но тогда вполне естественно предположить, что и наиболее ранняя монета, которой он пытался обосновать свою датировку хронологии Кумранской общины, также могла быть потеряна случайным путником. Однако де Во почему-то даже не рассматривал подобную возможность.

* * *

Среди археологических свидетельств, обнаруженных на раскопках в Кумране, особенно важными для членов международной группы и сторонников консенсуса были древние монеты. Действительно, именно на основе дат на монетах они пытались восстановить историю общины и посредством интерпретации этих нумизматических данных стремились выстроить ее хронологию. Однако до Эйзенмана никто из ученых не пытался поднять вопрос об ошибочности подобной трактовки. Рот и Драйвер, как мы знаем, попытались восстановить хронологию на основе *внутренних* аспектов, то есть содержания самих свитков. Де Во и члены международной группы стремились дискредитировать их точку зрения, опираясь на внешние аргументы, каковыми являются монеты. Однако на предвзятость подобной трактовки не обратили внимания. Лишь Эйзенман заявил, что правы именно Рот и Драйвер, апеллирующие к содержанию рукописей. Но чтобы доказать это, ему пришлось первым делом доказать ошибочность истолкования внешних свидетельств. Для начала он провел периодизацию монет, показав, что в их распределении наблюдались два пика активности чеканки.

В ходе раскопок в Кумране было обнаружено в общей сложности более 450 бронзовых[80] монет. Они охватывают период свыше двух с половиной веков — со 135 г. до н. э. по 136 г. н. э. Ниже приводится перечень, в котором монеты расположены по периодам правления иудейских царей и правителей:

1 монета датируемая 135—104 гг. до н. э.
1 монета датируемая 104 г. до н. э.
143 монеты датируемые 103—76 гг. до н. э.
1 монета датируемая 76—67 гг. до н. э.
5 монет датируемые 67—40 гг. до н. э.
4 монеты датируемые 40—37 гг. до н. э.
10 монет датируемые 37—4 гг. до н. э.
16 монет датируемые 4 г. до н. э. — 6 г. н. э.
91 монета датируемая 6—41 гг. н. э. (период прокураторов)
78 монет датируемые 37—44 гг. н. э. (царствование Агриппы I)
2 римских монеты датируемые 54—68 гг. н. э.
83 монеты датируемые 67 г. н. э. (2-й год восстания)
5 монет датируемые 68 г. н. э. (3-й год восстания) Еще 6 монет периода восстания, слишком сильно окислившихся и не поддающихся датировке
13 римских монет датируемые 67—68 гг. н. э.
1 римская монета датируемая 69—79 гг. н. э.

---

[80] Не вполне ясно, почему реконструкция хронологии проводилась только по бронзовым монетам. Трудно предположить, что во время раскопок были найдены только бронзовые монеты, ведь самым ходовым металлом для чеканки монет в те времена являлось серебро, а самой распространенной монетой — римский серебряный динарий *(прим. перев.).*

2 римских монеты датируемые 72—73 гг. н. э.
4 монеты датируемые 72—81 гг. н. э.
1 римская монета датируемая 87 г. н. э.
3 римских монеты датируемые 98—117 гг. н. э.
6 монет датируемые 132—136 гг. н. э. (Восстание Симона бар Кохбы)[81]

Таблица периодизации монет показывает два периода наиболее активной общественной жизни Кумранской общины: 103—76 гг. до н. э. и 6—67 гг. н. э. От первого периода до нас дошло 143 монеты, от второго — 254 монеты. Для сторонников консенсуса подобные цифры не так гладко укладываются в их теоретические построения, как им того хотелось бы. Согласно их прочтению свитков, «недостойный священник» — это, по всей вероятности, не кто иной, как первосвященник Ионафан, живший между 162 и 140 гг. до н. э., то есть за добрых полвека *до* первого периода высокой концентрации монет. Чтобы обосновать этот тезис, отцу де Во была необходима как можно более ранняя дата основания Кумранской общины. Таким образом, он был вынужден доказывать, что его тезис подтверждает одна-единствен-ная монета периода 135 — 104 гг. до н. э., тогда как здравый смысл показывает, что община возникла скорее в период между 103 и 7б гг. до н. э., от которого до нас дошло 143 монеты. А более ранняя монета, на которой де Во выстроил всю свою аргументацию, по всей вероятности, просто оставалась в обращении, будучи отчеканена в предшествующий период.

Особое внимание де Во придавал исчезновению из обращения монет иудейской чеканки после 68 г. н. э. и тому, что на этот же период приходится 19 римских монет, найденных в Кумране. Это, по его словам, свидетельствует о том, что Кумран был взят и разрушен в 68 г., а его развалины были оккупированы римскими войсками. На основании этих «фактов» он и стремится установить дату создания самих свитков: «По нашему мнению, ни один из манускриптов, принадлежавших общине, не может быть более поздним, чем возраст руин Кибрет-Кумран, а именно 68 г. н.э».

Сомнительность подобной аргументации самоочевидна. Во-первых, найдено немало монет иудейской чеканки, датируемых периодом восстания под предводительством Симона бар Кохбы — 132—136 гг. н. э. Во-вторых, эти монеты говорят лишь о том, что в окрестностях Кумрана по-прежнему проходили люди, которые и могли обронить их. Между тем они не говорят ровным счетом ничего о времени, когда в Кумране были спрятаны свитки, которые могли были быть уложены в тайники во время восстания бар Кохбы. И, наконец, вряд ли можно удивляться тому, что большинство монет, относящихся к эпохе после 68 г., — римской чеканки. Дело в том, что в годы после подавления восстания римские монеты были фактически *единственной* валютой в Иудее. А в таком случае их могли обронить не обязательно только римские воины.

Эйзенман настроен весьма скептически в отношении выводов, которые де Во сделал на основе археологических данных. Если они что-то и доказывают, говорит Эйзенман, то прямо противоположное тому, что утверждает де Во, ибо они доказывают, что самой поздней датой сокрытия свитков в Кумране следует считать не 68 г., а 136 г. н. э. Таким образом, с имеющимися археологическими свидетельствами может согласовываться любое время до этой даты. Равным образом, говорит Эйзенман, мнение консенсуса неверно и в том, что

---

[81] Там же, pp. 19, 22, 34, 37,44—45. До появления давно ожидаемого отчета де Во о раскопках и находках трудно с полной уверенностью судить об истинном числе найденных монет. Археологические доклады, публиковавшиеся в свое время в «Revue biblique», по собственному признанию де Во, были недостаточно точны с точки зрения идентификации монет.

разрушение основного здания в Кумране означает полное опустошение всего комплекса. На самом деле есть ряд доказательств того, что были проведены как минимум несколько ремонтных работ и перестроек, включая «грубый канал», подававший воду в цистерну. Несколько неожиданно, исключительно на основании находки монет, де Во заявил, что этот канал — дело рук римского гарнизона, оккупировавшего территорию комплекса. Однако профессор Драйвер подчеркнул, что нарочитая грубость перестройки не означает, что это — дело рук римлян. Де Во полагал, что его теория, утверждавшая, будто Кумран был разрушен в 68 г. н. э., находится в полном соответствии с «les donnees d'histoiro)[82] — «принятой версией истории», «попросту забыв», как писал профессор Драйвер, «что исторические хроники ничего не говорят о разрушении Кумрана в 68 г. н. э. римлянами. Короче, заключает Драйвер, пресловутые «les donnees d'histoire» — это не более чем историческая фикция.

Существует и другой корпус археологических свидетельств, которые диаметрально противоположны интерпретации консенсуса. Де Во постоянно и вполне оправданно избегает называть руины Кумрана «монастырем». Как он пояснил, он «никогда не употреблял это слово в отношении раскопок в Кумране именно потому, что оно обозначает понятие, которое археология сама по себе доказать не может». Тем не менее совершенно ясно, что де Во считал Кумранскую общину своего рода монастырем. Это нашло свое выражение в том, что он употреблял такие характерно монастырские термины, как скрипторий и трапезная, применительно к некоторым служебным помещениям. И если де Во еще имел некоторые сомнения относительно возможности считать Кумранскую общину «монастырем», другие сторонники консенсуса таких сомнений не испытывали. Например, в.своей книге о свитках Мертвого моря кардинал Даньелу прямо говорит о «кумранских монахах», договариваясь до того, что кумранское монашество может считаться прямым предшественником «христианского монашества».

Однако де Во, его коллеги и сторонники консенсуса предпочли обойти молчанием и не заметить откровенно военизированный, оборонительный характер некоторых построек, лежащих в руинах. Всякий, кто приедет в наши дни на экскурсию в Кумран, неизбежно будет удивлен при виде внушительной оборонительной башни со стенами толщиной в несколько футов и входом сразу на второй этаж. Менее заметно второе, находящееся напротив башни, сооружение, назначение которого не вполне понятно. По сути, это все, что осталось от основательно построенной кузницы, которая имела специальную трубу подвода воды для закалки орудий и оружия. Неудивительно, что такая кузница — явная помеха гипотезе членов международной группы и сторонников консенсуса, противоречащая образу миролюбивых, пацифистски настроенных «ессеев». Поэтому де Во изо всех сил попытался выкрутититься из неудобной ситуации:

«Это мастерская, где находилась печь, над которой находилась оштукатуренная зона со сливной трубой. Сооружение подобного рода предусматривало, что в нем могли проводиться работы, требующие не только сильного огня, но и обильной подачи воды. Дать более точное определение назначения этого сооружения я затрудняюсь».

Это все равно что не суметь определить назначение стреляных гильз из-под патронов и свинцовых конусообразных предметов, то бишь пуль, во множестве встречающихся вокруг полигона Коррал в Томбстоне, штат Аризона, США. Между тем профессор Кросс, неукоснительно следуя по стопам де Во, а потому будучи не в состоянии определить назначение этого объекта, туманно упоминает о «сооружении, напоминающем кузницу».

---

[82] Les donnees d'histoire *(франц.)* — данности истории *(прим. перев.).*

Установлено, что *внутри* развалин Кумрана найдено немало стрел; и хотя можно, конечно, говорить, что они были обронены атаковавшими римлянами, по мнению профессора Драйвера, «столь же вероятно, что они принадлежали самим обитателям общины». В целом военный характер руин настолько очевиден, что другой независимый ученый, профессор Гольб из Чикагского университета, пошел еще дальше, утверждая, что они представляют собой развалины *исключительно* военного объекта[83]. По мнению Гольба, свитки отнюдь не были составлены или переписаны в Кумране; их доставили туда из Иерусалима специально для того, чтобы спрятать и уберечь от врагов. «В культурном слое, — подчеркивает профессор Гольб, — не найдено ни клочка папируса или пергамента... а также никаких следов письменных принадлежностей...»

Помимо древних монет и самих развалин, наиболее важным корпусом внешних свидетельств, использовавшихся международной группой для датировки свитков Мертвого моря, являются данные палеографической экспертизы. Палеография — это сравнительная научная дисциплина, изучающая древние рукописи. Основываясь на допущении о строго хронологической и линейной прогрессии в эволюции почерков, она оценивает суммарные изменения специфических форм и характера написания букв, что, как считается, позволяет определить время создания всей рукописи. Так, например, на чердаке случается обнаружить какую-нибудь старинную грамоту или другой подобный документ. И, основываясь не на его содержании, а исключительно на особенностях почерка, можно уверенно утверждать, что он относится именно к XVII, а не к XVIII в. И все же палеография в значительной мере носит характер любительского дилетантизма. Со строго научной точки зрения эта дисциплина, прямо скажем, весьма далека от исчерпывающей доказательности. Применительно же к кумранским рукописям она и вовсе становится не слишком достоверной, давая иной раз просто смехотворные результаты. Тем не менее в попытке развенчать выводы Рота и Драйвера, основанные на содержании самих рукописей, де Во объявил палеографию серьезным источником научных доказательств. Таким образом, следующие псевдоаргументы, с которыми пришлось иметь дело Эйзенману, — это так называемые палеографические свидетельства возраста кумранских рукописей.

По утверждению Фрэнка Кросса из международной группы, палеография — «это, пожалуй, наиболее точное и объективное средство определения возраста рукописи». Он предлагает следующее объяснение этого:

«Мы должны решить проблемы, связанные с исторической интерпретацией наших текстов, первым делом определив время их создания по археологическим данным, свидетельствам палеографии и другим объективным методам, прежде чем обращаться к куда более субъективным методам внутренней оценки, то есть анализа их содержания».

Кросс даже не пытается объяснить, почему и на каком основании внутреннюю оценку содержания следует считать более «субъективной». По сути, это утверждение со всей ясностью показывает, почему палеография представляется столь важной сторонникам консенсуса: дело в том, что ее можно использовать для противодействия датировке на основе внутренних свидетельств — свидетельств, которые обретают истинный смысл лишь в контексте реалий I в. н. э.

Наиболее заметное палеографическое исследование свитков Мертвого моря принадлежит перу профессора Соломона Бирнбаума из отделения востоковедения Лондонского университета. Выводы, к которым пришел Бирнбаум, вызвали неумеренный

---

[83] Golb «Развитие древнееврейской письменности» в кн.: Wright «Библия и Древний Ближний Восток», p. 135.

восторг со стороны профессора Кросса, который окрестил их «монументальной попыткой анализа всех периодов развития древнееврейской письменности». Пытаясь парировать критические выпады, выдвинутые против этой экзегетической работы Бирнбаума, Кросс напомнил своим читателям, что «она принадлежит перу профессионального палеографа, стремящегося отвергнуть наскоки неспециалистов». Но понятно, что подобная оборонительная активность вызвана вопросом о достоверности палеографических доказательств.

Метод Бирнбаума является по меньшей мере шатким, напоминая не столько современную научную методику, на роль которой он претендует, сколько некий вариант нумерологии. Так, например, он исходит из предположения — впрочем, и все остальные его элементы базируются на столь же бездоказательных предположения х — о том, что весь спектр документов, найденных в Кумране, относится к периоду с 300 г. до н. э. по 68 г. н. э. Он рассматривал текст Книги Царств, найденный в пещере 4 в Кумране. Методично проанализировав весь текст, Бирнбаум обнаружил пятьдесят шесть образцов одного каллиграфического почерка и одиннадцать — другого. *«С темнотою,* — как заметил Шиллер, — *тщетно бьются сами боги».* Исходя из соображений, перед которыми даже боги почувствовали бы себя смущенными, Бирнбаум предложил следующее уравнение: отношение 56 к 11 равно отношению 368: х (368 — это число лет в рассматриваемом периоде, а х — дата, когда, по его мнению, был создан рассматриваемый текст). Полученное значение х — вычисленное, кстати сказать, по всем правилам чистой математики — составляет 72. Это число следует вычесть из 300 — по мнению Бирнбаума, гипотетической точки отсчета. В итоге он получил 226 г. до н. э.; результат, который, триумфально объявил Бирнбаум, «представляет собой нечто вроде абсолютной даты» создания рукописи Книги Царств. Понятно, что сказать «нечто вроде абсолютной даты» — это все равно что сказать «относительно абсолютная дата». Однако даже помимо подобных стилистических несуразностей, метод Бирнбаума, по словам Эйзенмана, «является, разумеется, совершенно абсурдным». Тем не менее Бирнбаум решил применить свой метод для определения «абсолютной даты» создания всех текстов, обнаруженных в кумранских пещерах. И самое тревожное в данной ситуации заключается в том, что сторонники консенсуса по-прежнему рассматривают эти «абсолютные даты» как не подлежащие сомнению.

Профессор Филип Дэвис из Шеффилда пишет, что «большинство специалистов, давших себе труд ознакомиться с этим вопросом, соглашаются, что использование палеографии в исследовании кумранских рукописей носит ненаучный характер», добавляя, что «всякие попытки установить точную дату создания свитков попросту смехотворны». Эйзенман высказывается на сей счет более решительно, описывая старания Бирнбаума как «нечто такое, что в любой другой области было бы оценено как псевдонаучные и незрелые методы». В доказательство своего утверждения он приводит следующий пример.

Предположим, что двое писцов переписывают один и тот же текст в одно и то же время, но младший из писцов недавно прошел обучение в «школе каллиграфии» и овладел более современным почерком. Допустим, что более старший писец сознательно использовал стилизованный почерк, который освоил в молодости. Предположим, наконец, что оба писца, из уважения к освященному временем характеру своей деятельности, намеренно воспроизводя старинный стиль, сложившийся за несколько веков до них, совсем как при создании в наши дни некоторых специфических документов — дипломатических нот или дипломов о присуждении премий, — решили написать текст на медном свитке. Так какова же будет подлинная дата создания этой рукописи?

В своих палеографических предположениях Бирнбаум упустил из вида один крайне важный факт. Если документ создается исключительно ради передачи информации, он, по всей вероятности, должен отражать наиболее передовой технический уровень. Именно так

обстоит дело с технологиями, применяющимися для печатания большинства газет (до недавнего времени пресса Великобритании служила исключением из этого правила). Что же касается свитков, то все говорит о том, что свитки Мертвого моря предназначались не просто для передачи информации. Все свидетельствует о том, что они выполняли ритуальные (или по крайней мере ритуальные) функции и переписывались с особой любовью и тщательностью, что также являлось элементом традиции. Таким образом, весьма вероятно, что писцы позднейшего времени сознательно копировали стиль своих предшественников. И действительно, на всем протяжении письменной истории человечества писцы всегда были настроены крайне консервативно. Так, например, иллюминированные[84] манускрипты эпохи Средневековья неизменно стремились воспроизводить сакральный характер древних рукописей, а не новейшие достижения технического прогресса. Поэтому многие современные издания Библии воспроизводят «старомодную» печать. Действительно, трудно рассчитывать найти даже самые современные издания еврейской Торы, выполненные в стиле и манере слоганов на молодежных футболках.

Что касается каллиграфических особенностей свитков Мертвого моря, то Эйзенман пришел к выводу, что «они просто отражают многообразие различных рукописных стилей писцов, трудившихся примерно в одно и то же время, и вообще ничего не говорят о хронологии». Сесил Рот из Оксфордского университета высказался еще более определенно: «Говоря о древнеанглийских рукописях, надо признать, что, хотя существует масса датированных рукописных материалов, охватывающих практически весь период Средневековья, определить время создания конкретного документа *на основе одних только данных палеографии* с точностью до одного поколения невозможно». Он предостерегает, что в области палеографии возникло нечто вроде «нового догматизма» и что «без фиксированной даты, которая могла бы служить в качестве точки отсчета, мы не можем признать приемлемым историческим критерием точную датировку неизвестных до сих пор еврейских рукописей». Более того, Эйзенман, придя в отчаяние от самодовольства и закрытости международной группы, выразил свое отношение к этой ненаучной практике следующими словами:

«НЕОБХОДИМО СКАЗАТЬ РАЗ И НАВСЕГДА, ЧТО ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ДАННОЙ ДИСКУССИИ ЯВЛЯЮТСЯ СОВЕРШЕННО НЕПРИЕМЛЕМЫМИ».

---

[84] Иллюминированные — богато иллюстрированные, с заставками и инициалами (буквицами). В древнерусской книжности подобные издания именовались «лицевыми» («Лицевые жития» и т. п.) *(прим. перев.)*.

11. Ессеи

Итак, читатель уже имеет представление о выводах консенсуса международной группы и заключениях Библейской школы, выраженных на страницах издаваемых ею журналов, а также о методах, посредством которых эти выводы были получены. Теперь самое время обратиться к самим свидетельствам и попытаться выяснить, нельзя ли на их основе сделать альтернативные выводы. Для этого необходимо рассмотреть некоторые основные вопросы. Например, кто были эти неуловимые и загадочные обитатели Кумрана, которые создали свою знаменитую общину, написали и спрятали в тайниках свои сакральные тексты, а затем попросту исчезли с арены истории? Действительно ли они были ессеями? А если да, то что конкретно означает этот термин?

Наши традиционные представления о ессеях восходят к трудам Плиния, Филона Александрийского и Иосифа Флавия, которые описывали их как секту или раскольников I в., отколовшихся от иудаизма[85]. Плиний, как мы знаем, изображал ессеев этакими отшельниками, избегавшими брака; людьми, «единственные друзья которых — пальмы», поселившимися в местности, которая сегодня носит название Кумран. Иосиф Флавий, чей рассказ впоследствии повторил Филон, несколько расширил образ ессеев. По словам Иосифа Флавия, ессеи придерживались безбрачия, хотя, добавляет он, «есть и другой род ессеев, которые вступают в брак». Ессеи отвергали наслаждения и богатство. Все свое имущество они вносили в общину, и всякий, кто хотел вступить в их ряды, должен был отказаться от личной собственности. Своих иерархов они выбирали из числа членов общины. Ессеи жили практически в каждом крупном городе Палестины, а также в изолированных от внешнего мира общинах. Если даже им случалось селиться в городах, они сторонились окружающих и держались отдельной общиной.

Иосиф Флавий изображает общину ессеев чем-то вроде монашеского ордена или древней эзотерической школы. Желающие вступить в их ряды проходили трехгодичный испытательный срок, напоминающий монастырское послушание. Полноправным членом общины становился лишь «кандидат», успешно выдержавший испытание. Члены общины ессеев молились перед рассветом, затем в течение пяти часов выполняли различные работы, после чего надевали чистую набедренную повязку и совершали омовения, то есть ритуал очищения, который полагалось совершать каждый день. Исполнив обряд очищения, они собирались в особой «общей» трапезной и все вместе вкушали простую соборную трапезу. Вопреки позднейшим заблуждениям, Иосиф Флавий не утверждает, что ессеи были вегетарианцами. По его свидетельству, они ели мясо.

Ессеи, пишет Иосиф, были хорошо знакомы с текстами Ветхого Завета и прекрасно знали учения пророков. Они сами стремились овладеть искусством пророчества и могли предсказывать будущее на основе внимательного изучения священных текстов и непременно пройдя обряд очищения. По утверждению того же Иосифа Флавия, их учение гласило, что душа бессмертна, однако заключена в темницу смертной и тленной плоти. В акте смерти душа освобождается и взмывает ввысь, ликуя и радуясь. Далее Иосиф Флавий сравнивает учение ессеев со взглядами греков. В другом месте он высказывается более определенно, указывая на сходство их учения с принципами пифагорейской школы.

---

[85] Основными источниками сведений о ессеях в литературе классической античности являются: Иосиф Флавий «Иудейская война» II, viii; он же «Иудейские древности», XVIII, i; Филон Иудей «Каждый человек свободен» XII—XIII; он же «Гипотетика» 11; Плиний Старший «Естественная история» V, XV.

Флавий особо подчеркивает приверженность ессеев соблюдению Моисеева Закона: «После Бога они более всего почитают законодателя Моисея, и святотатство против него карается у них смертной казнью». Однако в целом ессеи изображены у него миролюбиво настроенными пацифистами, умеющими ладить с любыми властями. Так, они, по его словам, пользовались особым расположением Ирода Великого, который «постоянно оказывал ессеям всяческие почести, считая их существами более высокого плана, чем простые смертные...»[86]. Но в одном месте Иосиф неожиданно противоречит сам себе или, возможно, просто проговаривается. Ессеи, говорит он,

«презирают опасности и преодолевают боль усилием воли; смерть с честью они ценят гораздо выше, чем бесконечную жизнь. Их дух закален в битвах с римлянами, которые преследовали и мучили их, жгли и разрушали их жилища, подвергая ессеев всем мыслимым пыткам, которые только можно выдумать, чтобы заставить их произнести хулу на Законодателя или вкусить запрещенную Законом пищу».

В этом отрывке, который явно расходится со всем вышесказанным у Иосифа Флавия, ессеи предстают отважными, как зилоты или сикарии, воинственными защитниками крепости Масада.

За исключением этого единственного фрагмента, рассказ Иосифа Флавия во многом способствовал формированию популярного образа ессеев, сохранявшегося на протяжении почти 2000 лет. И когда началась так называемая эпоха Просвещения, поощрявшая «свободное» изучение христианских священных преданий, комментаторы стали все чаще говорить о связях между ранним христианством и ессеями, описанными у Иосифа. Так, например, такая известная историческая личность, как Фридрих Великий, с полной определенностью писал, что «Иисус на самом деле был ессеем; Он весь пропитан этикой ессеев». Подобные откровенно скандальные заявления стали приобретать все более широкое распространение во второй половине следующего, XIX в., и в 1864 г. вышла в свет нашумевшая книга Эрнеста Ренана «Жизнь Иисуса», в которой автор утверждал, что христианство «во многом явилось преемником и наследником учения ессеев».

В конце XIX в. возрождение интереса к эзотерическим течениям мысли еще более актуализировало утверждение о близости христианства к ессеям. Теософия, и прежде всего — учение Е. П. Блаватской, постулировала, что Иисус был магом, или адептом, проповедь которого впитала элементы учения ессеев и гностическую традицию. Одна из учениц Блаватской, Анна Кингсфорд, развивала концепцию «эзотерического христианства». Это нашло свое выражении в стремлении представить Иисуса гностическим тавматургом[87], который, прежде чем выступить со своей проповедью, жил среди ессеев и учился у них. В 1889 г. подобные идеи получили широкое распространение в Европе благодаря выходу в свет книги «Великие посвященные», принадлежавшей перу французского теософа Эдуарда Шюре. Ореол мистики, окружавший ессеев, способствовал тому, что им начали Приписывать дар исцеления, обладание особыми познаниями в медицине, так что они стали восприниматься как своего рода иудейский аналог греческих терапевтов. Другая заметная книга, «Распятие свидетеля», вышедшая на немецком языке в конце XIX в. и опубликованная в переводе на английский в 1907 г., ссылается на некий таинственный ессейский текст, якобы

---

[86] Подобная тесная взаимосвязь между ессеями, описанными у Иосифа Флавия, и царем Иродом Великим подробно рассмотрена в исследовании Eisenman «Путаница между фарисеями и ессеями у Иосифа Флавия», представленном на конференции Общества библейской литературы, состоявшейся в 1981 г. в Нью-Йорке.

[87] Тавматург *(греч.* «фавматургоо) — чудотворец *(прим. перев.).*

созданный анонимным ессейским писцом. В этом тексте Иисус изображен сыном Марии[88] и неназванного ессейского учителя, который владел тайными медицинскими знаниями ессеев, что и позволило ему не просто пережить распятие и крестную смерть, но и являться своим ученикам после «воскресения из мертвых». Джордж Мур[89], несомненно, был знаком с этой книгой, когда в 1916 г. опубликовал свой роман «Ручей Керит», который вызвал форменный скандал во всем англоязычном мире. Мур также изображает Иисуса продолжателем учения ессеев, который сумел пережить распятие и возвратился в общину ессеев, находившуюся в непосредственной близости от Кумра-на. Там спустя несколько лет его и посетил религиозный фанатик по имени Павел, который непонятным образом тайно распространял сильно мифологизированное повествование о его чудесах и побудил его признать свою Божественность.

Ессеи, изображенные в романе «Ручей Керит», вне всякого сомнения, восходят к «стереотипным» образам ессеев, описанным еще Плинием, Иосифом и Филоном, но теперь их образы пропитаны мистическими настроениями, типичными для взглядов писателей конца XIX — начала XX в., придерживавшихся эзотерических воззрений. Это был типичный образ, характерный для образованных читателей того времени, знакомых — хотя бы отчасти — с ессеями. Подобный взгляд на ессеев был свойственен даже комментаторам, критически настроенным к роману «Ручей Керит», таким, как Роберт Грейвс, который в других случаях был склонен к развенчанию мистического ореола, которым были окружены истоки христианства.

Когда были открыты свитки Мертвого моря, оказалось, что они, по крайней мере — на поверхностный взгляд, не содержат ничего такого, что противоречило бы устоявшимся представлениям о ессеях. Таким образом, было вполне естественно, что эти готовые образы были вписаны и в новые концепции.

Еще в 1947 г., впервые увидев тексты кумранских свитков, профессор Сукеник сразу же признал их ессей-ское происхождение. Отец де Во и его международная группа тоже с готовностью подхватили традиционное представление о ессеях. Как мы уже говорили, де Во поспешил поставить знак равенства между кумранскими руинами и поселением ессеев, о котором говорится у Плиния. «Кумранская община, — заявил профессор Кросс, — была поселением ессеев». А вскоре стали считать доказанным и общепризнанным *фактом,* что авторами свитков Мертвого моря были ессееи и что они вполне соответствовали традиционному образу, будучи пацифистами, аскетами, сторонниками безбрачия, жившими в полной изоляции от общественной и — особенно — от политической жизни той эпохи.

Согласно точке зрения консенсуса, Кумранская община была возведена на развалинах гораздо более ранней еврейской крепости, давно заброшенной и датируемой VI в. до н. э. По этой версии, авторы свитков прибыли в эти места ок. 134 г. до н. э., а наиболее крупные постройки были возведены ок. 100 г. до н. э. Другими словами, предлагается хронология, совершенно безопасная для церкви и относящаяся к дохристианской эпохе. Согласно консенсусу, община процветала вплоть до сильного землетрясения, вызвавшего

---

[88] Традиционное европейское именование Богоматери Марией принципиально неверно, ибо иудейское имя Пречистой Девы звучало как Мариам (точнее — Марийам, то есть «госпожа»), что имеет важное символическое значение, поскольку она происходила из дома Давидова. Кстати, имя Мариам фигурирует в славянском переводе Евангелий. Имя же Мария — римское и, как подавляющее большинство римских женских имен, является производным от мужского имени (Марий) *(прим. перев.).*

[89] Мур, Джордж Огастес (1852—1933) — англо-ирландский писатель *(прим. перев.).*

разрушительный пожар. Случилось это в 31 г. до н. э., в царствование Ирода Великого (37—4 гг. до н. э.) Кумран был покинут обитателями и опустел, но затем, в правление преемников Ирода, на его развалинах поселились новые люди, возродившие селение заново. По мнению международной группы, Кумранская община процветала, будучи миролюбивым, политически нейтральным и изолированным анклавом, до нового разрушения, которое последовало в 68 г. н. э., в ходе войны, в которой был захвачен и стерт с лица земли Иерусалим. После этого в Кумране обосновался римский гарнизон, остававшийся там до конца I в. н. э. Когда в Палестине в 132 —135 гг. н. э. разгорелось восстание, Кумран стал пристанищем мятежников[90]. Короче, был создан спокойный и вполне правдоподобный сценарий событий, который начисто лишал свитки Мертвого моря их взрывоопасного потенциала. При этом многие факты попросту игнорировались, если это было продиктовано интересами стабильности и христианского богословия.

Помимо географического несоответствия, в утверждении де Во о том, что фрагмент из Плиния, процитированный нами выше, относится к Кумрану, имеется и другое противоречие, связанное уже с датировкой свитков. Плиний в приведенном фрагменте говорит о ситуации, сложившейся *после* разрушения Иерусалима. В том же фрагменте говорится, что был разрушен и Энгеди, как оно и было на самом деле. Что же касается ессейской общины, то она упомянута как действующая и сказано даже, что она принимала «толпы беженцев». Тем не менее де Во утверждает, что Кумран, как и Иерусалим и Энгеди, был разрушен в ходе восстания 66—73 гг. н. э. Однако представляется крайне маловероятным, что община ессеев, упоминаемая у Плиния, находилась в Кумране. Более того, в общине, описанной у Плиния, не было женщин, тогда как в Кумране обнаружено немало женских захоронений. Таким образом, вполне возможно, что жителями Кумрана были ессеи, но только не общины, описанной у Плиния, а какой-то другой. А если это так, то свитки Мертвого моря показывают, сколь недостоверной информацией о ессеях располагал Плиний.

Сам термин «ессеи» — греческого происхождения. Он встречается у авторов классической античности — Иосифа Флавия, Филона и Плиния и пишется по-гречески *essenoi* или *essaioi*. Таким образом, если обитатели Кумрана действительно были ессеями, мы вправе ожидать, что слово «ессеи» представляет собой греческий перевод или транслитерацию некого исходного еврейского или арамейского слова, которым называли себя обитатели Кумранской общины.

Между тем рассказы классических авторов о ессеях не вполне согласуются с образом жизни и взглядами общины, выявленными благодаря таким внешним свидетельствам, как археология, и с внутренним содержанием самих текстов. Иосиф Флавий, Филон и Плиний оставили портреты ессеев, которые часто не имеют ничего общего со свидетельствами кумранских развалин и свитков Мертвого моря. При этом свидетельства Кумрана, будь то внешние или внутренние, упорно противоречат их рассказам. Некоторые из этих противоречий уже упоминались выше. Здесь имеет смысл остановиться на наиболее важных из них.

1. Иосиф Флавий отмечет, что существует и «другой род» ессеев, которые признают брак, но это, как он сам подчеркивает, нетипичный случай. В целом, пишет Иосиф, повторяя свидетельства Филона и Плиния, ессеи были сторонниками безбрачия. Между тем среди захоронений, найденных во время археологических раскопок в Кумране, были обнаружены

---

[90] Стандартное изложение сути гипотезы консенсуса представлено в кн.: De Vaux «Археология и свитки Мертвого моря», pp. 3—45.

могилы женщин и детей. Да и в Уставе общины содержатся положения, касающиеся брака и воспитания детей.

2. Никто из классических авторов не приводит никаких упоминаний о том, что ессеи пользовались особым календарем. Между тем обитатели Кумранской общины имели такой календарь — уникальный солнечный календарь, а не обычный иудейский, основанный на лунных циклах. Если бы обитателями Кумранской общины действительно были ессеи, столь важный момент наверняка был бы упомянут хотя бы в некоторых источниках.

3. По свидетельству Филона, ессеи отличались от всех прочих течений древнего иудаизма тем, что у них не существовало культа жертвоприношений животных. Между тем Храмовый свиток приводит подробные инструкции по совершению подобных жертвоприношений. Да и в руинах Кумрана найдены кости жертвенных животных, бережно сложенные в керамические сосуды или накрытые горшками и захороненные неглубоко в земле. Де Во высказал предположение, что эти кости могут быть остатками ритуальных трапез. Но столь же вероятно, что они могут быть и останками жертвенных животных, закланных согласно ритуалу, упомянутому в Храмовом свитке.

4. Классические авторы использовали термин «ессеи» применительно к приверженцам направления, которое они считали крупнейшим, наряду с фарисеями и саддукеями, ответвлением иудаизма. Между тем в самих свитках Мертвого моря термин «ессеи» нигде не встречается.

5. Иосиф Флавий говорит, что ессеи находились в прекрасных отношениях с Иродом Великим, который, по его словам, «постоянно оказывал ессеям всяческие почести, считая их существами более высокого плана, чем простые смертные». Между тем кумранская литература постоянно подчеркивает воинствующую враждебность обитателей общины к любым неиудейским властям вообще и к Ироду и его династии в частности. Более того, Кумран был покинут жителями и пустовал на протяжении нескольких десятилетий именно в результате гонений со стороны Ирода.

6. По свидетельству классических авторов, ессеи были кроткими пацифистами. В частности, Филон подчеркивает, что среди них не было ни оружейников, ни мастеров, делавших доспехи. Иосиф Флавий постоянно подчеркивает различие между ессеями, противниками насилия, и воинственными мессианцами и националистами — зилотами. А между тем среди руин Кумрана найдена внушительная оборонительная башня явно военного назначения и то самое «сооружение, напоминающее кузницу». Что касается кумранских текстов, то многие из них отличаются крайней воинственностью, примером чего могут считаться такие тексты, как Свиток Войны. Действительно, воинственный характер таких текстов, мягко говоря, значительно дальше от всего того, что Иосиф рассказывает о ессеях, чем от того, что он и другие авторы сообщают о так называемых зилотах. Зато это в точности совпадает с тем, что Рот и Драйвер сообщали о Кумранской общине, вызвав неистовый гнев де Во и международной группы.

Члены Кумранской общины по большей части писали не по-гречески, а по-арамейски и по-еврейски. Что касается лексики арамейского и еврейского языка, то в них не удалось обнаружить никакой убедительной этимологии слова «ессеи». Даже классические авторы заблуждались в вопросе о его истинном значении. Например, Филон утверждал, что, по его мнению, это слово происходит от греческого «осеос», что означает «святой», а ессеи, таким образом, — это «осеоты», то есть «святые».

Одну из таких гипотез о происхождении слова «ессеи» выдвинул Геза Вермес — видный ученый из Оксфрдско-го университета. По мнению Вермеса, термин «ессеи»

происходит от арамейского слова *«ассайа»,* что означает «целители». Это подтверждает бытующий в определенных кругах взгляд на ессеев как выдающихся медиков, а само понятие представляет собой иудейский аналог александрийских аскетов, именовавшихся терапевтами. Однако слово *«ассайа»* не встречается нигде в корпусе кумранской литературы; нет там также никаких упоминаний ни о целительстве, ни о медицине, ни о традиционной практике терапевтов. Таким образом, попытка вывести происхождение слова «ессеи» от *«ассайа»* носит чисто спекулятивный характер; нет никаких оснований принимать ее, если не появятся другие, более веские основания.

Такие основания действительно *есть,* и притом они не просто возможны, но и весьма вероятны. Хотя члены Кумранской общины никогда не именовали себя ни ес-сеями, ни *«ассайа»,* они использовали целый ряд других еврейских и арамейских слов. Судя по этим терминам, совершенно ясно, что община никогда не имела какого-то одного, универсального самоназвания для своих членов. В то же время они имели достаточно высокое и иерархичное представление о самих себе. Эта точка зрения подтверждается целым рядом фактов и доказательств. Она базируется прежде всего на важнейшем понятии «Завет», который в данном случае означает формальную клятву о полном и всецелом соблюдении всех предписаний Моисеева Закона. Создатели свитков Мертвого моря могли считать себя, к примеру, «хранителями Завета». В качестве синонимов слов «Завет» и «Закон» они могли часто использовать те же метафоры, что и последователи даосизма, — «путь», «труд» или «деяния» (по-древнееврейски *«ма'аскм»).* Поэтому они могли говорить о «совершенстве пути» или «пути совершенной праведноети»[91]. «Путь» в данном случае означает «дело Закона», «путь, на котором действует Закон» или «путь исполнения Закона». Варианты подобных определений постоянно встречаются в текстах свитков Мертвого моря применительно к обозначению Кумранской общины и ее членов.

Следуя своей логике рассуждений, Эйзенман обнаружил в Толковании на Аввакума один особенно примечательный вариант — *«Осей га-Тора»,* что можно перевести как «Делатели[92] Закона». По всей видимости, эта формула и послужила основой для возникновения слова «ессеи», ибо множественное число от «осей» — *«осим»* иногда произносилось как «осеем». Таким образом, вся Кумранская община, взятая в целом, в этом смысле представляла собой сообщество *осим,* то есть делателей Закона. И ее члены были известны именно в этом качестве. Так, раннехристианский автор Епифаний говорит о некоей «еретической» иудейской секте, которая некогда обитала в окрестностях Мертвого моря. Члены этой секты, сообщает он, именовались «оссеями». Таким образом, это позволяет сделать вывод, что уже известные нам ессеи, «оссеи» Епифания и *«осим»* Кумранской общины — это разные названия одного и того же явления.

Поэтому авторы свитков Мертвого моря могут называться ессеями, но не в том смысле, какой вкладывали в этот термин Иосиф Флавий, Филон и Плиний. Рассказы хронистов классической античности отличаются чрезмерной ограниченностью. Они не позволяют многим современным ученым проводить необходимые параллели между этими понятиями; в некоторых случаях это объясняется нежеланием поступать подобным образом. Ибо, если провести подобные параллели, возникает иная, более широкая панорама, — панорама, в

---

[91] См. в кн.: Eisenman «Маккавеи, саддукеи, христиане и Кумран», р. 108 *(Тамимей-Дерех,* «Праведность Пути»; *Том-Дерех,* «Совершенство Пути»). См. также материалы дискуссии по этой теме.

[92] «Делатели» в данном контексте означает «делающие дела Закона», т. е. исполняющие Закон, подобно тому, как в православной традиции формула «делатели Иисусовой молитвы» означает «постоянно творящие Иисусову молитву» *(прим. перев.).*

которой такие термины, как «ессеи» и «Кумранская община», окажутся взаимозаменяемыми с рядом других. Эйзенман весьма выразительно сформулировал эту ситуацию:

«К сожалению для гипотез многих современных ученых, такие термины, как эвиониты, назареи, хасиды, цадики... на поверку оказываются лишь вариантами одного и того же понятия. Неспособность воспринимать взаимозаменяемые метафорические обороты... является важным недостатком критического метода».

По сути, это именно то, с чем мы имеем дело, — взаимозаменяемые метафоры, широкий спектр названий, используемых для обозначения одних и тех же групп или явлений. Одним из первых, еще в 1969 г., этот факт признал весьма авторитетный специалист в этой области, профессор Мэттью Блэк из университета Святого апостола Андрея в Шотландии. Термин «ессеи», писал профессор Блэк, может считаться приемлемым

«при условии, что мы не будем толковать понятие «ессейство» слишком узко, ставя знак равенства между ним и группой создателей свитков Мертвого моря, а условимся понимать этот термин для описания широкого движения антииерусалимской и антифарисейской оппозиции. Именно от такого «ессейского» типа иудаизма и развилось впоследствии христианство».

Подтверждение гипотезы профессора Блэка можно найти в труде того же преподобного Епифания, раннехристианского автора, который говорит об «оссеях». Епифаний утверждает, что первоначальные христиане в Иудее, обычно именовавшиеся назареями (как сказано, например, в Книге Деяний святых апостолов), назывались йессаи. Эти «христиане», или «йессаи», как нельзя лучше соответствуют общему определению профессора Блэка — «широкое движение антииерусалимской и антифарисейской оппозиции». Но, оказывается, между ними существовала и еще более тесная связь.

Среди терминов, которыми называли своих единомышленников члены Кумранской общины, была и формула «хранители Завета», звучавшая по-древнееврейски как *«ноцрей га-Брит».* От нее произошло слово *«ноц-рим»,* одно из наиболее ранних еврейских определений той секты, которая впоследствии получила широкую известность под названием «христиане». Любопытно, что к тому же источнику восходит и современное арабское название христиан — *«Назрани».* То же самое можно сказать и о слове «назореи», или «назаряне», которое представляет собой термин, коим ранние христиане называли самих себя и в Евангелиях, и в Книге Деяний святых апостолов. Вопреки мнению позднейшей традиции, оно не имеет ничего общего с предполагаемым воспитанием Иисуса в Назарете, который, согласно ряду свидетельств, в те времена еще просто не существовал. Действительно, у многих ранних комментаторов незнакомый термин «назорей» вызывал недоумение, что побуждало их высказать версию, будто семейство Иисуса происходило из Назарета, успевшего к тому времени появиться на карте Палестины.

Подводя итог сказанному, надо заметить, что «ессеи», фигурирующие в сочинениях классических авторов, «оссеи», упоминаемые у Епифания, и *«осим»* Кумранской общины суть разные названия одного и того же понятия.

То же самое относится и к йессаям, как называет Епифа-ний первоначальных христиан. Более того, то же самое можно сказать и о *«ноцрей га-Брит»,* и о *«ноцрим»,* и о *«Назрани»,* и, наконец, о «назарянах». На базе анализа этимологии становится очевидно, что мы действительно, по определению профессора Блэка, имеем дело с «широким движением», для которого, как заметил Эйзенман, были характерны метафорические обороты — широкий спектр слегка варьирующихся названий для одной и той же группы, меняющихся в

зависимости от времени, перевода или транслитерации, подобно тому, как имя Цезарь превратилось в немецкое «кайзер» и русское «царь».

Таким образом, получается, что Кумранская община представляла собой аналог «ранней церкви», находившейся в Иерусалиме, — организованной так называемыми «назореями», последователями Иакова, «брата Господня». Действительно, Толкование на Аввакума недвусмысленно сообщает, что правящий орган Кумрана, «Совет общины», находился в те времена в Иерусалиме. А в Деян. 9, 2 члены «ранней церкви» прямо названы «последующими сему учению» — оборот, типичный для стиля кумранских текстов.

12. Деяния святых апостолов

Наиболее важной — после самих Евангелий — книгой в корпусе Нового Завета являются Деяния святых апостолов. Для историка же эта книга, бесспорно, представляется даже более значительной и информативной, чем Евангелия. Разумеется, как и ко всем историческим документам, дошедшим до нас из «подпольных» источников, к ней следует относиться с известной долей скепсиса и осторожности. При этом необходимо помнить, для кого был написан этот текст, кому и для какой цели он мог служить. Однако именно Книга Деяний, в значительно большей мере, чем сами Евангелия, представляет собой наиболее полный рассказ о первых годах возникновения «первоначального христианства». Не подлежит сомнению, что Деяния содержат массу интереснейшей информации, которую невозможно найти в других источниках. В этом смысле она является уникальным первоисточником.

Евангелия, как признает большинство исследователей, являются весьма ненадежными источниками в качестве исторических документов. Первое из них, Евангелие от Марка[93], было создано не ранее 66 г. н. э., а более вероятно — и еще позже. Все четыре Евангелия повествуют о событиях, далеко — лет на шестьдесят-семьдесят — отстоящих от времени их создания. Они излагают беглый пересказ основных событий, составлявших исторический фон эпохи, и сосредоточивают все внимание на сильно мифологизированной фигуре Иисуса и его учении. Они представляют собой чрезвычайно поэтичные и возвышенные тексты, вовсе не претендующие на роль исторических хроник.

Книга Деяний — памятник совсем иного рода. Разумеется, ее тоже невозможно считать абсолютно достоверной в историческом отношении. Во-первых, ей свойственна явная предвзятость. Лука, номинальный автор текста, несомненно, черпал сведения из целого ряда других источников, редактируя и перерабатывая материал в соответствии со своими собственными целями. В тексте не заметно особых попыток придать вероучительным пассажам и литературному стилю хоть какое-то подобие единообразия. Даже церковные историки признают, что хронология Книги Деяний нарушена, что ее автор не был участником и очевидцем многих исторических событий, о которых он пишет, и что он стремится расположить их в удобной ему последовательности. В результате разные исторические события оказались у него соединенными в один эпизод, а иногда одно событие, наоборот, распадается на несколько отдельных эпизодов. Все эти проблемы особенно остро заявляют о себе в той части текста, которая посвящена событиям, предшествовавшим появлению Павла. Далее, вполне возможно, что Деяния, как и Евангелия, представляют собой плод выборочной компиляции и что над ними активно потрудились позднейшие редакторы.

Тем не менее Книга Деяний в отличие от Евангелий представляет собой некое подобие хроники, имеющей протяженность во времени и охватывающей определенный период развития событий. В отличие от Евангелий она является попыткой сохранить последовательность исторических эпизодов и, по крайней мере в некоторых пассажах, написана человеком, который, описывая те или иные события, пользуется свидетельствами из первых или, в крайнем случае, вторых рук. И хотя в книге присутствует стилевой

---

[93] Вероятно, называя Евангелие от Марка первым, автор имеет в виду именно время создания, а не место в составе Нового Завета, который, как известно, открывается Евангелием от Матфея *(прим. перев.)*.

разнобой, разнобой этот носит индивидуальный характер, а это позволяет современным комментаторам читать между строк.

Повествование, изложенное в Деяниях, начинается с событий, происшедших вскоре после распятия, которое обычно принято датировать 30 г. н. э., но, вполне возможно, происшедшим в 36 г. н. э., а завершается эпизодами, имевшими место между 64 и 67 гг. н. э. Большинство ученых сходятся во мнении, что основной корпус книги был написан между 70 и 95 г. н. э. Грубо говоря, Книга Деяний — современница большинства, если не всех Евангелий. Вполне возможно, что она была создана несколько раньше всех четырех Евангелий. Она почти наверняка была создана ранее так называемого Евангелия от Иоанна, по крайней мере — в том виде, в каком этот текст дошел до нас.

Автор Книги Деяний — хорошо образованный грек, который называет себя Лукой. Тот ли это самый «Лука, врач возлюбленный» (Кол. 4,14), близкий друг Павла, упоминаемый в послании к Колоссянам, или нет, решить трудно, хотя большинство исследователей Нового Завета готовы согласиться с подобной трактовкой. Куда более жарко современные ученые спорят о том, следует ли этого Луку считать — ибо подобное решение напрашивается само собой — и автором Евангелия от Луки. Действительно, Книгу Деяний иногда рассматривают в качестве «второй половины» Евангелия от Луки. Оба этих памятника адресованы одному и тому же человеку — некоему Феофилу[94]. Поскольку оба текста написаны по-гречески, многие имена и термины приведены в них в переводе на греческий и, по всей вероятности, в целом ряде отношений и даже смысловых нюансов могут отличаться от своих древнееврейских или арамейских оригиналов. В любом случае и Книга Деяний, и Евангелие от Луки написаны явно в расчете на греческую аудиторию, — аудиторию, коренным образом отличавшуюся от той, которой были адресованы кумранские свитки.

Книга Деяний апостолов, несмотря на то что главное внимание в ней сконцентрировано на ап. Павле, являющемся центральной фигурой второй части повествования, излагает историю отношений Павла с иерусалимской общиной, которая состояла из ближайших учеников Иисуса, а возглавлял ее Иаков, брат Господень. Это был своего рода анклав или тесная группа, членов которой впоследствии стали называть первохристианами, а сегодня в них склонны видеть «первоначальную церковь». Любопытно, что, рассказывая о непростых отношениях Павла с этой общиной, Книга Деяний излагает лишь точку зрения Павла. Таким образом, Деяния — это, вполне естественно, документ *Павлова* направления христианства, которое теперь представляется «нормативным». Другими словами, в Деяниях Павел всегда выступает в роли «героя», и всякий, кто противостоит ему, будь то другие авторитетные апостолы или даже сам Иаков, автоматически предстают врагами и злодеями.

События, которыми открывается Книга Деяний, произошли вскоре после крестной смерти Иисуса — именуемого «назореем» (по-гречески *тазорайон».)* Далее в продолжение повествования рассказано об организации и развитии общины, или «ранней церкви», в Иерусалиме и усилении трений в отношениях ее членов с официальными властями. Община выразительно описана в Деян. 2, 44—47: «Все же верующие были вместе и имели все общее; и продавали имения и *всякую* собственность, и разделяли всем смотря по нужде каждого; и каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и находясь в любви у всего народа. Господь же

---

[94] Феофил по-гречески означает «любящий Бога», то есть это скорее не имя, а комплиментарный титул, который мог относиться к любому праведнику и человеку святой жизни. Так, у блаж. Феодорита Кирского, христианского автора V в., есть сочинение под названием «История боголюбцев», в котором излагаются жития многих подвижников благочестия ранней церкви *(прим. перев.).*

ежедневно прилагал спасаемых к Церкви». (Здесь необходимо отметить факт особой приверженности Храму. Дело в том, что Иисус и его ближайшие последователи обычно изображаются враждебно настроенными к Храму, где, согласно рассказу Евангелий, Иисус опрокинул столы менял и выразил крайнее возмущение по адресу священства.)

В Деян. 6, 8 появляется фигура, известная под именем Стефана[95], первого официального христианского мученика, который был арестован и предан смерти — «побит камнями». Выступая в свою защиту, Стефан напоминает об убийстве тех, кто пророчествовал о пришествии Праведника (ср. Деян. 7, 52). Лексика и терминология этого фрагмента является вполне кумранской по своему характеру. К примеру, «Праведник» постоянно фигурирует в свитках Мертвого моря, где обычно именуется *цаддик.* К тому же корню восходит и определение «Праведный Учитель», именуемый в свитках *«Морех га-цедек».* А когда историк Иосиф Флавий говорит о неком учителе по имени Саддук или Цадок, являвшемся лидером мессианского и антиримского иудейского движения, это также является искажением греческой транслитерацией еврейского «Праведник». Как показывет Книга Деяний, Стефан широко использует выражения и обороты, весьма характерные для стиля Кумранской общины.

Это — не единственный «кумранизм» в речи Стефана. В ходе защиты он сам обличает своих преследователей: «Вы, которые приняли закон при служении Ангелов и не сохранили» (Деян. 7, 53). По свидетельству Книги Деяний, Стефан был настоящим ревнителем Закона. В данном случае опять имеет место конфликт между ортодоксальной и общепринятой традициями. Согласно христианскому преданию, в ту эпоху существовало немало евреев, которые превратили соблюдение Закона в формальный пуританский фетиш. «Первохристиане», с их точки зрения, выглядели этакими «отступниками» и «ренегатами», отстаивавшими широкие свободы и большую гибкость, отвергая сложившиеся нормы и обычаи. И тем не менее в роли ревнителя Закона выступил именно Стефан, этот первый христианский мученик, а его преследователи обвиняются в отступлении от веры.

Казалось бы, для Стефана, заявившего о себе как о строгом ревнителе Закона, принять смерть от рук своих собратьев-евреев, исповедовавших тот же Закон, — это полная нелепость. Но что, если эти евреи, побившие его камнями, действовали по указанию первосвященников Храма, которые показали себя явными коллаборационистами с оккупантами-римлянами — точно такими же коллаборационистами, какими показали себя многие французы в годы немецкой оккупации, — и просто-напросто хотели «спокойной жизни», опасаясь, что появление среди них агитатора-мятежника может навлечь на них репрессии со стороны римлян[96]? «Первоначальная церковь», к которой принадлежал Стефан, постоянно подчеркивала свою ортодоксальность и ревностную приверженность соблюдению Закона. Понятно, что ее гонителями могли выступать только те, кто предпочитал поддерживать добрые отношения с римлянами, а это влекло за собой отступление от жестких догм Закона или, если говорить в стиле кумранских текстов, «предательство Закона». В этом контексте вполне логичным выглядит и.обличение Стефаном таких отступников, и его смерть от их рук. Как мы увидим ниже, такая же участь, согласно позднейшему преданию,

---

[95] «А Стефан, исполненный веры и силы, совершал великие чудеса и знамения в народе» (Деян. 6, 8) *(прим. перев.).*

[96] См. в кн.: Eisenman «Маккавеи, саддукеи, христиане и Кумран», pp. 10—11, 22—23. Более подробно об аргументах в пользу толкования эпизода со «Стефаном» как переработки нападения на ап. Иакова, упоминаемого в «Клементинах» (1,70), см. р. 76, п. 144; см. также в кн.: «Праведный Иаков и «Толкование на Аввакума», р. 4, п. 11; р. 39

постигла Иакова Праведного, то есть «Праведника» или *«цаддика»,* того самого «брата Господня», известного своей ревностной приверженностью Закону[97].

Согласно Книге Деяний, именно мученическая смерть Стефана явилась своего рода «дебютом» апостола Павла, который тогда еще именовался Савлом Тарсянином. По преданию, он стоял неподалеку, и свидетели убийства даже сложили у его ног одежды. В Деян. 8, 1 мы узнаем, что «Савл... одобрил убиение его», то есть Стефана. А несколько позже, в Деян. 9, 21, Савл обвинен именно в организации гонений на «раннюю церковь», кульминацией которых стала гибель Стефана[98]. Несомненно, Савл на том этапе своей жизни был беспощадным и даже фанатичным гонителем, проникнутым враждой к «ранней церкви». Согласно Деян. 8, 3, «Савл терзал церковь, входя в домы и, влача мужчин и женщин, отдавал в темницу». В тот период он, бесспорно, действовал как ревностный агент проримски настроенного священства.

В Деян. 9 рассказывается об обращении Савла. Вскоре после мученической смерти Стефана он отправился в Дамаск, чтобы продолжить там преследования членов «ранней церкви». Он отправился в сопровождении отряда карателей, имея при себе ордера на арест христиан, выданные его непосредственным начальником — первосвященником Храма. Как мы уже говорили, целью его похода была не Сирия, а другой «Дамаск» — тот самый, который фигурирует в Дамасском документе.

En route[99] к месту назначения Савл пережил некий мучительный опыт, который разные комментаторы интерпретируют очень и очень по-разному: от солнечного удара до эпилептического припадка и мистического озарения (Деян. 9, 1 — 19; 22, 6—16). «Свет с неба» «внезапно осиял его», так что Павел, по-видимому, упал с коня, услышав «голос», раздававшийся откуда-то с неба: «Савл, Савл! Что ты гонишь Меня!»[100] Савл обратился к голосу и спросил, кто с ним говорит. И услышал в ответ: «Я Иисус, которого ты гонишь». Затем голос повелел Павлу идти в Дамаск, где ему будет сказано, как ему действовать дальше. Когда видение кончилось и сознание понемногу вернулось к Савлу, он обнаружил, что ослеп. В Дамаске один из членов «первоначальной церкви» вернул ему зрение, и Савл принял крещение.

Современный психолог не усмотрел бы в приключении с Савлом ничего необычного. Подобное явление действительно могло быть вызвано солнечным ударом и эпилептическим припадком. С равным успехом его можно объяснить и галлюцинацией, и истерической или психотической реакцией, или, что еще более вероятно, комплексом вины человека, чувствовавшего, что его руки обагрены кровью. Савл, однако, воспринял это как реальное явление ему самого Иисуса, которого он, кстати сказать, прежде никогда не видел и который заставил его уверовать в Него. Савл даже отрекся от своего прежнего имени и принял новое

---

[97] По преданию, от частых коленопреклоненных молитв у св. Иакова, брата Господня, на коленях образовались огромные мозоли, так что недоброжелатели дали ему прозвище Верблюд *(прим. перев.).*

[98] «И все слышавшие дивились и говорили: не тот ли это самый, который гнал в Иерусалиме призывающих имя сие, да и сюда за тем пришел, чтобы вязать их и вести к первосвященникам?» (Деян. 9, 21) *(прим. перев.).*

[99] En route *(франц.)* — на пути *(прим. перев.).*

[100] Деян. 9, 4 *(прим. перев.).*

имя — Павел[101]. Впоследствии он сделался столь же ревностным распространителем учения «ранней церкви», сколь рьяным гонителем его был еще недавно. Павел вступил в их общину и стал кем-то вроде послушника или ученика. Как он сам рассказывает в своем послании к галатам (Гал. 1, 17—18)[102] , он находился в послушании около трех лет, проведя большую часть этого времени в Дамаске. По свидетельству текстов свитков Мертвого моря, период обучения и, так сказать, «испытательный срок» для новичков в Кумранской общине также составлял три года[103].

После трехлетнего испытательного срока Павел возвратился в Иерусалим и встретился с лидерами тамошней общины. Не удивительно, что многие из них относились к нему с подозрением, не вполне доверяя обращению недавнего свирепого гонителя. Павел говорит (Гал. 1, 18—20), что виделся только с Иаковом и Кифой[104]. Все прочие, включая и апостолов, избегали его. Ему приходилось вновь и вновь доказывать истинность своих слов. Лишь со временем у Павла появились приверженцы, и он смог начать свою проповедь. Однако его доводы казались некоторым недостаточными, и, по свидетельству Книги Деяний (Деян. 9, 29)[105], некоторые из числа членов Иерусалимской общины даже угрожали ему. Стремясь разрядить потенциально опасную ситуацию, приверженцы Павла увезли его в Таре, его родной город (ныне на территории Турции). Там, оказавшись у себя дома, он продолжил свою проповедь.

Важно понимать, что подобная ситуация была равнозначна изгнанию. Иерусалимскую общину, как, впрочем, и Кумранскую, по большей части занимали политические события, происходившие тогда в Палестине. Остальной мир, и прежде всего Римская империя,

---

[101] Павел *(древнееврейск.)* — «малый, меньший». Показательно, что сам Павел неоднократно называл себя меньшим из апостолов. Между тем в церковной традиции Павел наряду с Петром именуется «первоверховным апостолом». В этой связи можно вспомнить слова Христа о том, что смиряющий и унижающий себя будет возвеличен, а меньший наречется большим в Царствии Небесном. Любопытно, что апостола Павла можно назвать основателем монашеской традиции перемены имени при принятии пострига. У иноков, как и у Павла, радикальная перемена судьбы влечет за собой и изменение имени. Кстати, учитель св. Антония Великого (III—IV вв. н. э.), египетского аскета, признанного основателя христианского монашеского пустынножительства, тоже носил имя Павел — св. преподобный Павел *(прим. перев.).*

[102] «И не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне Апостолам, а пошел в Аравию и опять возвратился в Дамаск. Потом, спустя гри года, ходил в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать» (Гал. 1, 17—18) *(прим.перев.).*

[103] Устав общины VI, 14—23. Смысл этого места в переводе Вермеса не вполне ясен. Период ученичества продолжался как минимум два года, а на третий год адепт становился полноправным членом общины. Или же это следует понимать в том смысле, что ученичество продолжалось три года, а полноправным членом общины он становился лишь на четвертый. См.: Vermes «Свитки Мертвого моря в переводе на английский», р. 7.

[104] Кифа *(древнееврейск.* — «камень») — так звучало имя апостола Петра по-еврейски. Петр — его греческий аналог («петрос» — камень). «Камнем» первоверховный апостол стал именоваться после знаменитых слов Христа: «Ты — Петр, и на сем камне Я создам церковь Мою» (Мф. 16, 18). Первоначально же имя Петра было Симон Ионин *{прим. перев.).*

[105] «Говорил также и состязался с Еллинистами; а они покушались убить его» (Деян. 9, 29) *(прим. перев.).*

волновал их лишь в той мере, в какой он мог повлиять на развитие событий в ограниченном мирке Палестины. Таким образом, ссылку Павла в Таре можно сравнить с тем, как если бы крестный отец ИРА (Ирландской республиканской армии) послал нового, плохо обученного, но зато излишне энергичного члена своей организации в Перу на вербовку новых сторонников из числа тамошних головорезов. Разумеется — если допустить невероятное, — при условии, что ему удалось бы собрать необходимых для этого людей, деньги, средства и прочее, что имеет хоть какую-то ценность. При условии, что он вскоре не вернулся оттуда ни с чем, убедившись, что эта затея может принести куда больше хлопот, чем проку.

Так началось первое из трех (согласно свидетельству Деяний) миссионерских путешествий Павла за границу. В числе прочих мест он побывал и в Антиохии, и именно там, в Антиохии, «ученики... в первый раз стали называться христианами» (Деян. 11, 26). Комментаторы обычно относят первое путешествие Павла к 43 г. н. э. К тому времени община «первоначальной церкви» успела уже несколько утвердиться, и роль лидера «секты» в Иерусалиме перешла к Иакову.

Спустя примерно пять лет после того, как Павел начал свою проповедь в Антиохии, возник вопрос о содержании его миссионерской деятельности. Как сказано в 15 главе Книги Деяний, в Антиохию прибыл целый ряд представителей от Иерусалимской общины, — вероятно, как предполагает Эйзенман, с весьма специфической целью — проконтролировать действия Павла. Посланники настойчиво подчеркивали важность строгого соблюдения Закона и обвиняли Павла в пренебрежительном отношении к нему. В итоге Павлу и его сподвижнику Варнаве было приказано явиться в Иерусалим для консультаций с руководством общины. С этого времени в отношениях между Павлом и Иаковом появляется широкая трещина, и автор Деяний, рассказывая о конфликте между ними, выступает в роли апологета Павла.

При всех последовавших за этим разногласиях необходимо подчеркнуть, что Павел, по сути дела, стал первым «христианским» еретиком и что его учение, ставшее впоследствии богословским фундаментом для позднейшего христианства, представляет собой явное и несомненное уклонение от «первоначального», или «чистого», учения, которого придерживались лидеры общины. Независимо от того, был ли Иаков, брат Господень, настоящим братом Иисуса по крови или нет, совершенно очевидно, что он хорошо знал Иисуса — или человека, которого впоследствии стали называть этим именем. То же самое можно сказать и о большинстве других членов Иерусалимской общины, или «первоначальной церкви», включая, естественно, и Петра. Говоря об Иисусе, они обладали авторитетом свидетелей и очевидцев. Что касается Павла, то он никогда не встречался и не был знаком с человеком, которого вскоре начал именовать Спасителем. Единственное, на что он мог ссылаться, — это полумистический опыт видения в пустыне да звуки таинственного голоса. И приписывать себе на основе этого видения некие особые права было для него, мягко говоря, слишком самонадеянным. Однако это не помешало ему исказить учение Иисуса почти до неузнаваемости, по сути сформулировав свою собственную, резко индивидуалистическую и идеосинкратическую богословскую систему, а затем придать ей легитимный характер, приписав ее Иисусу. Ибо Иисус, строго придерживавшийся иудейского Закона, наверняка счел бы крайним богохульством создание культа и почитание любого смертного человека, включая его самого. Он со всей очевидностью говорит об этом в Евангелии, повелевая своим ученикам, последователям и слушателям почитать одного только Бога. Так, например, в Евангелии от Иоанна (10, 33—35) рассказано, что Иисус был обвинен в богохульстве. В ответ Он процитировал отрывок из псалма 81[106]*:* «Иисус отвечал им: Не написано ли в законе вашем: «Я (в псалме имеется в виду Бог. — *Прим. авт.)* сказал:

---

[106] «Я сказал: вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы» (Пс. 81,6) *(прим. перев.).*

вы боги»? Если Он назвал богами тех, к которым было слово Божие, и не может нарушиться Писание, — Тому ли, Которого Отец освятил и послал в мир, вы говорите «богохульствуешь»... (Ин. 10, 35—36).

Павел же, напротив, как бы отодвигает Бога на второй план и впервые устанавливает почитание самого Иисуса, причем Иисус становится иудейским аналогом Адониса[107], Аттиса[108], Таммуза[109] и прочих умирающих и воскресающих божеств, которые были столь популярны на Среднем Востоке в ту эпоху. Чтобы иметь шансы соперничать с этими богами, Иисус должен был соответствовать представлениям о них, что называется, слово в слово, чудо в чудо. Именно в этот период с биографией Иисуса начали ассоциироваться многие чудесные моменты, в том числе и, по всей видимости, Его чудесное рождение от Девы и воскресение из мертвых. Эти детали, естественно, представляют собой изобретения самого Павла, диаметрально противоположные «чистому» учению, проповедниками которого выступали Иаков, брат Господень, и прочие члены Иерусалимской общины. Таким образом, неудивительно, что Иаков и его единомышленники были крайне удивлены узнав, что именно проповедует Павел.

И тем не менее Павел знал, что делал. Он прекрасно разбирался, причем на удивительно высоком даже по современным меркам уровне, в технике религиозной пропаганды[110]. Он понимал, что необходимо для того, чтобы превратить человека в бога, и

---

[107] А д о н и с (от *финик.* Dn — «Адон» «господь, владыка») — в древнегреческой мифологии божество финикийско-сирийского происхождения, связанное с циклами умирания и возрождения природы *(прим. перев.).*

[108] А т т и с — в древнегреческой мифологии бог фригийского происхождения, связанный с оргиастическим культом Великой Матери богов Кибелы. Варианты повествования о его происхождении содержатся у Павсания, Овидия, Катулла. Культ Аттиса был распространен в эллинистическом мире и проник в Рим вместе с культом Великой Матери в 204 г. до н. э. *(прим. перев.).*

[109] Т а м м у з (евр, и *арам.),* Думузи *(шумерск.),* Дуузу *(аккад.)* — у ряда народов Передней Азии божество с чертами бога плодородия. Согласно древнешумерским мифологическим текстам, известным с III тысячелетия до н. э., — бог-пастух, возлюбленный богини Инанны, отданный ею в подземное царство. Умирающий и воскресающий бог Думузи проводит под землей каждые полгода. Согласно Библии (Иез. 8, 14), у северных ворот Иерусалимского Храма Яхве женщины оплакивали Туммуза (Фаммуза) *(прим. перев.).*

[110] Эйзенман подчеркивает особое психологическое состояние, которое получило выражение в первом послании апостола Павла к коринфянам, где он, помимо всего прочего, говорит о необходимости «приобресть»:

«Ибо, будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобресть; для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобресть Иудеев; для подзаконных *был* как подзаконный, чтобы приобресть подзаконных; для чуждых закона — как чуждый закона, — не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, — чтобы приобресть чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобресть немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых. Сие же делаю для Евангелия, чтобы быть соучастником его. Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить. Все подвижники воздерживаются от всего: те для получения венца тленного, а м ы - нетленного. И потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух; но усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным» (I Кор. 9,19—27).

осуществлял это куда более умело и последовательно, чем римляне, насаждавшие культы своих императоров. Павел, как он сам признавал, не претендовал на то, что повествует о реальном Иисусе — человеке, которого и Иаков, и Петр, и Андрей знали лично. Напротив, во втором послании к коринфянам (2 Кор. 11, 3—4) Павел прямо заявляет, что члены Иерусалимской общины проповедуют *«другого Иисуса»*[111]. Их посланники, говорит он, называют себя «служителями правды»[112] — характерно кумранское выражение. Отныне они стали и по делам своим, и по учению открытыми соперниками Павла.

В соответствии с данными ему инструкциями Павел, по мнению большинства исследователей, ок. 48—49 гг. н. э. возвращается из Антиохии в Иерусалим и встречается с лидерами тамошней общины. Неудивительно, что вспыхивают новые споры. По свидетельству Книги Деяний, Иаков, стремясь сохранить мир в церкви, соглашается пойти на компромисс, чтобы облегчить «язычникам» возможность вступления в общину. Трудно поверить, но он соглашается закрыть глаза на нарушение некоторых положений Закона, оставаясь непреклонным в отношении соблюдения других.

Павел тоже вынужден идти на уступки лидерам общины. На этом этапе он также нуждается в ее поддержке — не с тем, чтобы придать легитимный характер его проповеди, а с тем, чтобы легитимизировать и тем самым обеспечить выживание общин (церквей), основанных им за пределами Палестины. Он предпринимает новое миссионерское путешествие, уча и проповедуя, а затем, по свидетельству Книги Деяний (Деян. 18, 21)[113], вновь возвращается в Иерусалим. Большинство его посланий относятся именно к этому периоду — между 50 и 58 г. н. э. Из его посланий со всей очевидностью следует, что к тому времени он практически полностью устранился и от связей с лидерами Иерусалимской общины, и от их строгостей в соблюдении Закона. В своем миссионерском послании к галатам, созданном ок. 57 г. н. э., Павел с грустью говорит: «...в знаменитых чем-либо, какими бы они ни были когда-либо, для меня нет ничего особенного...» (Гал. 2,6). Его богословские взгляды также коренным образом отличаются от воззрений ревнителей Закона. В том же послании к галатам (Гал. 2, 16) он постулирует, что «человек оправдывается только верою в Иисуса Христа, и мы уверовали во Христа Иисуса, чтобы оправдаться верою во Христа, а не делами закона, ибо делами закона не оправдается никакая плоть». В другом послании, послании к филиппийцам (Флп. 3, 9), он высказывается вполне определенно: «И найтись в Нем не своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая чрез веру во Христа, с праведностью от Бога по вере». Это уже откровенно провокационные и вызывающие саморазоблачительные признания ренегата-отступника. Таким образом, «христианство», которое впоследствии будут связывать прежде всего с именем Павла, порвало со своими корнями и стало проповедовать не личность Самого Иисуса, а образ Иисуса в представлении Павла.

В 58 г. н. э. Павел вновь отправляется в Иерусалим вопреки просьбам его сторонников, которые из опасений перед иерархами Иерусалимской общины буквально умоляли его не ходить и не рисковать собой. Тем не менее Павел вновь встречается с Иаковом и другими лидерами общины. Используя типично кумранские выражения, они выказывают свою

---

[111] «Ибо, если бы кто, пришед, начал проповедовать другого Иисуса, которого мы не проповедовали...» (2 Кор. 11,4) *(прим. перев.).*

[112] 2 Кор. 11,15 *(прим. перев.).*

[113] «...простился с ними, сказав: мне нужно непременно провести приближающийся праздник в Иерусалиме; к вам же возвращусь опять, если будет угодно Богу...» (Деян. 18, 21) *(прим. перев.).*

озабоченность, — которую, кстати сказать, разделяют и другие «ревнители Закона», —- что Павел в своих проповедях, обращенных к евреям зарубежья, побуждает их пренебречь соблюдением Моисеева Закона[114]. Это, разумеется, было вполне справедливое обвинение, как следует из посланий самого Павла. Книга Деяний умалчивает о реакции Павла на подобные обвинения. Однако возникает впечатление, что, оправдываясь и отрицая обвинения в свой адрес, он попросту лгал. И когда ему предложили пройти обряд очищения в течение семи дней и тем самым продемонстрировать несправедливость обвинений против него и свою приверженность Закону, Павел с готовностью согласился.

Однако всего через несколько дней он вновь подвергся нападкам со стороны тех «ревнителей Закона», которые отличались куда меньшей сдержанностью, чем Иаков. Когда Павел находился в Храме, он был атакован толпой поборников благочестия. Они восклицали: «Мужи Израилевы, помогите! этот человек всех повсюду учит против народа и Закона и места сего» (Деян. 21, 28). Вспыхнули волнения; Павла выволокли из Храма, и его жизнь была в опасности. В решающий момент его невольно спас римский офицер, который, услышав о беспорядках, явился к Храму с отрядом солдат. Павел был арестован и закован в цепи по первоначальному подозрению, будто он является лидером сикариев — террористов-боевиков из числа зилотов.

В этом месте повествование становится запутанным, так что можно заподозрить, что какая-то часть его была отредактирована или даже опущена. По свидетельству дошедшего до нас текста, Павел, когда римские воины взяли его под арест, протестовал, заявляя, что он —- еврей из Тарса, и просил позволить ему обратиться к толпе, которая буквально только что едва не линчевала его. И римский офицер, «тысяченачальник полка» (Деян. 21, 31), как ни странно, позволил ему сделать это. Обращаясь к иудеям, Павел стал ссылаться на то, что учился у фарисеев, в частности у Гамалиила (знаменитого мудреца и учителя той эпохи), на свою первоначальную враждебность к «ранней церкви», свою трагическую роль в мученической смерти Стефана и, наконец, свое уверование. Все эти доводы или, возможно, какая-то часть их (какая именно — судить трудно) вызвали в толпе новый приступ ярости. «Истреби от земли такого! ибо ему не должно жить!» (Деян. 22, 22) — кричали они.

Не обращая внимания на эти призывы, римляне привели Павла в «крепость» (Деян. 22, 24), по всей вероятности — крепость Антония, служившую военной и административной резиденцией римских оккупантов. Там они намеревались устроить ему допрос и приказали бичевать его (Деян. 22, 24), чтобы выпытать правду. Правду о чем? О том, почему Павел навлек на себя столь яростную враждебность. Однако Павел уже со всей ясностью публично заявил о своей позиции. Видимо, в его речи присутствовали некие элементы, которые по причинам, которые трудно понять из текста Книги Деяний, показались римлянам подозрительными и даже опасными. Как бы то ни было, по римским законам было запрещено подвергать бичеванию человека, имевшего официальные права римского гражданства. Павел же, как уроженец Тарса и выходец из богатой семьи, такие права, безусловно, имел. Таким образом, он сумел избежать телесного наказания, однако остался в темнице.

Тем временем группа воинственно настроенных евреев, числом около сорока человек или даже более, вступила в тайный сговор. Они условились, что не будут ни пить, ни есть, пока им не удастся убить Павла (Деян. 23, 12—13). Подобную свирепую ненависть, если не сказать — готовность к мести, трудно ожидать от «рядовых» фарисеев и саддукеев. Те, кто пылали ненавистью к Павлу, явно были «ревнителями Закона». Но единственными

---

[114] См.: Eisenman «Праведный Иаков и «Толкование на Аввакума», p. 57, n. 39 (где Эйзенман разбирает тему «оклеветания Павла иерархами Иерусалимской общины»).

страстными ревнителями Закона во всей Палестине в то время были те самые таинственные сектанты, священные тексты которых много веков спустя были обнаружены в Кумране. Так, например, Эйзенман обратил внимание на один фрагмент так называемого Дамасского документа, который предусматривал, что «если человек, поклявшись всем сердцем и душой следовать Моисееву Закону, совершит беззаконие, для него должно требовать возмездия».

Как же согласуется подобная свирепая карательная акция против Павла с позднейшим популярным образом ессеев — мирной, аскетической, пацифистски настроей ной секты? Мрачный заговор, кровожадный призыв «истребить из земли» Павла — все это характерно скорее для воинственных зилотов и ассасинов (специальных карательных отрядов) — кровавых сикариев. И здесь вновь налицо все основания для того, чтобы утверждать, что зилоты, с одной стороны, и «ревнители Закона» — с другой, суть одна и та же организация.

Но кто же такие эти ассасины, которых, по свидетельству Книги Деяний, выдало внезапное появление до сих пор нигде не упоминавшегося племянника Павла, каким-то образом узнавшего об их заговоре. Родственник апостола, о котором мы более ничего не знаем, предупредил о заговоре и Павла, и римлян. В тот вечер Павел по соображениям безопасности был переведен из Иерусалима. Его сопровождал более чем внушительный эскорт — 470 воинов, в том числе 200 легионеров, 200 копьеносцев и 70 всадников[115]! Павел был отправлен в Кесарию, римскую столицу Иудеи, где предстал перед царем Агриппой — правителем и римским ставленником. Как римский гражданин, Павел имел право требовать суда кесаря, и он этим правом воспользовался. В результате он был отправлен в Рим, предположительно — для суда. Однако нет никаких указаний на то, что именно он пытался предпринять.

Поведав о путешествиях Павла и даже о кораблекрушении, которое он потерпел, Книга Деяний кончается. Или, лучше сказать, обрывается на полуслове, словно автора заставили прервать свой труд или кто-то взял да изъял не устраивавший его финал книги, заменив его более удобным для него окончанием. Разумеется, существует целый ряд преданий, повествующих о том, что Павел был заключен в темницу, что ему удалось добиться личной аудиенции у императора, что он был освобожден и отправлен в Испанию, что Нерон лично приказал казнить его, что он встретился в Риме (или даже в темнице) с Петром и, наконец, что он был казнен вместе с Петром. Однако ни текст Деяний, ни какой-либо иной надежный документ не дают оснований для подобных историй. Возможно, первоначальный конец Книги Деяний действительно был переработан или заменен другим. Не исключено, что автор книги, Лука, просто не знал, «что произошло дальше», и, не будучи озабочен вопросом эстетической симметрии повествования, по сути дела оборвал его на полуслове. Или, быть может, как полагает Эйзенман — о чем мы поговорим впоследствии, — Лука на самом деле знал, но сознательно не довел свой рассказ до конца, чтобы скрыть свою информированность. А может быть, рассказ был сокращен позднейшими редакторами.

Заключительная часть Книги Деяний, начиная с описания мятежа, вспыхнувшего в Храме, выглядит туманной, запутанной и содержащей массу вопросов без ответа. Однако в другом месте текст Деяний куда прозрачней и понятней. Это относится и к описанию обращения Павла на пути в Дамаск, и к рассказу о его путешествиях. Но за рассказом обо всех событиях проглядывает хроника постоянно усиливавшихся трений между двумя партиями в первоначальной общине в Иерусалиме — так называемой «ранней церкви». Одна из партий состояла из «ортодоксов», которые были ревнителями учения, изложенного в кумранских текстах, и настаивали на строгом соблюдении Закона. Другая, представителями

---

[115] В Деян. 23, 23 прямо сказано, что в числе охраны было 200 воинов (легионеров), 200 стрелков и 70 конных.

которой были сам Павел и его ближайшие сторонники, хотели смягчить строгость Закона и, уменьшив требования к вступающим в общину, расширить круг ее адептов. «Ортодоксов» беспокоила не столько численность общины, сколько чистота самого вероучения, и их, по всей видимости, не слишком волновало развитие событий за пределами Палестины. Не имели они и особого желания адаптироваться к интересам Рима. Павел же, напротив, готов был поступиться формальной чистотой вероучения. Его главной целью было как можно более широкое распространения и проповедь своего учения, а также привлечение возможно большего числа адептов. Чтобы достичь своей цели, он лавирует, стремясь избежать прямого столкновения с лидерами общины и в то же время найти контакт с римлянами и даже заручиться их расположением.

В «ранней церкви», как сказано в Книге Деяний, возник настоящий раскол, инициатором которого был апостол Павел. Главным оппонентом Павла выступала загадочная фигура — Иаков, брат Господень. Нет сомнений, что именно Иаков был признанным лидером Иерусалимской общины, которая в позднейшей традиции стала именоваться «ранней церковью». Иаков по большей части выступал в роли «ортодокса», хотя он — если верить Книге Деяний — выражал готовность пойти на компромисс по некоторым вопросам. Однако есть все основания полагать, что даже эта умеренная скромность является скорее домыслом автора Книги Деяний. Понятно, что полностью устранить Иакова из своего повествования Лука не мог, ибо его роль была слишком заметна и хорошо известна. Следовательно, ему оставалось лишь попытаться затушевать его значение, представив брата Господня фигурой второго ряда, — фигурой, занимавшей промежуточное положение между Павлом и крайними «ортодоксами».

Как бы там ни было, «подтекст» Книги Деяний по сути сводится к противоречиям между двумя наиболее влиятельными личностями — Иаковом и Павлом. Эйзенман убедительно показал, что Иаков предстает в роли хранителя первоначального учения, поборником догматической чистоты и ревностным приверженцем Закона. Он менее всего собирался становиться этаким основоположником некой «новой религии». Павел же стремился именно к этому. Иисус у Павла — это самый настоящий бог, биография и чудеса которого слово в слово совпадают с чудесами и эпизодами из культов других божеств-соперников, с которыми он боролся за аудиторию адептов. В конце концов, образы богов продаются по тем же рыночным принципам, что и мыло или корм для животных. По меркам Иакова, как, впрочем, и по меркам всякого правоверного еврея, подобный подход — это, разумеется, самое настоящее богохульство и апостасия. Учитывая страстную напряженность в подобных вопросах, спор между Иаковом и Павлом просто не мог — и Книга Деяний подтверждает это — ограничиться уровнем цивилизованных дебатов. Он мог вызвать только смертельную вражду между оппонентами, которая и вырывается на поверхность в конце повествования.

В конфликте между Павлом и Иаковом на перепутье перспектив развития оказалось то самое течение, которое мы сегодня называем христианством. Если бы основное русло его развития совпало с учением Иакова, христианства как такового вообще не было бы, а возникло бы очередное ответвление иудаизма, которое могло стать доминирующим, а могло и угаснуть. Когда же первоначальный туман рассеялся, основное русло нового движения в последующие три века оформилось вокруг проповеди и учения Павла. В итоге, к пущему ужасу Иакова и его сподвижников, доживи они до того времени, на свет действительно появилась новая религия — религия, которая имела все меньше и меньше отношения к своему формальному основателю — Христу.

13. «Праведный» Иаков

Если Иаков действительно играл столь важную роль в событиях того времени, почему же мы так мало знаем о нем? Почему ему упорно отводится статус теневой, второстепенной фигуры где-то на заднем плане? На эти вопросы можно дать достаточно простой ответ. Эйзенман подчеркивает, что независимо от того, был ли Иаков настоящим братом[116] Иисуса или нет, он знал Христа очень близко, чего Павел сказать о себе не мог. В своем учении Иаков, несомненно, был гораздо ближе к «первоисточнику», чем Павел. Да и его взгляды и задачи существенно расходились со взглядами Павла, а часто оказывались диаметрально противоположными им. Поэтому Иаков для Павла был чем-то вроде постоянного раздражителя. И в результате триумфа Павлова направления христианства роль и значение Иакова, естественно, если и не были сведены к нулю, то, во всяком случае, оказались сильно затушеваны.

В отличие от целого ряда персонажей Нового Завета, Иаков[117], по всей видимости, является историческим персонажем и, более того, лицом, сыгравшим в событиях того времени куда более заметную роль, чем это обычно принято считать. Действительно, существует достаточно обширный корпус литературы, посвященной Иакову, и притом большинство ее выходит за рамки канонических компиляций на основе текстов Нового Завета.

В корпусе Нового Завета Иаков упоминается в Евангелиях как один из братьев Иисуса, хотя контекст, в котором упоминается его имя, достаточно туманен и неясен. В Книге Деяний, как мы уже говорили, его личности уделено значительно больше места, хотя справедливости ради надо признать, что во второй части книги его имя практически не фигурирует. Однако в послании ап. Павла к галатам Иакова можно легко идентифицировать с лидером «ранней церкви», который пребывает в Иерусалиме в окружении членов совета старейшин[118]. За исключением его постоянных нападок на Павла, о его деятельности мало что известно. Столь же мало известно и о его личности и биографии. В этом отношении также мало дает и послание самого Иакова. Это послание вполне может быть текстом, созданным самим Иаковом, и Эйзенман, проанализировав его, подчеркивает характерно

---

[116] Этот вопрос издавна занимал протестантских исследователей, отвергавших Священное Предание и толкующих Новый Завет «от ветра главы своея». Между тем Священное Предание указывает, что св. апостол Иаков, брат Господень, был сыном св. Иосифа Обручника от первого брака, а поскольку св. Иосиф, взяв в жены Деву Марию, с формально-юридической точки зрения стал считаться отцом Иисуса, то и его дети от первого брака, в том числе и Иаков и другой брат Господень, апостол Иуда, формально считались братьями Господа Иисуса Христа «по плоти». Таким образом, для православного и католического сознания вопроса о том, каким именно братом приходился Иаков Иисусу, просто не существует *(прим. перев.)*.

[117] Несколько лет назад была обнаружена характерная иудейская погребальная урна I в., на которой сохранилась надпись, выполненная двумя почерками. Надпись первым почерком гласит: «Иаков, сын Иосифа», приписка, сделанная вторым: «брат Иисуса». Подлинность и древность обеих надписей сомнения не вызывают *(прим. перев.)*.

[118] Хотя в Книге Деяний апостолов нигде прямо не сказано, что Иаков был лидером Иерусалимской общины, в Деян. 15, 13—2 1.

кумранский стиль, обороты речи и образную систему[119]. В послании содержится обвинение против тех, чье влияние окажется непродолжительным, — обвинение в том, что «вы осудили, убили праведника; он не противился вам». Здесь также нет никакой личной информации[120].

Итак, роль Иакова, упоминаемая в Св. Писании, ясна. Однако если отойти чуть в сторону от канонического текста, начинает вырисовываться существенно иной образ Иакова. Это показывают результаты исследований Эйзенмана, проводившихся им в последние годы. Одним из источников информации, указываемых им, является анонимный текст «ранней церкви», так называемые «Климентины», появившиеся в начале III в. н. э. По свидетельству этого документа, Иаков проповедовал в Храме, когда туда ворвался неназванный «враг» в окружении своих приспешников. «Враг», возвысив голос, обрушился с упреками на слушавших Иакова, а затем попытался возбудить толпу «бранью и злобой, словно безумный, подстрекая всех к убийству, говоря: «Что же вы? Отчего вы медлите? О ленивые и равнодушные, почему вы не наложите руки на них и не разорвете этих негодяев на куски?» При этом «враг» не ограничился одними только словесными оскорблениями. Схватив факел, он начал размахивать им, нападая на собравшихся в Храме верующих. Его приспешники следовали за ним. Вспыхнул самый настоящий мятеж:

«Пролилось много крови; завязался бой, в ходе которого враг напал на Иакова и сбросил его вниз головой с верха лестницы; затем, думая, что тот мертв, враг не стал вновь нападать на него».

Иаков, однако, остался жив. По свидетельству тех же «Климентин», его сторонники отнесли его к нему в дом, находившийся в Иерусалиме. На следующее утро, еще до рассвета, раненый Иаков вместе со своими сподвижниками покинул город, направившись в Иерихон, где они провели некоторое время, по всей вероятности — до тех пор, пока Иаков немного не оправился от ран[121].

По мнению Эйзенмана, это нападение на Иакова весьма показательно. Он усматривает прямую параллель между ним и нападением на первомученика Стефана, описанным в Книге Деяний. Эйзенман подчеркивает, что Стефан, возможно, был вымышленной фигурой, появившейся для того, чтобы завуалировать тот факт, что подобное нападение, скрыть которое Книга Деяний попросту не смогла, на самом деле было направлено против Иакова. Эйзенман также говорит, что Иерихон, куда бежали Иаков и его сподвижники после нападения, находится всего в нескольких милях от Кумрана. Более того, он утверждает, что бегство в Иерихон — это несомненная историческая деталь. Дело в том, что сознательно

---

[119] Например, в соборном послании апостола Иакова (Иак. 2, 10) сказано: «Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном *чем-нибудь,* тот становится виновным во всем». См.: Eisenman «Праведный Иаков и «Толкование на Аввакума», р. 2, п. 6; р. 21, п. 1; р. 25, р. 58, п. 39

[120] В греческом тексте это место звучит в точности как здесь. Забавно, что в «Иерусалимской Библии», перевод текста для которой выполнен самим отцом де Во и сотрудниками Библейской школы, оно искажено: «Это вы осудили невинных и убили их...»

[121] Эйзенман, разбирая этот эпизод, подчеркивает, что спустя шесть недель, уже в Кесарии, Петр упоминает о том, что Иаков все еще болеет от полученных им ран. Как пишет Эйзенман, «подробности такого рода поражают своей искренностью, и надо как следует подумать, прежде чем отвергнуть их как художественный вымысел». См.: Eisenman «Праведный Иаков и «Толкование на Аввакума», р. 4, п. 11.

сфабриковать и вставить в текст подробности подобного рода просто невозможно, поскольку они не служат никакой особой цели. Что же касается «врага», то в отношении его личности остается мало сомнений. В «Кли-ментинах» сказано буквально следующее:

«Тогда спустя три дня к нам пришел от Гамалиила один из братьев... принесший нам тайные вести о том, что враг получил от Каиафы, первосвященника, задание арестовать всех, кто уверовал в Иисуса, и для этого намеревается отправиться в Дамаск с письмом от него [Каиафы]...»

В дошедших до нас экземплярах книги Иосифа Флавия «Иудейские древности» содержится всего одно упоминание о Иосифе, которое, возможно, является позднейшей интерполяцией (вставкой), а возможно — нет. В исторической хронике Иосифа говорится, что синедрион, этот высший религиозный суд в Иудее, призвал на допрос Иакова, «брата Иисуса, называемого Христом». Будучи обвинены (в основном безосновательно) в нарушении Закона, Иаков и некоторые из его сторонников были признаны виновными и были казнены — побиты камнями. Независимо от того, является ли это сообщение документально точным, частично или полностью вымышленным, нас в данном случае более всего интересует дата этого события. По свидетельству Иосифа, этот эпизод имел место в промежутке *между* правлениями двух римских прокураторов. Предыдущий прокуратор только что умер. Его преемник, Луциний Альбин, находился еще *на пути* в Палестину из Рима. В период междувластия реальная власть в Иерусалиме находилась в руках первосвященника по имени Anания, человека весьма непопулярного. Это позволяет отнести дату гибели Иакова к 62 г. н. э., то есть всего за четыре года до восстания в Иудее, вспыхнувшего в 66 г. н. э. Итак, мы имеем хронологическое свидетельство того, что смерть Иакова была как-то связана с эпохой войны, полыхавшей в Святой земле с 66 по 73 г. н. э. Чтобы заручиться более подробной информацией, необходимо обратиться к более поздним церковным историкам.

Пожалуй, наиболее важным для нас источником являются труды Евсевия Кесарийского (IV в.), епископа Кесарии, которая в ту эпоху была римской столицей Иудеи, автора одного из самых достоверных хроник по истории ранней церкви. В соответствии с традицией того времени, Евсевий широко использует в своем труде обширные фрагменты из произведений других писателей, книги которых не сохранились. Говоря об Иакове, Евсевий цитирует Климента, епископа Александрийского (ок. 150—215 гг. н. э.). Климент Александрийский, упоминая об Иакове, называет его «праведником» или, как его часто именуют, «праведным» (т. е. *цаддик* по-древнееврейски). Совершенно ясно, что это — типично кум-ранский оборот, к которому восходит и уже знакомый нам титул — «Праведный Учитель», официальный титул лидера Кумранской общины. Согласно Клименту, пишет Евсевий, Иаков был сброшен с парапета Храма, а затем забит до смерти дубиной.

В своей истории Евсевий широко цитирует труды Ге-гесиппа, церковного историка II в. Известно, что книги Гегесиппа существовали еще в конце XVI — начале XVII в. Однако впоследствии они были утрачены, хотя отдельные их списки могут храниться в библиотеке Ватикана, а также в библиотеках других монастырей, в частноети — в Испании[122]. Однако на сегодняшний день все, чем мы располагаем из книг Гегесиппа, — это выдержки из его трудов, сохранившиеся у Евсевия Кесарийского.

---

[122] Целый ряд древнейших монастырей в Испании со дня своего основания систематически собирали все попадавшиеся им христианские и библейские тексты, как ортодоксальные, так и еретические. А поскольку монастыри эти никогда не подвергались разграблению, их книгохранилища пребывают в целости и сохранности. К сожалению, доступ в их библиотеки строго ограничен.

Цитируя Гегесиппа, Евсевий подчеркивает, что праведный Иаков «был святым от рождения»:

«Он никогда не пил вина... не ел животной пищи; бритва никогда не касалась бороды его; он никогда не умащал тела своего маслом и никогда не мылся. Ему одному позволялось входить в Священное Место [святая святых в Храме]; одежды его были не из шерсти, но из льна [то есть он носил одежды, полагавшиеся священникам]. Он привык входить в Святилище один, и его часто заставали там молящимся, стоя на коленях, вымаливая прощение, так что колени его стали твердыми, как у верблюда... По причине его непревзойденной праведности его прозвали праведным и... «защитником народа».

В этом месте есть смысл остановиться и подчеркнуть в тексте некоторые интригующие детали. У Гегесиппа сказано, что Иаков носил льняные, то есть священнические одежды. Подобные одеяния были прерогативой тех, кто служил в Храме и принадлежал к одному из священнических семейств, по традиции составлявших своего рода «аристократию» саддукеев, которая в I в. н. э. пошла на сговор с Римом и римскими марионетками — династией Ирода. Как подметил Эйзенман, у другого церковного историка, Епифания, говорится, что Иаков носил митру — головной убор первосвященника. Кроме того, только первосвященник имел право входить в святая святых — внутреннее святилище и наиболее таинственное место в Храме, обладавшее наивысшим сакральным статусом. Но тогда возникает вопрос: что там делал Иаков? Это не вызывает ни малейшего удивления или недоумения у церковных историков, которые, по-видимому, не усматривают в его действиях ничего странного. Выходит, Иаков по рождению обладал неким законным правом носить священнические облачения и входить в святая святых? Или, как полагает Эйзенман, он выступал в роли своего рода «первосвященника-оппозиционера», то есть мятежника, который, отвергая сговор священников Храма с Римом, взял на себя те функции, которые они предали? Совершенно ясно, что официальное священство было недовольно действиями Иакова. По свидетельству Гегесиппа, «писцы и фарисеи» решили избавиться от него, чтобы народ «начал опасаться и перестал верить ему (Иакову. —*Прим. перев.)».* Они стали распускать слухи, что «даже праведник сбился с пути истинного», ссылаясь на цитату из Ветхого Завета, в данном случае — из Книги пророка Исайи (Ис. 3, 10)[123], чтобы оправдать свои действия. Они заявляли, что Исайя пророчествовал о смерти «праведника». Таким образом, вознамерившись убить Иакова, они всего лишь исполняли пророчество Исайи. Но, приводя эту цитату из Исайи, они следовали традиционной практике, следы которой видны и в свитках Мертвого моря, и в текстах Нового Завета. Как подчеркивает Эйзенман, подобно тому, как эта цитата была использована в качестве своего рода «ордера» на убийство Иакова, Кумранская община использовала аналогичные фрагменты из Нового Завета, где упоминалось о «праведности», при описании смерти «Праведного Учителя». Евсевий, повествуя о смерти Иакова, излагает события следующим образом:

«Они отправились и сбросили праведника. Они сказали друг другу: «Давайте побьем камнями праведного Иакова» — и стали побивать его камнями; он упал, однако был еще жив... Когда они побивали его камнями... [один из членов другой священнической семьи] воззвал к ним: «Остановитесь! Что вы делаете...» Тогда один из них, сукновал, *взял дубину, которой он отбивал материю, и обрушил ее на голову праведника... Такова была его мученическая смерть... Сразу же после этого Веспасиан приступил к осаде [Иерусалима]».*

---

[123] «Скажите праведнику, что благо *ему:* ибо он не будет вкушать плоды дел своих» (Ис. 3,10) *{прим. перев.).*

Веспасиан, ставший в 69 г. н. э. императором, возглавлял римские войска, вторгшиеся в Иудею с целью подавления восстания, вспыхнувшего еще в 66 г. н. э. В данном случае опять-таки имеет место хронологическая взаимосвязь между смертью Иакова и восстанием в Иудее. Однако Евсевий идет еще дальше. Для него эта связь носит не просто и не только хронологический характер. Начавшаяся после этого «осада Иерусалима», пишет он, имея в виду, вероятно, вообще все восстание в Иудее, явилась прямым следствием убийства Иакова — оно произошло «ни по какой иной причине, кроме как вследствие подлого преступления, жертвой которого он [Иаков] стал».

Стремясь обосновать свое вызывающее заявление, Евсевий ссылается на Иосифа Флавия. Хотя тот фрагмент, на который он ссылается, отсутствует в сохранившихся копиях книг Иосифа, он, вне всякого сомнения, принадлежит перу Иосифа, потому что тот же самый отрывок цитирует и Ориген, один из ранних и наиболее авторитетных отцов[124] церкви. Рассказывая о восстании в Иудее, начавшемся в 66 г. н. э., и последовавшем за этим вторжением римских войск, Иосиф указывает: «Эти события явились для иудеев карой за [убийство] праведного Иакова, который приходился братом Иисусу, называемому Христом; ибо, хотя он был самым праведным из них, евреи предали его смерти».

На основании этих фрагментов, связаных с личностью Иакова, начинает вырисовываться истинная картина событий. Иаков, признанный глава «первоначальной церкви» в Иерусалиме, был представителем той партии евреев, которая, как и обитатели Кумранской общины, являлась «ревнителем Закона». Представители этой партии крайне враждебно относились к саддукеям (высшему священству и первосвященнику Анании, назначенному на этот пост Иродом), которые, по их мнению, предали свой народ и его веру, вступив в сговор с римской администрацией и ее ставленниками — марионеточными «царями» из династии Ирода. Враждебность эта приняла настолько острый характер, что Иаков взял на себя функции первосвященника, которые исполнял скомпрометировавший себя Анания. Сторонники Анании ответили на это убийством Иакова. Практически сразу же после этого в Иудее вспыхнуло восстание, и в одном из первых же вооруженных столкновений Анания как соглашатель с римскими оккупантами был убит. Когда восстание достигло своей кульминационной точки, Рим счел, что необходимо спешно принимать меры, и направил в Палестину экспедиционный корпус во главе с Вес-пасианом. В результате началась полномасштабная война, которая в 68 г. н.э привела к захвату Иерусалима и разрушению Храма. Завершилась же эта война лишь в 74 г., после падения крепости Масада.

Единственным не вполне ясным аспектом в этом сценарии событий является важность и реальное значение той роли, которую сыграла в этих событиях смерть Иакова. Быть может, они просто совпали в хронологическом отношении? Или же, как подчеркивает Евсевий, эта смерть стала главной причиной восстания? Вероятно, истина, как и всегда в подобных случаях, лежит где-то посередине. Восстание явилось результатом целого комплекса важных факторов, так что историки не склонны считать единственной его причиной убийство

---

124 Авторы не вполне точны. Ориген (середина — конец III в.), выдающийся христианский мыслитель, учитель учителей Церкви, считается именно *учителем,* а не отцом церкви. Дело в том, что значительная часть его учения не нашла подтверждения в творениях отцов и даже прямо противоречит им (в частности, его уклон в гностику и учение о предсуществовании душ). Более того, на V Вселенском соборе, созванном в середине V в. при императоре Юстиниане (впоследствии прославленном в лике святых), Ориген и его учение были преданы анафеме. Впрочем, подобный акт противоречит церковным канонам, поскольку Ориген всегда был и умер православным, а предавать анафеме человека, умершего в лоне церкви да еще два с лишним века спустя, — явное нарушение церковных правил *(прим. перев.).*

Иакова. С другой стороны, сохранившиеся свидетельства со всей очевидностью показывают, что смерть Иакова была не просто заурядным маргинальным эпизодом. Она как минимум оказала серьезное влияние на настроения широких масс.

Как бы там ни было, Иаков, как показывают выводы анализа Эйзенмана, несомненно, был куда более заметной и влиятельной фигурой в истории Иудеи I в. н. э., чем это обычно показывает христианское предание. Да и «первоначальная церковь» предстает в совершенно ином свете. Она более не выглядит этакой конрегацией адептов, сторонящихся политики и любых общественных интересов, стремившихся лишь к достижению личного спасения и не проявлявших интереса ни к какому царству, кроме Царствия Небесного. Наоборот, она предстает одним из проявлений иудейского национализма своего времени, сообществом воинственно настроенных пассионариев, выступавших за строгое соблюдение Закона, стремясь низложить коррумпированных саддукей-ских священников Иерусалимского Храма, свергнуть династию нелегитимных марионеточных царей и изгнать римских оккупантов со Святой земли. Короче, все это вполне соответствует традиционному образу зилотов.

И все же: какое отношение имеет все это к Кумрану и свиткам Мертвого моря?

* * *

Деяния апостолов, книга Иосифа Флавия и творения раннехристианских церковных историков рисуют колоритный и достаточно полный портрет Иакова, «брата Господня». Он предстает этаким образцом «праведности», как и положено «праведному» или «праведнику», в полной мере оправдывая это прозвище. Он — признанный лидер «сектантского» религиозного сообщества, члены которого являются «ревнителями Закона». Ему приходится вести борьбу с двумя сильными и совершенно разными противниками. Один из них — Павел, чужак, который поначалу преследует общину, затем переживает обращение и становится ее приверженцем, однако лишь для того, чтобы вскоре сделаться ренегатом и затеять споры и ссоры с ее лидерами, искажая образ Иисуса и выступив с проповедью своего собственного учения — учения, которое возникло на основе учения общины, а затем сильно исказило его. Второй противник Иакова — первосвященник Анания, глава саддукейского священства. Анания был человеком коррумпированным, возбуждавшим к себе всеобщую ненависть. Он изменил не только Богу, но и народу Израилеву, став приспешником римской администрации и ее марионеток — царей из династии Ирода. Иаков публично обличил Ананию и вскоре принял смерть от рук приспешников Анании. Но и Ананию очень скоро постигла точно такая же участь. Все эти события происходят на фоне нарастания общественной и политической напряженности и надвигающегося вторжения чужеземных войск.

Учитывая подобный сценарий развития событий, Эйзенман обратился к изучению свитков Мертвого моря и, в частности, Толкования на Аввакума. Когда фрагментарные детали кумранских текстов сложились в выверенную последовательность, возник некий текст, чрезвычайно похожий на сообщения Книги Деяний, Иосифа Флавия и раннехристианских историков. Свитки излагают свою собственную версию, в центре которой находится один-единственный протагонист[125] -- «Праведный Учитель», персонаж, обладающий практически всеми теми же достоинствами, что и Иаков. Как и Иаков, «Учитель» являлся признанным лидером «сектантской» религиозной общины, членами которой были все те же «ревнители Закона». Как и Иаков, он был вынужден вести борьбу с двумя противниками, придерживавшимися существенно разных взглядов.

---

[125] В античном театре — главный герой, вокруг которого сосредоточено действие драмы и который всегда находится на переднем плане *(прим. перев.)*.

Одним из этих противников был «лжец», чужак, который одно время присоединился было к общине, а затем показал себя ренегатом, затеявшим спор и ссору с «Учителем», заимствовав какие-то фрагменты учения общины и сумев увлечь за собой часть ее членов. Согласно Толкованию на Аввакума, «лжец» не пожелал слушать слова, воспринятые «Праведным Учителем» из уст Самого Бога. Наоборот, он призывал «не верить в Новый Завет, чтобы они [члены общины] не принимали Завета с Богом и возвели хулу на Его Святое Имя». Этот текст со всей определенностью показывает, что «лжец порицал Закон, находясь посреди собрания членов сообщества». О нем самом говорится, что он был «поглощен [делами] лжи и интриг». А это уже, по сути, те самые преступления, в которых враги, по свидетельству Книги Деяний, обвиняли Павла, — преступления, повлекшие за собой покушение на его жизнь. Эйзенман постоянно подчеркивает особую чувствительность Павла к обвинениям и предвзятым обличениям[126]. Так, например, в 1-м послании к Тимофею 2, 7 сказано, что он, словно защищаясь, оскорбленно заявляет: «...истину говорю во Христе, не лгу» (1 Тим. 2, 7). А во 2-м послании к коринфянам он клянется, что «Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословенный во веки, знает, что я не лгу» (2 Кор. 11, 31). Это — всего лишь две из большого числа подобных клятв; порой возникает впечатление, что Павел обуреваем почти навязчивым стремлением оправдаться от возводимых на него обвинений во лжи.

По свидетельству свитков Мертвого моря, «лжец» выступал противником «Праведного Учителя» внутри самой общины. Второй же противник «Праведного Учителя» был чужаком, действовавшим извне. Это уже знакомый нам «недостойный священник», коррумпированный представитель властей, который предал и свой долг, и свою веру[127]. Он был вдохновителем гонений на «нищих», то есть «ревнителей Закона», которых, по слухам, было немало и в Иерусалиме, и в других местах. Он преследовал «Праведного Учителя» всюду, где бы тот ни пытался найти убежище. От рук приспешников «недостойного священника» «Учитель» получил тяжелые увечья, а возможно — текст в этом месте не вполне ясен — и смерть. Впоследствии «недостойный священник» сам был убит последователями «Учителя», которые, предав его смерти, «совершили возмездие над его телом», то есть надругались над трупом[128]. Параллели между «недостойным священником», упоминаемым в свитках, и исторической фигурой первосвященника Анании бесспорны.

В своей книге о праведном Иакове Эйзенман наполняет эти параллели — между Иаковом, Павлом и Ана-нией, с одной стороны, и «Праведным Учителем», «лжецом» и «недостойным священником», с другой — массой выразительных деталей. Он строка за строкой анализирует Толкование на Аввакума и другие тексты, сопоставляя их с

---

126 Более подробный обзор причин столь болезненной реакции Павла на обвинение во лжи см.: Eisenman «Праведный Иаков и «Толкование на Аввакума», р. 39, п. 24.

127 Eisenman «Праведный Иаков и «Толкование на Аввакума», р. viii, подчеркивает важное различие между такими определениями, как «лжец» и «недостойный священник». Это различие необходимо четко представлять себе, прежде чем пытаться уяснить подлинный исторический смысл текстов. По мнению консенсуса, «лжец» и «недостойный священник» — это одно и то же лицо. См.: Vermes «Свитки Мертвого моря в переводе на английский».

128 «Толкование на Аввакума», IX, 2. См. Eisenman «Праведный Иаков и «Толкование на Аввакума», р. 50—51, где автор утверждает, что более точное прочтение этого места звучит так: «они совершили возмездие над плотью его трупа». Это еще более приближает данный фрагмент к известным фактам гибели первосвященника Анании. См. Eisenman «Интерпретация <-*арбейт галуто»* в «Толковании на Аввакума», где автор прямо связывает эту фразу с обстоятельствами суда Синедриона над Иаковом.

информацией, представленной в Деяниях, у Иосифа Флавия и в трудах раннехристианских историков. Нам трудно с достаточной объективностью судить о достоверности свидетельств, которыми тот пользуется. Тем не менее вывод, вытекающий из этих свидетельств, совершенно однозначен. Толкования на Аввакума и некоторые другие тексты свитков Мертвого моря повествуют о тех же самых событиях, которые упоминаются в Книге Деяний, у Иосифа Флавия и в трудах раннехристианских историков.

Этот вывод подтверждается шокирующим и неожиданным использованием постулатов философии Кумранской общины в Книге Деяний, в соборном послании Иакова и многочисленных посланиях Павла. Он подтверждается и тем фактом, что место, где сам Павел провел три года в учениках, — это на самом деле Кумран, а не город в Сирии. Даже тот единственный фрагмент, который на первый взгляд не согласуется с этой версией, — утверждение, что преследования и убийство Иакова имели место в Иерусалиме, противоречит свидетельству свитков Мертвого моря о том, что это произошло в Кумране, — легко объяснить из самого текста. Толкование на Аввакума со всей ясностью говорит о том, что во время волнений лидеры общины находились в Иерусалиме.

Существует и другой момент, который, по мнению Эйзенмана, является особенно важным. В послании к римлянам (Рим. 1,17) апостол Павел говорит, что «в нем открывается правда Божия от веры в веру, как написано «праведный верою жив будет». Та же самая тема затронута Павлом и в послании к галатам (Гал. 3, 11): «А что законом никто не оправдывается пред Богом, это ясно, потому что праведный верою жив будет».

Эти два утверждения, по сути дела, являются отправной точкой богословской концепции оправдания верой. Они, по словам Эйзенмана, являются «краеугольным камнем богословия Павла». Они составляют основу той системы, которую Павел вознамерился противопоставить учению Иакова, отстаивая примат веры, тогда как Иаков был поборником примата Закона.

На основании чего же апостол Павел выводит свой принцип примата веры? Понятно, что подобные взгляды не принадлежали к общепризнанному ядру учения иудаизма того времени. Оказывается, они заимствованы из оригинального варианта книги пророка Аввакума — ветхозаветного апокрифического текста, датируемого, как считается, серединой VI в. до н. э. Согласно апокрифической книге Аввакума (Ав. 2, 4), «праведник будет жив своей верностью». Таким образом, слова Павла из процитированного выше послания представляют собой парафраз этой формулы. Следовательно, именно книга Аввакума является для Павла тем самым «писанием», на которое он ссылается.

Однако еще больший интерес представляет Толкование на Аввакума — объяснение и экзегетика фрагмента книги Аввакума, найденное в числе свитков Мертвого моря. Любопытно, что Толкование на Аввакума цитирует то же самое место, а затем приводит комментарии к нему:

«Праведный верою жив будет». По толкованию, это относится ко всем тем, кто соблюдает Закон в доме Иудином, которых Бог освободит из дома Судилища ради их страданий и ради их веры в Праведного Учителя»[129].

Этот поразительный пассаж — по сути, сенсационное изложение вероучения «ранней церкви». Он со всей определенностью говорит о том, что страдания и вера в «Праведного

---

[129] «Толкование на Аввакума», VIII, 1 ff. Более подробно о дискуссии по вопросу о «вере» см.: Eisenman «Праведный Иаков и «Толкование на Аввакума», pp. 37—39.

Учителя» являются путем к обретению праведности и спасению. На основе этого фрагмента из свитков Мертвого моря Павел мог построить всю свою богословскую концепцию. Но этот фрагмент недвусмысленно утверждает, что страдания и вера в «Праведного Учителя» способны привести к спасению только «тех, кто соблюдает Закон в доме Иудином». Таким образом, приверженность соблюдению Закона и является тем аспектом, который пытается проигнорировать Павел и который пронизывает все существо его вероучительного спора с Иаковом и другими членами «ранней церкви».

14. Ревнители закона

По утверждению Роберта Эйзенмана, Кумранская община возникла на основе учения свитков Мертвого моря, будучи движением совершенно иной природы, чем ес-сеи, согласно популярным представлениям о них. Центрами этого движения являлись не только Кумран, но и целый ряд других мест в Иудее, в том числе и Иерусалим. Движение это пользовалось значительным влиянием, обладало значительными силами и служило серьезной поддержкой для тех, кто на него опирался. Оно могло направить за границу Павла, а также многих других миссионеров с миссионерской целью и для вербовки новых сторонников. Наконец, это движение могло организовывать покушения и убийства (такие, например, как покушение на Павла, упоминаемое в конце Книги Деяний апостолов, а впоследствии и убийство первосвященника Анании). Более того, оно могло выдвинуть своего собственного легитимного альтернативного кандидата на пост первосвященника Иерусалимского Храма. Оно было в состоянии захватывать и удерживать в своих руках стратегически важные крепости — такие, как Масада. И, что самое главное, оно было способно собрать вокруг себя практически все население Иудеи и организовать всеобщее восстание против римского владычества, — восстание, которое привело к крупномасштабной войне, продолжавшейся семь лет и потребовавшей вмешательства не отдельных небольших отрядов, а целой римской армии. Принимая во внимание размах и масштабы всех этих событий, становится совершенно ясным, что традиционные образы ессеев и «ранней церкви» являются вопиюще неадекватными. Столь же очевидно, что движение, заявившее о себе через деятельность Кумранской общины и «ранней церкви», выразилось и в деятельности других группировок, обычно считающихся независимыми друг от друга: саддукеев, например, зилотов и си-кариев.

Исследования Эйзенмана позволили вскрыть фактическую простоту ситуации, которая представлялась прежде сложной и запутанной. По его словам, «такие термины, как *эбионим, ноцрим, хассидим, цаддикым* (т. е. еви-ониты, палестинские христиане, ессеи и саддукеи), на поверку оказываются не более чем вариантами одного и того же понятия»; в то же время «различные фразеологические обороты, которые Кумранская община использовала для обозначения своих членов, например, «сыны света»... вообще не означают какие-либо особые группы, а выполняют роль взаимозаменяемых метафор».

Воинственные зилоты и сикарии также представляют собой вариации на ту же тему и различные направления одного и того же движения. Движение это носило воинствующий, националистический, революционный, кненофобский и мессианистический характер. Хотя его корни восходят ко временам Ветхого Завета, консолидация этого движения произошла в период правления династии Маккавеев — во II в. до н. э.; события, происходившие в Иудее в I в. после Рождества Христова, придали ему новый мощный пассионарный импульс. В основе этого движения лежит принципиально важный вопрос о династической легитимности, — легитимности не только правящей династии, но священства, находящегося у власти. Поначалу вопрос о легитимности первосвященников имел для движения даже более важное значение.

Вообще легитимность священства сделалась вопросом первоочередной важности еще в ветхозаветные времена. Считалось, что роды священников, принадлежавший к Левиину колену, происходят по прямой линии от Аарона. Таким образом, на всем протяжении ветхозаветной истории священники считались уникальной аристократической элитой левитов. Первосвященники из числа левитов, которые служили при царях Давиде и Соломоне, именовались «Цадок», хотя не вполне ясно, является ли это именем конкретного

лица или же наследственным титулом. Соломон бы помазан на царство Ца-доком и, таким образом, стал «помазанником», «мессией», или, как это звучит по-древнееврейски, — *га-машиах*. Но дело в том, что первосвященники *также* принимали миропомазание и, следовательно, также становились «мессиями» в эпоху Ветхого Завета, так что народом Израилевым правили две параллельные линии «мессий», или «помазанников». Одной из этих линий, происходившей через колено Левиино по прямой линии от Аарона, принадлежала прерогатива управления духовными делами. Другая ветвь, принявшая форму царской власти, управляла всеми светскими делами и происходила от царя Давида и колена Иудина. Это объясняет присутствующие в свитках Мертвого моря ссылки на «Мессий Аарона и Израиля» или «Аарона и Давида». Этот принцип по сути своей аналогичен тому, который сложился в Европе в эпоху Средневековья, когда папа римский и император совместно управляли Священной Римской империей[130].

Священническая линия, происходившая от Аарона, сохраняла свой высокий статус вплоть до захвата Иерусалима Вавилоном в 587 г. до н. э. В 538 г. до н. э., когда «Вавилонское пленение» окончилось, священническая каста быстро восстановила свое прежнее влияние и полномочия, вновь провозгласив себя преемницей Аарона (скорее в метафорическом, нежели в буквальном смысле). В 333 г. до н. э. Святую землю опустошили армии Александра Македонского. На протяжении последующих 160 с лишним лет в Палестине правило несколько династий эллинистической ориентации. Священническая каста в этот период породила на удивление много самозваных претендентов на престол, многие из которых частично или даже полностью приняли эллинистические взгляды и образ жизни, эллинистическую культуру и ценности. И, как часто бывает в подобных случаях, общая тенденция к либерализации вызвала ответную реакцию ортодоксов, приверженцев «твердой линии». В результате возникло и оформилось движение, отвергавшее атмосферу расслабленности, неортодоксальности и вседозволенности, дух безразличия к древним традициям, презрение и попрание архаической «чистоты», отрицание священного Закона. Это движение призывало очистить Палестину от соглашателей, отступников-эллинистов и прочих «либералов», которые оскверняли Храм самим фактом своего присутствия в нем.

По свидетельству 1 Книги Маккавейской, движение это впервые решительно заявило о себе ок. 107 г. до н. э., когда один греческий военачальник приказал периферийному священнику по имени Маттафия Маккавей совершить жертвоприношение на языческом алтаре, что являлось вопиющим нарушением иудейского Закона. Будучи возмущен столь явным кощунством, Маттафия «возревновал, и затрепетала внутренность его, и воспламенилась ярость его по законе» (1 Мак. 2, 26), и он убил «мужа Иудеянина», собравшегося возложить жертву на жертвенник. Таким образом, Маттафия, по меткому замечанию Эйзенмана, стал «первым зилотом». Сразу же после этого происшествия Маттафия обратился к собравшимся с воззванием: «Всякий, кто ревнует по законе и стоит в завете, да идет вслед за мною!» (1 Мак. 2, 27). После этого он со своими сыновьями Иудой, Симоном, Ионафаном и двумя другими поспешил скрыться подальше от города. К ним присоединились люди из числа так называемых «хасидеев» — «...собрались к ним множество Иудеев, крепкие силою из Израиля, все верные закону» (1 Мак. 2,42). И спустя

---

[130] Так называемая Священная Римская империя германской нации была создана при активном участии папства в противовес единственной легитимной преемнице Древней Римской империи — Византии, где действительно сложилась симфония светской (в лице василевса) и духовной (в лице патриарха Констатинопольского) властей. Папы рассчитывали использовать императора как ширму для единоличного управления империей, а императоры притязали на часть папских прерогатив, что повлекло за собой конфликты, когда разные области начали ставить своих собственных «антипап» в противовес папе римскому *{прим. перев.).*

год с небольшим Маттафия, лежа на смертном одре, призвал сынов своих и приверженцев и завещал им: «Итак, дети, возревнуйте о законе и отдайте жизнь вашу за завет отцов ваших» (1 Мак. 2, 50).

После смерти Маттафии руководство движением перешло к его сыну, Иуде, «прозываемом Маккавеем», который «удалился в пустыню и жил со своими приверженцами в горах по подобию зверей, питаясь травами, чтобы не сделаться причастным осквернения» (2 Мак. 5, 27). Это указывает на то, что впоследствии стало важным догматическим принципом и ритуалом — стремление очиститься от скверны, удалившись в пустыню, и, проходя своего рода инициацию, пожить некоторое время в изоляции. Именно таков, по мнению Эйзенмана, источник возникновения разного рода изолированных сообществ — таких, как уже знакомая нам Кумранская община, время основания которых восходит ко временам Маккавеев. Это было своего рода аналогом современного «отшельничества». В Новом Завете совершенным примером такого самоочищения и отшельничества, безусловно, является Иоанн Креститель, который «проповедовал в пустыне»[131] и «ел акриды и дикий мед»[132]. Впрочем, необходимо помнить, что и Иисус тоже прошел нечто вроде инициации, подолгу молясь в пустыне[133].

С той же быстротой, с какой они бежали от преследований, Иуда Маккавей, его братья и приверженцы развернули широкомасштабные военные акции, переросшие во всеобщее восстание, к которому присоединились десятки тысяч мятежников. К 152 г. до н. э. Маккавеи взяли под свой контроль всю территорию Святой земли, установили в стране мир и спокойствие и утвердились у власти. Первое, что они сделали, освободив Иерусалимский Храм, — подвергли его «очищению», убрав все свидетельства языческих культов. Для нас особенно важно, что Маккавеи были *de facto* одновременно и царями, и первосвященниками, причем вторая из этих функций была для них куда более важной. Они стремились во что бы то ни стало упрочить свой статус в кругах священства, выступая в роли хранителей Закона. Что касается царства, то Маккавеи не решались назвать себя царями вплоть до монарха четвертого поколения их династии, правившего в 103—76 гг. до н. э.

Обосновавшись в оплоте священнической власти, Маккавеи с поистине фундаменталистской суровостью настаивали на соблюдении Закона. Они были склонны поддерживать ветхозаветную легенду о «завете Финее-са», которая изложена в Книге Чисел[134]. Согласно Книге Чисел, Финеес был священником и приходился внуком Ааарону. Он заявил о себе в эпоху, когда евреи после бегства из Египта при Моисее обосновались в Палестине. Вскоре их ряды начала опустошать свирепая чума. Финеес с особенной яростью обрушился на одного израильтянина, который взял себе в жены женщину-язычницу. Схватив

---

[131] Мк. 1,4 *(прим. перев.).*

[132] Мк. 1, 6 *(прим. перев.).*

[133] «Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола, и, постившись сорок дней и ночей, напоследок взалкал» (Мф. 4,1—2) *(прим. перев.).*

[134] Eisenman «Маккавеи, саддукеи, христиане и Кумран» р. 13; р. 49, п. 58. Ср. также Числ. 25,7: «Финеес, сын Елеазара, сына Аарона священника, увидев это, встал из среды общества и взял в руку свою копье...» Маттафия упоминает об этом завете в своих предсмертных словах: «Финеес, отец ваш, за то, что возревновал ревностью, получил завет вечного священства» (1 Мак. 54).

копье, он поразил им грешную супружескую чету[135]. После этого Бог торжественно объявил, что Финеес — единственный муж, который «возревновал по Мне» (Числ. 25, 11). И в награду за эту ревность Бог заключил с Финеесом завет[136] (1 Мак. 2, 54)[137], согласно которому Финеес и его потомки получали права священства на вечные времена.

Таков был человек, которого маккавейские священники считали прототипом «совершенного мужа». Как и Финеес, они предавали проклятию любые отношения с язычниками и иноземцами. Как и Финеес, они настаивали на необходимости быть «ревнителями закона». И эта ксенофобская нетерпимость к иноземным взглядам, женам-чужеземкам и пр. была возведена в ранг добродетели и являлась характерной чертой всего движения зи-лотов-цадокитов в целом.

В то же время не вполне ясно, могли ли Маккавеи претендовать на роль прямых потомков Аарона и Давида. По всей вероятности — не могли. Однако их «ревность к закону» способствовала легитимизации их власти. На всем протяжении правления династии Маккавеев Израиль[138] мог быть уверен, что им управляют первосвященники и цари, которые более или менее строго соблюдают предписания ветхозаветного Закона.

Все это закончилось, как и следовало ожидать, вступлением в 37 г. до н. э. на престол Ирода, который был марионеткой в руках римлян, опустошивших четверть века назад Палестину. Поначалу новый царь был озабочен доказательством своей легитимности. Так, например, Ирод женился на царевне из династии Маккавеев. Но как только его положение более или менее упрочилось, он поспешил предать смерти свою жену и ее брата, после чего прямая родословная Маккавеев пресеклась. Кроме того, Ирод заменил или уничтожил верхушку священников, назначив на их место своих фаворитов и приспешников. Это и были «саддукеи», известные из истории благодаря библейским источникам и труду Иосифа. Эйзенман указывает, что сам термин «саддукеи» первоначально возник как вариант или, возможно, искаженное от «цадок» или «цаддиким», что по-еврейски означало «праведники», каковым и действительно было священство маккавей-ской эпохи. Совсем другое дело — «саддукеи», насаждаемые Иродом. Они были тесно связаны с монархом-узурпатором и вели привольную жизнь, пользуясь престижем и всевозможными привилегиями. Саддукеи взяли под свой контроль все стороны жизни Храма. При этом они отнюдь не были ревнителями закона. Вскоре Израиль обнаружил, что оказался под властью нелегитимного коррумпированного монарха-узурпатора и столь же нелегитимного коррумпированного священства, причем и монарх был всего лишь орудием в руках языческого Рима.

Как и во времена Маттафии Маккавея, подобная ситуация вскоре вызвала ответную реакцию народа. Если марионеточные священники Ирода превратились в «саддукеев» популярных народных преданий, то их противники — «пуристы», остававшиеся строгими

---

135 «Финеес, сын Елеазара, сына Аарона священника... встал из среды общества и взял в руку свою копье... и пронзил обоих их» (Числ. 25, 7) *(прим. перев.).*

136 «Вот, Я даю ему Мой завет мира, и будет он ему и потомству его по нем заветом священства вечного, за то, что он показал ревность по Боге своем» (Числ. 25, 12—14) *(прим. перев.).*

137 «Финеес, отец ваш, за то, что возревновал ревностью, получил завет вечного священства» *(прим. перев.).*

138 Имеется в виду израильский народ, а не Израиль как царство, которое к тому времени давно распалось и прекратило существование *(прим. перев.).*

ревнителям Закона, — получили известность в истории под разными названиями. В некоторых текстах, например в корпусе кумранской литературы, их противники именуются «цадокитами» или «сынами Цадока». В Новом Завете они названы назореями, а впоследствии за ними утвердилось название первохристиан. У Иосифа Флавия они названы зилотами и сикариями. Римляне, естественно, именовали их террористами, разбойниками и мятежниками. Если воспользоваться современной терминологией, их вполне можно назвать мессиански настроенными революционными фундаменталистами.

Впрочем, какой бы терминологией ни пользоваться, религиозная и политическая ситуация, сложившаяся в Иудее в начале I в. н. э., свособствовала возникновению широкой оппозиции режиму Ирода, проримски настроенному священству и всей административной машине Римской империи, стоявшей за ними. В результате в і в. н. э. сложились две соперничавших враждебных друг другу фракции саддукеев. С одной стороны, это были саддукеи Нового Завета и «Иудейской войны» Иосифа Флавия, то есть ставленники Ирода, с другой — движение «истинных» саддукеев-пуристов, которые отвергали всякую возможность сговора с властями, сохраняя всецело приверженность традиционным принципам управления, то есть мессианскому священству, наследникам Аарона, и мессианскому монарху, ведущему свой род от царя Давида и притом бывшему ревнителем закона[139].

Хотелось бы надеяться, что теперь читателю вполне ясно, что ревнитель закона — это не просто случайная фраза. Напротив, она использована весьма уместно, подобно тому, как в масонстве могут употребляться такие метафорические обороты, как «братья-каменщики». Тем не менее, в каком бы варианте ни звучала эта фраза, она служит важным ключом для исследователей, указывая им на вполне конкретную группу людей или движение. Учитывая это, не имеет смысла утверждать — как, кстати сказать, делают сторонники консенсуса, будто между Кумранской общиной, отличавшейся «ревностью к закону», и зилотами популярных преданий существует серьезная разница.

Как принято считать, движение зилотов популярных преданий было основано на заре христианской эры неким Иудой из Галилеи или, если быть более точным, Иудой из Гамалы. Иуда из Гамалы поднял восстание в 4 г. н. э., сразу же после смерти Ирода Великого. Иосиф Флавий упоминает об одном весьма важном аспекте этого восстания. Однажды, «когда оплакивание Ирода уже закончилось», общественное мнение потребовало смены первосвященника — ставленника Ирода, предлагая назначить на его место другого, «человека великой праведности и чистоты». В сопровождении священника по имени Саддук, что, по всей видимости, представляет собой греческую транслитерацию имени «Цадок», или, как утверждает Эйзенман, *Цаддик,* что по-еврейски означает «Праведный», Иуда и его приверженцы заняли царский арсенал в галилейском городе Сепфорисе, захватив оружие и доспехи, хранившиеся в нем. Практически в то же время — чуть раньше или несколько позже — дворец Ирода в Иерихоне, что неподалеку от Кумрана, был атакован поджигателями и сожжен. За этими событиями последовала длительная, продолжавшаяся

---

[139] Eisenman «Маккавеи, саддукеи, христиане и Кумран» р. 90, п. 1б4. Авторство терминологического деления саддукеев на «пуристов» и «иродиан» принадлежит Эйзенману. Саддукеи «пуристского» толка, или зилоты-ревнители, после 4 г. до н. э. стали приверженцами «мессианских» взглядов. Поэтому, внося коррективы в свою терминологию, Эйзенман иногда говорит о группировках, сформировавшихся после 4 г. до н. э., как о «саддукеях мессианского толка» и «боэтусовых саддукеях», причем последний термин происходит от имени Симона бен Боэтуса, которого Ирод назначил первосвященником. В наших книгах мы сохраняем более простое деление этих группировок на «пуристов» и «иродиан». Такой подход является ключевым для понимания содержания документа ММТ.

семьдесят пять лет полоса вооруженных столкновений и террористических актов, кульминацией которой стала полномасштабная война 66—74 гг. н. э.

В своей книге «Иудейская война», написанной по горячим следам событий, Иосиф Флавий пишет, что Иуда из Галилеи основал «особую тайную секту». Второй важнейший труд Флавия, «Иудейские древности», был создан примерно четверть века спустя, когда общая атмосфера стала не столь напряженной. В этой книге Иосиф мог позволить себе высказаться более откровенно. Он сообщает, что Иуда и Саддук «проявили ревность», что означает, что произошла некая перемена в настроении умов. Новое движение, по его словам, представляло собой «четвертую секту еврейской философии», и молодые израильтяне «с ревностью подхватили ее». С самого начала это движение характеризовалось особым мессианским пафосом. Саддук воплощал в своем лице фигуру священнического мессии, происходившего от Аарона. Иуда же, по свидетельству Иосифа, был обуреваем «амбициозным желанием царского достоинства», то есть претендовал на статус мессии-царя, происходившего от Давида.

Сам Иуда был убит еще на начальном этапе восстания. Его лидирующая роль перешла к его сыновьям, которых у него было трое. Двое из них, Иаков и Симон, были широко известными лидерами зилотов. Они были захвачены в плен римлянами и распяты между 4б и 48 г. н. э. Третий же сын (или, возможно, внук), по имени Ме-нахем, стал одним из главных вдохновителей восстания 66 г. н. э. На начальном этапе, когда восстание обещало завершиться успехом, Менахем, как пишет Иосиф, торжественно въехал в Иерусалим «в качестве царя» — явное воплощение мессианских династических амбиций. В 66 г. Менахем захватил крепость Масада. Последний лидер защитников крепости, известный в истории под именем Елеазар, был еще одним потомком Иуды из Галилеи, хотя истинный характер отношений между ними остался неизвестным.

Массовое самоубийство защитников крепости Масада — известный исторический факт. Этому событию посвящены как минимум две новеллы, исторический кинофильм и телевизионный мини-сериал. Оно уже упоминалось на страницах нашей книги, и вот теперь есть смысл остановиться на нем более подробно. Необходимо заметить, что Масада была отнюдь не единственным центром, где имело место подобное массовое самоубийство. В 67 г., стремясь подавить восстание, охватившее всю Святую землю, римское войско вторглось в Гамалу, Галилею, родной город Иуды и его сыновей. В боях погибло более четырех тысяч евреев, стремившихся отстоять свои дома. Когда же все попытки защитить город оказались тщетными, еще более пяти тысяч иудеев покончили жизнь самоубийством. Подобный акт означает нечто большее, чем простое политическое противостояние. Он отражает накал религиозного фанатизма. Этот фанатизм подметил Иосиф Флавий, который, говоря о зилотах, пишет: «Они... не ценили жизнь и не боялись никакой смерти; поистине, они не опасались за жизнь своих родных и друзей, никакой страх не мог заставить их назвать простого человека Господом...» Признать римского императора богом, как того требовали римляне, было для зилотов самым ужастным богохульством[140]. Перед лицом столь явного попрания Закона смерть представлялась куда более предпочтительной.

«Ревность к закону» неизбежно подтолкнула зилотов, которых обычно изображают этакими свободными воинами, к контактам с наиболее яростными религиозными фанатиками из Кумранской общины. Как мы уже отмечали, на развалинах Масады были обнаружены тексты явно кумранского происхождения. «Ревность к закону» также побудила

---

[140] Этот материал достаточно рано получил широкий резонанс благодаря исследованию Эйзенмана «Путаница между фарисеями и ессеями у Иосифа Флавия», представленному на конференции Общества библейской литературы, состоявшейся в 1981 г. в Нью-Йорке.

зилотов установить отношения с так называемой «ранней церковью», приверженцам которой также постоянно приписывают благочестивую «ревность». Персонаж, упоминаемый в Евангелиях как Симон Зилот, показывает, что в ближайшем окружении Иисуса был как минимум один зилот-ревнитель. Другим вполне мог быть Иуда Искариот, прозвище которого, возможно, происходило от «сикатиот» или «сикарий». Но, пожалуй, самым поразительным открытием Эйзенмана является греческий термин, использовавшийся для обозначения членов «ранней церкви». Они вполне определенно именовались *«зилотами (ревнителями)* закона».

Таким образом, можно говорить о том, что в Палестине в I в. н. э. сложилась фундаменталистски настроенная прослойка потомственного священства, притязавшая на прямое генеалогическое или символическое происхождение от Аарона и связанная с ожиданиями скорого и неминуемого пришествия царя-мессии из дома Давидова. Эта священническая прослойка находилась в состоянии постоянной оппозиции к династии Ирода, ее ставленникам — марионеточным священникам и оккупантам-римлянам. В зависимости от конкретики данного момента и точки зрения, с которой на них смотрели различные авторы, этих священников и их приверженцев называли «зилотами», «ессеями», «цадокитами (саддукеями)», «назореями» и целым рядом других прозвищ, в том числе и исходивших от их врагов, которые именовали их «разбойниками» и «мятежниками». Эти люди явно не были пассивными отшельниками и мистиками. Напротив, их взгляд на события носил, по словам Эйзенмана, «неистово апокалиптический» характер и служил богословской мотивацией тех исступленных действий, которые обычно ассоциируются с образом зилотов. Эта исступленность, как политическая, так и богословско-ре-лигиозная, прослеживается в судьбе и деяниях Иоанна Крестителя, который, по свидетельству Евангелий от Матфея и от Марка, был казнен за то, что осудил женитьбу Ирода Антипы на жене брата его, потому что Иоанн говорил: «не должно тебе иметь ее» (Мф. 14, 4). И действительно, пишет Эйзенман, Иоанн Креститель вполне мог быть тем самым таинственным «Саддуком», который был соратником Иуды из Галилеи, предводителя зилотов во времена Иисуса Христа.

Итак, подводя итог сказаному, надо признать, что, несмотря на различие в названиях — таких, как «ессеи», «цадокиты», «назореи» и «зилоты», отдельные направления сливаются в единое широкое течение. Все эти термины представляют собой лишь различные проявления одного и того же религионо-политического движения, которое получило широкое распространение в Святой земле на протяжении I — II вв. н. э. Приведем один пример. Разные ветви, различия между которыми и впрямь были достаточно существенны, отражая многообразие индивидуальных особенностей и групповых интересов, сливались воедино, образуя нечто похожее на происходившее в годы Второй мировой войны: это было течение, известное как французское Сопротивление. Но вернемся на Святую землю. По мнению Роберта Эйзенмана, любые разногласия внутри движения были вопросом меры и степени, представляя собой вариации одной и той же темы. Но даже если между ними действительно существовали некие различия, они фактически сходили на нет в результате участия всех этих фракций в едином амбициозном движении, стремившемся очистить страну от римских оккупантов и восстановить древнюю легитимную иудейскую монархию и связанное с ней законное священство.

Столь широкомасштабное движение, разумеется, не могло окончиться после разрушения Иерусалима и Кумрана в 68—70 гг. н. э., и даже после падения крепости Масада в 74 г. н. э. Сразу же после разгрома, учиненного римлянами, многочисленные группы зилотов и сикари-ев бежали за пределы Палестины — в места, где издавна существовали крупные иудейские общины, например, в Персию, Египет и особенно в Александрию. В Александрии беженцы попытались было мобилизовать местное еврейское население и поднять новое восстание против Рима. Однако здесь их усилия не увенчались успехом; более того, около шестисот подстрекателей были арестованы и переданы в руки римских властей.

Мужчины, женщины и дети были подвергнуты пыткам: власти добивались от них, чтобы они признали императора богом. По словам Иосифа Флавия, «ни один муж не согласился и не сказал ничего подобного». Иосиф продолжает:

«Но ничто не вызвало такого восхищения у очевидцев, как поведение детей; никого из них так и не удалось вынудить назвать кесаря богом. Мужественный дух явно преобладал в них над слабостью их крошечных тел».

Здесь вновь подчеркнута поистине фанатическая преданность идее, преданность, в основе которой лежали не политические, а чисто религиозные мотивы.

Спустя более шестидесяти лет после войны в Иудее, в результате которой Иерусалим и комплекс Храма были обращены в руины, Святая земля стала ареной нового восстания, во главе которого встал харизматический лидер мессианского толка, известный в истории как Симон бар Кохба, то есть «сын Звезды». По мнению Эйзен-мана, подобное имя свидетельствует о том, что Симон действительно был прямым потомком одного из лидеров зилотов предыдущего века. В любом случае, персонаж, именовавшийся «Звезда», явно фигурировал среди них во времена первого восстания в Иудее (66—74 гг. н. э.). Как мы уже отмечали, тот же самый персонаж периодически упоминается и в текстах свитков Мертвого моря. Он явно восходит к пророчеству, сохранившемуся в Книге Чисел: «Восходит звезда от Иакова и восстает жезл[141] от Израиля» (Числ. 24, 17). Свиток Войны, приводя это пророчество, комментирует его в том смысле, что «Звезда», или «Мессия», вместе с «нищими» и «праведными», изгонит из Святой земли войска интервентов. Эйзенман нашел это пророчество о приходе «Звезды» и в двух других важнейших текстах кумранской литературы. В одном из них, Дамасском документе, оно звучит особенно впечатляюще: «Звезда — это Толкователь Закона, который имеет прийти в Дамаск, как написано... жезл же — Князь...»

Иосиф Флавий, как и римские историки Светоний и Тацит, подчеркивает, сколь важную роль играли в начале I в. н. э. в Святой земле пророчества, в частности, такое: «Из Иудеи придут люди, коим назначено править миром». По свидетельству Иосифа Флавия, проповедь этого пророчества являлась важным фактором в идеологии восстания 66 г. н. э. Было бы излишним напоминать, что пророчество о Звезде нашло свое выражение и в христианском предании, где говорится о Вифлеемской звезде, возвестившей рождение Иисуса Христа. В этом контексте, объявив себя сыном Звезды, Симон бар Кохба притязал на роль его символического потомка.

В отличие от восстания 66 г. н. э., восстание 132 г. н. а, во главе которого встал бар Кохба, не было плохо организованным мятежом, вспыхнувшим, так сказать, в результате спонтанного возмущения. Напротив, в нем просматривались следы длительной и тщательной подготовки. Еврейские кузнецы и ремесленники, которых силой заставили служить римлянам, могли, например, намеренно изготовлять оружие, не вполне соответствующее стандартам. И когда римляне «отбраковывали» такое оружие, иудеи подбирали и хранили его, чтобы использовать во время восстаний. Изучая опыт войны предыдущего столетия, бар Кохба убедился, что главное — отнюдь не в захвате и удержании опорных пунктов и крепостей, таких, как Масада. Чтобы разгромить римлян, необходима была кампания, основанная на высокой мобильности и тактике быстрых нападений. Это привело к созданию разветвленной подземной сети помещений, переходов и туннелей. В период, предшествовавший восстанию, бар Кохба использовал эти помещения для подготовки

---

[141] Ж е з л (в переводах на другие языки — скипетр) — атрибут и символ царской власти *{прим. перев.).*

боевиков. Впоследствии, когда начались военные действия, эти подземные укрытия служили в качестве опорных баз, позволявших повстанцам внезапно появляться пред самым носом врага, нанося ему молниеносные удары, а затем столь же быстро исчезая, — тактика, которая была хорошо знакома американским войскам в годы войны во Вьетнаме. Но Симон не ограничивался одними партизанскими вылазками. В рядах его войск сражалось немало добровольцев из-за рубежа, а также наемников и профессиональных воинов, обладавших немалым боевым опытом. Действительно, надписи, обнаруженные археологами, свидетельствуют о том, что целый ряд офицеров в армии и штабе Симона изъяснялись только по-гречески. Имея в своем распоряжении столь хорошо обученные кадры, Симон время от времени мог противостоять римлянам и в локальных сражениях.

В течение первого года восстания Симону удалось уничтожить как минимум один легион римлян, а возможно, и два. В итоге Палестина была практически очищена от римских войск. Иерусалим был захвачен восставшими, и в нем была восстановлена иудейская администрация. Итак, восстание было на волосок от полного успеха. Но триумфа не последовало, ибо Симона предали его недавние союзники. Согласно намеченной тактике, его войскам должны были оказывать поддержку боевые отряды из Персии, где проживало весьма многочисленное еврейское население, пользовавшееся благосклонностью и уважением со стороны правящей династии. Но в то самое время, когда их помощь была особенно необходима восставшим, Персия сама подверглась вторжению разбойничьих горных племен, которые беззастенчиво грабили ресурсы страны. В итоге Симон остался без поддержки, на которую очень и очень рассчитывал.

В Сирии, спокойной провинции за пределами Палеетины, римляне сумели перегруппировать свои силы под личным командованием императора Адриана, которому активно помогал Юлий Север, бывший проконсул Британии. В результате последовало новое вторжение римлян в составе ни много ни мало двенадцати легионов общей численностью около восьмидесяти тысяч воинов. Продвигаясь двумя походными колоннами по двум направлениям, они поочередно заняли все опорные пункты восставших в Святой земле. В конце концов они загнали Симона в угол и окружили его. Его последняя ставка, Баттир, где он обосновался в 135 г. н. э., находилась в нескольких милях к западу от Иерусалима.

На всем протяжении восстания Кумран был постоянно занят войсками Симона. Об их присутствии свидетельствуют монеты, найденные на его руинах, показывая, что Кумран имел важное стратегическое значение. Поэтому, несмотря на возражения отца де Во, есть все основания утверждать, что по меньшей мере некоторые из свитков Мертвого моря были уложены в кумранские тайники именно в эпоху восстания Симона бар Кохбы.

15. Самоубийство зилотов

Если рассматривать события существования в Палестине широкого мессиански настроенного движения в I в. и учитывать тот факт, что его составной частью являлись секты различного толка, это позволяет понять целый ряд неувязок и аномалий, прежде остававшихся без ответа. Так, например, сразу же обретает смысл апокалиптическая и эсхатологическая ревность Иоанна Крестителя, а также его исключительная роль в событиях, описываемых в Евангелиях. То же самое относится и к целому ряду «неудобопонятных» с богословской точки зрения мест и событий, касающихся деяний самого Иисуса. Как мы знаем, в числе его ближайших последователей был как минимум один зилот; вполне возможно, что их было куда болвше. Типично зилотская ревностъ сквозит и в действиях самого Иисуса, опрокинувшего в Храме столы менял[142]. Его казнв (распятие) бвша делом рук не иудейских, а римских властей; к тому же такого рода казни подвергали политических преступников. Существует и ряд других аргументов, тщателвно изученных авторами этой книги. Наконец, вот слова самого Иисуса:

«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел я принести, но меч, ибо Я пришел раз-делитв человека с отцом его, и дочв с матервю ее, и невестку со свекроввю ее...» (Мф. 10, 34—35).

Та же мысль выражена еще более определенно в безошибочно узнаваемой кумранской фразеологии:

«Не думайте, что Я пришел нарушитв закон или пророков: не нарушитв пришел я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна черта или йота не прейдет из закона, пока не исполнится все. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царствии Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царствии Небесном» (Мф. 5, 17-19)[143].

При чтении этого пассажа возникает впечатление, что Иисус как бы предвидит приход Павла. Разумеется, тогда он не мог предостеречь о его появлении более определенно. Но, если судить по меркам, установленным им, статус Павла в Царствии Небесном будет ненамного выше статуса парии и изгоя.

---

[142] В Храме, точнее — на его внутреннем дворе стояли столы торговцев жертвенными животными и менял. У иудеев существовала практика принесения в жертву за грех небольших животных и птиц (овнов, голубей). Что же касается менял, то и подать на Храм, и вообще любую денежную жертву желательно было заплатить монетами иудейской чеканки, которые выполняли роль сакральной валюты и которых в обращении было сравнительно немного, ибо основу денежной массы того времени составляли монеты римской и греческой чеканки. В Евангелиях постоянно упоминаются динарии (римские деньги), а также греческие — лепты, драхмы, статиры, таланты и мины. Показательно, что в уплату за свое предательство Христа Иуда получил не динарии и драхмы, а именно 30 сребреников, то есть шекелей, монет иудейской чеканки (см. Мф. 26, 15). Таким образом, «благочестивые в законе» саддукеи оценили Бога не в иноземных, а в «чистых» деньгах, отдав за «Бога Божие» *(прим. перев.).*

[143] Последние слова в этой цитате из Матфея представляют собой формулировку, выдержанную в чисто кумранском стиле обличений «лжеца».

Другая загадка, недавно подмеченная исследователями, — это крепость Масада и особенно образ мыслей и убеждения ее стойких защитников. Когда в 66 г. н. э. на Святой земле началось всеобщее восстание, Масада стала одной из первых крепостей, захваченных восставшими, точнее — отрядом Менахема, внука Иуды из Галилеи, основателя движения зилотов. Крепость эта, расположенная на вершине почти отвесных утесов, высящихся на юго-западном берегу Мертвого моря примерно в тридцати трех милях от Кумрана, стала одним из самых важных бастионов мятежников, подлинным символом и воплощением сопротивления. Масада продолжала держаться еще долгое время после того, как главные силы восставших были разгромлены. Например, Иерусалим был захвачен римлянами и стерт с лица земли в 68 г. н. э., всего два года спустя после начала восстания. Масада же оставалась непокоренной еще целых шесть лет — вплоть до 74 г. н. э. За ее неприступными стенами укрывались примерно 1000 защитников, отражавших нападения и выдержавших длительную осаду римского войска, численность которого достигала пятнадцати тысяч воинов.

Несмотря на стойкость и мужество ее защитников, к середине апреля 74 г. н. э. положение крепости Масада стало безнадежным. Будучи отрезан от подвоза продовольствия и полностью окружен плотным кольцом римских войск, ее гарнизон более не мог противостоять штурму. Римляне, осаждавшие Масаду, после обстрела крепости из тяжелых осадных машин[144] соорудили огромную лестницу, поднимавшуюся по склону утеса, и в ночь на 15 апреля начали решающий штурм. Уцелевшие остатки гарнизона под командой Елеазара бен Йаира приняли трагическое решение. Мужчины предавали смерти своих жен и детей. Затем были отобраны десять воинов, которым было приказано убивать своих соратников. Когда были убиты все, оставшиеся десятеро решили бросить жребий, чтобы определить воина, которому предстояло умертвить девятерых уцелевших. Тот зарубил своих товарищей, поджег уцелевшие строения в крепости и покончил с собой. В общей сложности было убито 1000 мужчин, женщин и детей. И когда на следующее утро римляне, пробившись через ворота, ворвались в крепость, они обнаружили только трупы, лежавшие среди дымящихся развалин.

Выжить в этой страшной резне сумели лишь двое женщин и пятеро детей, которые, по всей видимости, спрятались в подземных водотоках под крепостью, пока воины гарнизона истребляли все живое. Иосиф Флавий передает историю одной из спасшихся женщин, которую, как он утверждает, подвергли допросу римские офицеры. По словам Иосифа, она подробно рассказала обо всем, что происходило в ночь осады в крепости. Если верить этому рассказу (а сомневаться в его достоверности нет оснований), Елеазар, стоявший во главе защитников, призвал своих сторонников к массовому самоубийству, воспользовавшись своим даром харизматического и красноречивого оратора:

«С тех пор как примитивный человек научился мыслить, слова наших предков и богов, подкрепленные деяниями и духом наших предков, постоянно напоминали нам, что подлинным бедствием для человека является жизнь, а не смерть. Смерть же дарует освобождение нашим душам и позволяет им возвратиться в их собственную чистую обитель, где они не будут более испытывать наших бед и страданий. Ибо пока они заключены в смертном теле и разделяют все его страдания, они поистине мертвы.

Итак, не подобает смешивать божественное со смертным. Да, правда, душа способна на многое, будучи заключена в теле; она использует тело как орган чувств, невидимо направляя все его движения и простирая его действия далее того предела, за

---

[144] При осаде крепостей римляне использовали осадные машины — катапульты, метавшие тяжелые камни, и баллисты, посылавшие в лагерь врага огромные стрелы, часто зажигательные *(прим. перев).*

который способна досягать его смертная природа. Но когда, освободившись от бремени, привязывающего ее к земле и тяготеющего на ней, душа возвращается в свой предел, она поистине приобщается к блаженной силе и безграничной свободной мощи, оставаясь столь же незримой для человеческих очей, как и Сам Бог. Пока она пребывает в теле, она остается невидимой, незримо входя в него и невидимо покидая его, обладая неистребимой природой и производя в теле заметную перемену; ибо то, к чему прикасается душа, живет и дышит жизнью, а то, что она покидает, гаснет и умирает. Таков переизбыток бессмертия, дарованный ей».

По словам Иосифа, Елеазар завершил свое воззвание так «Давайте же умрем, не став рабами наших врагов, и покинем этот мир свободными людьми вместе с нашими женами и детьми. Так велит Закон».

Порой свидетельства Иосифа не соответствуют истине. Когда дело обстоит так, это сразу заметно. Однако в данном случае у нас нет никаких оснований сомневаться в его словах, и археологические раскопки на развалинах крепости Масада, проводившиеся в 1960-е гг., подтверждают переданную им версию событий. Разумеется, не исключено, что он в чем-то приукрасил речь Елеазара, представив ее более красноречивой (и многословной), чем она была на самом деле, позволив себе небольшую поэтическую вольность. Но общий тон его рассказа, безусловно, соответствует истине, и историки всегда признавали это. Более того, Иосиф располагал уникальной, что называется, из первых рук, возможностью познакомиться с менталитетом и убеждениями повстанцев, побудившими их совершить это трагическое массовое самоубийство в крепости Масада. Дело в том, что в начале восстания он сам был одним из предводителей восставших в Галилее. В 67 г. н. э. его отряд был разбит римлянами под командованием самого Веспасиана. Произошло это у города Йотапата, в наши дни — Йодефат, находящийся неподалеку от Сепфориса. Когда город пал, многие из числа его защитников покончили жизнь самоубийством, не желая сдаваться на милость победителей. Другие же, в том числе и сам Иосиф, сумели бежать и какое-то время скрывались в пещерах. По его собственному признанию, он прятался в одной пещере вместе с сорока другими беженцами. Наконец, здесь, как и в крепости Масада, уцелевшие вынуждены были бросить жребий о том, кому из них предстоит умертвить своих товарищей. Все равно — по «счастливой случайности», как утверждает сам Иосиф, по «Промыслу Божию» или в результате умелой манипуляции со жребием — в живых остались только Иосиф и еще один воин. Убедив своего товарища сдаться, Иосиф поспешил сдаться на милость торжествующих победителей-римлян. Разумеется, он не упустил возможности изобразить свое приключение в возможно более выигрышном для себя свете. Но хотя он сам не последовал им, для него не были новостью взгляды ревнителей-зилотов, в том числе и их постоянная готовность к самопожертвованию во имя Закона.

По сути дела, эта весьма сложная и неоднозначная логика, предписывавшая акт самопожертвования, была непонятна читателям Иосифа ни при его жизни, ни в последующие века. По мнению Эйзенмана, массовые самоубийства восставших в Масаде, Гамале и ряде других укрепленных пунктов объяснялись исключительно уникальной, присущей только зилотам верой в воскресение мертвых. Эта вера базировалась в первую очередь на двух фрагментах из книг ветхозаветных пророков Даниила и Иезекииля, тексты которых были найдены в числе прочих свитков Мертвого моря в Кумране. Пророк Даниил первым дал развернутое изложение этой идеи в четко сформулированном виде: «И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление» (Дан. 12, 2). Он также говорит о грядущем «Царстве Небесном», о «последних

временах», о «пришествии князя» и о «Сыне человеческом», которому «дана власть, слава и царство» (Дан. 7, 13-14)[145].

У пророка Иезекииля ключевой пассаж на эту тему включает в себя знаменитое видение долины, полной иссохших костей, которые, по обетованию Божьему, непременно обретут жизнь:

«...Вот, Я открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших и введу вас в землю Израилеву. И узнаете, что Я Господь, когда открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших, и вложу в вас дух Мой, и оживете, и помещу вас на земле вашей...» (Иез. 37, 12-14).

Видимо, этот фрагмент представлялся настолько важным, что его переписанный текст был написан на пергаменте, найденном под полом синагоги в крепости Масада[146].

Идея воскресения мертвых, восходящая к пророкам Даниилу и Иезекиилю, была с особенным воодушевлением воспринята первыми «ревнителями Закона» — Маккавеями. Так, во 2 Маккавейской книге она используется для оправдания мученичества во имя Закона. В 2 Мак. 14,42[1] рассказано, что старейшины иерусалимские кончают жизнь самоубийством, чтобы не попасть в плен и не подвергнуться позору. В 2 Мак. 6, 18 и сл.[2] рассказывается, что священник и учитель Закона совершил акт самопожертвования: «...добрый пример — охотно и доблестно принимать смерть за досточтимые и святые законы. Сказав это, он тотчас пошел на мучение» (2 Мак. б, 28). Этот эпизод, по словам Эйзенмана, является прототипом позднейших взглядов зилотов-ревнителей. Данный принцип получил свое выражение в 2 Мак. 7, где рассказано о том, как семеро братьев предпочли подвергнуться смертной казни, чем нарушить закон:

«Быв же при последнем издыхании, сказал: ты, мучитель, лишаешь нас настоящей жизни, но Царь мира воскресит нас, умерших за Его законы, для жизни вечной.

И третий... мужественно сказал: от неба я получил их [члены] и за законы Его не жалею их, и от Него надеюсь опять получить их.

Когда скончался и этот, таким же образом терзали и мучили четвертого. Будучи близок к смерти, он так говорил: умирающему от людей вожделенно возлагать надежду на Бога, что Он опять оживит; для тебя же не будет воскресения в жизнь» (2 Мак. 7, 8, 11, 13).

Здесь, в предхристианской Маккавейской книге, четко выражен принцип телесного воскресения, которое сыграло столь важную роль в позднейших богословских концепциях христианства. Однако подобная смерть, как явствует из этого фрагмента, возможна только для праведников, «ревнителей Закона». Есть в пассаже, повествующем о мученичестве семи братьев, и другой важный аспект. Перед тем как казнить последнего из братьев, мучители привели к нему его мать, чтобы та смогла в последний раз увидеть сына. Ее понуждали

---

[145] «Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и царства служили Ему; владычество Его — владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не нарушится» (Дан. 7, 13—14) *(прим. перев).*

[146] Yadin «Масада», pp. 187—188. Йадину ничего не известно об этом факте. См.: Eisenman «Маккавеи, саддукеи, христиане и Кумран», p. 22; p. 67, п. 117.

умолить сына подчиниться требованиям мучителей и спасти свою жизнь. Но вместо этого она обратилась к нему «Не страшись этого убийцы, но будь достойным братьев твоих и прими смерть, чтобы я по милости *Божией* опять приобрела тебя с братьями твоими» (2 Мак. 7, 29). Ведь в конце времен те, кто умерли вместе, вместе и воскреснут. Поэтому-то Елеазар в своем прощальном обращении к защитникам Масады убеждает их принять смерть «вместе с нашими женами и детьми. Так велит Закон». Понятно, что поступить так предписывал не саддукей-ский закон и не позднейшие нормативные акты иудаизма, а лишь Закон так называемых «зилотов-ревнителей». Если бы женщины и дети в осажденной крепости остались в живых, победители-римляне практически наверняка не стали бы предавать их смерти. Но они наверняка разделили бы жен с мужьями и детей с матерями. Многие из них были бы обращены в рабство, подвергнуты насилию и надругательству и отправлены в походные бордели римской армии, то есть оказались бы осквернены и утратили бы ту ритуальную чистоту, хранить которую предписывал Закон. Между тем защитники опасались такого разделения и осквернения куда больше, чем смерти, ибо смерть для «праведников» была лишь временной. Там, среди суровых защитников Масады, идея телесного воскресения была практически идентичной взглядам позднейшего христианства.

Итак, гарнизон защитников Масады весьма мало напоминал традиционные образы кротких, миролюбивых ессеев, из которых, по мнению сторонников консенсуса, состояла Кумранская община. И действительно, как мы уже говорили, приверженцы консенсуса по-прежнему продолжают настаивать, что между Кумранской общиной и гарнизоном крепости Масада не существовало никаких связей. И это — несмотря на находку в Масаде текстов, аналогичных обнаруженным в Кумране, и вопреки тому факту, что защитники Масады пользовались тем же самым календарем, который был в употреблении и в Кумране, как о том свидетельствуют материалы находок, — уникальным солнечным календарем, принципиально отличным от лунного календаря официальной «саддукейской» священнической прослойки и позднейшего раввинистического иудаизма.

И здесь опять необходимо четко понимать суть того явления, о котором пишет Эйзенман, — это широкое мессианское националистическое движение, в русле которого сливались воедино несколько различных течений (если между ними вообще существовали различия). Объяснение Эйзенмана позволяет дать убедительное объяснение тому, что прежде выглядело лишь скопищем противоречий и аномалий. Оно объясняет и суть той миссии, с которой Иаков направил Павла на проповедь, и истинную иерархию в так называемой «ранней церкви» — «назорейском» анклаве в Иерусалиме. Необходимо помнить, что в библейские времена понятие «Израиль» обозначало не просто территорию или какой-то определенный район. Что еще более важно, термин «Израиль» относился к людям, народу, «сонму людей». Когда иерархия Иерусалимской общины посылала Павла и других «евангелистов» в другие города и страны, их главной целью было обращение неофитов в Закон, то есть в «Израиль». Но что это означало, говоря практическим языком, если не вербовку новых воинов для войска? С ветхозаветных времен, в особенности с так называемого Вавилонского пленения, «народ Израиля» был рассеян по всему Средиземноморскому региону и даже за его пределами, в Персии, где тамошние евреи во время восстания бар Кохбы в 132 г. н. э. сохраняли симпатии к восставшим и даже обещали им поддержку. Кто, если не *эмиссары* иерусалимской иерархии, постоянно направлялись к этим потенциально обширным источникам людских ресурсов, чтобы призвать соплеменников «встать под знамена» народа Израиля, жившего в рассеянии, изгнать римских оккупантов с земли отцов и освободить родину? И Павел, выступивший с проповедью некой совершенно новой религии, вместо того чтобы заниматься вербовкой рекрутов, призывал, так сказать, к деполи-тизации, демилитаризации и пацифизму в этом движении. А это, понятно, было куда более серьезным делом, чем мелкие отступления от догматов и соблюдения ритуальных предписаний Закона. Это была своего рода государственная измена. Ибо Закон в том виде, в каком он предстает в свитках Мертвого

моря, не ограничивается догмами и ритуальными акциями. При беглом взгляде на кумранские тексты нетрудно заметить, что в них провозглашается священным долгом вера в пришествие легитимной фигуры, обладающей мессианским статусом, будь то царь или первосвященник или оба одновременно. Понятно, что это подразумевало восстановление древней монархии и священства, которые совместными усилиями смогут изгнать интервентов, освободить Святую землю и очистить ее ради людей, избранных Самим Богом жить на ней. По словам Свитка Войны, «владычеству их [иноземцев] придет конец... и сыны праведности воссияют во всех концах света».

16. Павел: римский агент или осведомитель?

Познакомившись со столь грандиозными замыслами, есть смысл вновь обратиться к нарочито запутанному и схематичному описанию событий, приведенному в конце Книги Деяний апостолов. Напомним, там рассказывается, что Павла после его длительной евангелизаторской миссии вновь вызвали в Иерусалим Иаков и его лукавые приспешники-иерархи. Предчувствуя опасность, его ближайшие приверженцы постоянно уговаривают апостола не ездить, однако Павел, как человек, никогда не уклонявшийся от прямой конфронтации, остается глух к их мольбам. Прибыв в Иерусалим и встретившись с Иаковом и другими лидерами тамошней общины, он вновь подвергается упрекам за недостаточно строгое соблюдение предписаний Закона. В Деяниях ничего не сказано о том, как отреагировал Павел на подобные обвинения, но, судя по дальнейшим событиям, нетрудно предположить, что он попытался оправдаться, отвергая все возводимые на него обвинения, о чем со всей очевидностью свидетельствуют его послания[147]. Другими словами, он признает серьезность своих проступков, однако со всей прямотой и фанатичной приверженностью своей собственной версии личности и учения Иисуса заявляет, что в данный момент более всего необходим своего рода компромисс. И поэтому, когда ему предложили пройти очищение в течение семи дней, он с готовностью согласился, чтобы тем самым продемонстрировать свою невиновность и всю нелепость выдвигаемых против него обвинений. Эйзенман полагает, что Иаков мог отлично понимать сложившуюся ситуацию и Павел вполне мог рассчитывать на «реабилитацию». Если бы он отказался подвергнуться ритуалу очищения, он открыто продемонстрировал бы свое пренебрежительное отношение к Закону. Согласившись же подвергнуться ритуалу, он в еще большей мере, чем прежде, заслужил бы прозвище «лжеца» из Толкования на Аввакума. Итак, какую бы линию действий ни выбрал Павел, он оказывался в проигрышном положении. А это — именно то, к чему стремился Иаков.

Во всяком случае, даже пройдя демонстративный ритуал очищения, Павел продолжал возбуждать ненависть в тех «ревнителях Закона», которые всего через несколько дней напали на него прямо в Храме. Они кричали: «Мужи Израильские, помогите! этот человек всех повсюду учит против народа и закона и места сего» (Деян. 21, 28). За этим последовал самый настоящий мятеж:

«Весь город пришел в движение, и сделалось стечение народа; и, схватив Павла, повлекли его вон из храма, и тотчас заперты были двери. Когда же они хотели убить его, до тысяченачальника полка дошла весть, что весь Иерусалим возмутился» (Деян. 21, 30-31).

Была спешно вызвана когорта — а это не менее шестисот легионеров, — и Павел был спасен в самую последнюю минуту (по всей вероятности, чтобы предотвратить дальнейшее развитие бунта). Но с какой стати целая когорта римлян должна была беспокоиться за жизнь какого-то еврейского еретика-раскольника, который сумел вызвать ненависть своих собратьев? Размах волнений со всей очевидностью демонстрирует ту реальную силу, могущество и влияние, которым так называемая «ранняя церковь» пользовалась в то время в Иерусалиме, но — *среди евреев!* Ясно, что мы имеем дело с движением *внутри* иудаизма, добивавшимся лояльности со стороны подавляющего большинства населения города.

Освободив Павла из рук разъяренной толпы, римляне арестовали Павла, который, прежде чем отправиться в темницу, испросил позволения произнести оправдательную речь.

[147] Особенно 1 Кор. 9,19—27. См. выше, глава 12, примеч. 3.

И римляне по совершенно непонятной причине позволили ему это, хотя его слова послужили лишь дальнейшему разжиганию толпы. И Павла поспешно увели на допрос. Допрос? Но позвольте спросить: о чем же его собирались допрашивать? Зачем и с какой стати пытать и допрашивать человека, который упрекал своих единоверцев за несоблюдение ортодоксальных догм и ритуальных предписаний? Существует только одно убедительное объяснение того, почему римляне проявляли столь странный интерес к Павлу: оно сводится к тому, что Павел был... их агентом, сообщавшим им информацию политического и военного характера.

Единственными серьезными политическими и военными противниками римлян были последователи националистического движения — зилоты народных преданий. И Павел, проповедник-евангелизатор «ранней церкви», также подвергался угрозам со стороны этих «ревнителей Закона», числом около сорока или даже более, которые составили заговор с целью его убийства и поклялись, что не будут ни есть, ни пить до тех пор, пока не добьются своей цели. Будучи спасен своим доселе ни разу не упоминавшимся племянником, Павел под охраной был отправлен из Иерусалима в Кесарию, где заявил о своем праве в качестве римского гражданина требовать суда императора. Оказавшись в Кесарии, он сумел установить близкие и доверительные отношения с римским прокуратором — Антонием Феликсом. Как подчеркивает Эйзенман, он установил доверительные отношения и с зятем прокуратора - Иродом Агриппой II, и сестрой царя, ставшей впоследствии любовницей Тита — римского военачальника, который захватил и разрушил Иерусалим, а спустя некоторое время стал императором Рима.

Это — далеко не единственный подозрительный эпизод, просматривающийся на втором плане биографии Павла. С самого начала его богатство, права римского гражданина и почти фамильярное знакомство с оккупационными властями резко выделяли его из числа его собственных приверженцев и всех прочих членов «ранней церкви». Несомненно, Павел имел связи с влиятельными людьми из тогдашней правящей элиты. Каким же образом совсем молодой еще человек сумел сделаться доверенным лицом первосвященника? Более того, в своем послании к римлянам (Рим. 16, 11) он упоминает «Иродиона, сродника моего» — имя, вне всякого сомнения, связанное с правящей династией и крайне маловероятное для проповедника Евангелия. Кроме того, в качестве одного из знакомых Павла в Антиохии упоминается «Мануил, совоспитанник Ирода-четвертовластника»[148] (Деян. 13, 1)- В данном случае мы опять-таки имеем свидетельство контактов Павла с аристократией самого высокого уровня[149].

Итак, пусть даже на уровне предположений, вполне возможно, что Павел был кем-то вроде римского агента, имевшего особый статус. Эйзенман пришел к подобному заключению на основе изучения свитков, а затем нашел аргументы в пользу этой версии и в текстах Нового Завета. И действительно, если сопоставить и проанализировать материалы

---

[148] Полностью Деян. 13, 1 звучит так.- «В Антиохии, в тамошней церкви, были некоторые пророки и учители: Варнава, и Симеон, называемый Нигер, и Луций Киринеянин, и Мануил, совоспитанник Ирода-четверто-властника, и Савл» *(прим. перев).*

[149] См.: Eisenman «Маккавеи, саддукеи, христиане и Кумран», p. 62, n. 105. Эйзенман в своей книге подчеркивает, что «обращенная к неевреям миссия» Павла, преодолевавшая строгие предписания Закона и адресованная «как евреям, так и неевреям», в точности отвечает интересам политики династии потомков Ирода. Эйзенман провел детальное расследование всех обстоятельств, освещающих связи апостола Павла с ветвями правящего царского дома, в специальном исследовании «Павел — родственник потомков Ирода», представленном на конференции Общества библейской литературы, состоявшейся в 1983 г.

текстов кумранских свитков со свидетельствами Книги Деяний и порой глухими намеками, сохранившимися в посланиях самого апостола Павла, такой вывод приобретает вполне конкретные очертания. Однако существует и другая, не менее неожиданная и удивительная возможность. Запутанные и загадочные волнения в Иерусалиме, вмешательство — в самый последний момент — римских легионеров, отправка Павла под массированной охраной из города, его, мягко говоря, привилегированные условия проживания в Кесарии, его таинственное и странное исчезновение со страниц истории — все эти события, словно эхо, откликнулись в наши дни. В этой связи можно вспомнить программу защиты свидетелей, принятую в Соединенных Штатах. Можно назвать и так называемый «феномен сверхактивных осведомителей» в Северной Ирландии. В обоих случаях властям удалось поймать и «обратить в свою веру» члена какой-либо нелегальной структуры, занимающейся организованной преступностью или вооруженным терроризмом. Он согласился давать показания в обмен на личную неприкосновенность, защиту, перемещение в другой регион и, естественно, за хорошие деньги. Он, как и Павел, мог вызвать к себе мстительную ненависть своих недавних товарищей. Как и Павлу, ему может быть предоставлена, казалось бы, непропорционально большая военная и полицейская охрана. Сотрудничая с высокопоставленными властями, он может получить новое «удостоверение личности» и вместе со своей семьей может быть отправлен куда-нибудь в дальние края, находящиеся — по крайней мере теоретически — вне досягаемости мстительных товарищей, преданных им. И в удобный момент, во время очередного возмущения, он, как и Павел, может просто исчезнуть.

Получается, что Павел принадлежал к обширной компании «секретных агентов», действовавших на страницах истории? К числу самых знаменитых в истории осведомителей и «суперагентов»? Исследование Роберта Эйзенмана выдвинуло целый ряд вопросов. Но как бы там ни было, появление Павла на сцене истории дало импульс целому ряду событий, которые приобрели впоследствии необратимый характер. То, что возникло в качестве локализованного движения в рамках существующего иудаизма, влияние которого практически не выходило за границы Святой земли, вскоре трансформировалось в нечто доселе невиданное ни по масштабам, ни по значению. Движение это переросло «раннюю церковь», и Кумранская община была разграблена и насильственным путем обращена в нечто такое, что уже не могло вмещать идеи своих собственных основателей. Так сложилось основное ядро, еретическое по своей сути, из которого на протяжении двух последующих столетий возникла совершенно новая религия. То, что в русле иудаизма почиталось откровенной ересью, стало самым ортодоксальным ядром в христианстве. Поистине, в истории можно встретить очень немного событий, возымевших столь далекоидущие последствия.

П О С Л Е С Л О В И Е

Итак, история свитков Мертвого моря еще весьма далека от завершения. Заговор вокруг них продолжает раскрываться, приоткрывая все новые и новые стороны. Немало событий успело произойти и с момента первой публикации нашей книги в Великобритании в мае 1991 г. К осени того же года интерес к свиткам достиг апогея, статьи о них замелькали на первых страницах прессы, став темой редакционных статей в таких изданиях, как «New York Times». И даже когда готовилось к печати это переиздание нашей книги, которое вы держите в руках, в печати продолжали появляться статьи и заметки на эту тему, проводились научные конфренции, внимание массмедиа к свиткам постоянно нарастало, и в полный голос заявили о себе новые авторы, выдвигавшие новые гипотезы.

В мае израильский Наблюдательный комитет предоставил Оксфордскому университету полный комплект фотоснимков всех материалов свитков, и был учрежден центр по изучению свитков, который возглавлял Геза Вермес. Однако доступ к самим свиткам по-прежнему был жестко ограничен, и независимые ученые не имели возможности познакомиться с оригиналами. В интервью Британскому телевидению профессор Норман Гольб из Чикагского университета усомнился в истинных целях этого центра. А что, риторически вопросил он, если это — центр всеобщего разочарования?

5 сентября в американской прессе появилось сообщение о том, что двое ученых из Еврейского Юнион-колледжа в Цинциннати, профессор Бен-Цион Вахолдер и один из его аспирантов, Мартин Г. Эйбегг, сумели «прорвать монополию» на доступ к свиткам Мертвого моря. Они воспользовались алфавитным указателем, подготовленным международной группой еще в 1950-е гг., и компьютером для реконструкции самих текстов. Полученные ими результаты, точность которых достигала восьмидесяти процентов, были опубликованы «Biblical Archaeology Review», которое возглавлял Гершель Шанкс. Члены международной группы, еще остававшиеся в живых к тому времени, как и следовало ожидать, были вне себя от гнева. Профессор Кросс негодующее рассуждал о «пиратстве». «Как еще можно назвать подобные действия, — риторически вопрошал Джон Страгнелл, — если не воровство?»

Однако в редакционной статье от 7 сентября того же года «New York Times» выступила в поддержку действий Вахолдера и Эйбегга:

«Возможно, некоторые из числа членов комитета захотят упрекнуть ученых из Цинциннати в пиратстве. Наоборот, господа Вахолдер и Эйбегг заслуживают аплодисментов за то упорство, с которым они слой за слоем продирались сквозь завесу таинственности. Комитет, этот ревнитель секретности и сторонник этики плаща и кинжала в науке, давным-давно утратил всякое доверие к себе как со стороны ученых, так и со стороны непрофессионалов. Оказалось, что ученые из Цинциннати помнят о том, о чем забыли лидеры комитета: что свитки и то, что сказано в них о корнях христианства и раввинистического иудаизма, является достоянием всей цивилизации, а не кучки избранных профессоров».

За этим последовали еще более разоблачительные открытия. 22 сентября персонал Хантингтонской библиотеки в Калифорнии неожиданно обнаружил, что библиотека располагает полным комплектом фотоснимков всех до сих пор не опубликованных материалов свитков. Их передала в библиотеку Бетти Бечтел из «Бечтел Корпорейшн», которая получила их примерно в 1961 г. Узнав о существовании этих фотоснимков, члены международной группы потребовали возвратить их обратно. Хантингтонская библиотека ответила отказом. Она не только открыла доступ к снимкам широкой публике, но и

официально объявила о своем намерении разрешить доступ к ним всем без исключения ученым, проявляющим к ним интерес. Микрофильмы с копиями свитков можно было получить всего за десять долларов. «Освобождая свитки, — заявил Уильям Моффэт, директор библиотеки, — вы освобождаете ученых».

Разумеется, члены международной группы подняли истеричный шум, на этот раз — еще более вызывающий, чем прежде. Вновь начались разглагольствования о «кражах в ученой среде». Отвергая эти нападки, один независимый профессор заявил, что большинство людей «будут считать ее [Хантингтонскую библиотеку] Робин Гудом, который украл у привилегированных академических ученых, чтобы отдать голодным... жаждущим знаний».

Амир Дрори, руководитель израильского департамента древностей, обвинил Хантингтонскую библиотеку в разного рода нелегальных махинациях, несмотря на то что фотоснимки эти оказались в фондах библиотеки задолго до того, как сами свитки попали в руки к израильтянам по праву военных трофеев. Маген Броши, директор Хранилища книги, туманно рассуждал о незаконности таких действий. Хантингтонская библиотека стояла на своем. «Свобода доступа либо есть, либо ее нет.

Наша позиция заключается в том, что доступ должен быть свободным и неограниченным». К тому времени обнародование фотоснимков стало fait accompli (свершившимся фактом), и любые попытки придать процессу обратный характер выглядели тщетными. «Слишком поздно, — заявило руководство Хантингтонской библиотеки. — Дело уже сделано».

25 сентября правительство Израиля пошло на попятную, осторожно дистанцировавшись от заявлений Дрори и Броши. Как было сказано в официальном заявлении, Дрори и Броши «действовали как частные лица, высказывавшие свою точку зрения, а не точку зрения правительства Израиля». Йувал Нееман, министр науки Израиля, выпустил официальный пресс-релиз, утверждая, что:

«...каждому ученому должен быть предоставлен свободный доступ к свиткам с целью их изучения и публикации результатов подобных исследований. И очень хорошо, что эта возможность теперь реально существует благодаря предоставлению широкой публике возможности ознакомиться с собранием фотоснимков свитков, хранящимся в Хантингтонской библиотеке».

Тем временем в 10 часов 05 минут того же дня имя Роберта Эйзенмана получило право быть внесенным в списки рекордов как имя первого ученого, направившего формальный запрос и получившего разрешение на доступ к фотоснимкам материалов свитков, хранящимся в Хантингтонской библиотеке. Битва за доступ была выиграна. Однако остается пока что невыполненным процесс развенчания «ортодоксальной интерпретации», которой на протяжении сорока лет придерживалась международная группа.

Пока события шли своим ходом, Эйзенман предпринял наступление и на других фронтах. В 1988 г. он выступил с заявлением, что раскопки в Кумране еще далеки от завершения. Между тем прилегающие территории являются поистине идеальным местом для консервации древних манускриптов, и практически все эксперты в данной области сходятся во мнении, что здесь еще могут быть сделаны новые находки. Таким образом, не только возможно, но и весьма вероятно, что существуют другие материалы, скрытые под слоем песчаника и в расселинах скал. Большинство пещер все еще ждет научно организованных раскопок, хотя многие из таких пещер обрушились, а другие находятся в труднодоступных скалах. Другие пещеры, в которые раньше заглядывали только бедуины, необходимо обследовать заново, поскольку бедуины вполне могли проглядеть там какие-нибудь важные

документы и не подобрать множество фрагментов свитков. К тому же официально санкционированные раскопки, проводившиеся бедуинами, были поневоле прекращены в результате войны 1967 г. Кроме того, в непосредственной близости от Кумрана существует целый ряд других мест, по-прежнему ожидающих тщательных раскопок. Так, например, в девяти милях к югу от Кумрана, на берегу Мертвого моря, в урочище, именуемом Эн эль-Гувейр, один израильский археолог обнаружил захоронения в типично кумранском стиле, а также развалины некой резиденции, тоже выдержанной в кумранском духе (но несколько меньшей по размерам). Таким образом, вполне резонно предположить, что пещеры в стенках близрасположенных вади, к которым также до сих пор не притрагивалась лопатка археолога, вполне могут оказаться хранилищами свитков. Учитывая все эти факты, Эйзенман решил организовать свои собственные археологические исследования. Его основной задачей, естественно, были поиски новых свитков и их фрагментов. Такие материалы, как это имело место в случае с Храмовым свитком, вполне могут оказаться совершенно новыми. Но даже если они содержат материал, дублирующий то, что уже находится в руках международной группы, это сделает беспочвенными любые претензии со стороны последней. Кроме надежды отыскать свитки с новыми, совершенно неизвестными материалами, Эйзенманом двигало желание восстановить как можно более полную картину заселения всего данного региона к югу от Кумрана вплоть до крепости Масада. Там, решил он, вполне могли находиться и другие общины и поселения кумранского типа. Поэтому он намеревался попытаться найти реальные доказательства их существования — например, следы каналов и акведуков для подвода воды, террас, цистерн для хранения воды, которые могли быть построены в здешних местах для выживания человека и возделывания сельскохозяйственных культур.

Майкл Бейджент принял решение сопровождать Роберта Эйзенмана и его спутников — археологов-добровольцев в ходе двух экспедиций, состоявшихся в январе 1989 г. и январе 1990 г. В ходе первой экспедиции исследователи сосредоточили усилия на раскопках в пещере, находившейся примерно в миле от Кумрана, на высоте ок. 500 футов (ок. 150 м) в стенке утеса. Оказалось, что внутри пещеры находится целый ряд камер, уходящих по меньшей мере на восемьдесят футов (24 м) в толщу скалы. Оказалось, что пол в части этих камер выложен пальмовыми вайями (верхушками ветвей с листьями) и покрыт глиной. Никаких свитков здесь обнаружено не было, зато был найден ряд предметов эпохи железного века: небольшой кувшин, масляная лампа и, что явилось особой редкостью, древко и наконечник стрелы, находившиеся в превосходном состоянии, несмотря на возраст — 3000 лет. Экспедиции впервые удалось доказать, что хотя бы некоторые из пещер вокруг Кумрана в древности были обитаемыми; они не просто использовались в качестве временных укрытий при нападении врагов, но и служили более или менее постоянным жилищем.

Вторая экспедиция поставила себе цель как можно более тщательно обследовать берег Мертвого моря к югу от Кумрана и стенки соседних утесов. Одной из задач экспедиции было составление описи всех доселе не открытых пещер, к которым можно будет вернуться и провести более широкомасшабные раскопки. Разделившись на небольшие группы, участники экспедиции обследовали около тринадцати миль скальных стенок, поднимаясь порой на высоту до 1200 футов (360 м). Кроме пещер здесь были обнаружены остатки искусственных террас и стенок, а также ирригационных сооружений — короче, все указывало на то, что некогда здесь жили и работали люди. В общей сложности было выявлено и нанесено на карту 137 обитаемых в древности пещер. Из них 83 заслуживают основательных археологических раскопок; они наверняка окажутся в фокусе внимания будущих археологов.

Особую, можно сказать — революционную важность для подобных раскопок наверняка будет иметь новая система из разряда высокотехнологических инноваций:

геологический радар, известный как «радар подповерхностного сканирования» (SIR). Мы уже обсуждали с Эйзен-маном возможность того, что неподалеку от Кумрана и вдоль побережья Мертвого моря могут существовать еще неизвестные науке пещеры, а на развалинах самого Кумрана — пещеры, камеры, расселины, переходы и другие подземные структуры. Де Во, единственный, кто пытал ся проводить раскопки на месте, никогда не интересовался ничем подобным и не пытался заглянуть хоть немного в глубь земли. И до сих пор остается неизвестным, *не имели ли* сооружения подобного рода, какие обнаружены на развалинах Кумрана, специальных подземных камер, переходов, бастионов и черных ходов. Все единодушно признают, что нечто подобное там наверняка должно существовать. Но для выяснения этого необходимы крупные раскопки, в том числе и раскопки, проводимые методом проб и ошибок, которые могут нанести ущерб историческому ландшафту.

Таким образом, перспективы найти что-либо под Кум-раном априорно сводятся на нет масштабами ущерба, который будет причинен местности. Но осенью 1988 г. нам попалась одна газетная статья о «тайной погребальной камере», представляющей интерес для ученых-шекс-пироведов и найденной под церковью в Стратфорде-на-Эйвоне. Особый интерес в этой статье для нас представляло то, что камера была обнаружена с помощью специальной сканирующей радарной системы, эксплуатацию которой осуществляет одна фирма на юге Англии.

Возможности, предоставляемые системой SIR, оказались поистине впечатляющими. Это сухопутный эквивалент корабельного сонара. Прибор достаточно портативен. Двигаясь с постоянной скоростью по поверхности земли, он воспроизводит на экране компьютера отображение особенностей подземного рельефа. Это отображение состоит из множества разрезов, показывающих, в каких именно точках земля, скальные породы или другие материалы различной плотности и твердости имеют выходы для воздуха. Подобная система — просто идеальное средство для выявления подземных пещер и полостей. Она способна «прощупывать» рельеф пород до глубины как минимум 30 футов (9 м) от уровня земли.

А при благоприятных условиях она способна «видеть» на глубину до 120 футов (36 м).

Менеджер компании, осуществлявшей эксплуатацию радара, проявил готовность помочь нам. Он, как оказалось, читал наши предыдущие книги, и они ему понравились. Перспектива использования его системы в Кумране весьма заинтриговала его. Он предложил даже отправиться туда вместе с экспедицией, чтобы гарантировать оптимальную работу прибора. Результатом его предложения явилось то, что в плане экспедиции Эйзенмана 1990 г. появилась отдельная статья: изучение местности с помощью радара. Теперь нам оставалось дождаться от правительства Израиля разрешения на ввоз радара в страну и использование его в Кумране.

Свитки Мертвого моря, найденные в 1947 г., были далеко не первыми древними текстами подобного рода, обнаруженными в Иудейской пустыне. Так, существуют сообщения о находках подобных текстов, сделанных еще в III в. н. э. Считается, что одну из таких находок сделал христианский богослов Ориген, знаменитый учитель церкви, живший в III в. По свидетельству историка церкви Евсевия Кесарийского, Ориген обнаружил несколько разных вариантов ветхозаветных текстов. Некоторые из них пребывали в неизвестности на протяжении многих веков. Как гласит предание, он «отыскал их в потаенных местах и явил на свет из забвения». Как сказано у Евсевия, один из вариантов псалмов «был найден в Иерихоне, в кувшине, во времена правления Антонина, сына Севера». Это указание позволяет нам отнести дату открытия свитков к периоду между 211 и 217 г.

Еще более интригующим можно считать письмо, датированные несколько ранее 805 г. н. э. и написанное

Тимофеем, патриахом Селевкиды, другому священнослужителю:

«От евреев, заслуживающих доверия и воспитанных... в христанской вере, мы узнали, что десять лет тому назад недалеко от Иерихона, в пещере, были найдены некие книги... собака одного охотника-араба, преследуя дичь, попала в пещеру и не смогла выбраться оттуда. Араб отправился на ее поиски и обнаружил небольшую пещеру, где оказалось множество книг. Араб отправился в Иерусалим и сообщил о находке тамошним евреям, которые во множестве поспешили в указанное место и нашли книги Ветхого Завета и другие книги, также написанные еврейскими письменами. Поскольку лицо, рассказавшее мне эту историю, было человеком ученым... я спросил его относительно многочисленных ссылок в Новом Завете, которые, как считается, происходят из Ветхого Завета, но их там не удается обнаружить...[150] *Он отвечал: они действительно есть, и их можно увидеть в книгах из пещеры...»*

Подобные открытия продолжали совершаться на протяжении многих веков, вплоть до нынешнего времени. Одно из самых знаменитых открытий подобного рода — открытие, которое совершил в конце XIX в. Мозес Уильям Шапира, торговец антиквариатом, имевший собственную лавку в Иерусалиме. В 1878 г. Шапира познакомился с несколькими арабами, которые были вынуждены бежать от собственных старейшин и оказались на территории нынешней Иордании, на восточном побережье Мертвого моря. Там, в одной из пещер у Вади-Муджиб, прямо напротив Эн-Геди, расположенного на противоположном берегу Мертвого моря, арабы, по их собственным словам, обнаружили целые груды каких-то ветхих тряпок, которые они изорвали в клочья, надеясь отыскать под ними спрятанные сокровища. Но им удалось найти только какие-то темные кожаные свитки. Один из арабов носил такие свитки при себе и впоследствии всегда утверждал, что обладание ими принесло ему удачу. Именно в этом, по его словам, заключалась главная причина его нежелания продать свитки. Впрочем, возможно, что он просто хотел продать их подороже.

Шапира, которому не раз случалось продавать различные древности европейским коллекционерам и музеям, был заинтригован. Действуя через шейха, с которым он был на дружеской ноге, Шапира сумел скупить весь корпус этих материалов. Они состояли из

---

[150] Причина этого заключается в том, что, после того как множество мессианских пророчеств, содержавшихся в книгах Ветхого Завета, как канонических, так и неканонических и апокрифических, исполнились в Воплощении и деяниях Иисуса Христа, иудейские книжники-масореты (хранители) во II—VI вв. н. э. осуществили тотальную редактуру книг ветхозаветного канона, изъяв или существенно исказив Богооткровенные тексты. Этим и объясняется несоответствие древнейших подлинных текстов и «подправленных» масоретских версий. Кстати, многие неискаженные места сохранились в греческом переводе семидесяти толковников (так называемая Ссптуагинта) именно потому, что толковники (александрийские эллинизированные иудеи) выполнили его в конце Ш в. до н. э., переводя с не искаженного масоретами оригинала. Любопытно, что в числе толковников, по преданию, был и св. Симеон Богоприимец, который, встретив в книге пророка Исайи место «Се, Дева во чреве приимет и родит Сына» (Ис. 7,14), усомнился, как такое может быть. И ему было дано дожить до момента рождения Мессии. Когда же Богоматерь на сороковой день по Рождестве принесла Иисуса Христа в Храм, Симеон узнал в Нем Мессию и произнес знаменитое: «...видели очи мои спасение Твое» (Лк. 2,30) и вскоре скончался. Показательно, что в масоретском тексте книги Исайи это место звучит *«молодая женщина* во чреве примет» *(прим. перев.).*

пятнадцати пергаментных полос размерами три с половиной на семь дюймов. Посвятив несколько недель изучению своего приобретения, Шапира установил, что перед ним — фрагменты весьма древнего списка Книги Второзакония[151], существенно отличавшиеся от канонического библейского текста.

В 1883 г., после целого ряда визитов и консультаций со специалистами, Шапира привез свои фрагменты свитка в Лондон. Его приезду предшествовал настоящий ажиотаж и громкая шумиха в прессе. Ознакомившись с фрагментами, британские эксперты признали их подлинными, а их переводы были вскоре опубликованы в «The Times». Взглянуть на свитки приехал сам премьер-министр Великобритании Уильям Гладстон, обсуждавший вопросы их приобретения с владельцем — Шапирой. В беседе была упомянута сумма в 1 млн. фунтов — колоссальные деньги по тем временам.

Правительство Франции также прислало известного ученого, бывшего, кстати, давним врагом Шапиры, и тот быстро преодолел Ла-Манш, чтобы обследовать свитки и составить доскональный отчет. Шапира отказался предоставить французу возможность тщательно ознакомиться со свитками. В итоге французу было позволено лишь бегло осмотреть два или три фрагмента. Затем, вследствие неуступчивости Шапиры, ученый потратил два дня, изучая еще два фрагмента, выставленные в стеклянной витрине, и терпя постоянные толчки со стороны других посетителей музея. В отместку и, вероятно, с досады и разочарования француз наконец объявил все фрагменты подделками. Другие ученые, даже не дав себе труда взглянуть на фрагменты, подхватили его оценку, и вся история с реликвиями вскоре обернулась фарсом.

В итоге Шапира разорился. Опозоренный и доведенный до отчаяния, 9 марта 1884 г. он застрелился в номере отеля в Амстердаме. Принадлежавшие ему фрагменты свитков были приобретены одним лондонским антикваром-букинистом за 10 фунтов 5 шиллингов[152].

С тех пор они исчезли из поля зрения специалистов. Впрочем, возможно, они рано или поздно будут найдены где-нибудь на чердаке или среди диковин в собрании какого-нибудь частного коллекционера. Как показали последние попытки обнаружить их след, фрагменты, вероятно, уплыли в Австралию вместе с одним торговцем антиквариатом.

Целый ряд современных специалистов в этой области, в том числе и Джон Аллегро, посвятивший истории свитков Шапиры специальное исследование, был убежден, что эти фрагменты, вероятнее всего, были подлинными. Если бы они были найдены веком позже, утверждал Аллегро, они, по всей видимости, были бы признаны такими же подлинными, как и материалы, обнаруженные в Кумране[153]. Но тогда, в конце XIX в., самолюбие и репутация ученых, а также ангажированность их оценок были еще более распространенным явлением, чем в наши дни. И в результате многие потенциально бесценные памятники почти наверняка оказались безвозвратно утраченными.

---

[151] Второзаконие — пятая, заключительная книга Моисеева Пятикнижия (Торы). В ней наряду с изложением многих предписаний ритуально-обрядового характера приводятся сведения по истории евреев на пути в Землю обетованную, ряд пророчеств и повествование о кончине пророка Моисея *(прим. перев.).*

[152] До середины 1970-х гг. в Великобритании существовала средневековая денежная система: 1 фунт стерлингов = 20 шиллингов, 1 шиллинг = =12 пенсов, 1 пенни = 4 фартинга *(прим. перев.).*

[153] Подробную историю Шапиры см. в работе Джона Аллегро «Афера Шапиры».

Тем не менее открытия, сравнимые с находками Шапиры, продолжают появляться и в наши дни. Так, например, в конце 1970-х гг., когда мы сами располагали лишь весьма поверхностными представлениями о свитках Мертвого моря, нам однажды позвонил наш общий друг из Парижа, собиратель антиквариата. Он спросил, не могли бы мы устроить встречу с ним в одном из ресторанов Лондона, неподалеку от Чаринг-Кросс. Особенно настойчиво он приглашал Майкла Бейджента, профессионально занимавшегося фотографией. Наш друг попросил Майкла захватить с собой фотокамеру, но тщательно замаскировать ее.

Явившись на ужин, Бейджент нашел нашего приятеля в компании трех незнакомцев: коллекционера из Америки, палестинского коммерсанта и инженера из Иордании. Он сопровождал их до соседнего банка, где они уединились в небольшой комнате, и вскоре на столе появились два массивных деревянных ящика, каждый из которых был заперт на три замка. «Мы не знаем, что находится в этих ящиках, — заявил один из банковских служащих. — Более того, мы *не желаем* знать, что в них». После этого служащий вышел, оставил в комнате Бейджента наедине с четырьмя его компаньонами.

Прямо из банка позвонили в Иерусалим, и было получено нечто вроде разрешения на сделку. Затем иорданский инженер достал большую связку ключей и один за другим отпер оба ящика. Оказалось, что внутри их находятся тонкие картонные полосы, на каждой их которых были наклеены (прямо клейкой лентой!) по нескольку дюжин фрагментов древних пергаментов и папирусов. Эти фрагменты явно провели в ящиках долгое время, были собраны из различных источников и содержали тексты на разных языках, в частности арамейском, древнееврейском, древнегреческом и арабском. Как и следовало ожидать, далеко не все в столь пестром собрании обрывков оказалось действительно ценным. Как было установлено впоследствии, многие из этих фрагментов представляли собой малоценные артефакты — рецепты и документы о коммерческих сделках, заключенных в античности, которые были затем стерты чем-то вроде древнего ластика. Но были среди них и другие.

Это собрание попало в Лондон с черного рынка свитков, действовавшего в 1950—1960-е гг. в Иерусалиме и Вифлееме. Оно было привезено из Израиля во время войны 1967 г. или вскоре после нее. И вот теперь оно выставлено на продажу правительством одной неназванной европейской страны, причем продавец запросил за всю коллекцию 3 млн. фунтов. Бейджента тут же попросили сделать ряд фотографий фрагментов, чтобы потом предъявить их в качестве образцов. В общей сложности Бейджент сделал более ста фотоснимков. Всего же на картонных полосах были прикреплены многие сотни (точнее — более 2 тысяч) фрагментов, большинство из которых оказались достаточно крупных размеров.

За десять с лишним лет, прошедшие с тех пор, мы так больше ничего и не узнали об этом собрании. Если сделка действительно состоялась, она была осуществлена тихо, без лишнего шума и без ведома широкой публики. Не исключено также, что вся коллекция по-прежнему хранится в подвалах лондонского банка, или в каком-нибудь другом надежном хранилище, или, наконец, в собрании частного коллекционера.

Сделки подобного рода, в одной из которых нам довелось косвенно участвовать, в те времена, как мы впоследствии выяснили, не были чем-то из ряда вон выходящим. В течение последующих десяти с лишним лет в ходе работы над книгой нам поневоле приходилось вступать в контакты с разветвленной полуподпольной сетью торговцев антиквариатом и коллекционеров, причастных к вывозу свитков Мертвого моря. Эта сеть носит международный характер, и размах совершаемых в ней сделок по масштабам вполне сравним с нелегальной торговлей предметами искусства или драгоценными камнями. Сделки

на многие сотни тысяч фунтов заключаются почти мгновенно, а роль контракта в них выполняет обмен рукопожатиями.

Решающее значение на подпольном рынке свитков имеют два фактора. Один из них — это действия Йадина и израильских военных в период сразу же после войны 1967 г., когда делец по имени Кандо был вызван для дознания и под нажимом признал существование так называемого Храмового свитка. Неудивительно, что эта акция нарушила хрупкое «перемирие» и повлекла за собой откровенное недоверие между израильскими и арабскими коммерсантами. В результате многие материалы из числа найденных бедуинами, попавшие в руки к израильтянам, были нелегальным путем переправлены в Амман или Дамаск, и даже в еще более далекие страны. А оттуда они перекочевали на Запад по кружным маршрутам через Турцию и Ливан.

Вторым фактором, повлиявшим на формирование подпольного рынка торговли свитками Мертвого моря, явился закон, принятый по настоянию и под патронажем ЮНЕСКО, согласно которому любые древности, вывезенные из страны происхождения, должны быть возвращены на родину. Было заявлено также, что закон этот имеет обратную силу. Вследствие этого люди, вложившие огромные суммы денег в скупку материалов свитков или рассчитывавшие продать эти материалы за большие деньги, теперь лишались возможности публично объявить об имеющихся у них реликвиях. В результате этот закон лишь способствовал формированию черного рынка, загнав его в еще более глубокое подполье, и, естественно, вызвал резкий скачок цен.

Как же функционирует подпольный рынок торговли свитками? Большая часть его контролируется несколькими семействами, хорошо известными в кругах торговцев антиквариатом, которые и поставляют многие предметы антиквариата и в Израиле, и за его рубежами. За последние полвека эти семейства организовали свою собственную разветвленную подпольную сеть дилеров, которые поддерживают тесные контакты с бедуинами и распространяют всевозможные слухи и легенды, а также сообщают об открытиях, представляющих интерес для ценителей антиквариата. Когда удается найти потенциально перспективное с точки зрения находок место, этот участок земли сдают в аренду на год или больше, и на нем появляется большой черный шатер-тент бедуинов. В ночное время раскопки ведутся только под этим шатром. После того как все ценные древности найдены и извлечены из земли, шатер снимают, складывают его и перевозят на новое место. Такой же принцип раскопок применяется и в городах, в частности — в Иерусалиме, который представляет собой территорию, исключительно «урожайную» с точки зрения антиквариата. Участки земли там берут в аренду, а при необходимости и приобретают. Если дома на участке не существует, его экстренно возводят. Затем владельцы начинают раскопки, уходя глубоко в землю от поверхности до скального ложа.

Благодаря подобным техникам было найдено немало материалов, свитков, которые затем перекочевали в руки частных коллекционеров. Такие материалы обычно ускользают от внимания «официальной» археологии и специалистов по библеистике. Действительно, мир «официальной» археологии и специалисты по библеистике часто вообще не подозревают об их существовании. Оставаясь совершенно неизвестными для ученых, эти материалы составляют обширный массив собственно кумранских и близких к ним рукописей, находящихся в руках коллекционеров и торговцев. Например, нам известно о существовании множества фрагментов свитков. Знаем мы и о существовании прекрасно сохранившегося экземпляра одного из кумранских текстов — так называемой Книги юбилеев. Нам известно о доброй дюжине собтвенноручных писем и посланий Симона бар Кохбы. И у нас есть вполне весомые основания, чтобы говорить, что реально существуют и другие документы, — документы куда более взрывоопасного характера, уникальные и представляющие бесценный интерес, о которых не могут и мечтать представители ученых кругов.

В ближайшие несколько лет можно ожидать крупных достижений и прорывов во всех основных направлениях исследований. Естественно, что наиболее важным из этих направлений являются сами кумранские материалы. Теперь, когда практически весь корпус этих материалов стал доступен, независимые ученые могут смело и непредвзято, не ломая копья в напрасных спорах, спокойно приступать к их изучению. «Ортодоксальные трактовки», навязываемые международной группой, все чаще подвергаются нападкам, и, как показано в нашей книге, пресловутые археологические и палеографические свидетельства, которыми члены группы стремятся подкрепить свои постулаты, не выдерживают сколько-нибудь серьезной критики. Таким образом, мы вправе ожидать радикального пересмотра принципов датировки и самих дат, которые упорно навязывают особенно важным текстам. В результате должны появиться новые концепции и датировки, предлагающие свежий взгляд на знакомые материалы. А в перспективе могут и должны появиться новые материалы, которые пребывали в безвестности или намеренно скрывались в течение многих лет.

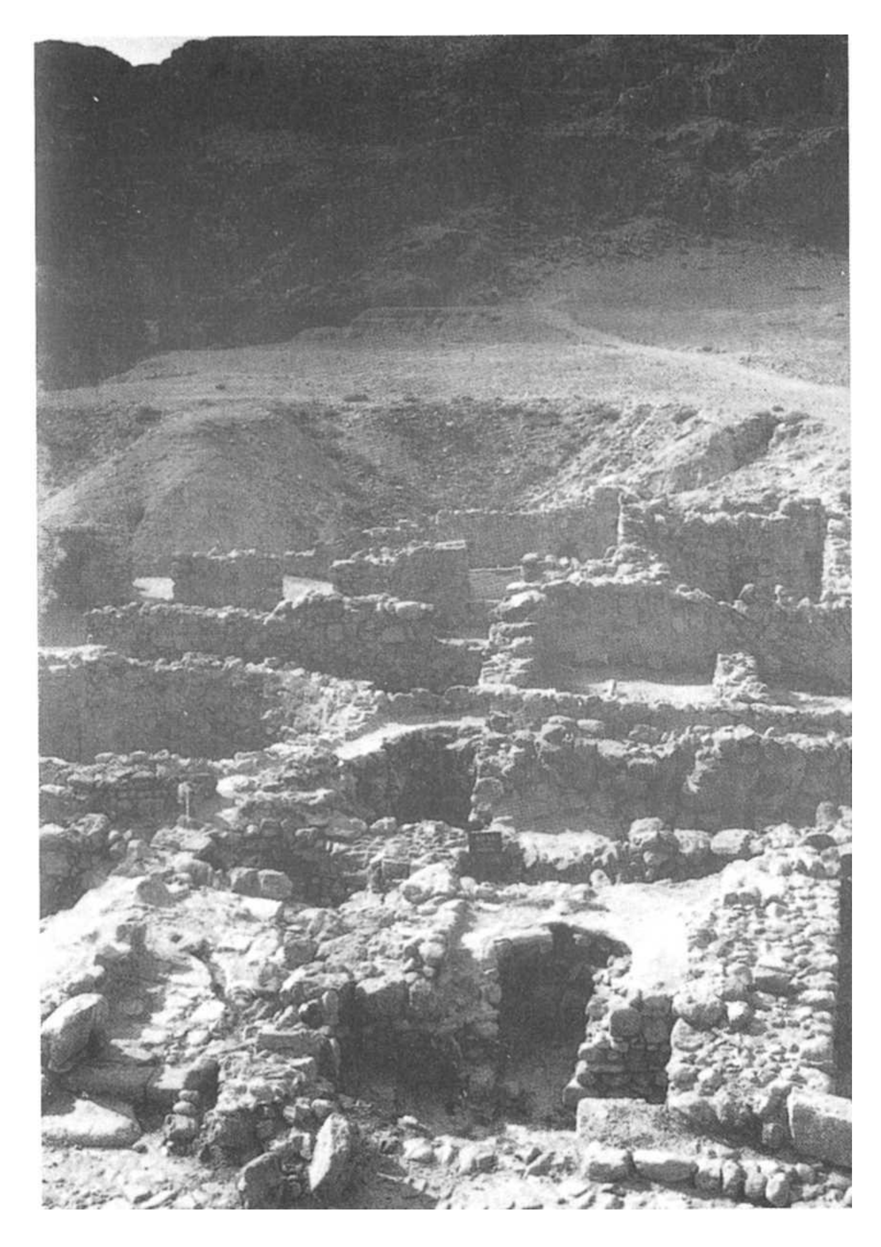
В то же время существует — и с каждой новой археологической экспедицией, предпринимаемой Эйзенманом и его коллегами, изучающими окрестности Кумрана и берега Мертвого моря, становится все более реальной — возможность того, что будут обнаружены новые важные материалы. Эта возможность представляется особенно реальной благодаря применению системы SIR («радар подповерхностного сканирования»), разрешение на использование которой недавно было получено от правительства Израиля.

Наконец, существует обширный черный рынок торговли свитками, который в любой момент может подарить открытие, способное возыметь самые беспрецедентные последствия, когда достоянием широкой общественности сделается нечто такое, что доселе хранилось в строгом секрете. Как мы уже говорили, подобные материалы действительно существуют. Вопрос заключается лишь в том, когда их владельцы решатся опубликовать их и сделают ли они это вообще.

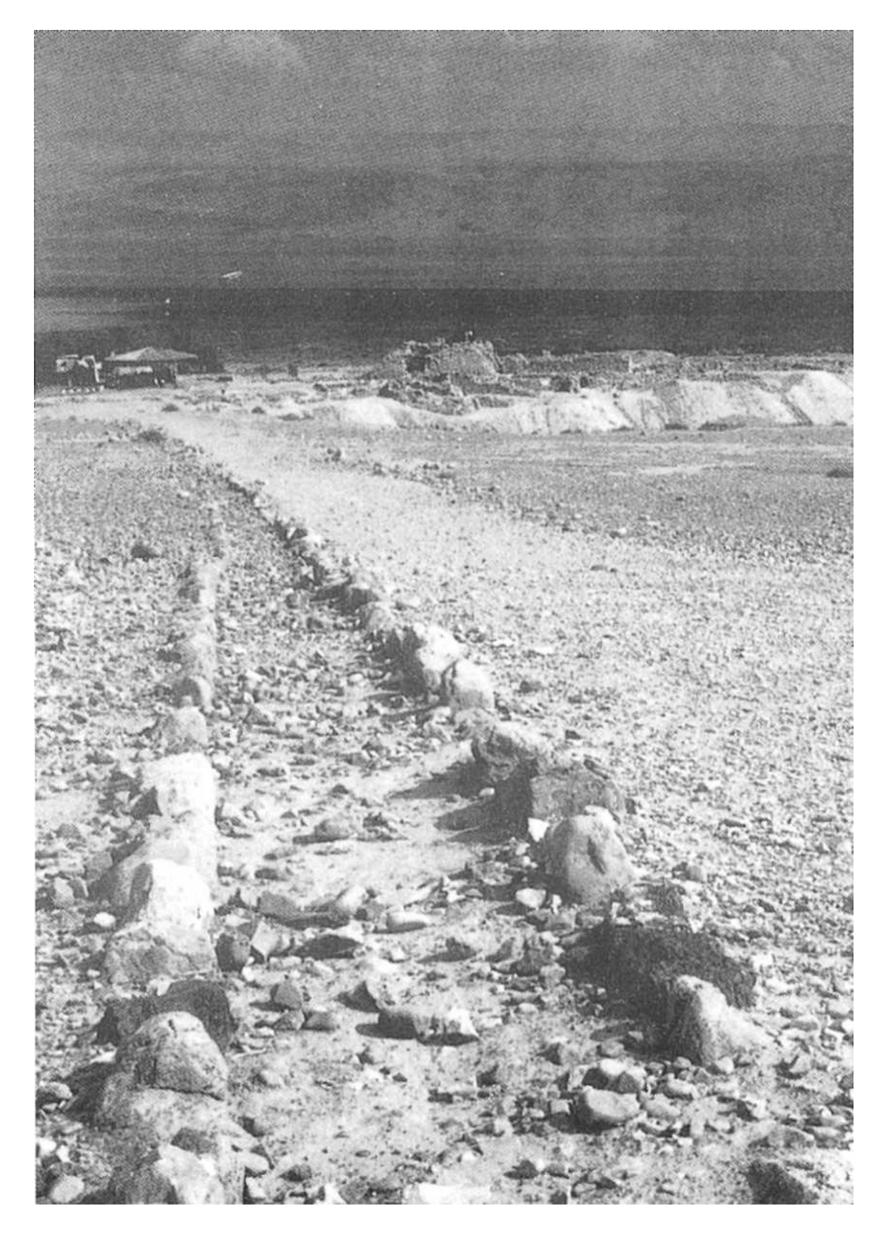
Независимо от того, на каком из этих направлений будет достигнут наиболее крупный прорыв, сам факт того, что предстоят новые, неожиданные и очень важные открытия, сомнений не вызывает. Когда же они станут реальностью, мы сможем рассчитывать увидеть в новом свете библейскую историю, характерные черты древнего иудаизма и, естественно, истоки возникновения христианства и ислама. Разумеется, не стоит ожидать, что это будут открытия такого масштаба, от которых «рухнет церковь» или произойдут события апокалиптического плана. В конце концов, церковь[1] в наши дни является институтом не столько религиозного, сколько общественного, культурного, политического и экономического характера. Ее стабильность зиждется на факторах, весьма и весьма далеких от фанатизма, доктринерства и догматизма, которые она провозглашает. Но в любом случае всегда найдутся люди, которые будут сомневаться в том, следует ли считать церковь — институт демонстративно слабый, необъективный и ненадежный с точки зрения науки и своей версии истории и происхождения мира и человека, — истиной в последней инстанции и непререкаемым авторитетом в таких насущных вопросах современности, как перенаселенность, контроль за рождаемостью, общественный статус женщины и обязательный целибат духовенства.

Наконец, важность кумранских текстов представляет собой нечто большее, чем та потенциальная угроза, которую они представляют для церкви. Подлинная важность кумранских текстов обусловлена тем, что они способны поведать о Святой земле, почва которой на протяжении многих веков и даже тысячелетий была обильно полита горячей человеческой кровью. Кровь здесь лилась во имя враждовавших друг с другом богов или, если быть более объективным, не слишком отличных друг от друга версий (ипостасей) одного и того же Бога. Вполне возможно, что документы, до сих пор скрываемые от широкой общественности, с большей или меньшей неизбежностью поставят нас перед лицом

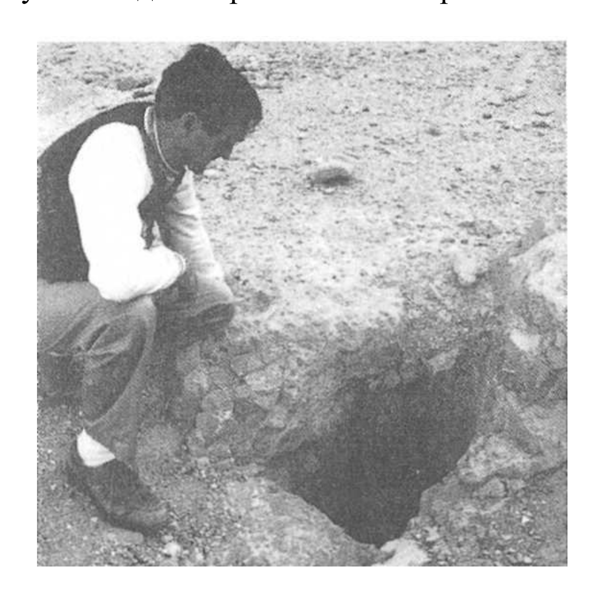
нашего собственного безрассудства — и пристыдят нас или, по крайней мере, укажут степень нашего безумия и путь избавления от него. Свитки Мертвого моря открывают новые перспективы для трех великих религий, рожденных на Среднем Востоке. И чем больше изучаешь эти религии, тем более замечаешь не то, в чем они расходятся друг с другом, а то, в чем они пересекаются и что в них подлинно общего — например, сам факт их происхождения от общего источника. И тогда начинаешь понимать, что все различия и разногласия между ними, если даже они не есть порождение простого непонимания, происходят не от различия в восприятии духовных ценностей, а суть следствия политических раздоров, корысти, самонадеянности и гордыни и предвзятого высокомерия в отношении тех или иных трактовок. В наши дни иудаизм, христианство и ислам обуреваемы одним и тем же злым духом — духом воинствующего фундаментализма. И остается только верить — ибо это слишком великое дело, чтобы можно было надеяться на его скорое воплощение, — что углубленное осознание общих корней этих религий поможет преодолеть те самые предубежения, нетерпимость и фанатизм, которым столь подвержен фундаментализм.

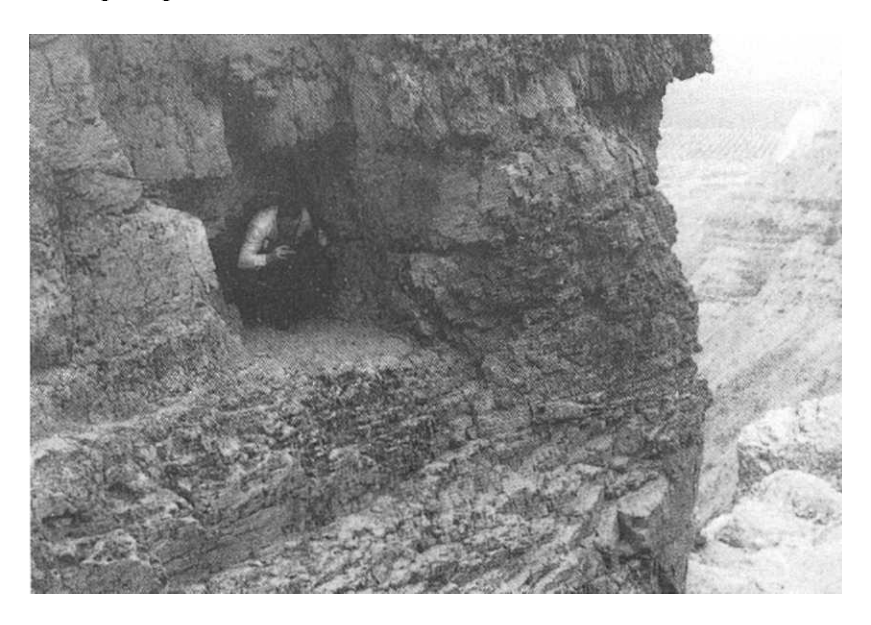
31. Кумран. Руины. Вид с укрепленной башни. На переднем плане — развалины круглой оружейной кузницы, слева — уцелевшие остатки водопровода.

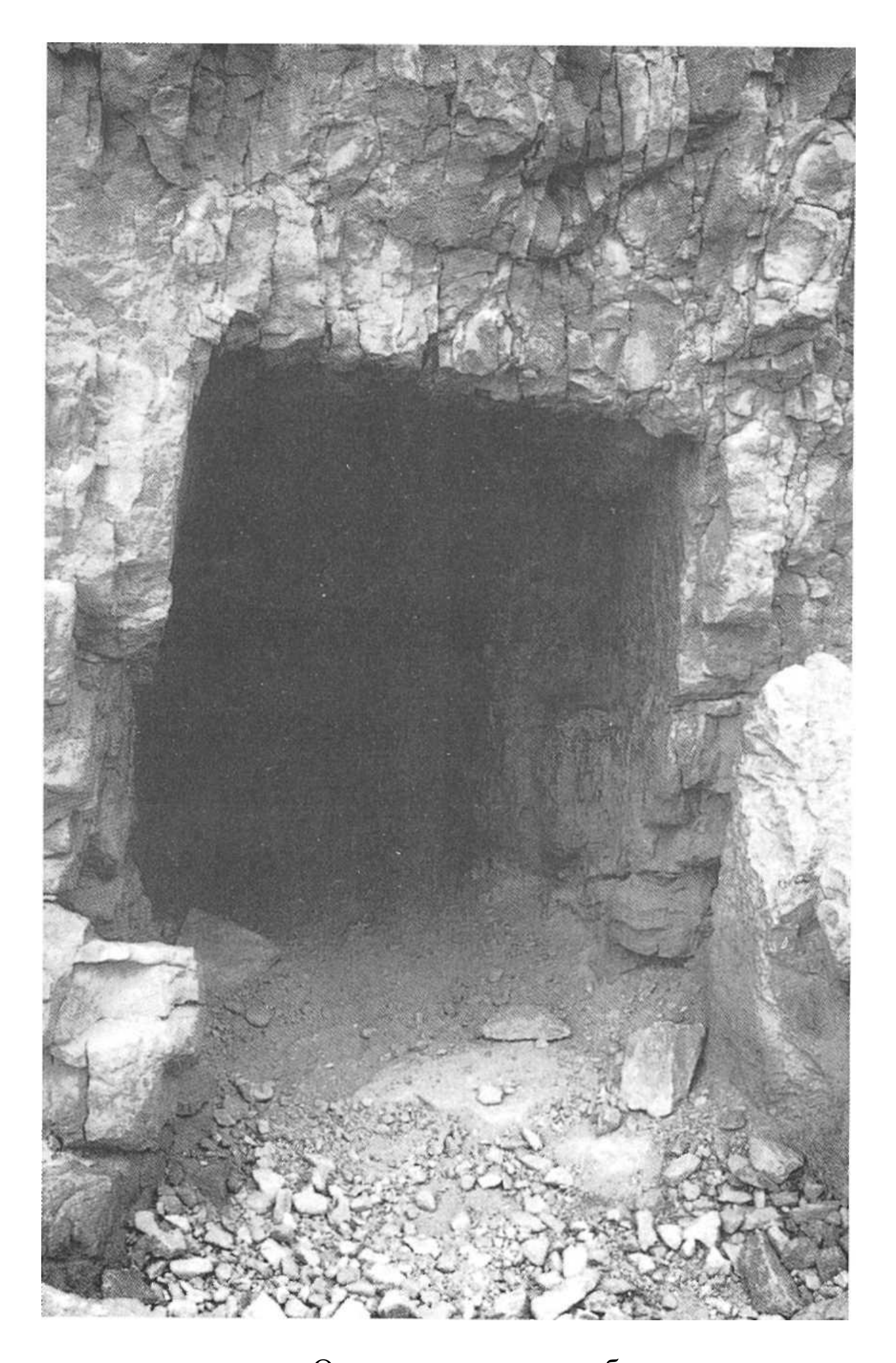
32. Остатки главной оросительной системы Кумранской общины. Здесь существовала комплексная система орошения, **в** которую по вади, находящемуся позади развалин, поступала вода во время сезонных разливов.

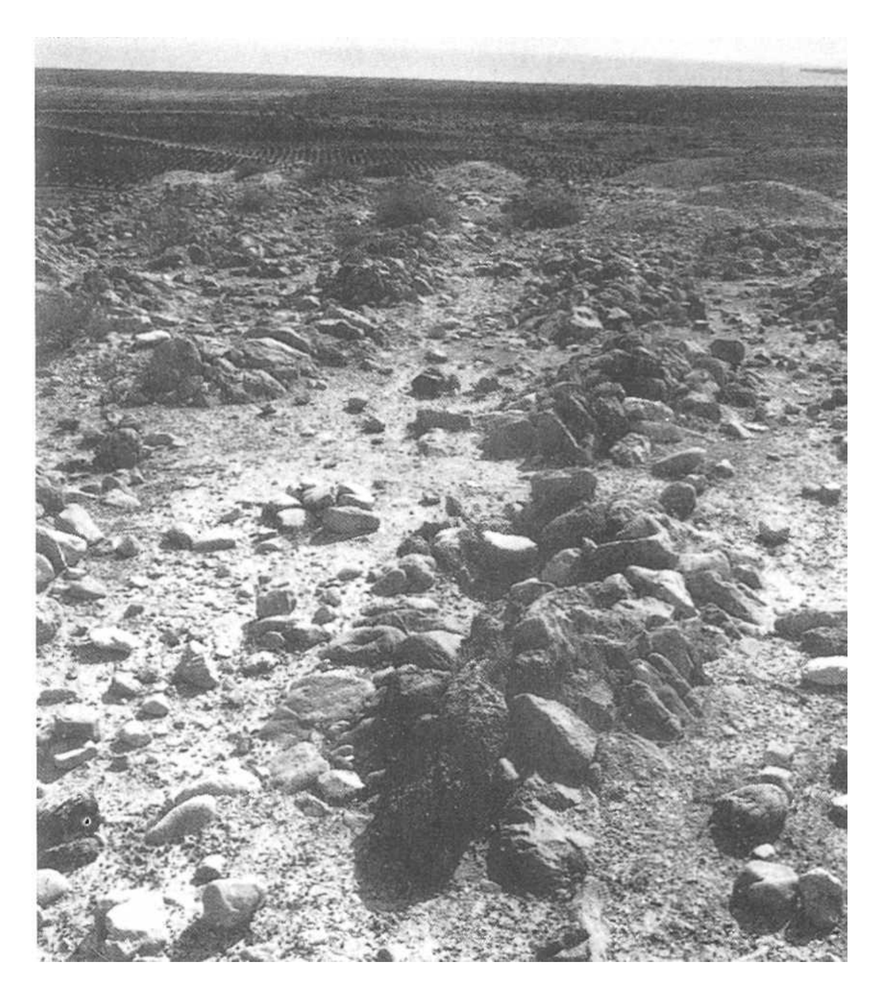
33. Цистерна, прорубленная в каменном ложе пустыни на скальной террасе неподалеку от Кумрана. Хранение и распределение воды имели для общины жизненно важное значение.

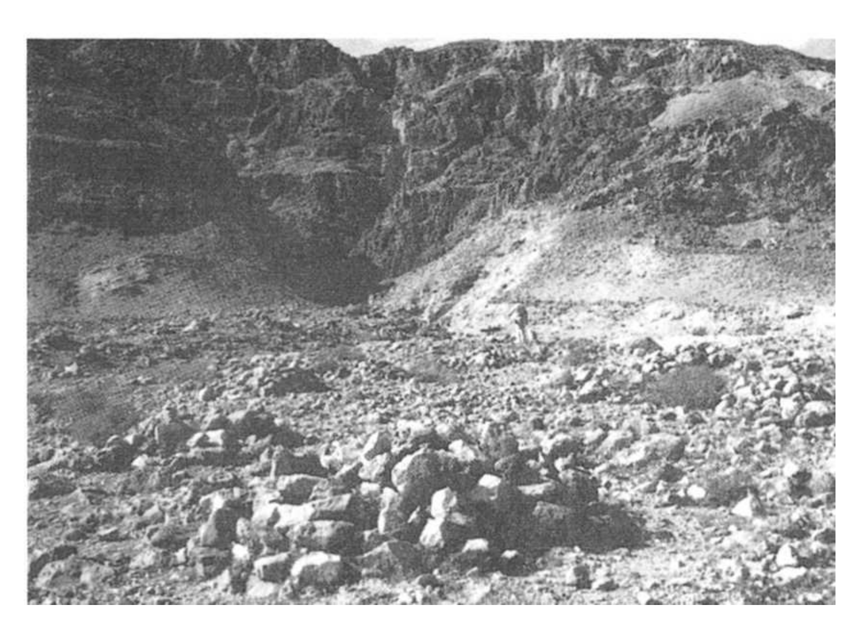
34. Подача воды в Кумран зависела от этого туннеля, высеченного в монолитных скалах. Вода накапливалась в вади и подавалась через этот туннель.

35. Выходное сечение туннеля. Отсюда вода по желобам поступала в само селение.

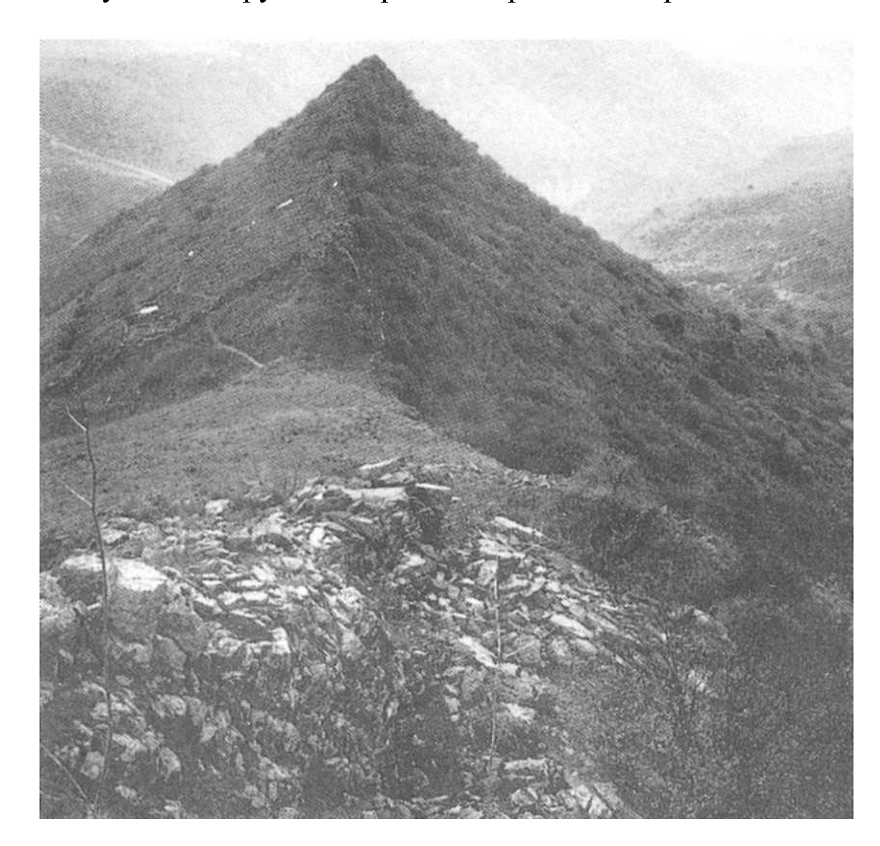
36. Несколько прикрытых камнями захоронений к востоку от развалин. Расположенные вопреки иудейской традиции по оси север — юг, захоронения эти являются уникальной особенностью Кумранской общины. В раскопанных захоронениях были найдены останки мужчин, женщин и детей.

37. В девяти милях к югу от Кумрана, в Эн эль-Гувейре, найдено около двух десятков могил кумранского типа, ориентированных по оси север — юг. Пещеры в утесах и стенах вади могли служить хранилищами для свитков того же типа, что были найдены в окрестностях Кумрана.

38. Руины поселения Эн эль-Гувейр, расположенные неподалеку от захоронений. Руины датируются периодом правления Ирода.

39. Пирамидальный холм в Гамле на Голапских высотах, где некогда стояла последняя цитаделі, восставших. Здесь 10 ноября 67 г. н. э. в сражении с римлянами погибли 4000 зилотов, а еще 5000 совершили массовое самоубийство, бросились со скал. Свитки Мертвого моря помогают понять, что стояло за этим актом массового суицида.

40. Руины крепости Масада, где 15 апреля 75 г. 960 зилотов — мужчин, женщин, детей — покончили жизнь самоубийством, не желая сдаваться римлянам.